

Уважаемые читатели!

Специальный выпуск журнала «Россия в XXI веке: экономика, политика, культура» представляет теоретические работы российских и зарубежных авторов в области гендерных исследований. Журнал интересен, прежде всего, тем, что это первое периодическое издание на Дальнем Востоке, целиком посвященное гендерной тематике. В нем достаточно полно представлены приморские исследователи, интересующиеся гендерной проблематикой. Выпуск журнала был инициирован Центром гендерных исследований, созданным при кафедре философии ВГУЭС в 1999 г.

Гендерные исследования развиваются в России не более десяти лет, но за это время они быстро и прочно вошли в различные сферы науки и практики, вызывая полярно противоположные мнения — от полного одобрения методов и способов решения гендерных проблем, до полного их неприятия и даже осуждения. Категория «гендер» как понятие, обозначающее социальный (не биологический) пол человека вызывает повышенный интерес исследователей благодаря новым возможностям изучения взаимоотношений мужчин и женщин, а также ролей, которые они играют в социальной и частной сферах. Гендерные исследования развивают новые модели и теории, чрезвычайно чувствительные к концептуализации прав человека, социальной справедливости и гуманизма.

Значительная часть работ представляет феминистскую философию, уходящую своими корнями в ранние 70-е годы. Поэтому мы посчитали уместным представить несколько переводных эссе американских философов-феминисток. Основная цель феминистской философии — сделать видимым женское присутствие во многих областях научного знания. Тридцать лет назад многие западные исследователи предположили, что включение женщин и женского опыта в философские вопросы могло бы существенно изменить основные философские парадигмы во многих областях знаний. Действительно, представленные в журнале изыскания российских и зарубежных авторов обнаруживают новые философские основания, на которых базируется изучение частной жизни, экономики, социологии, культуры, образования, психиатрии и т.п. Феминистская философия взрывает канонические представления о женской недостаточности, закрепленные в западной и российской науке и культуре. В дополнение, феминистская философия изменяет моральные и политические теории, представляющие женщин как некий инструмент для воплощения интересов мужчин или маскулинных институтов, таких как семья, государство, образование и других.

Феминистская философия оказывает влияние и на прикладные исследования при изучении таких областей как рынок труда, распределение трудовых ресурсов, система домохозяйства, миграционные потоки, расовые и классовые отношения, религиозные традиции, право и др. Второй раздел журнала посвящен результатам практических исследований в названных сферах. Исследования представлены, в основном, преподавателями и аспирантами Приморских вузов, а также специалистами из других регионов России.

Авторский коллектив уверен, что выпуск настоящего журнала стимулирует диалог между сторонниками традиционных и гендерных подходов в науке и откроет новые возможности и альтернативные перспективы для гуманитарного и социального знания. Всех заинтересованных коллег мы приглашаем к обсуждению гендерных проблем и дискуссиям в наших дальнейших изданиях.

Л. Ерохина, к.ф.н.

Людмила Ерохина

ФЕМИНИСТСКАЯ ОНТОЛОГИЯ В ОБНАРУЖЕНИИ ГЕНДЕРНЫХ РЕАЛИЙ

Введение

В предлагаемой статье будут обсуждены некоторые вопросы феминистской онтологии, а именно вопросы отношений «Я — другой», являющиеся базовыми категориями новой онтологической концепции. Отношения «Я — другой» в феминизме значительно отличаются от отношений «Я — другой» в традиционной философии, где они рассматриваются как оппозиционные. Такого рода отношения созвучны, прежде всего, западной философии. Дихотомия отношений воспроизводит, по крайней мере, две чрезвычайно важные точки зрения, бытующие в общественном сознании: патриархальность и индивидуализм. Эти два понятия, казалось бы, противоречат друг другу, но в данной статье будет выявлено, во-первых, каким образом патриархальность рождает индивидуализм как доминирующую в обществе маскулинистскую систему властных отношений и, во-вторых, каким образом в сознании возникают дуалистические оппозиции: теория — практика, культура — природа, дух — материя, разум — тело, общественное — частное, теория - практика и др.

Феминистская онтология представляет эти отношения как не оппозиционные и недуалистические. Основываясь на данном подходе, феминистская онтология конструирует новое понятие личности и новую феминистскую этику, смысл которой состоит в том, что отношения между мужчиной и женщиной как отношения «Я — другой» не рассматриваются через гендерные различия и пол, в таком случае, не является символом этого различия. Поскольку дифференциация не зависит от противопоставления, отличие представленной онтологии от дихотомических онтологий не нуждается в том, чтобы ее представляли как противоположную дуализму точку зрения или как единственную ему альтернативу.

Онтология, представленная здесь, должна пониматься как определенный тип практики, основанной на сотрудничестве или совместных действиях, имеющих своей целью не только завершение работы, но определенную стратегию и тактику жизни и развития отношений, призванных создать новые гендерные стандарты мышления и поведения. Суть новой практики состоит в том, чтобы отказаться от патриархального понимания женской недостаточности и от определенных представлений о том, что часто, так называемая «женская работа», игнорируется доминирующей патриархальной культурой. Среди таких видов работы можно назвать уход за детьми, больными и престарелыми, воспитание, различные практики, относящиеся к повседневной домашней жизни и др.

Перечисленные виды деятельности часто представляются как предназначенные женщине природой. Хранительница домашнего очага и воспитательница — вот основные роли и задачи женщины, воспеваемые и рекламируемые всеми средствами массовой информации. Они доступны сознанию и понятны всем. Но если вникнуть в созданные женские образы глубже, то обнаружится, что они часто использовались в прошлом и используются в настоящем для того, чтобы создать в сознании или вызвать в памяти сентиментальную картинку, на которой женщина выполняет

различные виды деятельности, не требующие особого умственного напряжения и способностей для удовлетворения потребностей другого человека.

Характеристика сущности семейного опыта, который мог бы адекватно репрезентировать данную картину, обнаруживается в его основных формах и во множестве индивидуальных и социально значимых культурных контекстах. Семейный опыт может возникать только из культурной перспективы, которая, кажется, весьма правдоподобно соответствует онтологии, или, по меньшей мере, может описать ее как онтологию.

Онтологический взгляд на общество, представленный в статье, состоит в том, что общество организовано на основе практики взрослой реализации; практики, которая в большинстве своем называется «женской работой». Он очень близок, если не тождественен взгляду на общество, который можно охарактеризовать как романтический, и, одновременно, как рациональный. Подобный взгляд свойственен патриархальной культуре и индивидуалистической этике, вырастающий из патриархальности. Центральной частью данного взгляда является требование либерализации женского опыта, исходящее от тех общественных групп, которые вовлечены в данный опыт. Хотя эта задача может быть разрешена теоретиками и практиками-политиками, но задача феминисток и других групп, вовлеченных в патриархальный опыт дискриминации — раскрыть фальшь маскулинистской либерализации, вытекающей из маскулинистской культуры в целом.

В связи с этим возникает необходимость суммирования некоторых психоаналитических теорий, обнаруживающих дуалистическую онтологию, предполагаемую «западной мыслью». Выводы вытекают из исследования идей отдельных теоретиков и этики, следующей из патриархальности и из индивидуалистических вариантов дуализма. Проект конструирования феминистической онтологии и эвристической функции феминистской психологии также станет предметом обсуждения в данной статье.

Главные черты феминистской онтологии представлены следующими положениями: реальность длительное время понималась во взаимодействиях между факторами, часто отождествляемых со значениями дуалистической оппозиции; феминистическая онтология создает новый тип личности в ее историческом существовании и отношениях с «другими»; новая творчески и нравственно интегрируемая личность развивается и реализуется через отношения и практику, базирующиеся на моральной ответственности, являющейся фундаментальной основой феминистической онтологии; моральные права, включающие права человека, имеют их окончательное оправдание в качестве моральных требований к «другим» и к социальным институтам; моральные права требуют от институтов охранять возможности личности с тем, чтобы сделать более полными и ответственными отношения, в которые субъекты вступают или могут вступить друг с другом.

Психологическая теория и традиционная онтология

В течение более двух тысяч лет философы и ученые идентифицировали и объясняли различия между полами. Если кратко суммировать различия, которые имеют место в философской, психологической и этнографической литературе, то они выглядят следующим образом:

1. женщина есть недостаточный мужчина;
2. есть два противоположных или дополнительных принципа, маскулинности или феминности, которые конституируют реальность;

3. сила или добродетель, приписываемая женщинам, определяется нуждами мужчин.

В некоторых случаях философские или психологические теории разрабатывают одну из указанных тем (Аристотель), в других — охватывают сразу все случаи оппозиций. Повторение этих тем становится все более заметным, когда философ считает необходимым, чтобы наши взгляды на природу, научные методы и тому подобное подверглись глубоким изменениям в определенный исторический период. Каждая тема обнаруживает андроцентризм в философии и психологии: мужское, мужской опыт считаются нормой измерения мира и человеческих отношений.

Теории З. Фрейда и К. Юнга представляют яркие примеры утверждений о женской недостаточности и дуализма маскулинности и феминности, на которых строятся их бессвязные и мало аргументированные усилия особого женского развития. В то же время их теории мужского развития дают ключ к пониманию того, как три повторяющиеся темы возникают в мальчишеских мыслях и фантазиях. В частности, взгляд на то, что маскулинность и феминность являются противоположными принципами, символизирующими другие важные оппозиции, особенно оппозицию «Я» и «Другой», является основным в теории Юнга. Он предполагает, что уже в детском возрасте мальчики отличают свою, мужскую маскулинность от феминности, данной женщине самой природой. Природная предназначенность женщины, утверждаемая в философии как противоположность маскулинной онтологии, обсуждается как нечто само собою разумеющееся, по крайней мере, со времен Пифагора. На протяжении всей истории философии, начиная с Аристотеля и заканчивая Фрейдом, на женщину смотрели как на недостаточного мужчину. Маскулинистский принцип предписывает какой бы то ни было культуре атрибуты, благодаря которым она выглядит как соответствующая сознательному и рациональному «Я». Характеристики, которые выглядят как оппозиция, атрибутируются со вторым, феминным принципом. Хотя в отношении этих двух принципов часто высказываются в смысле их равной значимости для мировой гармонии, но ассоциация маскулинного принципа с рациональностью ведет к иерархической интерпретации отношений между принципами, поэтому маскулинность выглядит как превосходство, а феминность как недостаточность.

Вглядываясь беспристрастно в онтологию, основанную на дуалистической оппозиции, можно легко распознать странности и случайности в попытке представить всю природу как альтернативу между оппозиционными состояниями. Традиционная онтология ссылается на мифологию и античную философию, в которой даже циклические изменения представлены как дуалистические: день — ночь, лето — зима и другие. Мифология представляет эту дуальную организацию природы как половую организацию через брачные или кровосмесительные связи. Древнегреческий миф о прародительнице всего живого Прозерпине и ее муже, Аиде, насильно удерживающем жену в мире мертвых — типичный пример дуальной оппозиции, в которой живое, женское, природное, находится в подчинении у всемогущего мужского. Этот миф точно отражает двусмысленность или ошибку в дуалистической онтологии относительно природы отношений между «Я» и «другой». С одной стороны, отношения выглядят как привлекательные, с другой — они предстают как противоречие, создающее предпосылку к борьбе за доминирование. Смешение привлекательности и агрессии является свидетельством точки

зрения, согласно которой изнасилование, насилие над женщиной является нормой выражения мужской сексуальности.

Рассматривая дуалистическую онтологию можно легко заметить странности в попытке представить циклические изменения как альтернативу между противоположными состояниями. Если мы рассмотрим времена года, мы заметим, что в циклических изменениях нет ничего, из чего следует, что можно представить две точки как предполагаемые экстремальные состояния цикла. Можно взять в качестве таковых температуру или продолжительность светового дня, или любое другое количество парных состояний.

Необходимо ясно представлять себе отличие дуалистической и феминистской онтологий. Очень часто феминистские подходы смешивают с простым утверждением доброты или первенством характеристик, ассоциируемых с тем, что маскулинистская дуалистическая мысль рассматривает как феминный принцип, подходящий женскому социальному статусу, или вырастающему из женской биологии.

Патриархальность и индивидуализм: два аспекта дуалистической онтологии

Вопросы феминистской онтологии тесно связаны с изучением и пониманием социальных отношений, а точнее с выявлением оппозиций, скрытых в них. Принцип оппозиций созвучен всей европейской мысли, где отношения «Я - другой» традиционно рассматриваются как естественные, то есть заложенные различной биологической природой мужчины и женщины. В свою очередь, бинарные оппозиции поддерживаются двумя идеями. Первая из них — патриархальность как основа всех отношений. Через всю европейскую историю она поддерживалась усиленной демонстрацией роли отца в семье и сознательным культивированием иерархической организации политической сферы, скопированной с организации патриархальной семьи. Вторая идея — индивидуализм, довлеющий в общественном сознании и как бы продолжающий патриархальную схему отношений. Индивидуализм, по сути, отражает взгляды определенной группы мужчин, чей опыт доминирования в семье и обществе является выражением власти отца или высшего представителя государственной власти и поддерживается идеологизированными понятиями справедливости.

Индивидуализм традиционно поддерживался экономически наличием частной собственности, переходящей от отца к сыну. Длительный период истории женщины, фактически и юридически отстраненные от права владения и распоряжения собственностью, оставались принципиально «другими». Более того, в либеральных классических теориях даже свободный мужчина, лишенный собственности предстал как «другой», противопоставленный подлинному гражданину, владеющему собственностью. Философско-политические работы Т. Гоббса и Дж. Локка демонстрируют явно выраженный дуализм в социальной сфере.

И первый, и второй подходы являются по существу, выражением маскулинного взгляда на мир. Маскулинистская оппозиция мышления выражена в западной мысли через дихотомии: теория — практика, культура — природа, дух — материя, разум — тело, общественное — частное и другие. Более того, в философии модернизма и постмодернизма от Гегеля и до Хайдеггера и Сартра мы встречаемся с подчеркнутым дуализмом мира (душа — тело, дух — материя, бытие — ничто). В работах этих философов дуализм подчеркивается сильнее, чем в работах античных философов с их патриархальными идеями или в философских трактатах

XVII-XVIII вв., горячо отстаивающих принципы индивидуализма. В гегелевской «Феноменологии духа» предположение оппозиции между «Я» и «другой» поддерживается утверждением о том, что «отношения двух самосознающих субъектов являются таковыми, когда они поддерживают друг друга и себя через борьбу в жизни и смерти». Более того, Гегель начинает свои построения с того, что отношения «Я — другой» он представляет как отношения «господин — раб». В большинстве своем философы интерпретируют понятие диалектики в гегелевской философии таким образом, что понятие оппозиции заменяется категориями, близкими понятию «историческое развитие». Однако проблема как раз и заключается в том, что Гегель ищет оппозиции везде, где они есть, и где их может и не быть вовсе. Ошибочность гегелевской схемы, обнаруживается, например, в приложении к отношениям «мать — ребенок». Если бы мать смотрела на появляющееся на свет дитя под углом зрения Гегеля и видела опасность и оппозицию себе в ребенке, которого она жаждет, вынашивает и вскармливает, то человечество перестало бы существовать. Понимание *различий*, которые не зависят от оппозиции и *борьба противоречий* как основной принцип развития мира — вот две онтологии, создающие различные социальные конструкции.

Исходя из дуалистической перспективы, «другой» всегда будет в оппозиции к «Я». Далее, если индивид осознает свое существование как предикат, солипсизм становится приемлемой точкой зрения, выраженной знаменитой декартовской формулой: «Я мыслю, следовательно, я существую». В самом деле, с позиций обособленного индивидуального «Я» вполне логично спросить себя: «Если есть я, то может ли еще кто-либо существовать?». В существовании другого кроется угроза для моего «Я» и для «Я» других субъектов. Поэтому с точки зрения потенциальной угрозы моему «Я» со стороны другого как оппозиции, солипсизм может быть даже привлекательной платформой. Но если допустить существование других субъектов, то, характер их существования и отношений с ними находится под большим вопросом.

Дуализм проходит через всю аристотелевскую философию. Он рассматривает дуалистическую оппозицию между мужским и женским в качестве отправной точки размышлений и использует противоположности как модель для отношений между формой и материей. Как известно, вопрос о соотношении материи и формы является сердцевинной аристотелевской онтологии, в рамках которой форма предстает как рациональная, активная и устойчивая, а материя — иррациональная, пассивная и переменчивая («Физика»). Таким образом, сконструированные Аристотелем отношения между «мужским» и «женским» представляют фундаментальное дуалистическое противостояние, имеющее важнейшее значение для его онтологии.

Согласно Аристотелю, только свободные взрослые мужчины (фактически только древние афиняне) могут квалифицироваться как полноценные личности, потому что только они могут полноценно функционировать и рационально управлять семьей и государством. Аристотель не устает повторять, что женщина есть вид деформации («Происхождение животных»). Поскольку только свободный взрослый мужчина обладает полнотой власти и способен к рациональному управлению, его отношения к другим, то есть к свободнорожденным женщинам, рабам и детям, в большинстве своем, детерминируется его природным правом опекать, разумно руководить поступками низших по разуму субъектов и нести ответственность за них.

Нет ничего удивительного в том, что, проводя аналогию между отношениями «форма — материя» и «мужчина — женщина» Аристотель, в одной из своих работ, а именно в «Политике», утверждает, что эти отношения строятся на господстве и подчинении.

В своих онтологических рассуждениях он приводит в качестве аргумента в пользу мужского доминирования природное свойство женщин быть желанными и привлекательными для мужчин (а иначе, как он утверждает, и быть не может) и поэтому жены, в отличие от варваров и рабов, охотно допускают руководство собою со стороны мужей.

Аристотелевская онтология более эгалитарна, чем те теории, в которых обосновывается, что только старший сын, взрослея, приобретает статус патриарха. Подобное положение дел не удивительно, если учесть, что принцип старшинства был запрограммирован ограниченностью афинской демократии. В аристотелевской философии мы находим ростки индивидуализма, дающие ключ к пониманию развития индивидуализма из системы патриархата. Ряд элементов патриархальных отношений мы находим в современной юридической практике, правовой системе и современном обществе.

В философии Аристотеля, как и в философии других мыслителей Античности, важное место занимает понятие равенства, понимаемое как «равенство среди благородных». Понятие «равный» или «благородный» допускает иерархию, в структуре которой люди идентифицируются как высшие, низшие и равные. Понятие равенства также отражает причудливые убеждения, мерой которых являются отношения мужчин друг к другу. Например, знаменитый тезис Протагора «Человек есть мера всех вещей» требует, чтобы отношения между людьми строились по самым высоким принципам. В противоположность этому, описываемые Аристотелем идеальные семейные связи совсем иные. Внутренние отношения, поддерживаемые среди сестер и братьев, предстают как оппозиция отношениям между сыновьями и отцами. В первом случае эти отношения осуществляются как союз равных, в котором приобретаются навыки и добродетели, необходимые для поддержания силы другого. Во втором — они напоминают принудительный контракт, заключаемый для того, чтобы поддерживать некую конкуренцию внутри семьи или создавать альянс против общего врага, каковым может быть отец в семье или правитель в государстве. «С позиций определения духа соревновательности, который царит в отношениях и деятельности мужчин (спорт, восстания, классовая борьба, война, война национальных интересов), альянс против общего врага объединяющий их прочнее, чем дружба, является основой для кооперации среди равных». Моральные аспекты отношений среди равных Аристотель определяет как права, вытекающие из моральных требований, изменяющихся только с изменением контракта.

Концепция индивидуализма допускает равенство, но на самом деле, в расчет принимается лишь его перспектива. Более того, только такие равные считаются полноценными личностями, относительно которых принимается решение, что они равны. Атомистический подход к бытию, признанный в Античности как соответствующий реальной картине мира, оказал сильнейшее влияние на индивидуализм.

Индивидуализм игнорирует взаимозависимость людей и их исторический характер. Отвержение взаимозависимости является следствием недостаточного внимания к проблеме равенства. Выработанная на основе атомистического индивидуализма концепция человека касалась и касалась только равных — свободных мужчин. Она игнорирует рабов, женщин, детей и другие группы, скрывая за их отторжением и свою

зависимость от них. В частности, на протяжении всей истории игнорируется тот факт, что жизнь, карьера и успех мужчин во многом зависят от труда женщин.

Модель человека, предлагаемая индивидуализмом, адекватна модели, действующей только среди «равных», а, точнее, среди лиц мужского пола. Но, даже в том случае, когда идет речь о равенстве, то его понимание фактически исключает из круга «равных» детей мужского пола, стариков и больных, так как они не соответствуют атомистической модели независимого существования.

Атомистическое понимание личности встречается не только в работах классических философов эпохи модернизма — Гоббса, Локка, Руссо, Канта, подчеркивающих право личности на разумный эгоизм и отстаивание своих интересов, но и в работах современных философов, например, Роллса. Они допускают, что современное общество основано на соглашениях среди индивидов, сконструированных ими как существующие отдельно от истории их отношений и, более того, отдельно от их собственной культуры и индустриальной истории.

Проект создания феминистской онтологии

Похоже, что для многих исследователей, традиционно работающих в системе дуалистической философии, неприемлема сама идея создания новой феминистской онтологии. В то же время некоторые из противников этой идеи создают модели психологического развития женщин, являющиеся альтернативой психологическим моделям развития мужчин. Более того, хотя конструирование реальности определенным образом не ограничивается образцами психологического развития, феминистские теории женского развития приобретают эвристическую функцию для создания феминистской онтологии. Ее цель заключается в том, чтобы концепцию «Я — другой» представить не как оппозицию, а как отношения, в которых дуализм сведен к минимуму. По сути, феминистская онтология создает новую этику отношений между людьми, лишённую дискриминации и асимметрии.

Зигмунд Фрейд и исследователи, разделяющие его точку зрения, утверждают, что природные различия среди детей разного пола, выглядящие как противоположные, в конечном итоге приводят к твердому убеждению в необходимости овладения природой и к конкуренции среди тех, кто имеет одинаковые желания. Эти маскулинистские теории развития имеют андроцентристский уклон, делающий их непригодными в качестве теории для воспитания девочек. Можно заметить, что отношения между матерью и сыном строятся Фрейдом в значениях связей между взрослыми мужчиной и женщиной. Например, привязанность ребенка к матери интерпретируется как модель мужского сексуального влечения к женщине. Вполне вероятно, что эта теория приводит к неправильному истолкованию зависимости детей от их матерей. Ошибочно было бы интерпретировать дочернюю и даже сыновнюю зависимость от матери в таком узком аспекте. Инцест между матерью и детьми является весьма редким явлением, в сравнении с такими его видами, как инцест между отцами и детьми или братьями и сестрами.

Однако аргументы профеминистски настроенных психологов не рассматриваются, в большинстве своем, как онтологические по следующим причинам. Во-первых, психология как дисциплина построена в маскулинистской терминологии. Это в равной степени относится как психоаналитическим построениям Фрейда, так и к теориям его последователей К. Юнга и Ж. Лакана. Во-вторых, несмотря на важность и проницательность идей, которые содержатся в работах феминистически ориентированных психологов, таких как Дж. Митчелл или Нэнси Чодороу,

работающих над терминологией психоаналитической теории и сущностью психологии, приходится признать, что многие концепции, такие как концепция «объективной реальности» предполагают маскулинистскую оппозицию «Я — другие». Это делается для того, чтобы представить то или иное влияние энергии либидо на собственное «Я» или на «другого» таким образом, чтобы сделать невозможной репрезентацию заботы о себе в отношениях к другим.

В последние годы среди феминисток, активно развивающих новые идеи в философии, обсуждается проблема женского воспитания способами, испытывающими на себе тяжесть давления дуалистических категорий, пришедших из психоаналитической теории и теории «объективных отношений». Эти категории никоим образом не поддерживают эвристичность феминистской онтологии. Например, Сандра Хардинг пишет, что женщина как личность развивается через борьбу к автономности и индивидуальности от общего видового понятия «человек», в рамках которого она, фактически, считается «недостаточным» индивидом. Такое прочтение женского обретения себя исходит из предпосылки непрекращающегося насилия над женщиной, в рамках которого ведутся философские рассуждения о самодостаточности и превосходстве мужчин и недостаточности женщин, нуждающихся в покровительстве и руководстве. Однако здесь следует возразить, что если идея С. Хардинг сформулирована в помощь женскому самосознанию, то она может привести либо к отчаянию, либо к попытке отделить себя от других женщин и их опыта. Женщина превращается в некое замкнутое в самой себе существо, заботящееся только о себе и своей автономности. Таким образом, С. Хардинг вольно или невольно повторяет идеи маскулинистской философии, прошедшей длительный путь от мужского эгоцентризма к мужскому индивидуализму.

Даже в тех случаях, когда психологическая теория расстается с маскулинистскими категориями (или сводит их употребление к минимуму) необходимо различать, по меньшей мере, хотя бы поверхностно, те черты женского мышления и женской практики, которые являются результатом подавления женщин. Наконец, даже в тех работах, принадлежащих к феминистской психологии, в которых исследовательницы избегают маскулинистских категорий и эксплицитно адресуют свои исследования в области различий к результатам подавления, как это делают Джейн Миллер или Джанет Сэррэй они все еще напоминают философский проект извлечения взгляда на реальность и этику имплицитно женской либеральной практике.

Можно предположить, что развитие самоосознания у девочек происходит, большей частью, через идентификацию себя с другими значимыми для них представительницами женского пола, имеющими те же самые социально определяемые возможности женского тела. В результате отделение себя от других не символизируется как различие между полами. Самоопределение себя не предполагает также что «Я» и другие имеют противоположные характеристики. Можно не согласиться с точкой зрения выраженной Чадороу и Хардинг, что в глубинах материнского сознания живут представления о гендерных различиях как дуалистической оппозиции, и что впоследствии матери воспроизводят или передают это дуалистическое понимание своим сыновьям. Думается, что Чадороу и Хардинг смешивают резкое различие между видимостью другого как оппозиции, и видимостью другого как отличающегося в некоторых аспектах. Идентификация девочки с ее воспитательницами часто приводит к идентификации с внешностью и навыками, необходимыми для практики взрослого развития. Более того, поскольку для многих культур характерно

вмешательство в воспитание детей родственниц женского пола — сестер, бабушек и тетушек то, очевидно, что девочка вовлекается в многоплановую сеть взрослой реализации.

Вовлеченность девочек в отношения взрослых становится онтологической базой патриархального женского воспитания и развития. В то же время, хотя история человеческих отношений может подвигнуть индивида к поиску других отношений и практикам, воплощающим подобный онтологический взгляд, многие люди считают поддержание патриархальной онтологии весьма удобным способом сохранения уютного и стабильного мира. Можно согласиться с американской исследовательницей Сарой Руддик в том, что «мужчинам следует познакомиться с материнским мышлением (или, в более общем понимании «Я — другой» мышлением), так как их способы освоения мира необходимо отличаются от наших».

Заслуживает внимания феминистская точка зрения на то, что поддержание гендерных различий детерминировано различиями в отношениях и практиках, в которые включены мужчины и женщины. Люди, мало знакомые с практикой и отношениями, воплощающими мышление «Я — другой», кажется, нуждаются в получении аргументов в пользу эффекта, который называется «ни один человек не является изолированным».

Прояснить онтологические основания феминизма крайне сложно, особенно когда в дискуссию вовлекаются классические философские концепции. Трудность состоит в том, что терминология, в рамках которой формируется новая онтология, автоматически интерпретируется в терминах уже существующей онтологии, поэтому всегда существует риск, что создаваемые новой онтологией конструкции будут восприниматься либо как нонсенс, либо как причудливое выражение того, что является относительной истиной согласно старым подходам. Любая значительная онтологическая концепция разрабатывается первоначально как единственная и маловероятная. В частности, онтология феминизма зависит от глубокого понимания зрелых отношений между полами, существующими в обществе, и от понимания способов реализации личности. В то же время для того, чтобы уже существующие отношения и практика поведения могли продлить свое существование в доминирующей культуре они должны быть тщательно скрыты. Отношения «матери — дети» и практика материнства и/или семейной жизни являются примерами такой парадигмы.

Феминистская онтология в преодолении дуализма

Как уже становится очевидным, сердцевиной феминистской онтологии являются отношения «Я — другой», представляющие отношения между бытиями индивидов, на основе аналогий. Масштаб и ограничения этой аналогии Мэри Гессе называет подходом «негативной и позитивной аналогии». Эта отправная точка феминистской онтологии совершенно отличается от той, которая выросла из оппозиции «Я — другой». Как следствие дихотомической оппозиции возникает тенденция, отвергающая существование другого в большей или меньшей степени или создающая любое существование другого в «Я». Крайним ее выражением был солипсизм или различные формы патриархата, представляющие главу семейства или государства как субъектов, которые принимают решения в семье, клане или государстве.

Вопрос для тех, кто поддерживает онтологию, базирующуюся на отношениях «Я — другой» состоит в определении масштабов и ограничений аналогии между Я и другой. В то время как «Другой» не берется в оппозиции к «Я», характер «Я» не равен определению характера другого в

оппозиции ко мне. Другие могут быть подобны мне или отличны в неограниченном разнообразии способов, даже при создании отношений, состоящих из двух элементов, искажающих онтологическую позицию, представленную здесь. Не все отношения дуалистичны и более ясно выражены как отношения «Я — другие». Реализуемые и мыслимые отношения между людьми в прошлом и настоящем конституируются «Я» и поэтому действия личности отражают более или менее успешную попытку соответствовать целой конфигурации отношений.

Отношения к другим субъектам — фундаментальное условие бытия личности, и никто не может стать ею без отношений к другим людям. Личность являет собою историческое бытие, и ее история есть фундаментальная история отношений к другим людям. Эта характеристика бытия неадекватно улавливалась некоторыми философами, настаивавшими на том, что люди являются результатом культурного бытия, хотя верным может быть и иное суждение. Действительно, мы есть то, что мы есть благодаря культурным бытиям, и мы создаем язык, через который их определяем. В то же время история отношений, которые, в частности конституируют нас, является чем-то иным, что проходит через и над нашим культурным наследием.

Очень важно подчеркнуть, что отношения «Я — другой» являются жизненными отношениями — не правовыми и не биологическими, хотя в последнем значении они могут влиять на жизненные взаимоотношения. Концепция отношений также контрастирует с пониманием роли как чего-то, что личность может взять и позднее отвергнуть и быть не более эффективной, чем одежда, которую можно временно снять или надеть.

Это понимание отношения имеет некоторое сходство с пониманием практики, о которой говорилось ранее. Что-то теряется, однако, когда конституируемые практикой отношения не получают должной оценки в философских дискуссиях. Возможно тенденция большего акцентирования внимания на практике, чем на отношениях существует благодаря той относительной легкости, с какой игнорируется в сознании то, что считается вторичным частным миром, в котором жизненные отношения являются личностными и вовлекающими в свою орбиту многое из того, что считается частным. Если это так, то данная тенденция базируется на допущении оппозиции общественного и личного/частного. Если для возникновения человека необходимы межличностные отношения, то существование социальных практик требует предварительного становления личностей, участвующих в этих практиках.

Онтология, основанная на феминистском понимании отношений «Я — другой» представляет многие факты, аномальные с точки зрения дуалистической онтологии и поэтому постоянно исключаются из изучения. Примером может служить потребительский взгляд на семейный институт. Он может быть одновременно и сентиментальным, представляющим семью как сердечный мир, дарованный мужчине ангелом-хранителем, матерью-женой и взглядом разочарованным, рассматривающим семейную жизнь в целом, как ад, в котором неврозы одного поколения караются следующим. Однако оба они не учитывают степень притяжения и заботы друг о друге, возникающую между всеми членами семьи, включая самых младших. Родители заботятся о детях, старшие дети о младших, повзрослевшие дети опекают родителей. Каждый акт смягчения боли или страданий становится частью будущего каждого человека: и того, кто ухаживает, и того, кто болен или нуждается в заботе. Исследовательница Элоиз Боуэдинг называет дуалистический подход к семье патологией или «искривлением социальной памяти». Его можно также определить как

прогнозируемое следствие онтологии, в рамках которого основные вопросы излагаются в понятиях дуалистической оппозиции таким образом, что только один элемент любой пары может быть творческим в любых отношениях, кроме конкурентных.

Установки дуалистической онтологии обнаруживают свою несостоятельность во многих практиках, например, при лечении больных, страдающих неврозами. Взрослые пациенты часто страдают оттого, что в детстве их страхи и боль не были сняты родителями. Прогресс в психотерапии наступает только тогда, когда врач готов принять на себя боль пациента.

Иные находки, показывающие неадекватность дихотомии между эгоизмом и альтруизмом коренящимися в «Я — другой» оппозиции мы находим в концепции охраны материнства и детства Всемирной Организации Здоровья. Если предположить, что любой аспект счастливого личностного бытия может быть сконструирован индивидуалистически, то здоровье может стать его частью (наряду с такими вещами как социальный статус или экономическая безопасность). Но здоровье матери и ребенка столь тесно связаны, что здоровье одного не может быть полноценным без здоровья другого.

Этика феминизма

Критерием ослабления взгляда на личность в современных философских дискуссиях является тот факт, что в последние годы возросло число исследований, предметом которых стала проблема прав человека и, в особенности, права на жизнь. С одной стороны, они свидетельствуют о повышенном интересе к сущностным характеристикам человека как личности, а, с другой — они ограничивают взгляд на моральную личность, пытаясь смоделировать все моральные требования к ее правам по принципу «роли сыновей», заменивших патриархальный подход. Точка зрения, акцентирующая внимания на праве, является фундаментальным подходом, получившим название в американском феминизме «правовой подход в этике» (А. Маккинтайр, Джон Лэдд). Его критика увязывается с критикой современного индивидуализма и демонстрирует неприемлемость феминистской онтологической точки зрения для мужчин.

Согласно правовому подходу в этике, концепция морального права является фундаментальным моральным положением или, по меньшей мере, одним из тех, что имеет решающее значение для решения глобальных проблем. При использовании правового подхода люди выглядят как социальные или моральные атомы, соотносящиеся с правами и причинами, и реально или потенциально находятся в конкуренции и конфликте друг с другом. Принять правовой подход, значит допустить, что отношения между людьми существуют на контрактной или квази-контрактной базе, и что моральные требования, вырастающие из них ограничены исключительно правами и обязанностями.

В противоположность обязанностям, в основном определяющим, какие действия или условия являются морально востребованными, разрешенными или запрещенными, ответственность (в виде требования «ответственность для») скорее означает завершенность усилий, чем продолжение требований. Так, ответственность требует упражнений в благоразумии как составного элемента терпения. Не зная как достичь благоразумия люди, в ряде вопросов могут иметь только моральные обязательства и не иметь ответственности. То, что называется «ответственный взгляд» этики принимает в расчет моральную ответственность, вырастающую из отношений, как фундаментальных моральных требований и рассматривает людей как бытия,

которые могут действовать по моральным причинам, и которые приходят к их статусу через отношения с другими людьми. Такие отношения не предполагают контрактности. Отношения детей к родителям являются иллюстрацией не контрактных отношений. В основном, отношения между людьми поддерживаются моральной ответственностью с обеих сторон, и эта ответственность изменяется с течением времени в частностях или целиком.

Права и обязательства связаны с ответственностью. Человеческие права являющиеся требованием общества и другого человека необходимы, если личность готова нести ответственность за ее или его отношения. Согласно этому взгляду, моральные личности могут и, возможно, имеют некоторые моральные обязательства или ответственность за поддержание бытия других людей, не являющихся моральными личностями. Например, не быть грубым по отношению к животным есть моральное обязательство к ним как к живым существам.

Возможно, правовой взгляд в этике вырастает из неадекватного взгляда на моральный статус людей или «личностей» и невнимания к важности особой ответственности, которая приходит с эмоциональными и статусными отношениями. В некоторых случаях, особенно в ситуациях, когда поступки взрослых людей кажутся странными, сама ситуация может быть описана адекватно в значении их прав и обязанностей. Вопрос о том, является ли поведение субъекта странным, решается каждый раз по-разному в зависимости от этических или религиозных норм. Когда отношения между участниками значительны или даже необходимы для того, чтобы одна из сторон стала агентом морали, нравственные обязанности, возникающие в результате этих взаимоотношений, приобретают важнейшее значение.

Существенно то, что описание взаимосвязей и обязанностей, присущих этим связям начинается с описания отношения сторон к ним, хотя такое описание критично оценивается другими людьми. Так, например, во многих случаях есть достаточно оснований считать, что ребенка обижают, даже если изначально ни ребенок, ни родители не рассматривают свои взаимоотношения таким образом. Это означает, что подход к этике с точки зрения моральных обязанностей обладает большим потенциалом для применения в межкультурных отношениях, чем подход с точки зрения прав. Последний не имеет способов представить вариант нравственных требований вместе с вариантами реальных взаимоотношений. Поскольку выполнение обязанностей обеспечения благосостояния других является одним из видов взаимоотношений, очень важных для поддержания нравственной чистоты, моральная чистота каждой отдельной личности является неразрывно связанной с поддержанием моральной чистоты других. Таким образом, их собственные интересы — это не то, что можно четко отделить от интересов других.

В противоположность обычным дуалистическим расчетам *все* участники отношений и участвующие в практике проявляют и развивают себя, что в свою очередь дает дальнейшее развитие отношений и практик. Более того, то, что считается как *соответствующее* развитие, есть нечто, что может быть частично определяемо в значениях приобретения достоинств, необходимых для того, чтобы вовлечь индивида в ключевые практики взаимной реализации.

Либерализация женских отношений и практик требует, чтобы они были реконституированы в направлении, которое давало бы возможность индивидам оказывать влияние на развитие друг друга через навыки, чувства и достоинства, и быть преимущественными чертами развития в каждом. Такого рода либерализация является социальной задачей и по этой причине сообщества,двигающиеся к этой трансформации, в частности группы

феминисток, часто вынуждены отделяться от тех, кому новые преобразования не по душе. Верность новой модели отношений и продвижение либерального опыта требуют от феминисток и сочувствующих им групп достаточно серьезного самопожертвования в намерении конкурировать с традиционными образцами отношений. Но, как пишет Джейн Бейкер Миллер, «либерализация женского опыта будет означать, что развитие других не будет длительное время вопросом самопожертвования части тех, кто вовлечен в этот опыт; самопожертвования, которое, в конечном итоге, вносит вклад в продолжение практики и отношений доминирования и конкуренции». Из этого следует, что к существующим добродетелям необходимо привлекать и поддерживать либеральные практики являющиеся силой, способной сопротивляться доминированию и кооптации развития одного за счет другого.

Выводы

Из приведенных аргументов очевидно, что, несмотря на интуитивность и даже очевидность некоторых черт предлагаемой онтологии, радикальное замещение дуалистической онтологии на онтологию, представленную выше, может иметь решающее значение, как для теории, так и для практики. Эта онтология основана на понимании отношения к себе и другому как отношения между аналогичными бытиями. Природа и продление аналогии есть нечто, что может быть детерминировано в каждом конкретном случае. Более того, различие между «Я» и «другой» не ведет к толкованию другого как оппозиции; иное другое бытие может быть создано и обычно создается через некоторые аналогичные характеристики, имеющиеся у меня самого. Поскольку различие между мною и другим не ведет к оппозиции, характеристики «Я» не определяют уникальность другого через оппозицию. Может быть много других, различающихся друг от друг по характеру также, как бытие численно отличается одно от другого и от «Я». Далее, вместо оппозиции «Я — другой» мы имеем отношение «Я и другие» и вместо ранее упоминавшихся дуалистических оппозиций, которые выражены в «западной мысли», мы имеем мультифакторные, интерактивные модели. В этом смысле не допускается оппозиции между «Я» и «другой», нет основной мотивации ни отвергать существование других, сводить всех других до «Я» — «одна душа в двух телах», — ни интерпретировать других как материал для собственных ожиданий.

С этой точки зрения личность понимается как относительное и историческое бытие. Человек становится личностью в отношениях и через отношения с другими людьми; бытие личности требует, чтобы человек имел историю отношений с другими людьми; реализация себя может быть осуществлена только через отношения и опыт. Фундаментальное моральное требование состоит в том, что ответственность за помощь другим неимущим вырастает из отношений к этим неимущим. Ответственность является взаимной, хотя части отношений могут иметь разную степень ответственности. Провозглашаемые права и коррелируемые обязательства личности гарантируются политическими институтами и другими людьми, но они могут быть удовлетворены лишь в том случае, когда люди готовы принять ответственность за отношения друг с другом.

Введение

Целью настоящей статьи является стремление ознакомить неисламских читателей с исламским феминизмом. Основной текст статьи большей частью основывается на Коране и изречениях пророка Мухаммеда. Несмотря на то, что Индо-Пакистан является субконтинентом со своими устоявшимися традициями, некоторые представления могут не совпадать с традиционными. В нетрадиционных представлениях большое внимание уделяется анализу роли и статусу женщин в других частях Исламского мира. Однако эти представления являются выражением личных взглядов, основанных на непосредственном наблюдении Индо-Пакистанской культуры и общества.

Мухаммед и Коран

Ислам провозглашается кульминацией иудео-христианской традиции. Как религия он представляет собой нечто среднее между иудаизмом и христианством, так как лишен экстремизма иудаизма и трансценденции и имманентности христианства. Ислам возник в VII в. в Аравии, на обширном, сухом полуострове. Арабы жили племенами и в группах, которые были рассеяны повсюду. У них не было централизованного управления. Некоторые города, такие как Мекка и Медина процветали благодаря тому, что являлись религиозными и торговыми центрами.

Бог открылся Мухаммеду между 610 и 620 гг., и на основе откровений Мухаммеда был составлен Коран, основной исламский текст и основа всей мусульманской жизни. Мухаммед жил обычной жизнью до 40 лет, в течение этого времени он работал пастухом, а затем стал приказчиком по торговым делам богатой женщины из Мекки, Хадиджи. Он работал на нее 5 лет, а затем она предложила ему заключить брак. В то время ей было 40, а ему только 25 лет; они поженились и жили вместе 25 лет, пока Хадиджа не умерла.

В возрасте 40 лет Мухаммед получил первое откровение от Бога. Он постепенно достиг статуса религиозного лидера и морализатора, а статус законодателя он получил в 623 г. после закрепления за Мединой славы первого исламского центра. Мухаммед реконструировал полигамию, которая в то время была обычаем у арабов. Было широко распространено женское детоубийство, так как женщины в то время не имели ни социального, ни религиозного статуса.

Коран это слово Бога, обращенное к Мухаммеду. Коран содержит основные преобразования ислама. Большинство важных законов Корана касаются женщин и повышают их статус в различных сферах, что способствовало развитию женщин как личностей. Провозглашалось, что супруги должны быть «покровом» друг для друга (2:187). Женщинам были предоставлены некоторые права над мужчинами, а мужчинам над женщинами, кроме тех, где мужчины как кормильцы должны защищать и поддерживать женщин. Неограниченная полигамия была строго отрегулирована. Так, количество жен было сокращено до четырех, с

---

* Перевод Ирины Ким.

Перевод осуществлен по изданию: Azizar Y. Al-Hibri. "Islamic Law". In *A Companion to Feminist Philosophy*. Ed. by A.M. Jaggar and I.M. Yong. Malden, Massachusetts USA: Blackwell Publishers Ltd. Oxford, 1998, p. 541-549.

условием, что со всеми женами будут обращаться справедливо. К этому был добавлен основной принцип «ты никогда не будешь выделять кого бы то ни было из них, не дело так поступать» (3:128), а общие логические выводы сводятся к запрещению полигамии с целью улучшения материального положения. Коран дает женщинам право унаследовать часть собственности, право на развод и предоставляет вдовам право заключить брак повторно. Ислам приписывает женщинам равенство в творении и духовности: «О, человеческий род, будь внимательным в своих обязанностях по отношению к твоему повелителю, который сотворил тебя из одного человека и из него создал помощника, а уже от них возникли и повсюду распространились люди» (4:1).

Женщина так же священна, как и мужчина, так как она получила божественное откровение, как в случае с Марией, матерью Иисуса. Таким образом, Коран это руководствующий принцип для мужчин и для женщин и они получают воздаяние или наказание одинаково. Во многих местах Корана к читателям обращаются как «мусульмане мужчины и женщины, верующие мужчины и женщины, благочестивые мужчины и женщины» (33:35).

Занятие науками возложено в исламе на каждого мужчину и женщину. Некоторые хорошо знакомые поговорки пророка Мухаммеда содержат следующее: «Найди знание, даже если тебе придется идти за ним в Китай», «Ищи знания с рождения и до смерти», «Каждый мусульманин, мужчина и женщина обязан искать знание».

Хотя ислам признает мужчину как главу семьи, он не запрещает женщинам принимать участие в профессиональной деятельности и совершенствовать их профессионализм; им так же платят заработную плату, как и мужчинам.

Кормящим матерям позволено оставлять своих детей с нянями: «Матери будут кормить своих детей... и если ты желаешь, то отдай своего ребенка няне» (2:333).

Ислам дает женщинам право унаследовать собственность: «От того, что оставили родители и ближайшие родственники со стороны мужчин и женщин, какая бы ни была собственность большая или маленькая, все равно женщине причитается ее доля» (74:7).

Ислам также видит равенство мужчины и женщины в том, что они уважают мораль и законное потомство. Женщина в исламе уважается как независимая личность, а не только как помощник мужчины. Женщины имеют избирательные права, имеют право быть членами исламского парламента, министрами, главами штата (хотя насчет этого существуют различные мнения) или судьями [6].

Интерпретация роли женщин в исламе: традиционализм,

Эклектизм, модернизм

Несмотря на то, что многие исламские страны в настоящее время признают равенство мужчин и женщин, закрепленное исламской традицией, как, например, в Пакистане, где мусульманские женщины признаны законными гражданами, обладающими правом голоса, возможностью получать образование, избираться в Парламент, стать главой штата, женщины все еще страдают от социального угнетения. Его причина кроется в наличии высшего и среднего классов, представительницы которых наслаждаются всеми привилегиями свободных граждан, в то время как женщины из низших классов не имеют этих привилегий. Возможно, мусульманскими женщинами в полной мере эти возможности не осознаны. Еще очень долгое время мусульманские женщины будут находиться под тенью сомнения — нарушить обычай или нет.

Тем не менее, современная гендерная перспектива может быть классифицирована следующим образом: традиционный подход, эклектизм, модернизм.

Традиционный подход

Традиционалисты составляют основу исламской интеллигенции и представляют в большей степени феодально-родовые взгляды, чем исламский способ размышления. Благодаря их религиозному влиянию они мощно и эффективно воздействуют через политическое и социальное лидерство на мусульманское общество. Их консервативный взгляд на женщин как низших существ, по отношению к мужчинам, исходит из своеобразного понимания интеллектуальных женских возможностей: женщина объявляется причиной многих бед общества, она не смеет показаться в обществе без паранджи. Ее домашняя деятельность ограничена стенами дома, она может выйти замуж только с согласия ее отца или опекуна, она не может развестись и, следовательно, полигамия выглядит как оправданная.

Мэриям Джамилах, лидер ортодоксального направления, писала в 70-х гг. следующее: «В исламе роль женщины состоит не в том, чтобы голосовать, а в том, чтобы поддерживать дом и семью. Ее успешное развитие как личности оправдывается верностью своему мужу и воспитанием достойных детей. От мусульманской женщины ожидается жить частной жизнью: Пурдах является для этого необходимым условием» [4, p.9].

Современный мусульманский ученый доктор Асрад Ахмад, в своей работе «Islam Main Aurat Ka Magam» пишет о том, что женщины должны брать пример с жен Мухаммеда, так как только они могут служить образцом для мусульманских женщин в деле рождения и воспитания детей. Далее он доказывает, что пророк Мухаммед должен служить идеалом только для мужчин [1]. Позиция доктора Ахмата фактически ограничивает сферу учений Мухаммеда, объявляя их только руководством для мужчин, и готова ограничить сферу деятельности женщин задачами рождения и воспитания детей.

Религиозные ученые использовали псевдо-традиционные и исторические нормы для решения женских вопросов. Патриархат и мужской шовинизм феодальных и капиталистических систем превратил женщин в личную собственность мужчин. Улема, используя все формы социального контроля, пытается предотвратить любое отклонение от тех ролей, которые ей предписаны. Мариям Джамилах пишет: «Движение за женскую эмансипацию может быть признано всеми мусульманами — в результате этого разрушится дом и семья, и, в конце концов, разрушится наше единое общество», намекая этим, что женская эмансипация является причиной всех зол в обществе [4, p.29]. Для того чтобы сохранить главенство мужчин над женщинами, многие высказывания пророка были сфабрикованы и представлены как одно, в котором упоминается три причины остановки молитвы. Эти причины следующие: собаки, ослы и женщины [3, p.75]. Очень часто Коран неверно интерпретировали, отдавая превосходство мужчинам. Чтобы доказать позицию мужского превосходства очень часто ссылаются на стих 34 главы Nisa (Коран), согласно которому Бог предопределил мужчинам превосходить женщин. Но здесь можно отметить неверное истолкование, а именно: игнорирование следующего стиха той же самой главы, где мужчины считаются ответственными за женщин, так как они их обеспечивают. Различие между мужчинами и женщинами

заключается не в каком-то основательном различии между ними, а только в основных функциях.

Эклектизм

Школа эклектической мысли, происходящая от Мухаммеда Абдуха из Египта и Мауланы Маудуди из Пакистана, с большим пониманием относится к проблеме гендерных ролей в мусульманском обществе. Разрабатывая свое понимание роли мусульманских женщин в обществе в работе «Пурдах и статус женщин в исламе», Маудуди утверждает, что в исламе представлена концепция, дающая женщинам права и достойное место в обществе. Таким образом, лозунг «женская эмансипация и образование» был впервые выдвинут в исламе. Однако, после допущения параметров равенства, по которым мужчины и женщины равны в обществе и религии, Маудуди возвращается к порядку социальной системы ислама, которую он считает естественной. Хотя Маудуди говорит о том, что естественный социальный порядок лучше, чем исламский, в то же время он подчеркивает, что ислам хочет удержать социальную атмосферу чистой от сексуальных стимулов и дать право мужчине развивать свои физические и умственные способности в безупречной атмосфере и готовит его играть эффективную роль в строительстве цивилизации. Ограничивая отношения полов только браком, Маудуди отделяет женскую сферу активности от мужской. Женщинам следует принять тот факт, что у них с мужчинами различные способности, соответствующие их природе, и они не должны вступать в область действия противоположного пола. Мужчине следует иметь статус главы семьи, а другим членам семьи следует ему подчиняться. В основе философии Маудуди находятся предписания Пурдаха — полное разделение полов в общественной жизни. Он отрицает право женщин стать политическим лидером в обществе, и он разрешает женщинам появляться в обществе только в парандже. Именно так Маудуди видит натурализм в исламе, понимаемый как естественное превосходство одного человека над другим. Работая в сфере основных биологических и психологических различий между мужчинами и женщинами, он считает, что эти различия определяют их место в социальной системе [4].

Модерн

Представители модернизма очень внимательно подходят к исламской гендерной проблеме, в силу того, что хотят провести некоторые реформы в этой области. Модернисты особое значение придают рассмотрению человеческих ситуаций и считают, что учение Корана предназначено для деятельности в этом мире. Феминистическая традиция сложилась в модернизме в XIX в. У его истоков были: Сид Ахман Кхан в Индии, Али Шариати в Иране, Фазлур Рехман в Пакистане, и Кьюзим Амин в Египте.

Заглавие книги Шариати «Фатима есть Фатима», символизирует идентичность мусульманских женщин другим женщинам. Она убеждает каждую женщину «создавать» саму себя, «творить» себя, подчеркивает необходимость быть ответственной как за саму себя, так и за общество, в котором она живет.

Шариати настаивает на том, что мусульманской женщине необходимо развивать в себе исламские ценности. Она должна стремиться стать «женщиной, способной принимать решения и соотносить их с историей, культурой, религией и обществом, которое восприняло этот дух и начала от ислама... женщина, которая в обществе хочет быть собой, сама себя создавать, такая женщина не хочет быть ни продуктом своего общества, ни его внешним видом».

Для Шариата исламский образец женщины был лучшим решением женской проблемы и оружием для создания сознания борьбы внутри нового поколения исламского общества. Образцом для этой цели послужила Фатима, дочь Мухаммеда, которая символизирует женщину, какую хочет видеть ислам. В ней представлены различные стороны жизни женщины: дочь, мать, жена, ответственная, боевая женщина, когда нужно быть такой, лидер верующих, руководитель. Таким образом, мусульманские женщины это женщины, играющие активную роль в историческом развитии их общества: они владеют обществом, политически и экономически свободны, независимы и уважаемы как женщины.

Мусульманские женщины в Индо-Пакистанском субконтиненте

Несмотря на прогрессивные взгляды, подобные взглядам Шариата на женщин, в действительности же женщины остаются подчиненными и угнетенными в различных исламских культурах и обществах повсюду в мире — на Юге и в Юго-Восточной Азии, хотя, конечно же, есть и исключения из правил. Фактически, от идеальной позиции, установленной 1.400 лет назад, положение женщин в обществе постепенно изменяется к худшему, и это изменение началось после смерти Мухаммеда. Индийский субконтинент, с X в. до 1857 г. был под управлением мусульманских завоевателей, которые принесли с собой арабские и центрально-азиатские традиции. Затем, примерно 100 лет он находился под управлением Британии, но после образования Пакистана в 1947 г. Индия объявила независимость. Однако в 1970 г. Пакистан распался и образовался Бангладеш, штат с преобладанием мусульманского населения. До этого индийский субконтинент находился в составе индийских социополитических связей. В Индии социальная жизнь была представлена кастовой системой. Законодатели, подобные Ману, предписывали жестокие наказания для женщин, отошедших от индийских норм. Женщины были жертвами их религии, института сатти (практика сжигания женщин на похоронах мужа) и института «deva dasies» (рабыни бога — молодые индийские девушки, которые принесли ему себя в жертву). Ислам обеспечил спасение многим индийским женщинам, которые обращались к исламу в попытке избежать сатти и роли рабынь при храмах. Вскоре мусульманские традиции были искажены, появились гаремы, доступ женщин к профессиям был закрыт по моральным соображениям, и открытым был только один путь — путь к проституции. Женщины богатейших классов были сильно ограничены в своих правах. Богатство и власть загубили мусульманскую религию, и англичане закрепились на Индо-Пакистанском субконтиненте на 100 лет. Псевдо-исламские ученые, осуждавшие действие мусульманских правил, оказались регрессирующей силой для мусульманского субконтинента, но именно эти принципы были названы исламскими. Ислам был скомпрометирован тем, что попросил помощи у феодальной элиты, бюрократии и военной власти.

С тех пор религиозно-политические партии в Пакистане и Бангладеше представляют взгляды феодализма и выражают традиционные нравоучения относительно женщин. В основном, в рамках феодальной традиции, женщины являются инструментами для производства мужского рода — наследников богатства отцов. С тех пор, религиозная идеология была институтом, где мужчины господствовали над женщинами, а женщины строго охранялись в доме или гареме. С тех пор был введен исламский институт Пурдах (изоляция полов). Религиозные ученые оправдывают полигамию, а обольстительные манеры и контроль над рождаемостью рассматриваются как анти-исланизм.

Из-за того, что следующим один за другим правителям не удалось обеспечить и определить место и права женщин в Пакистане, появились культурные, религиозные и профессиональные женские организации. Одной из самых значительных женских организаций является APWA (Пакистанская Женская Ассоциация). Достижение этой ассоциации зафиксировано в законе 1961 г., который боролся с несправедливостями брака, развода и полигамии. С тех пор этот закон остается предметом спора. Ортодоксы верят, что закон лишил мусульманского мужа его постоянного исламского права развестись со своей женой, и ограничило его право иметь четырех жен одновременно. В законе содержатся меры предосторожности в случае нежелательного брака [7, p.91].

Несмотря на некоторую защиту мусульманских женщин, Семейное Законодательство все же не уравнивает женщин с мужчинами в делах развода. Согласно закону, мужчина, желающий развестись с женой, пишет заявление на развод и сообщает об этом председателю местного совета. Если в десятидневный период примирение не заключено, то оформляется развод. Однако женщина не имеет такого права. Если она хочет расторгнуть брак, то она может сделать это после того, как окажется, что она уже не приносит никакой пользы мужу [7, p.93].

В 1979 г., в связи с процессом «исламизации» законов в Пакистане было введено постановление, вступившее в действие с 1980 г. Оно включало в себя пять законов из разряда уголовного законодательства. Один из них касался изнасилования, похищения и супружеской верности. Нарушители этого закона приговаривались к изгнанию или наказывались другими способами, предписанными Кораном, такими как: забивание камнями до смерти за нарушение супружеской верности и прелюбодеяние, отрезание руки и т.д. Эти законы спорны и по сей день. Тем не менее, мало кто хочет их аннулировать, так как это может нарушить процесс исламизации. Обнародование этих законов было подвергнуто критике не только женщинами, но и Интернациональной комиссией Юристов как грубое нарушение женских прав. Постановление содержало меры защиты от плохого обращения, наносящего женщинам вред. Джавгед Икбал, глава Высшего суда, привел несколько примеров использования постановления на семинаре «Женщины и право» 5 ноября 1994 г. Он процитировал их из журнала «Правовые решения Пакистана»: «Примеры обычаев, касающихся женской девственности показали, что с женщинами обращаются как с частной собственностью. Предпочтение отдается женам-девственницам, попадающим под гнет многочисленных обычаев. Родители отдают свою дочь замуж, по возможности быстрее. Далее, отделение женщин от мужчин невозможно. В Индии, если девственность новобрачной не доказана после свадебной ночи, это служит достаточным основанием для того, чтобы от нее отказаться. Несомненно, что это в дальнейшем повлияет на ее жизнь».

Феминистические движения в мусульманском мире

В мусульманском мире существуют различные женские организации для защиты женских интересов против несправедливости. Они сражаются против женского угнетения, нацелены на достижение политической независимости, отстаивают национальную индивидуальность и модернизируют общество. Это является сущностью феминистических движений исламского мира. Феминистические движения возникли в XIX и XX вв. в обществах, ведущих борьбу против империалистического доминирования иностранцев, местных землевладельцев и капиталистов. Женщины в этих обществах были источником рабочей силы для работы на плантациях и фабриках. Они получили образование для того, чтобы

выполнять современную индустриальную работу. Местные реформы, проводимые мужчинами, вынуждали женщин стремиться к западному образцу для повышения имиджа страны. Женщины всех классов включились в национальные войны 1903 и 1947 гг., в Иране в 1906, 1911 и 1979 гг. (иранская революция) и в демократическую революцию в Египте. Многие знаменитые женщины стали популярны. Среди них Картини, Садиква Давлатабади, Кханум Азамоден (Иран) и Худа Шарави (Египет).

В Египте феминистические движения слились с модернизацией страны в области образования, культуры и административных структур, а также в развитии национализма и антиимпериализма Британии. Египетские реформы начались с дебатов по поводу женских прав в Исламе. Одним из первых реформаторов был Шейх Мухаммед Абдух. Он пересмотрел статус женщины, осуждал полигамию как антиисламизм, осуждал практику наложниц и женское рабство, цитировал Коран по поводу женского образования, рассматривал прошлое арабских женщин как нечто вредное по отношению к будущему исламскому миру. Об этом он писал в своей книге «Женская эмансипация». Так, в этой книге он спорит с основными религиозными текстами, в которых женщины рассматриваются как изолированные от общества, закрытые паранджей, а практика развода считается антиисламизмом. Он защищал женские права на работу и политику легальных реформ для улучшения их статуса. Многие знаменитые женщины-писательницы весьма много писали по поводу феминизма в первой четверти XX в. Малик Хиба писала о браке, разводе, парандже и женском образовании. Другой сферой для женщин была филантропия. Хидия Афифи организовала сеть женских клиник в 1906 г. и в 1919 г. Она организовала женские школы, приюты для детей и женские центры. Открытая политическая агитация женщин началась с их участия в национальном движении против Британии после первой Мировой войны. Худа Шара организовывала женские демонстрации.

Попытки женской эмансипации в Африке проходили под влиянием таких же попыток в Турции и Египте. Аманулах Кхан провозглашает эмансипацию женщин краеугольным камнем будущего Афганистана. Законом Афганистана с 1919 до 1929 гг. считался семейный кодекс. Он запрещал детские браки, запрещал полигамию даже для богатых мира сего, разрешал женщинам носить западные платья. В 1929 г. жена Аманулаха Кхана, Сара появилась в обществе без паранджи. Однако после такого успеха, в 1929 г. шах Надир аннулировал эти законы, дабы успокоить традиционное общественное мнение.

В то время в Индии мусульманскими и индийскими женщинами была начата агитация за социальные реформы для женщин, но многие успехи, которых достигли индийские женщины, были неприменимы к жизни мусульманских женщин, так как мусульманское право, например, позволяло вдовам и разведенным иметь долю от родительской собственности. Кроме того, на все накладывали отпечаток мужские реформы в области образования и полигамии. В состав пионеров мусульманского феминистического движения входили: Бегум Наваб Мизра, открывшая детский приют, и Шарифа Намид Али, основавшая детский центр. Местные женские организации также открыли различные центры. В 1906 г. Бегум организовала всеиндийскую женскую конференцию. Движение Хилифат (Khilifat), агитировавшее против разделения Турции в Индии, ввело женщин в общественную сферу. Мать Мухаммеда Али, Би Амам, его жена и жена Хазрата Махини организовали женские митинги и позже к Мусульманской Лиге, которая боролась за независимость Пакистана, присоединились различные женские организации. Мисс Фатима Джинах и Бегум Рана

Ликвет Али Хан — эти женщины принимали участие в борьбе. Со времен создания Пакистана женщины активно принимают участие в национальной политике. Беназир Бхутто, бывший премьер министр страны, была главой политической партии.

В Индонезии ислам является доминирующей идеологией, но там также присутствуют и многие индийские культурные традиции. Это те традиции, которые принадлежат индуистской и буддийским религиям, являющимся причиной отсутствия пурдаха и других обычаев. Одной из первых индонезийских женщин, отстаивавших женскую эмансипацию, была Катрини. Она хотела провести реформы в области образования, отменить полигамию, разрешить женщинам работать. В 1928 г. был собран первый индонезийский женский конгресс, собравший вместе около 30 женских ассоциаций и в 1929 г. была создана федерация индонезийских Женских ассоциаций, борющаяся за интересы женщин.

В заключение было бы неверно сделать вывод, что многие традиции приобрели религиозный статус. Во многих исламских обществах, по существу, такие обычаи закреплены более в обществе, нежели в религии. Пурдах (отделение полов как институт) сейчас отождествлен только с исламом, он сначала был преисламским институтом, который возник в древней Персии, и в некоторых частях древней Индии. Так же и полигамия, сначала была арабской традицией, а впоследствии стала и исламским обычаем.

Заключение

Многие представители феминистических движений верят, что в связи с происшедшими общественными изменениями исламские тексты должны быть интерпретированы по-новому. Исламское право, обычно известное как шариат, было проанализировано в VIII, IX и X вв. и с тех пор изменяется с трудом. Мусульмане верили, что Коран — это свод скорее религиозных и моральных норм, чем правовой документ, хотя он может включать, конечно же, и законы, вышедшие из Медины. Законы Корана, в основном, предназначены тем, кто жил во время пророка Мухаммеда. Однако, игнорируя исторический аспект Корана, мусульманская религия догматически завладела общественными структурами, что привело к окостенению исламских социокультурных структур.

Мусульманские женщины будут бороться против религиозной ортодоксальности и феодально-племенных общественных структур. Их борьба будет включать интерпретацию ислама, и, следовательно, женская интерпретация ислама еще появится. Необходима настойчивость против ложных представлений ортодоксов в выработке академического подхода к изучению основных исламских текстов Корана. Необходимо отказаться от попыток рассматривать неизученные места Корана, исходя из распространенных взглядов. Мы должны интерпретировать Коран со всей тщательностью и мастерством. Основным механизмом, учитывая возможность в исламе такой интерпретации, является давно забытый институт итхад. Для использования итхад необходимо приложить все усилия «и тем, кто использует все силы, мы покажем нашу тропу» (29:69).

И в заключение слово предосторожности для исламских феминистических движений: им необходимо избегать опасностей смешивания феминизма с вестернизацией. Когда вестернизация смешивается с феминизмом, она вызывает реакцию среди консервативных элементов мусульманского общества. Феминистическая же перспектива придает большое значение жизнеспособности и смыслу мусульманского феминизма.

Библиография и примечания:

1. Achmad, A. *Islam Main Aurat Ka Maqaam*. Pakistan: Markazi Anjuman Khaddam al Quran, 1984.
2. Farid, A. *Muslim Woman in World Religions' Perspective*. Pakistan: University of Karachi, 1994.
3. Hussain, F. Ed. *Muslim Women*. London: Croom Helm, 1984.
4. Jameelah, M. *Islam and The Muslim Women Today*. Pakistan: Mohammed Yousuf Khan and Sons, 1988.
5. Maududi, S. *Purdah and the Status of Women in Islam*. Pakistan: Islamic Publications Ltd, 1981.
6. *Musheerul Haq: Aurat ki Hukmarani Jaz Hai*. Alik Islami Nuqta-e-Nazar: Eawalpindi, 1989.
7. Patel, R. *Islamicisation of Laws in Pakistan*. Pakistan: Faiza Publishers Pakistan, n.d.

ИСЛАМСКОЕ ПРАВО*

Форум Неправительственных Организаций, прошедший в Гуаньчжоу, (Китай, 1995 г.), был определяющим моментом в глобальном диалоге среди женщин, относящих себя к исламу. Главным событием этого форума было обсуждение исламского шариатского закона (закон, который основан на религиозном фундаментализме) и ислама. В религиозных конференциях, которые являлись подготовкой для Четвертой Объединенной Международной Женской Конференции и Форума Неправительственных Организаций, наметились противоречия между двумя школами. Первая школа заявляла, что закон шариата был только обычаем и должен быть отброшен при построении современной вестернизированной модели. Вторая школа решает любые вопросы, исходя из законов шариата. Обе школы уверенно стоят на своем, отстаивая свою точку зрения. Дискуссия продолжилась в Гуаньчжоу.

Результатом дебатов явились весьма значительные расхождения во мнениях, что побудило некоторые мусульманские женские организации написать письмо в Форум Неправительственных организаций. Письмо начиналось со слов:

На форуме появились две главенствующие оппозиционные концепции, которые оспариваются группой женщин активисток. Первая точка зрения отражает ультраконсервативную позицию, обращая внимание на сочетание исламских идеалов с реальностью и бедами вестернизированного мира. Согласно второй концепции, религия это реакция против исламского консерватизма и злоупотреблений, которые совершаются именем ислама. Для многих из нас, обе концепции нереалистичны. Ислам признает равенство между мужчиной и женщиной... Ислам использует законы и традиции, которые угнетают женщин. Эта группа защищает реконструкцию исламских принципов, процедур и практик в свете базисных принципов равенства Корана и правосудия. (Sisters in Islam et al. 1995, p.3)

Весьма важно понять, что различия между двумя оппозиционными школами политизированы и религиозны. Первая школа хочет соперничать с западными социальными изменениями, которые имеют отношение к гендерным проблемам. Вторая школа отрицает все западные идеи, так как они являются отражением западной политической, культурной гегемонии. Появляющаяся третья школа хочет открыть свою аутентичную диалектическую трансформацию, основывающуюся на местном историческом контексте и на идеях XXI века.

Различия среди всех трех школ обусловлены последствиями колониальной политики в мусульманском мире. Одним из главных элементов такой политики был образовательно-культурный аспект.

В Алжире, например, в попытке изменить культуру по западным образцам, французскому языку и культуре было придано особое значение в образовательной системе, в ущерб местным обычаям. Как следствие, многие алжирцы, относящиеся к колонизированному поколению, ближе знакомы с французской культурой и языком, чем с собственной культурой. Эта сторона дел с самого начала несколько затрудняла развитие общественной и политической критики. Другие факторы играют косвенную роль в создании новой женской идеологии. Они включают экономический и социальный класс женщин, их особое отношение к властным структурам.

Эта статья будет сфокусирована только на исламской женской мысли. У человечества доминирует духовность (исламская или другая мудрость), которая, к сожалению, смешана с патриархальными интерпретациями религиозного наследия. Следовательно, любые существенные изменения в обществе только тогда будут иметь шансы на успех, когда затронут духовную структуру. Вот почему, чрезвычайно важное значение имеет развитие женской исламской юриспруденции.

Мы начнем с беглого обозрения мусульманского мира. В мире больше 1 миллиарда мусульман, живущих в разных уголках планеты, с которыми имеют дело египетские, африканские, и американские мусульманские сестры. Наибольший интерес представляют семейные законы в мусульманских странах, значительно отличающиеся друг от друга, несмотря на то, что каждая страна заявляет, что их законы основаны, по крайней мере, частично на исламских принципах. В результате, у женщин в разных странах на повестке дня различные вопросы.

Культура в мусульманских странах отличается различной степенью драматизма. Например, генитальные увечья являются проблемой женщин Египта, Сомали, Нигерии, но не сирийских, иорданских, кувейтских, марокканских женщин, чья культура не имеет такой традиции. Религия, в странах, где практикуются генитальные увечья, существует традиция опираться на религиозные аргументы для того чтобы доказать их справедливость. Отсюда возникает необходимость опровергать религиозные заявления на их собственных основаниях. Например, в Нигерии, где преобладающее население составляют христиане, а мусульман меньшинство, патриархальные власти предприняли попытку легитимизировать культурную практику генитальных увечий, используя аргументы, предположительно базирующиеся на христианских и исламских основаниях христиан и мусульман. По этой причине христианки и мусульманки могут опровергать эти аргументы, исходя из их собственной религиозной традиции. Этот подход очень важен, чтобы снизить страхи религиозных женщин, которые не хотят принимать этот обычай, но боятся божественного возмездия, если они будут отрицать его.

Женщины активистки Египта интересуются египетским семейным законодательством и теми ограничениями, которые он накладывает на женскую свободу. Некоторые из них предложили модель брачного контракта, который, по их мнению, защищает права женщин в браке. Эта модель основана на традиционной исламской юриспруденции, которая признает контрактную природу брака. Но многие мусульманки отреагировали негативно относительно такой модели брака, немедленно определив его как вестернизированный и противоречащий исламу. Такие нападки продолжились даже после того, как Муфтий Египта нашел такую модель религиозно приемлемой.

Пакистанские женщины страдают от различного рода притеснений, берущих начало от исторического отношения к женщинам на Индийском субконтиненте, испытывающего недостаток традиционной исламской юриспруденцией. Главная проблема этих женщин состоит в расследовании случаев похищения. В некоторых случаях этот закон наказывает похищенных женщин за нарушение супружеской верности, в то время как похититель остается свободным. Этот результат является следствием фундаментального реконструирования исламских законов об адюльтере и уравнивании адюльтера с изнасилованием. Это дало возможность, несмотря на ясную традицию исламской юриспруденции, классифицировать похищение как преступление. Согласно стандартной классификации, изнасилование представлено как насильственное взятие или принуждение,

похожее на вооруженный грабёж и оно может даже заслуживать наказание смертью для насильника. Согласно более поздней классификации похищение рассматривается как тип телесного повреждения, который должен быть материально компенсирован. Женская исламская мысль существует, чтобы обнаружить основные фундаментальные изъяны в религиозных аргументах, на которых держится закон и его практическое применение.

В Малайзийских законах, которые были приняты в 1993 г., появляется содержание, которое касается мусульманских женщин. Эти законы включают некоторые телесные наказания или смерть за совершение определенных преступлений. Преступления включают: изнасилование, нарушение супружеской верности, кражу. «Сестры Ислама», организация малайзийских женщин, опубликовала подборку статей, критикующих малайзийские законы. Например, Наурани Осман доказывает, что такие законы устарели и не должны использоваться. Она отмечает следующее: «Нет сомнения, что принципы шариата, содержащиеся в Коране божественны, но совсем другое дело заявлять, что интерпретация этих принципов шариата Комитетом, который был назначен главой правительства ...божественна»

Северные африканские страны так же имеют свои характерные проблемы. Например, для марокканских женщин, актуален вопрос о праве женщин на работу вне дома без позволения со стороны мужа. Марокканский семейный закон содержит постановление, заимствованное из французского права и поддержанное некоторыми традиционными юристами, которые запрещают женщинам работать вне дома без согласия ее мужа [1, p.144]. Эта проблема будет подробнее изложена ниже.

Группа работниц из Алжира, Марокко, Туниса, которая очень активно зарекомендовала себя в Пекинской конференции 1995 г., опубликовала предлагаемый свод законов, который поддерживает гендерное равенство, включая определения прав женщин на работу, свободу передвижения и право на наследство. Часть мусульманских женщин рассмотрела данное законодательство, и другие подобные организации использовали его в своих подходах к решению женских проблем. Рассматривая его, они используют религиозные аргументы как попытку сделать законодательство более доступным мусульманским женщинам.

Этот беглый географический обзор избирателен, но подчинен логической необходимости отобразить целостность. Поэтому читателю не следует делать вывод, будто больше нет никаких других областей, которые бы представляли интерес для мусульманских женщин, в их собственных странах или в других частях мира. Этот географический обзор придает большое значение только тем причинам, которые отображают разнообразие проблем в различных частях исламского мира. Позиция «Сестер Ислама» адресована не только по отношению к худуд законам, но так же и по отношению к другим фундаментальным положениям, таким как: гендерное равенство, исламская позиция в отношении насилия против женщин и относительно законов шариата [8, 9].

Несмотря на противоположность вопросов и проблем, с которыми сталкиваются мусульманские женщины в целом мире, возможно несколько основных концепций женской исламской мысли. Три основные достижения были использованы и скомбинированы: 1) существующие проблемы сами по себе не исламские, но результат патриархальной интерпретации религии и использование сфабрикованных или сомнительных хадисов, приписываемых пророку. Эта линия мысли ведет к критике существующей религиозной основе, на которой зиждутся законы, которые подвергаются

патриархальной рефлексии; 2) основные исламские законы устарели и поэтому необходимо приостановить их действие или отказаться от них, но при этом оставаться верными основным принципам Корана и юриспруденции; 3) не существует проблем с самими законами, но только с их современной формулировкой и применением.

Далее мы обратим наше внимание на следующие проблемы, заботящие мусульманских женщин: 1) гендерное равенство; 2) право женщин на работу.

Гендерное равенство

Мусульманские женщины согласны с тем, что ислам дает им полные права. Однако они не согласны с определением этих прав. В частности, мусульманские женщины находятся на распутье, так что же разрешает ислам, «гендерное равенство» или «гендерную справедливость»? Прежняя концепция рассматривается ее критиками как наступающая опасность, близкая к западной концепции механического равенства, основанная на индивидуалистическом взгляде на общество. Поздняя концепция рассматривается ее критиками как дверь в жизнь, широкого открытия, для неправильного применения патриархальных причин. Дебаты достигли своего апогея в Гуаньчжоу, и тогда было предложен компромиссный вариант «Равенство и справедливость».

Для дебатов мы привлечем отрывок из буклета Карамех, книги «Лиги Мусульманских Женщин» Калифорнийской организации, работающей с различными организациями мусульманских женщин, живущих в США.

Карамех и «Лига» ратуют за лозунг «равенство». В их основной работе, относительно ислама и прав женщин, которые должны быть обоснованы в духе традиционных исламских ценностей, содержится следующее:

Вера в единого Бога – это основной принцип исламской юриспруденции. Отсюда вытекают все остальные идеи. Например, утверждение, что Бог есть величайший и что все люди есть результат творчества Бога.

Позднее этот принцип приведет к выводу, что человеческое существование безотносительно пола, класса, расы в глазах Бога. Следовательно, мужчина не превосходит женщину в добродетелях.

В последней работе я поддержала позицию, согласно которой, статьи Корана обосновывают принцип гендерного равенства. Это можно подтвердить следующим высказыванием: «О, человек! Почитай Бога, который сотворил тебя из себя и сотворил ее, а от них пошли мужчины и женщины» (Коран 4:1).

В книге «Лиги» утверждается, что «в Коране развивается идея духовного равенства во всех аспектах человеческого существования» [6]. Книга продолжает:

Концепция гендерного равенства служит лучшим примером толкования Адама и Евы в Коране. В Коране утверждается, что оба пола были независимы, и не отражена идея, будто то бы Ева сотворена из ребра Адама... Даже творчество первого пола было специфично, что подтверждает наши идеи, т.е. не так важно какой пол Бог сотворил сначала» [6].

Затем книга пускается в дискуссию о том, какие роли играли мусульманские женщины в истории, и отмечает, что женщины были и религиозными лидерами и даже воинами.

Доклад проекта мусульманских женщин из Джорджтауна называется так: «Ислам: система обоюдного партнерства» (1995), что подразумевает справедливость как подход к социальным отношениям и к правовым

вопросам. Во введении доказывається, что: «Исламская социальная система включает семью, общество, политику, экономику - это развивающаяся система, которая становится самодостаточной» [5, p.1]. В книге уделяется большое внимание ответственности родителей перед детьми, одобряется традиционный исламский закон, который регулирует систему финансового обеспечения женщин мужчинами. В качестве обоснования приводится следующий аргумент:

Причина, по которой дискриминация является характерной чертой ее жизни следующая: женщина должна рожать детей, заботиться о них, посвятить себя другим. Она никогда не может выйти из этого состояния, и это является ее обязанностью. Общество, которое заинтересовано в новом поколении, должно обеспечивать помощь, если семья женщины не способна или не пригодна для этого [5, p.1].

Важно отметить, что взгляды этой организации отражают предпочтения существенной группы мусульманских американских женщин, которые пытаются работать вне дома и воспитывать детей в неполной семье. Позиция этой школы также поддерживается другими мусульманскими женщинами, такими как Фатима Насиф (лидер саудовской правозащитной организации). Однако данная школа только развивается и в дальнейшем может представлять собой комплекс разнообразных предложений. Проект подвергается нападкам со стороны консервативных американских мусульманок, отстаивающих концепцию «равенства».

Формулируя исламскую позицию, относительно гендерного равенства, Амина Ваддуд-Масин, американская мусульманская исследовательница, которая провела некоторое время, работая с «Сестрами Ислама», проявляет сочувствие к различным мусульманским группам. Она пишет:

Коран не пытается уничтожить различие между мужчиной и женщиной или стереть сущностные функциональные гендерные различия... Фактически, совместные обоюдные поддерживающие отношения между мужчиной и женщиной видны в Коране. Однако Коран не предлагает и не поддерживает одиночные роли [10, p.8].

Патриархальные мужчины отрицали такие положения Корана, которые можно интерпретировать как превосходство мужчин над женщинами (Коран 4:34). Исходя из этой версии, вытекает множество выводов, например, о влиянии законных мусульманских женских прав в обществе и семье. Поэтому дискуссия о гендерном равенстве невозможна без рассмотрения этой версии.

В первой части этой версии утверждается, что «мужчины превосходят женщин». Я убеждена, что верующий читатель в Коране видит больше высказываний, которые дают преимущество мужчинам и меньше высказываний, которые ограничивают мужчин.

В Коране есть версия, согласно которой, мужчина может давать женщине совет или руководство к действию, которое она может игнорировать. Здесь соединены два момента: 1) мужчина может давать совет или руководство к деятельности, только той женщине, которая финансово от него зависит; 2) он может поступать так только в том случае, если достаточно осведомлен по вопросам, относительно которых он хочет дать совет. Другие строки Корана ограничивают возможность мужчин вмешиваться в женские дела. Таким образом, мужское вмешательство сведено к консультативной функции.

Эта интерпретация не только согласуется с основным принципом гендерного равенства в Коране, но так же с ясной исламской позицией, которая не оспаривается традиционными учеными, где женщина может быть финансово независима даже в браке [4; p.128, p.46]. Ее супруг может не

касаться ее денег [4]. Традиционные юристы не отрицают, что право, может полагаться на вышеупомянутую версию для «повиновения» жен своим мужьям. Такое состояние дел характерно для многих семейных законодательств мусульманских стран. Если подвести итог, то многие законы опирались на утверждение, согласно которому, женщины должны работать только дома, мужчина является главой семьи и женщины никогда не могут занимать положения выше, чем мужчины.

Право на работу

В книге «Брачное разделение труда», Фарида Беннани отстаивает взгляды традиционных юристов, которые посвящены гендерным различиям относительно работы в семье [1]. Она утверждает, что в исламе нет концепции, согласно которой мужчина является главой дома [1, р.40]. Она так же замечает, что стереотипы мужа и жены сформировались такими взглядами, которые не существуют в ее обществе [1, р.78].

Она отмечает, что согласно взглядам школы Малики, которые распространены в Марокко, в исламе жене нет необходимости выполнять домашнюю работу [1]. Представители этой школы утверждали, что женщина не обязана выполнять домашние обязанности, так как это не зафиксировано местным обычаем [1]. Но постепенно обычаи стали патриархальными и женщина не только делает домашнюю работу, но и помогает мужу. Таким образом, мы пришли к патриархальному выводу, где женщина не может работать вне дома.

Некоторые семейные законы разрешают женщинам работать вне дома без разрешения мужа, так долго, пока работа не наносит ущерб интересам семьи и остается морально приемлемой [2]. Эти типы законов отражают различные патриархальные традиции.

Важно отметить, что основной исламский принцип равенства, рассматривался и ранее, где доказывалось равенство пола или расы, вместе с Коранской версией, где отмечается разнообразие версий равенства (Коран, 49:13). Это позволило юристам разрешить включить местный обычай в закон, до тех пор, пока этот обычай не будет противоречить нормам Корана. Но действие этого юридического правила было недолгим, так как патриархальные традиции были соединены с религиозными законами.

Кроме того, необходимо подчеркнуть, что в попытке отнять основную долю работы у мужей, некоторые мужчины юристы постановили: жена не должна делать любую работу, она должна обслуживать мужа. Фактически, пророк Мухаммед – это образец, на который должен равняться мусульманский мужчина, при выполнении домашней работы. Историки даже отмечали характер некоторой домашней работы пророка. Она состояла из: разделывания мяса, шитья, помощи детям [3; 7, р.370]. Однако впоследствии, юристы пришли к выводу, что мужчина должен помогать жене по дому только тогда, когда она работает вне дома.

Конечно же, позже итхад (юридическая интерпретация) вносит изменения в эту область. Недостаток нашей работы в том, что она содержит недостаточные сведения о пакистанских, персидских женщинах. Однако мы знаем, что новая вуманистическая юриспруденция в Иране допущена и введена в такие области как домохозяйство и развод. Женщина не обязана посвящать себя только домашней работе и при разводе она должна получить или материальную собственность или алименты.

Заключение

Эта статья сконцентрирована на двух основных проблемах, имеющих отношение к мусульманской женской мысли это: гендерное равенство и возможность женщинам работать вне дома. Основания же для освобождения мусульманских женщин содержатся в Коране, пример пророка и женских лидеров, которые его окружали, и в раннем традиционном итхаде. Для мусульманских женщин представляет интерес развитие женской юриспруденции, которая решительно ускоряет процесс их освобождения. Но одна из «Сестер Ислама» Наурани Охман отмечает: «Модернизация ислама должна быть весьма осторожной». Мусульманская женская мысль пытается реально помочь изменению мусульманских обществ.

Библиография и примечания:

1. Bennani, F. Taqsim al'Amal Bayn al-Zawjan. Marrakesh: School of Legal, Economic and Social studies Series, 1992.
2. Egyptian Code, Low No. 25 (1920), as amended, Bk. 1, Ch. 1, Art. 1; Kuwaititi Code, Part 1, Bk 1, Titl 3, Frt. 89.
3. al-Ghazali, A.H. Ihya' 'Illum al-Din. Reviving Religious Studies. 4 vols. Cairo, Dar Muxtafa, Babi Aalabi li al-Nashr, 11th century reprint, 1939.
4. al-Jaziri, A.R. Kitab al-Figh 'ala al-Mathahib al-Arba'ah. Islamic Jurisprudence According to the Four Maon Schools of Jhoughts, 5 vols. Beirut: Dar Ihya'al-Turach al-Arabi. 1969.
5. Muslim Women's Georgetown Project: Position Paper, "Islam: A System of Reciprocal Partersip": Washington, DC: September, 27, 1995.
6. Muslim Women's League: Positioon Paper, The Spiritual Role of Women, n.d.
7. al-Nadawi, A.H. al-Sirah al-Nabawiyah (The Prophetic Bibliography). Jeddah: Dar al-Shurouq, 1979.
8. Othman, N. ed. Shari Muslim Women'sah Law and the Modern National State. Ruala Lumpur: Sisters in Islam, 1994.
9. Sisters in Islam: Are Muslim Men Alliwes tj Beat Jheir Wives? Kuala Lumpur: United Selendor Press Sdn Bhd, 1991.
10. Wodud-Muhsin, A.Our Muslim Women'san and Woman. Ruala Lumpur: Penerbit Fajar Baki Sdn Bhd, 1992.

ЯЗЫК И ЕГО СИЛА*

«Язык обрушивает массу фактов на общество, характеризую его и оказывая на него большое влияние».

[46, p.78]

«Большинство из нас — тех, кто являются женщинами, к мужчинам это не относится, — при заполнении различных анкет отмечает галочкой букву "Ж", при обозначении пола, возможно, с большим удовольствием, чем букву "М". Едва ли нам пришло бы в голову отметить букву "М". Это было бы обманом или, еще хуже, тем, чего вообще не может быть, как бы вычеркиванием себя из жизни. Поскольку с того момента, когда мы в самый первый раз поставили в анкете галочку возле буквы "Ж", мы официально зарегистрировали себя в системе естественного рода, социально-родовых отношений и явились всем как женщины; то есть теперь не только окружающие должны были воспринимать нас как особей женского пола, но с этого момента мы сами подчеркнули, что мы — женщины. Теперь возникает вопрос, а не все ли равно, когда мы говорим, полагая, что мы отмечаем себя буквой "Ж", а фактически буква "Ж" отмечает нас?»

[11, p.11-12]

Язык очень важен для феминизма, так как он является структурой знаков, управляющих нашей жизнью. Она содержит и выражает категории, через которые мы понимаем себя и других, и с помощью которых мы становимся теми, кто и что мы есть. Наша лингвистическая практика основывается, в основном, на умозаключениях, которые, в свою очередь, составляют или способствуют нашему пониманию связей (случайных или каких-либо других) между понятиями. Эти логически выведенные образцы и примеры, вписанные нормативно, создают последовательность и придают смысл и значение категориям, и однажды мы осознаем, что наши лингвистические категории отражаются в социальных категориях. И тогда мы понимаем, что наша речевая деятельность является нормативной, а это уже небольшой шаг к тому, чтобы рассматривать язык как арену политической борьбы. Феминизм, по крайней мере, является борьбой за равноправие женщин. Его цель — положить конец пренебрежительному отношению к женщинам, искоренив и те средства, с помощью которых возможно такое отношение, и идеологию, которая направлена на то, чтобы это происходило. Как весьма мощная, но все же символическая система, язык, возможно, является основным средством, с помощью которого идеология дискриминации женщин развивается и укрепляется; не новость и то, что язык — это инструмент притеснения. Философам-феминисткам мало пользы от узкой концентрации на семантике выражений пренебрежительности к женщинам, т.к. такие исследования, в лучшем

---

* Перевод Светланы Кулажниковой.

Перевод выполнен по изданию: Lynne Tirrell "Language and Power" in *A Companion to Feminist Philosophy*. Ed. by A.M. Jaggar and I.M. Yong. Malden, Massachusetts USA: Blackwell Publishers Ltd. Oxford, 1998, p. 139-152.

случае, дают возможность составить перечень вреда, нанесенного женщинам в прошлом и настоящем, с тем, чтобы вместо выражения «прекратите это сейчас же», сказать что-то более резкое. Реальной перспективой философии языка для феминисток является понимание четко сформулированной нормативности; понимая, как на самом деле действует язык, мы смогли бы уяснить себе, как «кролика» нормативности вынимают из «пустой шапки» артикуляции. Язык нормативен в своем производстве и воспроизводстве социальных норм по содержанию, формам и, особенно, конструктивной дискурсивной деятельности. Когда-то, когда мы поймем, как парадоксально женщины вводятся и исключаются из речи, мы можем использовать то, что мы знаем об этих процессах артикуляции и легитимации, чтобы осуществить и объяснить наше воспроизведение в целом.

Феминизм характеризуется двойственным осознанием, что заключается в признании несправедливой социальной деятельности в прошлом и настоящем и все же пониманием возможности будущего, когда женщины смогут добиться успехов. Как утверждает Сара Бартки, «само значение того, что феминистка предвидит, озарено светом того, чему следует быть» [1, р.14].

Таким же способом феминистки относятся к языку. Ранние работы по языку все свое внимание уделяют порочной деятельности, такой как использование так называемых родовых обозначений, назывной практики, обращений, обозначающих статус по браку (как миссис и мисс), категорийных выражений и так далее [39; 14; 31]. Такая диагностическая работа может показаться чисто описательной. А некоторым она может показаться абсолютно политической, но она и нормативная, и описательная. Некоторые феминистки, такие как Мэри Дэйл, поработали над тем, чтобы найти утраченные значения слов, обнаруживая общие слова, наносящие вред женщинам, и, выискивая те слова, которые могли бы дать нам силу, такие как, «старая дева», «старуха», «поразительная». Вместе с Джейн Капути, Дэйл составила полный словарь таких терминов [8; 19; 25]. Многие феминистки придумали новые термины, дав нам новые понятия и создав свободную речевую практику. Так как внимание к практике стало более явным, философы-феминистки все больше стали обращаться к политике речи, специально задавая вопрос, кто начинает говорить, где и почему. Более поздние работы феминисток по языку менее часто рассматриваются как работы по философии языка, так как они подменяют лингвистические исследования политическими и метафизическими.

Смешивание философии с лингвистикой и литературной теорией значительно отличает феминистскую философию языка от традиционной философии языка, хотя у них есть некоторые похожие методы и интересы. Интерес феминисток в поисках «женского голоса» привел к пониманию важности слышать много разнообразных голосов и исследовать конфликты между относительно бесправной позицией быть женщиной и относительно сильной позицией быть говорящим или автором. Изучение феминистками высказываний женщин о нашей жизни показывают, что лингвистические изменения крайне важны, но не сами по себе [36]. Например, домработница, получающая (подпольно) за свою работу меньше минимальной зарплаты без выплаты пособия по болезни, должна бороться за большую зарплату как рабочая; ее должно заботить и то, что хозяин зовет ее «девочка», так как ее представление хозяина о работнике как о девочке связано с тем, что с ней обращаются не как со взрослым человеком с действительными финансовыми обстоятельствами [30]. Язык важен, потому что он, по крайней мере, подкрепляет и даже может создавать формы поведения. Как

показывает деятельность феминисток по дискурсивной (речевой) практике, те, кто ищет, как изменить этот социальный строй, не должны игнорировать язык, который его воплощает.

Феминистки обнаружили, что мы и отмечены и вычеркнуты словом одновременно; как объекты мы выделены, а как говорящие субъекты — вычеркнуты. Данная статья начинается с предварительного краткого описания подхода к языку, что весьма полезно феминисткам. Следующая часть обращена к философско-лингвистической деятельности феминисток по выделению и вычеркиванию и предлагает, чтобы отношение к особо зловредным попыткам, таким как унижающие ярлыки и семантические исключения всегда имели широкое нормативное значение для родовых отличительных черт. Следующая часть обращена к философско-литературной деятельности феминисток, к дискуссиям говорящего субъекта с выделением парадокса отмеченного включения и вынужденного исключения. И, в заключение, я кратко говорю в этой работе о порнографии, которая иллюстрирует тенденцию философии языка современных феминисток к пониманию метафизической силы речевой практики в ее особых социальных и политических контекстах.

Язык: некоторые прелиминарии

Язык — это динамичная совокупность процессов и практики, это не статичный устойчивый предмет, хотя у него есть вещественные черты. Лингвистическая деятельность, составляющая и подкрепляющая нашу социальную и материальную действительность, снижается с континуумом нормативности, с эксплицитно нормативной практикой с одной стороны, и глубоко вкрапленной, едва заметной нормативной практикой — с другой стороны. Выражение «Мэри — хорошая мать» несет свою нормативность открыто, так, как это утверждает выражение «хорошая мать», используемое как для подкрепления определенных отношений, так и для противопоставления отношениям, считающимся нежелательными. Предложение «Мэри — женщина», кажется, не является ни определенно нормативным, ни устанавливающим пол или род людей. Многие феминистки постарались показать, что, хотя такие утверждения кажутся явно описательными, фактически они только кажутся такими, если уже принят довольно обширный список норм [10; 21; 35; 46; 6]. Нормы, касающиеся пола и рода, так глубоко вкраплены в нашу культуру, что стали натурализованными. Мы говорим и пишем, по крайней мере, частично, чтобы утвердить, подкрепить или разрушить социальные, политические, эпистемологические, метафизические или моральные нормы. Эти нормы не ограничиваются нашими высказываниями. Работая совместно с другими привычками, наши дискурсивные навыки создают совокупность социальных структур, в пределах которых мы строим свою жизнь. Этот взгляд на язык, как на абсолютно нормативный, расходится с наиболее общепринятым мнением. Что язык, в первую очередь, является описательным или выразительным, что цель его — передать или выразить то, что мы думаем, что мы чувствуем, что нас окружает. Нормативный подход к языку, признает, что язык выполняет выразительную и описательную функции, но подчеркивает, что структуры наших дискурсивно созданных норм управляют тем, что может или не может быть сказанным и тем, что может и чего не может быть [5; 6; 7].

Описательный подход к речи говорит о том, что пол — это ряд данных о теле, которые существуют и до описания его существования и не меняются при дескрипции или вопреки мнениям, высказанным о них. Наиболее ярким дескриптивистом среди философов был ранний

Витгенштейн, который в своих «Практиках» обсуждал вопрос о том, что слова являются картинками состояния дел. Большинство философско-языковедов XX века решили, что язык более описательный и выразительный, чем конструктивная реальность. Согласно такой точке зрения женщины — это женщины, а мужчины — это мужчины, и, если есть несколько несчастных индивидуумов, которые биологически неопределимы или находятся в переходном состоянии, то они просто исключения, доказывающие правило. Это правило, конечно, является правилом половой раздвоенности, основы гетеросексуализма. Дескриптивизм, является также формой реализма и физикализма и отказывается от лингвистического конструктивизма.

Лингвистическому конструктивизму нет нужды отрицать, что некая физическая реальность существовала до языка, а его сторонники считают, что для того, чтобы уловить эту реальность, нужно использовать речевую практику, которая затем направляет наше внимание на то, что мы предполагаем. Это дифференциальное внимание затем создает практический акцент, который фактически может преобразовать объект в пункт, который совершенно не похож на то, с чего все начиналось [33, p.58].

Последователи лингвистического конструктивизма не считают, что это происходит просто потому, что люди верят тому, что они рассказывают, что это чувственные восприятия становятся реальностью; скорее вера порождает привычки, которые, в конце концов, обеспечивают почву для веры. Формируется цикл создания и открытия, который мистифицирует создание и возникновение «открытия».

В своей «Истории различия полов» Фуко утверждает, что пол сам по себе является продуктом речевой практики, поясняя, что «понятие "пол" делает возможным сгруппировать вместе, в искусственную единицу, анатомические элементы, биологические функции, поведение, чувства и желания, и эту фиктивную единицу можно использовать как причинный принцип, вездесущное значение; пол, таким образом, мог выполнять функцию единственного в своем роде признака и универсального означаемого» [13, p.154]. Заметьте, что Фуко не спорит, что нет тел или отношений до образования искусственной единицы. Также не утверждает этого и Виттиг, когда она говорит, что «нет пола. Существует лишь пол, который угнетают, и пол, который угнетает. Это угнетение и создает пол, а не наоборот» [46, p.2]. По выражению Виттиг осмысление тела, как имеющего пол, сыграло большую роль, что помогло мужчинам почувствовать себя выше в социально значимых отношениях. Многие различия человеческих тел совершенно незначительны, пока эти различия не замечают. Без социального контекста они не имеют значения. Только в своих пределах совокупность норм может эти простые различия сделать чем-то большим: основополагающим принципом, устанавливающим, кто имеет больший доступ к тому, что общество считает ценным.

Дескриптивист бы сказал, что мы видим человеческие тела и просто описываем то, что мы видим — головы, глаза, руки, ноги и т.д. Конструктивист бы настаивал на том, что мы видим руки, потому что они имеют для нас значение, т.к. у нас есть намерения, для которых эти руки полезны. Мы думаем, что мы просто видим перед собой тело, но Виттиг считает, что мы верим, что физическое и непосредственное восприятие это только сложная и фантастическая конструкция, «воображаемая структура, которая дает другое значение физическим чертам через сеть отношений, в которых они понимаются» [46, p.12]. Эта сеть взаимоотношений действует в нашей речевой практике так же, как и в нашей более широко понимаемой социальной деятельности. Лингвистический конструктивизм имеет

меньшую первоначальную интуитивную привлекательность, чем дескриптивизм или экспрессивизм, потому что все мы призваны быть реалистами. То, что предлагает конструктивизм, однако, является анализом дискурсивной силы как осуществленной через речевую деятельность.

В своей классической работе «В опасности и вне ее: надменность и любовь» Мэрилин Фрай представляет глубокий анализ процесса интерпретированного построения, предусмотренного речевой и другими видами деятельности [17]. Работа Фрай «Быть и быть видимой» объясняет вычеркивание из жизни лесбиянки путем невразумительного представления ее существования [16]. Работа «Лесбийский пол» предусматривает подобный подход к тому, что само понятие пола с точки зрения гетеросексуальности слепо к тому, что делают лесбиянки; эта слепота ставит лесбиянок вне речевого и понятийного пространства большей части общества [15]. Оказывается, пол является нормой-регулятором, которая, как доказывает Джуди Батлер, «определяет правомочность тела для жизни в сфере культурной интеллигентности» [6, р. 2]. Предметом спора являются формы воздействия языка, чтобы мы были женщинами и не превратились в лесбиянок, ведьм, не стали старыми девами, каргами и не существовали с другими эпитетами форм нашей жизни, нежелательными в действительности, определяемыми Джулией Пенелоп как Патриархальный мир дискурса. Эти работы показывают, как наша речевая деятельность и деятельность, субъектом которой мы являемся, формируют нашу родовую индивидуальность. Эти и другие работы Фрай, Пенелоп, Дейл, Виттиг и Батлер говорят нам о том, что язык не является нейтральным и нашим. Они демонстрируют силу речевой деятельности в формировании и изменении нашей жизни.

Язык не нейтральный и не наш

Ранние дискуссии феминисток о языке пренебрежительного отношения к женщинам указывали на существование способов, с помощью которых можно опозлить женщин, приклеить нам ярлык некоего исключения или полностью вычеркнуть нас из речевого общения, используя, так называемые общие обозначения, фактически не являющиеся характерными для определенного рода [32; 40]. Такие дискуссии важны для понимания деталей деятельности, которая подводит «нашу социализацию к бессилию» [34, р.34]. Феминистки-философы и лингвисты показали, что женщины подавляются речевой практикой в двух основных случаях. Во-первых, женщины выделяются. Такое выделение привлекает внимание к женственности и несет значение неполноценности. Женщина присутствует, но как что-то низшее. В речевой практике это достигается с помощью местоимений, префиксов и специальных слов, характерных для женского пола. Практика выделения всего женского уменьшительными существительными, означающими что-то второстепенное или непрофессиональное, служит для того, чтобы унижить нас, особенно, когда такое выделение подгоняется под систематизированную культурную модель женской незначительности [14; 44]. Во-вторых, женщины вычеркиваются как субъекты. Речевая практика представляет женщин как неспециалистов, как объекты в текстах, но не как субъектов, высказывающих свое мнение. Рассказчик или писатель текста утверждает, что женщинам всегда чего-то не хватает [46]. Возникает парадоксальное недоразумение между промежуточными традиционными речевыми практиками, которые и выделяют нас, и исключают, считая нас то существующими, то отсутствующими, как и само понятие.

Собрание сочинений Мэри Ваттерлинг-Браггин «Язык женофоба» включает в себя множество ключевых статей, написанных философами о языке женофобов за период 70-х годов; оно остается центральным сочинением по этому вопросу [44]. Ваттерлинг-Браггин отмечает, что существует, по крайней мере, шесть различных видов «женофоба», действующих в антологии и каждый имеет свое мнение о языке женофобов [44, р.3-5]. Различные концепции дискриминации по половым признакам дают фактически различные оценки языку женофоба, когда создают более или менее толковые теории языка и его возможностей. Считается, что иногда лингвистическая единица речи несет значение дискриминации по отношению к женщинам, потому что в ней заложено определенное унижительное отношение и убеждение говорящего, или в ней самой заложено унижительное отношение к женщинам, либо в ней есть и то и другое. Если внимательно анализировать высказывание, его можно рассматривать в трех аспектах. Иногда пренебрежительным считается: а) то, что сказано с точки зрения содержания; б) то, как говорится, то есть речевой акт высказывания или в) говорящий передает чью-то мысль, является посредником. Как философы а) феминистки не обращали особого внимания на аспект посредничества; б) вместо этого мы сконцентрировали свое внимание на словах и предложениях и их значение в речевой деятельности.

Примеры с явно унижительным значением, которые подходят для пункта а) относительно легко найти. Очень сложно отметить такие высказывания в двух случаях: 1) когда то, что сказано, не является унижительным по содержанию, а по форме оно унижительно; (это было бы точным примером для пункта б) пренебрежительный речевой акт); и 2) когда содержание высказывания может быть унижительным, а способ высказывания — нет. Давайте более внимательно рассмотрим эти примеры.

Случай 1: то, что сказано по содержанию не унижительно, а по форме — унижительно. Миссис Смит красивая женщина; все согласны. Обычно в простой фразе, что кто-то красивый, нет ничего унижительного. Но, когда миссис Смит устраивается на работу в университет на кафедру философии, и мужчины, принимающие ее на работу, говорят, что «она красива» в контексте обсуждения ее деловых качеств, то это — дискриминация.

Одни бы сказали, что это — дискриминация, потому что ее красота не имеет отношения к ее квалификации, тогда как другие сказали бы, что проблема в том, что ее красота становится необходимой при приеме на работу и в этом дискриминация. В любом случае содержание не соответствует этому контексту. Философия языка феминисток серьезно подходит к взаимодействию контекста и содержания.

Случай 2: то, что сказано унижительно, а по форме — нет. На занятиях по подходу феминисток к языку студенты приводят примеры дискриминационных высказываний, которые они слышали. Они составляют коллективный список высказываний и обсуждают последнее выступление профессора математики: «Женщины — профаны в математике». Это предложение, впервые произнесенное на лекции по математике, несколько раз повторяется во время дискуссии. В каждом случае, сказал бы логик, оно упоминается, а не используется постоянно. Оно не утверждается, а воспроизводится.

Иногда даже упоминание или воспроизведение чего-то становится проблемой, потому что даже простое воспроизведение может подтвердить правило. Простое, даже в малейшей степени, дискриминационное замечание не гарантирует, что в нем есть что-то унижительное в отношении говорящего или этого высказывания; вопрос в том, позволил ли себе говорящий дискриминационное замечание или он воздержался от него. Тот факт, что

высказывания в случае 2 были просто упомянуты, говорит о том, что ни одно из них не содержало утверждения. Заметим также, что здесь имеет место более широкий контекст. Поскольку это была аудитория феминисток, имели место преимущественно антидискриминационные заявления, которые создали контекст интерпретации высказанного утверждения. Или же, если профессор лингвистики, который часто высказывал явно антифеминистские суждения, дает студентам такое предложение для анализа, то, что он на него иногда лишь ссылался, а не постоянно его высказывал, совсем не означает, что такое высказывание не имеет дискриминационного смысла. Былые высказывания этого профессора создают пояснительный контекст для нынешнего вскользь сказанного предложения. А как слушатели поймут высказывание говорящего, опять-таки зависит от взаимодействия контекста и содержания.

Деятельность, которая выделяет нас как женщин, проблематична и на микроскопическом уровне специфических особенностей, присущих этой деятельности, и на микроскопическом уровне ее отнесенности. Даже в самых первых дискуссиях говорилось об этой двойственности. В работе Элизабет Лейн Бирдслей «Справочник гендеризации» утверждается, что сама практика, необходимая говорящему, чтобы установить род вне зависимости от того, о каких человеческих существах идет речь, является «краеугольным камнем в образовании этих других форм определения рода», таких, как гендерное представление о себе самом, психологическая гендерная идентичность, различия в общественном положении полов и так далее [4]. Бирдслей отмечает, что, хотя существуют термины нейтрального пола, такие как «персона» или «кто-либо», тем не менее, обычно при разговоре нам необходимо использовать вместо них термины определенного пола. Так, вместо фразы «кто-то хочет тебя видеть» нам в разговоре следует сказать «тебя хочет видеть какой-то мужчина (или женщина)». Эта практика за последние двадцать лет, возможно, изменилась стараниями феминисток, так как сегодня секретарь скажет: «Вас спрашивает клиент (или пациент, или студент)» и этим четко соотнесет человека с его родом. Проблема, однако, возникает снова, если сказать «Пришла мисс Джонс». Бирдслей также отмечает, что необходимая соответствующая гендеризация обеспечивает стремление «произвести дифференцированную оценку, где бы мы ни сделали различие [3; 4]. Необходимость сделать такое различие грамматическим создает концептуальные структуры, которые способствуют распространению женской дискриминации. Если сформулировать суть высказывания Бирдслей в терминах, позже данных Фрай, то выделение пола и заявление о нем в языке являются краеугольными проблемами учения о женской дискриминации [17]. Мы явно включены в речь.

Тема искусственного включения присутствовала в ранних феминистских работах по, якобы, обычному использованию слова «человек» и его родственных слов в отношении всех людей. В авторитетной статье, в которой утверждается, что нейтральное слово «человек» — это миф, Дженис Маултон представила концепцию паразитической ссылки на философскую дискуссию о женской дискриминации в лингвистике. Маултон утверждает, что употребление слова «человек» по отношению ко всем людям, это то же самое, что говорить «хлорка» обо всех отбеливателях; таким использованием слова «человек» мы наделяем мужчин преувеличенным самосознанием (и экономическим преимуществом), это остается в их сознании и позволяет им так себя преподносить. Этот вывод Маултон давал возможность объяснить нормативный подход к штампам, представляющимся как родовые обозначения. Даже если они стали родовыми (что она категорически отрицает в случае употребления слова

«человек»)), преимущество штампа все-таки существует — штамп устанавливает правило (норму). Подобно тому, как мужчины устанавливают норму родовому классу — человечеству — чьим именем они себя наделяют [23].

Нормативный подход к терминам языка не является проблемой штампов. Слова, относящиеся к женщинам, всегда имели большое нормативное значение, и поэтому феминистский подход к практике речи всегда был основан на словах. Элеонор Кьюкендаль объясняет, что «подобно витгенштейновскому анализу обращение феминистской лингвистики к философии является одним из видов терапии, а как остиновский анализ, она пытается раскрыть реалии, которые говорящий пытается использовать в своем высказывании, с помощью изучения самих слов. Феминистская лингвистика предполагает, что использование слов помогает представить мир, в котором находятся говорящие» [26, p.133]. Феминистки стремятся верить в силу слов; слова имеют способность представлять то, что они описывают, выражать или изображать данную действительность. Исследование этой способности для создания онтологии через нормативные категории, замаскированные под описания, является нормативной метафизикой. Когда кто-то называет вас «чужаком» вы чувствуете силу этой категории, владеете вы или нет качествами, которые она выражает. Это не говорит о том, что феминистки обратились к чему-то мистическому, полагая, что что-то можно сделать, просто сказав об этом. Когда кто-то называет меня «чужаком», он изменяет мою половую ориентацию не больше, чем когда кто-то называет меня «черным». Сила слов многомерна; высказывания, что я была вегетарианкой, соответствовало тому, что я делала; но высказывание, что я видела Феррари, не обеспечило бы такой мотивировки. Первое — это самопредписывающие поступки, а второе было бы просто ложью. Здесь самопредписывающие поступки — это процесс моего становления вегетарианкой, рекомендация другим индивидам отметить изменения в стиле моей жизни и учесть последствия такого изменения. Феминистки выискивали слова и создавали словари, которые дают нам возможность найти способ совершить эти предписывающие поступки, описать и предписать средства их осуществления.

Сила слов наиболее полно проявляется на примере с понятиями, относящимися к роду людскому; это словарь вместе с ситуациями, в которых употребляются эти понятия, служит отражением, поддержкой и даже установлением социального порядка. Джулия Пенелоп использует нормативность точности слов, когда она говорит:

«Слова существуют и создаются, так как они служат оценкой отношения главного к культуре. Словари отражают культурные значения. Определения женственности, не женственности и мужеподобности, женского и мужского дают определения культурных ценностей и сохраняют их навсегда. Пока женщины пользуются этими словами, как будто они описывают что-то реальное или объясняют достойные внимания явления, до тех пор мы подтверждаем, что людей можно различать с помощью дихотомии, которую они представляют» [34, p.52].

Позиция Пенелоп подчеркнута конструктивистская, так как она утверждает, что без подкрепления практики, которая составляет Патриархальную Вселенную дискурса, реальность нашей жизни и опыт не изменятся. Попытка не использовать термины, которые кажутся онтологическими коренными словами в пределах этой речи, является важным шагом. Подобным образом подчеркивает связь между словами и их силой Андреа Дворкин. Она утверждает, что «слова имеют значения, потому что мы знаем и что делаем. Слова изменяют нас или оставляют в том же

состоянии. Женщины, лишённые возможности высказаться, лишены силы, необходимой, чтобы обеспечить выживание, и процветание». [12, p.30; 35, p.39-49]. Слова сохраняют или изменяют нас.

Если слова имеют такое метафизическое и эпистемологическое значения, нам необходимо знать, почему слова для женщины обычно бывают такими унижительными. Даже явно нейтральные слова, которые выделяют нас, проблематичны. Понятие «особь женского пола» стоит в ряду более нейтральных слов, которыми можно было бы пользоваться, и ещё Симона де Бовуар говорила, что «понятие "особь женского пола" унижительно не только потому, что оно подчеркивает животное начало женщины, но и потому, что запирает в рамках ее пола» [10, p.30]. Кэролин Корсмейер продолжает мысль С. Бовуар и исследует метафизические предпосылки общих терминов для женщин, которые, как она утверждает, «содействует понятию женской сущности, которая совершенно не соотносится с мужской, чтобы первоначально отождествить женщину с точки зрения ее пола» [24, p.150]. В монографии о семантическом унижении Мириэм Шульц привела «примерно сотню слов и фраз, описывающих женщин унижительно в соответствии с их полом» и «нет даже приблизительно такого же количества слов, унижительных по отношению к мужчинам» [38, p.72]. Кросмейер высказывает надежду (но не уверенность), что переход к более нейтральным выражениям в языке должен иметь «более, чем косметический эффект». Но каким же был бы эффект, если убрать семантическое унижение женщин? Если последовать совету Дворкин, может быть, при участии в «формулах слов» женщины нашли бы «возможности для выживания и процветания».

В исследовании «силы называния» Мэри Дэйл интересуют два направления феминистской философии: а) поиск слов, которые мы хотим использовать; и б) правильно подобранное название, которое необходимо, чтобы наши слова были поняты. Лингвистические опыты Дейл начались с ее работы «Помимо Бога-отца» [9] и продолжались до кульминационного труда «Злобность», в которой она и Джейн Капути пытаются понять значение фаллократического языка и смягчить архаичные и более грубые значения слов. Дейл и Капути говорят, что «Злобность» — это книга, созданных старушенциями новых слов». Это, по сути, работа по созданию новых значений, так как она предполагает философскую картину языка, в которой имеется потенциал для изменения нашего восприятия речевой деятельности и значение ее истории [8, p.240]. Дейл призывает искать слова, которыми пользовались женщины прошлого поколения и воскрешать их. Меньше выделено, но четко прослеживается по всей работе важность форума слов, создания контекстов, в которых мы являемся выразителями мнения, в которых «мы слушаем друг друга» и таким образом слушаем друг друга в новой форме бытия [36, p.188].

В этой работе строго нормативное видение, она пронизана идеей того, какими должны быть обстоятельства для женщин. Исследования Джулии Пенелоп «Патриархальная Вселенная речи» — лингвистически более точная версия смелой игры Мерилин Фрай с бессмысленностью в «Политике реальности» [17], а также комплимент работе Мэри Дейл по созданию и нахождению новых значений. Эти работы говорят нам о том, что язык не является нейтральным, что его предположительные значения не служат нашим интересам, что (если пользоваться метафорами Виттгенштейна) — это ящик с инструментами, с которыми нужно обращаться осторожно, что в его игры не играют на больших площадках. Как утверждает Дейл Спендер, «при патриархальном устое женщины многих поколений молчали, они не могли иметь своих значений слов, зашифрованных в социальных

хранилищах знаний. С молчанием, основанном на молчании, этот процесс стал кумулятивным. Как только женщины начнут говорить, этот кумулятивный процесс может пойти в обратном направлении. Внимание к женской теме возрастет, когда обстоятельства существования появятся и в формальном, и в неформальном контекстах» [39, p. 74].

Понимание наших собственных замыслов, создание собственных практик и значений — это проба сил многих поколений. Чтобы оказаться на высоте, нам нужно тщательно изучить то, что уже предложили высказывания женщин прошлых поколений и восстановить утраченные значения. Для того, чтобы иметь авторитет среди ученых, занимающихся семантикой, мы должны высказывать свою точку зрения.

Нейтральное не является нейтральным: вероятность и ситуативная субъективность

Как мы уже отмечали, используя назывную силу, мы не только готовы искать или выдумывать новые слова для выражения того, что мы хотим высказать, но и создавать контексты и единицы речи, в пределах которых такое высказывание имеет значение. Говорящие субъекты нуждаются в собеседниках, которым они доверяют [41]. Обретая авторское право, женщина настаивает на том, что ей, как женщине, допускается иметь какие-то недостатки. Поскольку женщина старается писать или говорить в соответствии со своим собственным жизненным опытом, она сталкивается с проблемой либо потери доверия, поскольку ее работа не признается стоящей, либо потери квалификации, поскольку она пытается унифицировать свою работу. Виттиг объясняет, что язык, в целом, дает каждому одинаковую возможность стать совершенным субъектом, занимаясь языком. Но род, как элемент языка, действует для нейтрализации этого онтологического факта, когда это касается женщин. В результате навязывание рода действует отрицательно в момент высказывания, лишает женщин возможности говорить и заставляет их искать витиеватый способ выражения своих мыслей, вдаваясь в излишние подробности и без конца извиняясь [46, p.81].

Подобным образом Симона де Бовуар утверждает, что женская субъективность часто является необходимостью, так как она считает, что «в разгар малопонятной дискуссии досадно слышать, как мужчина говорит: "Вы так думаете, потому что вы — женщина"; но я знаю, что единственной моей защитой будет ответ: "Я так думаю, потому что это действительно так", устраняя этим мое субъективное "Я" из доказательства» [10, p.18]. Бовуар и Виттинг придают большое значение проблеме, которая все еще беспокоит женщин — проблеме необходимости напустить на себя искусственные нейтральность и объективность, чтобы добиться доверия. Важность найти убедительные слова и место, где они имеют доверие, особенно необходимы для цветных женщин, для которых «способность говорить является актом сопротивления», что служит «и способом активного самопреобразования и процедурой перехода объекта в субъект».

Феминистки попытались показать, что предположительно вероятное выражение мнения является действительно выражением мнения при любых обстоятельствах; таким образом, Бовуар продолжает свою идею «тот факт, что ты мужчина не является исключительным качеством». Истина и призыв к ней, формы логического доказательства и анализа, «объективная» речь, которой учат наука и философия в частности, как бы предполагают что-то вроде убежища для тех, чья субъективность не внушает доверия — цветным, белым женщинам (поскольку они женщины), очень старым и очень

молодым. Такое убежище обеспечивается отношением к говорящим как к «обычным ораторам» — обычно это белые мужчины среднего и высшего классов. Подобно символам телевизионных новостей предполагается, что говорящие не должны иметь акцентов или высказывать свое отношение. Доверие, как было указано в ранних работах феминисток по философии языка, достигалось признанием субъективности белых мужчин. Первые попытки проанализировать язык дискриминирующих женщин выражений, сосредоточены на введенных контекстах и публичной речи, «официальных выступлениях», даже если их использовали в персональных контекстах. Эти анализы были частью исследования, подтверждающего, что женщина (обычно белая женщина) может делать то же, что и мужчина (то есть белый мужчина). В ходе анализов указывались различия манеры речи женщин и мужчин, подвергалось сомнению утверждение, что речь мужчин должна преобладать, а также предлагался неволью возникший перечень видов практики речевой деятельности. Одобрить эту практику — значит, одобрить мнение, которое стало нормой объективности.

Эти «нейтральные» дискурсивные практики имеют свою ценность: не все может быть выражено в каждом высказанном мнении. Ссылаясь на свои собственные статьи о законе, Патриция Вильямс спрашивает: «чем еще, кроме самоотказа является "безлично" написанное мнение? Если умолчание — это идеология, которой стоит обучать, для нас это будет понятнее, как практический результат предприимчивости». Вильямс предупреждает нас, что мы «должны также представлять себе, что отрицание чьего-то права в авторстве не одно и то же, что и самоотказ; это уловка, а не действительность» [45, p.92]. И более серьезная опасность кроется в том, что эта хитрость может стать действительностью, что настоящий самоотказ, как серия коротких самоудушений, может фактически довести женщину (мыслителя, личность) до потери всякого интереса к дальнейшей работе. Одобрение безличного стиля требует от нас вступать в разговор, действуя торопливо «как краб».

Для многих женщин огромным достижением является завоевание доверия одобрением «нейтрального выражения мнения» о признанном стиле, дисциплине или школе. Такой успех, однако, преобразует субъекта, но не преобразует практику. Доверие, которое феминистки ищут для субъектов, в данных обстоятельствах имеет возможность преобразовать практику. Кэрол Гиллиган рассказывает историю о двух детях, спорящих о том, играть ли им в пиратов (его идея) или в соседей (ее идея). Гиллиган утверждает, что «справедливый» подход (равное время для каждой игры) оставляет игры несыгранными, тогда как последнее предложение девочки играть в пиратов, живущих по соседству, меняет все. Пират не подходящая фигура, чтобы жить по соседству, а соседство меняется, если в нем селится пират [10]. Подобным образом от правдоподобия ситуаций трансформируются практики, которые порождают семантическую убедительность, в силу теперь входят новые значения, когда какой-то особой личности не нужно отклоняться от текста, по которому следует говорить.

Философия с ее задачей поиска объективной правды и универсальной теории, обычно требует безличной прозы. В работе «Этика метода» Джойс Требилкот убеждает женщин прекратить попытку разработать общие (или еще хуже: универсальные) теории; она хочет, чтобы женщины, которые находятся в определенных условиях, рассказали такие истории о себе, которые позволили бы их читателям и слушателям узнать, кто они и почему они рассказывают эти истории. Собственно «этика метода Требилкот включает в себе идею, что хорошо, когда феминистки и лесбиянки пишут

об аспектах действительности, рассказывая истории, то есть то, что им приходится говорить с точки зрения своей жизни и жизни тех женщин, которых они опекают» [43, p.50]. Но почему женщины должны рассказывать истории своей жизни, как мы должны рассказывать о своем опыте, и с кем мы должны говорить? Как утверждали Мария Лугонес и Викки Спелман: «Для нас имеет значение то, что о нас говорят, кто это говорит и кому это говорится: возможность поговорить о своей жизни, оценить ее является неотъемлемой частью того, что ты сама живешь своей жизнью, а не под чьим-либо руководством; отсюда наше сомнение в отношении исключительного права мужчин в оценке жизни женщин» [28]. Проблемой является сила словесного выражения, сила, способная сопоставить наши жизни внутри и за пределами речи [42]. Чтобы дать в чем-то отчет, нужно отнести это что-то к какой-то категории, идентифицировать его особенности; мы должны подбирать слова и находить или создавать жанр, в котором могут возникать наши рассказы. Категории, которые мы выбираем, и структура словесных выражений, зависящие от жанра, могут быть более или менее точными. Лугонес и Спелман высказывают этическую и метафизическую точку зрения о том, что женщины не должны жить в рамках тех категорий, которые не подходят им, а если подходят, то после значительных усилий. Такая цена, как ее определяет Виттиг, является «вещественным угнетением личности речью» [46, p.25]. Процесс самовыражения может дать такую возможность.

Порнография: речевая практика

Поиск возможности самовыражения требует борьбы с основными языковыми практиками, которые постепенно ведут к тому, что женщины одновременно и присутствуют и отсутствуют в речи. Парадокс женского присутствия-отсутствия особенно поражает в порнографии, что объясняет, почему феминистки, которые изучают язык, изучают и порнографию. Другой причиной этого является то, что порнография — это область, в которой очевидно исключительное право мужчин на словесное выражение. Еще одно — то, что порнография, как язык вообще, является системой символов, в которой трудно провести границу между семантикой и прагматикой. Поэтому Кэтрин Маккиннон выражает свое негодование, что кто-то мог бы подумать о порнографии как о «пустых словах» и доказывает, что в порнографии «сказать — значит сделать» [29, p.25]. А потому, Карлин Романо считает самым лучшим способом поспорить с Маккиннон — начать критику с описания своего представления о ее изнасиловании. Этим он хочет доказать, что сказать что-то, это не одно и то же, что сделать что-то [37]. Обида и боль многих женщин, чувствующих, что они тоже подвергнуты насилию в результате его маленького «мысленного эксперимента», показывают, что высказывание часто является каким-либо видом действия. В контексте этих доводов философия языка приходит к практическому выводу о связи между семантикой и прагматикой, вопросов сложности силы выразительности и невыразительности и других философских материй, которые сейчас явно уместны.

Сьюзан Гриффин в работе «Порнография и молчание» с горечью описывает способ порнографии, где женщины являются объектами с ограниченной субъективностью (теми, кого можно унижить). Она приводит убедительный довод того, что женщин заставляют молчать с целью искусственного включения их в порнографию, то есть нашего присутствия, но отсутствия в тех текстах и представлениях. Описывая «метафизику порнографии», Гриффин говорит, что «женщина будет либо исключена, и ее присутствие не замечается (один из видов потери рассудка), или же она

будет унижена, и образ женщины, к которому мы привыкли, будет опошлен» [20, p.14]. Как и другим формам речи, порнографии не дана сила сама по себе. Гриффин подчеркивает, что «все структуры власти в жизни женщин и права высказывания всех, кто имеет авторитет — церковь, государство, общество и, вероятно, даже их отец и мать отражают порнографическую фантазию». Чтобы стать той, кем она хочет быть, девушка должна скрывать в себе то, что противоречит принятому образу и «та ее часть, которая противоречит этому порнографическому образу женственности, замалчивается (о ней не говорят)» [20, p. 201-202].

Высказываниям Гриффин вторит работа Маккиннон «Только слова», где она говорит, что порнография заставляет женщин молчать, а также утверждает, что порнография является суммарным контекстом — он повсеместный, большей частью неотвратимый. Маккиннон утверждает, что порнография является фактором социальной конструкции полов, говоря в своей работе, что «порнография делает мир порнографическим, поскольку она его таким создает и использует, определяя, как говорить о существовании женщин, как на них смотреть, как с ними обращаться, создавая, таким образом, социальную концепцию того, что такое женщина и чем она может быть с точки зрения вашего к ней отношения, и что такое мужчина с точки зрения того, как он это делает» [29, p.25]. Таким образом, пол определяется тем, что он из себя представляет согласно нашим высказываниям, и тем, как можно или нельзя к нему относиться. Последние работы философов-языковедов, концентрируют свое внимание на речевой деятельности, на том, что мы подразумеваем, сообщая, что мы говорим, представляют собой живые дискуссии философов-феминисток по порнографии. Некоторые, такие как Дженифер Хорнсби и Рей Лингтон вновь обратились к Августину, внося коррективы в довольно вольные исследования речевой деятельности. Хорнсби, например, говорит, что критика Рональдом Дворкиным, высказывания Маккиннон о том, что заставляет женщин молчать, ошибочна, потому что «этим подтверждает некоторые свои ложные суждения о работе языка» [22, p.22]. Лингтон также тщательно анализирует работы Августина, чтобы защитить и усовершенствовать высказывания Маккиннон о том, что «порнография ставит в зависимость», и далее, она предлагает общий скрупулезный отчет о деятельности подчинительной речи [27]. Как показывает эта последняя работа, феминистское направление философского языковедения входит в состав нашей работы по метафизическим, эпистемологическим, моральным и социальным основаниям. Некоторые современные работы определяют и описывают, что делает язык унижительным в отношении женщин, проект 70-х годов. Сегодня теория речевой деятельности применительно, например, к порнографии делает важные выводы о многом. Мы видим, как действует речь, и приходим к пониманию того, как язык формирует общество и влияет на него, и это помогает нам, женщинам. Феминистки, работающие над философскими и политическими проблемами, возникшими в порнографии, выступают против речевых унижительных конструкций со словом «женщина». В этой ключевой работе весьма серьезной представляется философия языка. С другой стороны, в последней работе Мэрилин Фрай говорит, что «жизненной политической функцией союза феминисток и политиков становится создание положительных речевых категорий со словом "женщина", которые по сравнению с существовавшими раньше, должны быть понятны с точки зрения разумной логики и практики плюрализма» [16]. Исследование этих практик интерпретации и конструкции речевых категорий является основной работой философов-

языковедов феминистского направления. Мы должны понимать, овладевать и создавать новые нормы словесного выражения.

Куда теперь?

Феминистки-лингвистки и социолингвистки составили каталог множества способов, с помощью которых наши лингвистические практики полностью исключают участие женщины в «разговоре между людьми». Над чем нужно работать философам-феминисткам? Мы должны усовершенствовать более уточненные мнения о том, как наша речевая практика создает и укрепляет нормы, управляющие нашей социальной онтологией. Короче, нужно много потрудиться, чтобы объяснить, как практики, управляющие тем, что может быть сказано женщинам и о женщинах, служит тому, чтобы сделать из нас женщин и чтобы мы воспринимались как женщины, а не старые девы, старухи, ведьмы, лесбиянки и пр. Мы пользуемся этими словами как средствами самовыражения. Иногда — как средством самопредписания, иногда — описания, всегда — как способом утверждения речевых категорий самоуважения. Утверждая их, мы подчеркиваем, что эти категории должны существовать. Чтобы быть теми, кем мы хотим быть, мы должны изучать способы противодействия речевой практике, как и другим видам социальных практик. Как философы-феминистки, изучающие язык, мы должны больше узнать о динамике изменений значений в лингвистических единицах и с их помощью. Мы должны использовать возможности, которые возникли при противодействии языков в прошлом, и создать новые методы и новые языки, чтобы способствовать творческому росту в будущем. Мы должны научиться быть тем, кем мы есть, предписывая это самим себе.

Библиография и примечания:

1. Bartky, S. *Femininity and Domination: Studies in Phenomenology of Oppression*. New York, Routledge, 1990.
2. Beardsley, E.L. Genderization. In *Sexist Language: A Modern Philosophical Analysis*. Totowa, N: Littlefield Adams, 1981.
3. Beardsley, E.L. Traits and Genderization. In *Feminism and Philosophy*. Ed. M. Vetterling-Braggin. Totowa, N: Littlefield, Adams, 1977. 1977.
4. Beardsley, E.L. Referential Genderization. In *Women and Philosophy: Toward a Theory of Liberation*. Ed. C. Gould and M. Wartofsky. New York: G.P. Putnam's Sons, 1976.
5. Brandom, R. *Making It Explicit*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1994.
6. Butler, J. *Bodies That Matter: On the Discursive Limits of the "Sex."* New York: Routledge 1993.
7. Butler, J. *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. New York: Routledge, 1990.
8. Daly, M. and Caputi, J. *Webster's First Intergalactic Wickedary of the English Language*. Boston: Beacon Press, 1987.
9. Daly, M. *Beyond God the Father: Toward a Theory of Women's Liberation*. Boston: Beacon Press, 1973.
10. de Beauvoir, S. *The Second Sex*. New York: Bantam Books, 1973.
11. de Lauretis, T. *Technologies of Gender: Essays in Theory. Film and Fiction*. London: Macmillan, 1987.
12. Dworkin, A. *Letters from a War Zone: Writings 1976-1987*. London: Secker and Warburg, 1988.
13. Foucault, M. *The History of Sexuality*. New York, Pantheon Books, 1978.

14. Frank, F. and Anshen, F. *Language and the Sexes*. Albany: State University of New York Press, 1983.
15. Frye, M. Lesbian Sex. In *Sinister Wisdom*, 1988, #35.
16. Frye, M. To Be and Be Seen. In *The Politics of Reality: Essays in Feminist Theory*. Ed. M. Frye. Trumansburg, N.Y: The Crossing Press, 1986.
17. Frye, M. Some Reflections on Separatism and Power. In *The Politics of Reality: Essays in feminist Theory*. Ed. M. Frye. Trumansburg, N.Y: The Crossing Press, 1983.
18. Gilligan, C. *Mapping the Moral Domain*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1988.
19. Graham, A. The Making of a Nonsexist Dictionary. In *Ms.*, 1973, #2.
20. Griffin, S. *Pornography and Silence: Culture's Revolt Against Nature*. New York: Harper and Row, 1981.
21. Hoagland, S. *Lesbian Ethics: Toward New Value*. Palo Alto, CA: Institute for Lesbian Studies, 1988.
22. Hornsby, J. Speech Acts and Pornography. In *The Problem of Pornography*. Ed. S. Dwyer. Belmont, CA: Wadsworth, 1995.
23. Kittay, E. The Greater Gender: Pornography, Social Science and Women's Rights. In *Social Epistemology*, 1988.
24. Korsmeyer, C. The Hidden Joke: Generic Uses of masculine Terminology. In *Feminism and Philosophy*. Ed. M. Vetterling-Braggin. Totowa, N: Littlefield Adams, 1977.
25. Kramare, C. and Treichter, P.A. *Amazons, Bluestockings and Crones: A Feminist Dictionary*. London: Harper Collins, 1985.
26. Kuykendall, E. Feminist Linguistics in Philosophy. *Sexist Language: A Modern Philosophical Analysis*. Totowa, N: Littlefield Adams, 1981.
27. Langton, R. Speech Acts and Unspeakable Acts. In *Philosophy and Public Affairs*, 1993, #22; 4.
28. Lugones, M. and Spelman, E. Have We Got a Theory for You. In *Women and Values*. Ed. by M. Pearsall. Belmont, CA: Wadsworth, 1986/
29. MacKinnon, C. *Only Words*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1993/
30. Merriam, E. Sex and Semantics: Some Notes on BOMFOG. In *New York University Education Quarterly*, 1974, 5: 4.
31. Miller, C. and Swift, K. *Words and Women: New Language in New Times*. New York: Harper Collins, 1991.
32. Moulton, J. *The Myth of the Neutral Man*. In *Sexist Language: A Modern Philosophical Analysis*. Ed. M. Vetterling-Braggin. Totowa, N: Littlefield, Adams, 1981. 1981
33. Nietzsche, F. *The Gay Science*. New York, Vintage Books, 1974.
34. Penelope, J. *Speaking Freely: Unlearning the Lies of the Father's Tongues*. Elmsford, NY: Pergamon Press, 1990.
35. Penelope, J. *Call Me Lesbian: Lesbian Lives, Lesbian Theory*. Freedom, CA: The Crossing Press, 1992.
36. Rich, A. *On Lies, Secrets, and Silence*. New York: W.W. Norton & Co., 1979.
37. Romano, C. Between the Motion and the Act. In *The Nation*, November 15, 1993.
38. Shulz, M. The Semantic Derogation of Woman. In *Language and Sex: Difference and Dominance*. Ed. B. Thorne and N. Henley. Rowley, MA: Newbury House Publishers, 1975.
39. Spender, D. *Man Made Language*. New York,: Harper Collins, 1980.

40. Straumanis, J. Generic "Man" and Mortal Woman. In *The Structure of Knowledge: A Feminist Perspective*. Ed. B. Reid. *Proceedings of the 4th Annual GLCA Women's Studies Association*, November, 1978.
41. Tirrell, L. Definition and Power. In *Hypatia*, 1993 # 8; 4.
42. Tirrell, L. Srorytelling and Moral Agency. In *Journal of Aesthetics and Art Criticism*. 1990, 48: 2.
43. Trebilcot, J. Ethics of Method. In *Feminist Ethics*. Ed. by C. Card. Lawrence: University of Cansas Press, 1991.
44. Vetterling-Braggin, M. Ed. *Sexist Language: A Modern Philosophical Analysis*. Totowa, N: Littlefield Adams, 1981.
45. Williams, J. *Deconstructing Gender*. In *Feminist Legal Theory: Readings in Law and Gender*. ED. by K. Bartkett and R. Kennedy. Boulder, CO: Westview Press, 1991.
46. Wittig, M. *The Straight Mind*. Boston: Beacon Press, 1992.

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ*

Вступление

Если рассматривать частную жизнь с точки зрения феминизма, то существует два подхода к данному вопросу. Концепции личной жизни стали основной темой в критике того, что феминистки называют «либеральностью» и «патриархальностью» западных обществ. Хотя, насколько центральными были эти вопросы, еще нужно разобраться. Интересен тот факт, что для феминисток концепции частной жизни служили как предметом, так и средством критики. Одни из них рассматривают частную жизнь как барьер для либерализации жизни женщин, в то время как другие считают ее средством для достижения тех же целей.

В качестве целей критики, концепции личной жизни являлись негативными символами изоляции и индивидуализма, которые не могли сосуществовать с устоявшимися образами воспитания и заботы, возложенными на женщин [43, 41, 11]. Они также содержали идеи о женской скромности и замкнутости на обычных домашних делах [23]. Частная жизнь иногда была синонимом домашней и семейной жизни в контексте зависимого положения женщин в социально-экономических отношениях. Женщины и дети становятся уязвимыми в том обществе и в государстве, где игнорируются обязанности мужчин в частной и деловой жизни. Таким образом, некоторые феминистки, отстаивающие права женщин на свободу, равенство и безопасность вынуждены относиться к концепции частной жизни с неодобрением.

Однако другие имеют противоположную точку зрения. Так, в США, закон о правах на аборт и контроле над рождаемостью был принят под знаком права на частную жизнь. Некоторые феминистки резонно рассматривают концепции частной жизни как средство выражения идеалов независимости в принятии решений с учетом прав полов, воспроизводства, семьи и здоровья [5; 33; 24].

Основной целью данной статьи является описание противостояния в подходах феминисток к сфере частной жизни. Мой описательный анализ включает основные характеристики американских принципов морали и официальных теорий в области частной жизни. В США, да и не только, частная жизнь расширяет сферу своего действия на мораль, политику и право.

В области морали, (с учетом культурных различий), ежедневные споры о частной жизни вызваны желанием взаимного уважения в области жилищного вопроса, общения и поведения [25; 28]. В политике, в частности в западных демократиях, частная жизнь наряду с свободой и равенством являются основными ценностями. Однако, частная жизнь, в отличие от политики, не ограничена либеральным режимом [36; p.92-119]. Население всего мира считает, что защита, по меньшей мере, некоторых личных интересов является основной функцией хорошего правительства [8].

В области права каждая конституция или аналогичный основной закон имеют статьи об ограничении вмешательства государства в частную жизнь и частные владения. Гражданское законодательство стран Европы и устав

---

* Перевод Надежды Соколюк.

Перевод выполнен по изданию: Anita Allen "Privacy" in *A Companion to Feminist Philosophy*. Ed. by A.M. Jaggar and I.M. Yong. Malden, Massachusetts USA: Blackwell Publishers Ltd. Oxford, 1998, p. 466-474.

Европейского Сообщества содержат статьи об ограничении разглашения личной и деловой информации. Право на частную жизнь является широко распространенной в США нормой.

Первая, Третья, Четвертая, Пятая и Четырнадцатая поправки к Конституции США признают право на частную жизнь [1; 2; 34]. Законодательные акты, общие законы и конституция США создают дополнительные права на частную жизнь для жертв нежеланного вмешательства, разглашения и нарушения секретности.

Незаслуженно обойденная стороной тема

Когда-то тему частной жизни в дискуссиях обходили стороной. На протяжении веков в Римском праве, повсеместно велись споры и обсуждения частной собственности, законов о частной собственности, сделок и их нарушений. Но до XX века всего небольшая часть писателей, юристов, философов и социологов брали на себя смелость вторгаться в частную жизнь. Одной из них была Шарлотта Перкинс Гилман. В книге «Женщины и Экономика» она детально проанализировала идеал семейной частной жизни [19]. Гилман пришла к выводу, что хотя семья и считается раем частной жизни, но она зачастую предоставляет небольшие шансы для обретения самостоятельности детьми, женщинами и неимущими.

Идея о праве на частную жизнь с успехом отразилась в конце XIX века в общем своде законов США. В 1960-х она нашла отражение и в конституции США, а в 70-80-х годах и в федеральном законодательстве. Теперь, лица, сплетничающие или ведущие слежку, рискуют понести ответственность по гражданскому законодательству. Так, действия правительства, запрещающие смешанные браки или использование противозачаточных средств, могут быть расценены как несоблюдение конституции. Данное положение дел стало возможным благодаря существующему комплексу законов о частной жизни, включающему закон о рассмотрении споров между физическими лицами, обеспечивающий физическую изоляцию и ограничивающий разглашение информации. Наряду с ним существует также конституционное право, обязующее правительство занимать ограниченную, терпимую и нейтральную позицию по отношению к гражданам и позволять им принимать решения без давления и с относительной степенью автономности.

Интересы женщин и движение феминисток в США сыграли важную роль в становлении и развитии права на частную жизнь. В законодательстве США право на частную жизнь, являющееся пунктом закона о поддержании права и порядка, появилось как следствие противостояния изменяющихся отношений к женщинам и их правам [1; 2; 4].

«Де Мэй против Робертс» (1881) было самым первым делом, провозгласившим право на частную жизнь. В ходе дела рассматривался случай из врачебной практики одного из докторов, позволившего своему младшему помощнику присутствовать при осмотрах женщин и приеме родов. Письменное решение суда предполагало специальные меры в защиту скромности замужних женщин. Забота о единении семьи и женской скромности являлась одной из основных тем в законе о частной жизни, изложенным Луисом Брандэсом и Самюэлем Уореном в их знаменитой статье 1890 года «Пересмотр Гарвардских законов» [4]. Право женщин на законное использование контрацептивов было в центре споров в тот момент, когда в деле Грисвулд против штата Коннектикут (1965) Верховный суд США впервые признал право на частную жизнь конституционным. В деле Рой против Вэйд (1973) впервые в США было признано право женщин на

аборт. Таким образом, право на решение сохранить или нет ребенка, защищается конституцией.

Под влиянием дел Рисвулда, Роя и других последующих дел, американские ученые, политики и вся общественность, для которых эти дела послужили прецедентами, после 60-х, 70-х, 80-х годов проявили живой интерес к проблеме частной жизни в области здоровья, семьи и отношения полов. Но изменения в частной жизни были также вызваны компьютеризацией общества. В частности, они связаны с электронным наблюдением и компьютерными базами данных, разработанными государством и кругом деловых лиц. Также масло в огонь подливали проблемы наркотиков, алкоголя, СПИДа и генетического анализа. Эти феномены придали три смысла термину частной жизни: физический, информационный и принятие решений.

Физическая частная жизнь

В этом очень распространенном смысле слова, частная жизнь означает свободу от нежелаемого физического наблюдения или контакта. Это означает ограничение доступа к тем, кто стремится к уединению.

Американцы, европейцы и жители других стран частную жизнь в этом смысле ассоциируют с домом и домашней жизнью. Согласно закону и социологическим исследованиям взрослые, в основном, обладают некими структурами, являющимися их владениями. Для некоторых, дом — это рай частной жизни. Однако для женщин, имеющих родительские или какие-либо другие обязанности, дом не является раем частной жизни [5]. Воздержание, или откладывание замужества, или воспитание ребенка является способом, которым женщины достигают научного или художественного уединения в жизни.

Но все же общение и забота — это то, к чему стремятся некоторые женщины [5; p.72]. Для них шумная и большая семья — это скорее радость, чем горе. В то время как в таких семьях существует ничтожная вероятность уединения в отношении друг друга, сами женщины обладают огромной вероятностью уединения от всего остального мира. Личность, избегающая отношений и детей с целью уединения, ищет физического уединения, но есть так же и те, кто страстно желает близких отношений в семье или с партнером. Разделение общественной и частной жизни является серьезным вопросом. Действительно, поскольку частная жизнь подразумевает изоляцию и независимость от остальных, такая частная жизнь вполне может быть отвергнута некоторыми женщинами.

Физическое уединение возможно как в доме, так и за его пределами, в публичных местах [5; p.123-152]. Находясь на работе, в магазине, отдыхая или просто идя по улице, люди предполагают определенную степень отделения от остальных. Даже в заполненном метро существуют негласные правила поведения и наблюдения за остальными. Женщина желающая избавиться от сексуальных домогательств на оживленной улице понимает, что полного уединения и безопасности посреди оживленной улицы достигнуть невозможно; но, тем не менее, она считает, что вполне защищена от преследования, ощупывания и других унижающих контактов.

Однако физическое уединение иногда бывает очень грустным занятием, например, при заключении под стражу или в тюрьму [5; p.153-172]. Даже будучи законными, задержания, аресты, физические обыски ущемляют права на частную жизнь. Как для мужчин, так и для женщин тюремное заключение представляет чрезмерное физическое уединение.

Проблема физического уединения возникает и тогда, когда человек, не будучи в заключении, является объектом наблюдения. Таким же образом

право на частную физическую жизнь нарушается при осмотрах здоровья, лечении, хирургии и рассмотрении поведения служащего на предмет злоупотреблений [1]. Во всех этих случаях право на частную жизнь нарушается путем физического вторжения, таких как прикосновение, укол иглой, порезы. Также угроза физическому уединению может возникнуть в том случае, когда физическое вмешательство может раскрыть тем или иным образом скрытую личную информацию.

Информационная тайна

Во втором значении этого слова частная жизнь — это секретность, конфиденциальность и анонимность информации. Она включает ограничение на распространение информации, полученной от кого-либо или из банка данных, сохранение тайны образцов тканей, файлов, записей, компьютеров и т.п. Утаивание информации зачастую мотивировано возможной дискриминацией после ее раскрытия. Что касается дискриминации женщин по их семейному положению, законы, введенные в действие в 60-70 годы, освобождают их давать такого рода информацию при подаче заявления на работу или для получения кредита. Некоторые сторонники биоэтики считают, что обязательное генетическое тестирование и тестирование на СПИД ущемляет права граждан, так как это ведет к дискриминации при приеме на работу, в образовании и страховании. Защитники законного ограниченного разглашения информации боятся дискриминации со стороны частных работодателей и страховых агентств.

Очень многие случаи усыновления и удочерения носят открытый характер. Таким образом, настоящие родители участвуют в выборе опекунов для ребенка с целью поддержания отношений в процессе его жизни. Но если женщина отдает ребенка на условиях анонимности, то она полагается на конфиденциальность работников агентств опеки, юристов и докторов. Из-за информационной тайны многим клиникам репродуктивного здоровья женщин пришлось отказаться от официальных записей, которые сделали бы информацию о людях, сделавших аборты, общедоступными. Исходя из тех же побуждений, клиники женского репродуктивного здоровья протестуют против тех, кто снимает на пленку или фотографирует людей, входящих в клинику.

Компьютерные технологии расширили определение частной жизни, включив в него так называемую «честную информационную деятельность». Эта деятельность подразумевает, например, что правительственные, деловые и институциональные сборщики информации, во-первых, защищают ее от общего обозрения; во-вторых, сверяют и дополняют информацию в пределах разумного; в-третьих, обеспечивают доступ к информации для тех, кому она принадлежит; в-четвертых, не допускают другого несанкционированного ее использования. Являясь основными потребителями услуг, предоставляемых сферами здравоохранения и социальных услуг, женщины проявляют особое внимание к нормам по защите информации, имеющей для них важнейшее значение.

Независимое принятие решений

И в последнем смысле частная жизнь подразумевает возможность самостоятельного принятия решений и следования им, независимо от государственного или другого нежеланного вмешательства. Философские рациональные основания для независимого принятия решений включают идеалы ограниченного, толерантного и нейтрального в своих решениях государства [34; 31]; согласно же моральной концепции человеческого

бытия как сферы достоинства, автономности или интересов, они должны быть связаны с жизнью и взаимоотношениями самих индивидов [15; 9] или быть и тем и другим. Верховный суд США предоставляет людям права на независимость принятия решений относительно использования контрацептивов, абортов, межрасовых браков и чтения или просмотра порнографии. Но ни Верховный суд США, ни федеральный суд или суд штата не предоставляют право контракта суррогатным матерям, или защиту от угрозы уголовной ответственности за содомию для лиц нетрадиционной сексуальной ориентации (случай Боуэр против Хардвика, 1986).

Использование права на частную жизнь в этом смысле подверглось сильной критике [14]. Так, критики закона о праве на аборт часто говорят о том, что он только обеспечивает свободу и равенство для женщин, но не имеет никакого отношения к частной жизни [39]. В этом смысле под правами на личную жизнь они понимают право на физическую и информационную тайну. Многие спорят о том, что, во-первых, в качестве аспекта свободы и независимости право на принятие решений отличается от концепций уединения и конфиденциальности, являющихся парадигматическими правами на частную жизнь [27]. Во-вторых, мы усложняем объяснение уединения, свободы, независимости как различных концепций, когда следуем за Верховным судом США и говорим о праве на независимое решение [17]. Данным возражениям придают долю смысла первые дела о репродуктивных правах, заслушиваемые в Верховном суде США, в которых концепции частной жизни часто были весьма путанными и туманными.

Защитники использования концепции «принятия решений» говорят о том, что она оправдывает свое название. Несмотря на то, что эта концепция включает понятия свободы и независимости, она также рассматривает их с точки зрения концепций личной жизни, находящихся за пределами легитимного социального вмешательства [3; 13; 18]. В настоящее время в США и некоторых других странах широко используются права на частную жизнь как права на принятие решений вне пределов легитимного социального фактора.

Личное и общественное

В области принятия решений выделяются две сферы жизни: личная и общественная, причем личная сфера включает принятие решений в области отношения полов, репродукции, брака и семьи. В такой интерпретации концепция принятия решений уходит корнями в античность. Греки различали общественную жизнь полиса, или государства, и личную жизнь в сфере ойкоса, или поддержания семейной жизни [7; 20]. Римляне таким же образом различали *res publicae*, деятельность общества, и *res privatae*, сферу личной и семейной жизни [20; 7]. Общественная жизнь была сферой, в которой свободные мужчины, чья собственность и экономический статус в обществе делали их гражданами, участвовали в коллективном управлении. Напротив, сфера личной жизни носила светский характер экономического и биологического существования. Жены, дети, рабы и слуги относились к сфере личной жизни, подчиняясь мужчине, который их обеспечивал. Таким образом, предпосылки того, что жизнь должна быть разделена на две сферы, сохранились и в западных либеральных постпросвещенческих традициях. Так же сохранилось представление о том, что личная жизнь означает дом, семью и различные близкие, несвязанные с политикой отношения.

В стремлении провести разделение между частной жизнью и общественной существует доля иронии, так как личная жизнь присутствует везде. Закон, как средство общественного управления, определяет ряд

отношений, конституирующихся как сфера личной жизни, такие как межиндивидуальные отношения и отношения индивид-государство. Например, человеку разрешается водить машину, усыновлять ребенка, исповедовать религию, заключать межрасовые браки, требовать конфиденциальности от врачей, быть членом частных клубов и использовать средства контроля над беременностью, и все это благодаря конституциональным и неконституциональным положениям, созданным и введенным в действие правительством.

Более того, государство выполняет функции регулирования и осуждения, без которых неприкосновенность частной жизни для многих людей не была бы достигнута. Если кто-нибудь подвергается домогательствам, нарушающим неприкосновенность их жизни, то она/он может вызвать полицию. Если чьи-нибудь права будут нарушены, то можно дело передать в суд с целью восстановления справедливости и компенсации ущерба. Частная жизнь находится под плотной опекой государства. Если государство исповедует какие-либо патриархальные идеи или идеи равенства полов, то они найдут отражение и в правах мужчин и женщин на частную жизнь. С точки зрения женщины, «моя» частная жизнь ограничена «его» и «их» концепциями хорошей жизни. Так желание женщины нетрадиционной ориентации жить со своей любовницей или воспитывать своего или усыновленного ребенка может противоречить концепциям хорошей семьи и семейным ценностям.

В ответ либералам на их утверждения о том, что личная и общественная сферы являются фиксированными понятиями и требуют разумного управления, критики говорят, что личная и общественная сферы — это непредсказуемые, трансформирующиеся концепции того, как власть должна распределяться среди людей, социальных групп и правительства. Феминистская критика либерализма настаивает на том, что различие между личным и общественным — это идеологический инструмент субординации в обществе, в котором группы белых людей, обладающие собственностью, доминируют над остальными [23;26]. Частная жизнь закрепляет право эксклюзивной монополии на социальные ресурсы и безразличие к насилию и бедности, которые характеризуют личную жизнь многих женщин и детей [12]. Либеральное общество процветает при открытом управлении и закрытой сфере личных отношений. Феминистки подчеркнули, что в такого рода закрытых сферах межличностных отношений вполне вероятно, что нарушения прав останутся незамеченными. В таких отношениях как родители-дети могут возникнуть ситуации, когда ребенок подвергается сексуальным притеснениям или пожилому родителю уделяется очень мало внимания. Так же и в браке нередки случаи того, что один из супругов подвергается побоям или изнасилованиям со стороны другого. Даже если будут установлены довольно суровые рамки вмешательства государства в семейную жизнь, оно, таким образом, не сможет защитить наиболее уязвимые части населения от семейного насилия.

Те из феминисток, кто не отрицает дихотомию личное/общественное, настаивают на том, чтобы границу между этими сферами сместили в пользу женщин с тем, чтобы они смогли получить большую власть над своими телами и жизнями. Поскольку эта граница уже была смещена уголовным законодательством об изнасилованиях, то неприкосновенность семейной жизни больше не является защитой для мужчин от уголовной ответственности за изнасилование своих жен.

Большинство либеральных сторонников негативно оценивают государственную политику невмешательства в частную жизнь. Такие излишние свободы привели к тому, что Верховный суд США не обязывает

общество платить за аборты женщин, которые они сами не в состоянии оплатить. В попытке сгладить различия между двумя сферами жизни феминистки заявляют, что права на частную жизнь могут повлечь и права на благосостояние в общественной жизни. Но в то же время некоторые утверждают, что право на частную жизнь может поддержать, а не остановить правительство в предоставлении бесплатной медицинской помощи для несостоятельных женщин, желающих сделать аборт [29; 33].

Определение и значение

Ученые, включая многих феминисток, постоянно спорят о том, как наиболее точно определить, оценить и урегулировать неприкосновенность личной жизни [13; 37; 21; 40; 45]. Пока ни одно из определений или значений неприкосновенности частной жизни не стало единым и общеупотребимым. Теоретики спорят о методах подхода к решению этой задачи. Разногласия заключаются в том, определять ли ее как ценность или как факт; как моральное или законодательное право; или дать ей определение согласно идеальному или реальному использованию этого термина.

Теоретические определения имеют множества трактовок, начиная от «быть в уединении», провозглашенными Сэмюэлем Уорреном и Луиз Бранделс до более конкретного определения сделанного Аланом Уэстином «требование людей, групп или институтов на то, чтобы решать когда, как и в каком количестве разглашать другим информацию, связанную с ними» [42]. Многие исследователи определяют неприкосновенность частной жизни как условие ограничения доступа к людям, их психологическому состоянию или касающиеся их информации [17; 10; 5]. Согласно Рут Гэвисон «в условиях совершенной неприкосновенности частной жизни, никто не знает ничего о X, никто не обращает на него никакого внимания, и никто не имеет физического доступа к нему» [17; p.428]. Таким образом, неприкосновенность частной жизни трактуется как некая концепция «зонта», объединяющая группу концепций, каждая из которых ограничивает другую. Теоретики считают, что неприкосновенность семейной жизни не удовлетворяет данной концепции. Все составляющие этой концепции включают уединение, анонимность, конфиденциальность, скромность, интимность, замкнутость и секретность.

На месте трактовки «ограниченность условий доступа к людям, их психологическому состоянию или касающейся их информации», некоторые определения акцентируют внимание на власти, как инструменте контроля, будь-то контроль над личной информацией или над способами наблюдения [27; 42; 16]. Многие теоретики юристы и моралисты характеризуют частную жизнь как социальную практику с нормативными функциями [30]. Продолжая развивать эти концепции, Джеффри Рейман связывает частную жизнь со становлением индивидуальности и личности: «Частная жизнь — это социальный ритуал, в значении которого человек приобретает право на собственное существование» [32. p.39].

Физическая и информационная практики частной жизни личности служит тому, чтобы ограничить наблюдения и обнародование информации, противоречащие счастливому существованию личности [6]. В течение долгого времени психологи подчеркивали вредность непредоставления человеку права на определенные типы социальной неприкосновенности [36]. Философы поддерживают точку зрения, согласно которой соблюдение и признание многих форм социальной неприкосновенности являются наиважнейшим критерием уважения человека, его личности, моральной независимости и благополучной общественной жизни [37; 22; 13; 15; 28].

Многие философы также указывают на политическую моральность ограниченного, терпимого и нейтрального правительства как моральную основу права на частную жизнь против государственного контроля сексуальности, репродуктивности и здоровья. Часто юристы говорят, что высокая моральная ценность частной жизни — это подтверждение законности прав на частную жизнь и ее неприкосновенность [5; 15; 17; 42].

Феминизм против неприкосновенности частной жизни

Идеалы частной жизни являются центральным звеном в либерально-феминистических определениях прав и обязанностей женщин. Хотя концепция частной жизни дает права женщинам для принятия решений в вопросах деторождения, они также предполагают женскую бесправность и зависимость в традиционных ролях частной сферы жизни. Соответственно, феминистки рассмотрели частную сферу, используя разные подходы. Первый — весьма лояльный, подчеркивает, что женщины получают контроль над своими жизнями через условия частной жизни и право на частную жизнь. Другой подход — радикальный, подчеркивает женское бесправие в сферах жизни, где доминируют мужчины, или есть конфликты между идеалами неприкосновенности и этикой заботы и сострадания. Последний подход коренным образом расходится с либеральными идеями принятия и одобрения частной сферы как фундаментальной человеческой ценности. Что же в действительности стало целью негативной феминистской критики? Почему некоторые феминистки с неохотой поддерживают идеи частной жизни в качестве своих претензий обществу? Я выделю три недостатка, которые феминистки определили в концепциях частной жизни: недостаточное участие женщин в общественных процессах, насилие в семьях и консервативные черты концепций.

Для многих феминисток неприкосновенность и личная жизнь означают проблему заключения и подчинения женщин в семейной жизни. Это заключение и подчинение означает, что, в общем, у женщин не было возможности принимать участие в общественной жизни с использованием всего их потенциала. Так выражается недостаточное участие женщин в общественной жизни.

Феминистки борются с утверждением, что надлежащее место для женщин — это жизнь в частной сфере под мужским началом в роли дочерей, жен и матерей с определенными домашними обязанностями. Обычные женские обязанности включают приготовление пищи, покупки, ухаживание за садом, уборку и воспитание детей. Эти обязанности сдерживают огромное количество женщин в пределах их семейной жизни. Убеждения в целомудрии и скромности сдерживали женщин в пределах частной жизни, в ущерб сексуальному выбору и самовыражению. Ожидания эмоциональной близости благоприятствовали установлению крепких связей. Уход за садом, приготовление пищи и вязание являлись выбросом креативной энергии. В то же время определенная роль женщин ограничивала их возможность достижения личной формы неприкосновенности и независимого выбора партнера. Материнские и социальные обязанности сдерживали женщин в сфере личной жизни, хотя они могли бы самовыразиться и в общественной сфере как деловые женщины, ученые, политические лидеры и художники. С целью усилить роль женщин в обществе феминистки боролись за права женщин на частную собственность, избирательные права и право работать на различных работах, чтобы быть наравне с мужчинами.

Сейчас получила распространение система частной жизни, в которую не вмешивается ни государство, никто другой, несмотря на тот факт, что в

США и других западных государствах частная жизнь является объектом прямого или косвенного государственного регулирования. Хотя брак считается частной сферой жизни, государство все же требует медицинские тесты и лицензии, устанавливает возрастные рамки, запрещает многоженство, кровосмешение и однополые браки. Рождение детей и их воспитание являются сферой частной жизни, но государственные законы неадекватного отношения к детям указывают, иногда неоправданно, как родители или беременные женщины должны выполнять свои обязанности. Достичь идеала частной сферы так же сложно, как делать выбор без какого-либо государственного давления или вмешательства.

Сущность идеала частной сферы в США поставлена под вопрос, так как насилие в семьях требует большего, а не меньшего государственного вмешательства в частную и семейную жизнь. Хотя насилие все еще имеет место в семейной жизни, теперь все же запрещено бить супругу или любовницу; также родителям или приемным родителям запрещено бить детей с целью поддержания дисциплины или в порыве гнева.

Некоторые феминистки склонны видеть некоторые консервативные черты в либеральных концепциях частной жизни на Западе, где они получили широкое распространение. Они призывают общественность изменить те привычные стереотипы, которые привели к женскому бесправию и насилию со стороны мужчин. Феминистки-правоведы указывают на то, что концепциям неприкосновенности личности характерны консервативные черты, из-за которых замедляется процесс защиты уязвимых классов женщин [26].

Обычно консерваторы становились в оппозицию правительству в вопросах по программам благосостояния, особенно по тем, которые характеризовались как несущественные. Неудивительно, что они противостояли финансированию правительством аборт для бедных женщин. Многие консерваторы и либералы интерпретировали право личности на использование контрацептивов и аборт как негативную черту, противодействующую правительственной программе по воспроизводству населения, а не как позитивный фактор в правительственной программе по предоставлению средств контрацепции и услуг для проведения абортов тем, кто не может за них заплатить самостоятельно [36]. Для некоторых очевидно, что права на неприкосновенность и личную жизнь это не то, за что должно платить общество. Многие феминистки недоброжелательно относятся к неприкосновенности в законе об абортах, так как законными путями не удастся обеспечить финансирование абортов финансово несостоятельных женщин [26; 23; 11].

Заключение

Философы рассматривают неприкосновенность и частную жизнь как комплекс различных концепций, на деле и в теории имеющие противоречия. У феминисток есть причины для критики того, чем была неприкосновенность частной жизни для женщин в прошлом, и того, каким риторическим и законным это право будет в будущем. В то же время сомнительно, что женщины, борющиеся за права самостоятельно распоряжаться своими жизнями, достигли своего за счет повышения общественного внимания к физической, информационной неприкосновенности и независимости принятия решений.

Проникнув в идеи феминисток, каждому необходимо отнестись к данному вопросу с особым вниманием.

Библиография и примечания:

1. Allen, A. Constitutional Privacy. In a *Companion to Philosophy of Law and Legal Theory*. Ed. by D. Peterson. Oxford: Blackwell, 1996.
2. Allen, A. The Jurispolitics of Privacy. In *Reconstructing Political Theory*. Ed. by U. Narayan & Shanley. Cambridge: Polity Press, 1996.
3. Allen, A. Privacy in Health Care. In *Encyclopedia of Bioethics*. Ed. by W. Reich. N.Y: Macmillan, 1995.
4. Allen, A. & Mack, E. How Privacy Got Its Gender. In *Northern Illinois University Law Review*, 10, 1990.
5. Allen, A. *Uneasy Access: Privacy for Women in a Free Society*. Totowa, N: Rowman and Littlefield, 1988.
6. Altman, I. Privacy: a Conceptual Analysis. *Environment and Behavior*, 1976.
7. Arendt, H. *The Human Condition*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1958.
8. Blaustein, A. & Flanz, G.H. *Constitutions of the Countries of the World*. Dobbs Ferry, N.Y: Oceana Publications, Inc., 1994.
9. Bloustein, E. Privacy as an Aspect of Human Dignity an Answer to Dean Prosser. In *New York University Law Review*, 39, 1964.
10. Bok, S. *Secrets: On the Ethics of Concealment and Revelation*. N.Y.: Pantheon, 1983.
11. Colker, R. *Abortion and Dialogue: Pro-Choice, Pro-Life, and American Law*. Bloomington: Indiana University Press, 1992.
12. Chneider, E. The Violence of Privacy. In *Connecticut Law Review*. 23, 1991.
13. De Cew, J. Defending the Private in Constitutional Privacy. In *Journal of Value Inquiry*, 21, 1987.
14. Ely, J.H. The Wages of Crying Wolf: A Comment on Roe V., Wade. *Yale Law Journal*, 82, 1973.
15. Feinberg, J. Autonomy, Sovereignty and Privacy: Moral Ideals in the Constitution? In *Notre Dame Law Review*, 58, 1983.
16. Fried, C. *An Anatomy of Values: Problems of Personal and Social Change*. Cambridge, MA: Harvard University Press. 1970.
17. Gavison, R. Privacy and the Limits of Law. *Yale Law Journal*, 89, 1980.
18. Gerety, T. Redefining Privacy. In *Harvard Civil Rights - Civil Liberties Law Review*, 12, 1977.
19. Gilman, C. *Women and Economics: A Study of the Economic Relation Between Men and Women as a Factor in Social Evolution*. N.Y: Harper & Row, 1966.
20. Habermas, J. *The Structural Transformation of the Public Sphere: an Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Cambridge: MIT Press, 1989.
21. Inness, J. *Privacy, Intimacy and Isolation*. N.Y.: Oxford University Press, 1992.
22. Kupfer, J. Privacy, Autonomy, and Self-Concept. In *American Philosophical Quarterly*, 24, 1987.
23. MacKinnon, C. *Feminism Unmodified: Discourses and Life and Law*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1987.
24. McClain, L. Atomistic Man Revisited: Liberalism, Connection, and Feminist Jurisprudence. In *Southern California Law Review*, 65, 1992.
25. Moore, B. *Privacy Studies in Social and Cultural History*. Armonk, N.Y: M.E. Sharpe, 1984.
26. Olsen, F. University Compromise. In *Harvard Law Review*, 103, 1989.

27. Parent, W.A. A New Definition of Privacy for the Law. In *Law and Philosophy*, 2, 1983.
28. Pennock, J.R. & Chapman, J. Privacy. N.Y.: Atherton Press, 1971.
29. Pine, R. & Law, S. Envisioning a Future for Reproductive Liberty: Strategies for Making the Rights Real. In *Harvard Civil Rights — Civil Liberties Law Review*, 27, 1992.
30. Post, R. The Social Foundations of Privacy: Community and Self in the Common Law Tort. In *California Law Review*, 77, 1989.
31. Richards, D. *Toleration and the Constitution*. N.Y: Oxford University Press, 1986.
32. Reiman, J. *The Sexual Revolution*. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 1974.
33. Roberts, D. Punishing Drug Addicts Who Have Babies. In *Harvard Law Review*, 104, 1991.
34. Rubenfeld, J. The Right of Privacy. In *Harvard Law Review*, 102, 1989.
35. Sandel, M. *Democracy's Discontent: America in Search of a Public Philosophy*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996.
36. Schneider, C. *Shame, Exposure, and Privacy*. Boston: Beacon Press, 1977.
37. Schoeman, F. *Philosophical Dimensions of Privacy*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
38. Sher, G. Our Preferences, Ourselves. In *Philosophy and Public Affairs*, 12. 1982.
39. Sunstein, C. Neutrality in Constitutional Law. In *Columbia Law Review*, 92, 1992.
40. Wacks, R. *Personal Information: Privacy and the Law*. Oxford: Clarendon Press, 1989.
41. West, R. Forward: Taking Freedom Seriously. In *Harvard Law Review*, 104, 1990.
42. Westin, A. *Privacy and Freedom*. N.Y.: Atheneum, 1967.
43. Williams, J. Gender Wars: Selfless Women in the Republic of Choice. In *New York University Law Review*, 66, 1991.

Многие известные западные философы, изучающие проблемы политики и общества, не сомневаются в значении образования. Философы феминизма начали интересоваться теорией и философией образования достаточно давно [36]. Однако, на сегодняшний день, современные феминистские научные труды уделяют мало внимания проблемам образования и редко упоминают феминистские исследования в этой области. В различных библиографических списках и обзорах феминистской литературы исследований в сфере образования почти нет [1, 10].

Активистка и теоретик феминизма Шарлотта Бэнч в одном из своих трудов указывала как-то, что, помимо прочего, феминистская теория должна рекомендовать, каким образом следовало бы производить изменения там, где это необходимо [6, С.253]. Но к этому следует добавить, что деятельность каждого сторонника феминизма должна иметь и практическую сторону. Удивляет то, что при очевидных успехах как в гендерных исследованиях в целом, так и в вопросах семьи, брака, деторождения, работы, науки, общества в частности, феминистские философы занимаются проблемами образования без особых результатов.

Система гендерного образования

Может ли что-то быть важнее образования? И то, что по большей части феминистская литература обходит молчанием эту сферу, указывает на опасность, которая грозит научной основе феминистской теории. Состояние системы гендерного образования далеко не самым лучшим образом воздействует на феминистские проекты.

Сравнивая преобладающие в нашей культуре идеологические и практические установки, мы увидим, что система гендерного образования включает основные формы и структуры, распространенные педагогические методики, стандартные подходы к курсу обучения, различные определения функции школы, концепции образованной личности и многое другое.

Феминистские ученые вполне справедливо отрицают соответствие действительности тому или иному варианту разделения на общественное и личное. Однако наша педагогическая наука основывается именно на этом подходе [35, 33, 32]. Разделяя социальную действительность на мир частной жизни и на мир работы, бизнеса, политики, почти все из нас — родители, политики, учителя, администраторы и просто граждане, принимают как само собой разумеющееся то, что основная функция образования состоит в изменении детей.

Допуская, что частная жизнь является более естественным для человека явлением, чем общественный мир, мы не видим смысла в подготовке людей, которые должны выполнять различные общественные задачи. Но мы понимаем, что общественный мир — это творение человека, где мы добиваемся успеха или терпим неудачи. Поэтому мы все-таки принимаем систему образования в качестве подготовки для выполнения общественных задач. И все же само по себе это не придает нашей системе образования гендерный характер. Если рассматривать проблему в культурном аспекте, то

---

* Перевод Светланы Позняк.

Перевод выполнен по изданию: Jane Roland Martin. Education. In *A Companion to Feminist Philosophy*. Ed. by A.M. Jaggar and I.M. Yong. Malden, Massachusetts USA: Blackwell Publishers Ltd. Oxford, 1998, p. 441-447.

мы увидим, что отчасти это качество уже изначально присутствует в образовательной системе, ведь у личной и общественной жизни во многом гендерная основа.

Одни принимают в качестве доминирующего мужское начало, другие — женское. Это разделение влияет на теорию и практику образования, где гендер становится основным измерением.

В качестве примера. Допустим, что становление образованного человека является процессом овладения новыми способами мышления, мироощущения и действия вне зависимости от пола. И все-таки это не так. Если образовательная система носит рациональный характер, то эти новые способы должны быть функциональными по отношению к общественной жизни или, по меньшей мере, они должны бы быть функциональными в отношении социального мира. Но, в свою очередь, если рассматривать проблему в историческом аспекте, то мы увидим, что и по сей день функциональным считается все направленное на сохранение мужского преобладания.

Более того, в контексте системы гендерного образования вообще нет необходимости в этих приобретаемых новых способах мышления, чувствования и действий или в обсуждении таковых, так как мир частной жизни является женским. В нашей культуре эти два мира противопоставляются друг другу. Способы подготовки к жизни в одном из этих миров не подходят для другого.

Вирджиния Вульф, чья работа «Три гинеи» может по праву считаться настоящим трактатом философии образования [33], утверждает, что мир, в который мы приходим по «мосту из частной жизни, полон конкуренции. Здесь для того, чтобы добиться успеха, человек вынужден постоянно воевать и приобретать» [53; С.72]. На Западе мы с этим соглашаемся и допускаем, что любовь, воспитание, забота и взаимопонимание связаны с частной жизнью и, конечно, с женщиной. И все это идет вразрез с традициями классического образования, так как частная жизнь воспринимается в качестве препятствия для воспитания детей. Традиционно, основной задачей этого процесса является подготовка ребенка к жизни в общественном мире. И для этого человеку нужно будет оставить все связанное с домом, женщиной и домохозяйством [34].

И вовсе не случайно то, что отчеты о состоянии американского образования, опубликованные в 80-х и 90-х годах, проблему дома и частной жизни школьника практически не затрагивают. Представляя ребенка в качестве путешественника в общественный мир, они видят в школе то место, где он получает необходимые для этого пути навыки. По этому сценарию дети, заканчивая школу, уже никогда не возвращаются в домашний мир. Авторы многотомных исследований так же как почти все теоретики, практики, критики и реформаторы в сфере образования, забыли, что человеческая жизнь тесно связана с двумя мирами. Если сопоставить причину и следствие в нашей системе гендерного образования, то станет понятной подобная «амнезия».

Одним из основных тезисов Нэнси Чодоров, автора теории материнства, является утверждение, что материнство «содержит в себе способность собственного воспроизводства» [7; С.206]. Так или иначе, если принимать этот тезис, то нет сомнений в том, что система гендерного образования содержит в себе возможности для своего собственного воспроизводства, но механизм развития глубоко скрыт от внешнего взгляда.

Иван Иллич в «Обществе без школы» утверждал, что школьная система сохраняет себя при помощи скрытой установки на том, что образование зависит только от школы. Смешивая процесс и сущность, школа достаточно

успешно внушает всем, что получить образование можно только в процессе посещения школы [23]. Таким образом, система образования сама себя сохраняет.

Моя точка зрения состоит в следующем. Мы настолько уверовали в строго фиксированную, неизменную природу образования, что без всяких доказательств большинство ученых-феминисток считают какие-либо фундаментальные изменения здесь практически невозможными [33].

Мэрлин Фрай описывала женскую сущность как «основание, противопоставленное фаллоцентристской реальности», основание, «невидимое глазами, сфокусированными на центральных фигурах» [13; С.167]. Образование находится у М. Фрай, в таком же подчиненном положении, как и женщины. Почти каждый из нас попался в ловушку традиционных установок в обучении, убеждающих нас в устойчивости образования в современном меняющемся мире политики, экономики и культуры. Этого не избежали и философы феминизма. Мы сомневаемся в идеалах, создаем гендерные концепции, считаем, что человеческое тело — социальный конструкт, и все же уверены, что теоретическая основа образования является неоспоримым фактом.

Либеральное образование обходит молчанием проблему частной жизни и все, что с этим связано. Литература и история практически не уделяют внимания домашней жизни. Поэтому достаточно легко проглядеть роль гендера в образовании [33, ch.4].

Так же как когда-то Платону необходима была теория образования для мужчин и правила для женщин, которые он поместил в своей работе «Государство», так и феминистским философам необходима хорошо продуманная теория образования для мужчин и женщин как для граждан, и как для членов семьи. Такая теория необходима для того, чтобы знать гендерную структуру теории образования и практику, завершающую образование. Я не думаю, что такие теории возможны в обществах с гендерно-эгалитарными идеалами справедливости или другими идеалами, где граждане сталкиваются со стыдливо замалчиваемыми гендерными барьерами в процессе всего воспитания от его начала до завершения. Будь то война или мир, рабочее место или учеба, насилие против женщин или детей, расизм или гомофобия, бедность или подростковая беременность, наука или технология, среди всего этого образование представляет собой проблему, которая так же требует решения.

Обзор литературы

Как показывает предыдущая дискуссия, одной из основных тем в феминистской литературе является образование. Настоящее исследование не преследует цель полного освещения всех проблем гендерного образования. Однако и в работах, которые часто лишь упоминают об этой проблеме, есть ценные замечания.

Описывая разногласия феминистских философов в рамках Американской философской ассоциации, Кэтрин Пэн Аддельсон указывала, что проблема образования «победила в этих внутренних баталиях и получила междисциплинарный статус» [2; p.217].

Интересный обзор женских исследований в области философии образования принадлежит Мэри Лич [31]. Она напоминала, что в официальных рамках феминистики начали заниматься философией образования еще задолго до 80-х годов [18, 38].

Принимая взаимосвязь между феминистской философией и теорией, в своем обзоре Анна Фергюсон [10] перечисляла как самих философов, так и всех тех поэтов, экономистов, антропологов, физиологов, которые внесли

весомый вклад в развитие феминистской философии. В исследовании феминистской философии образования одинаково важно разграничивать феминистскую философию образования от феминистской теории в целом, и от феминистской теории образования в частности.

Кроме того, важны разработки Адриенны Рич, представленные в ее лекциях «Среди лжи, секретов и недомолвок» о женском высшем образовании [48]; исследование развития девушек и женщин Кэрол Гиллиган в рамках этики заботы [16, 15, 17]; работы Беленький, Клинич, Голдбергер «Пути женщин к познанию»; критические эссе по феминистской педагогике и высшему образованию женщин. В качестве дополнения к этим широко известным трудам можно упомянуть исследования Дэйл Спендер в области женского образования [50]; работы Мэдэлин Грумет по обучению женщин [19]; анализ курса обучения Пэтти Лэйзер [30]; разработки Анны Пэгэно в феминистской теории обучения [44]; исследования в области гендера и образования в Австралии Лин Йетс [54] и Виктории Фостер [12]; работы Патрисии Томпсон в области домашней экономики и феминизма [47]; исследования среди английских школьниц Валери Уолкердайн [52] и т.д. Многие из этих авторов представлены в антологии Линды Стоун «Чтения по феминистской теории образования».

Даже если сейчас невозможно использовать точные, разработанные определения в феминистской философии образования, в этой области все же существуют определенные перспективы. Более того, эти исследования могут проводиться в различных направлениях [37].

В этой статье я нахожу необходимым выделять три различные исследовательские программы, начало которых можно отнести к началу 80-х годов XX века. Под термином «исследовательская программа» я подразумеваю весь спектр философских подходов и методологий в феминистской философии образования.

Одна из таких программ была посвящена изучению, реконструкции и дополнению различных теорий женского образования. Хотя философская дискуссия о женском образовании началась задолго до Рождества Христова и продолжается по сию пору [25], она практически не упоминается в многочисленных трудах и антологиях по истории педагогической мысли. Не только участие женщин в этой дискуссии осталось незамеченным, но даже те разделы в классических работах, которые посвящены женскому образованию, были также проигнорированы. Акцентируя внимание на истории, одна из исследовательских программ в феминистской философии образования имеет неплохие перспективы. Включая в себя переосмысление классических исторических трудов, она увеличивает долю женского участия в дискуссии. Так, я в своей работе «Переосмысление диалога: Идеал образованной женщины» [36] использую труды Руссо и Платона. А Сьюзен Лэйрд исследовала работы Дьюи по философии образования [27, 28].

В ряде разделов «Переосмысление диалога», я цитирую Мэри Уолстонкрафт, Кэтрин Бичер и Шарлотту Пэркинс Гилман, которые принадлежат к истинным творцам философии женского образования. Сьюзен Лэйрд пересматривает образовательные идеи Луизы Мэй Алкотт [27], а в моих работах уделяется внимание теории образования Марии Монтессори [34]. Хотя Мэри Кэтрин Бейсхет не уделяет большого внимания феминистскому аспекту в теории образования при исследовании философии женского образования Эдит Стейл [4], ее работа также вписывается в рамки феминистской исследовательской программы. Туда же можно поместить и раздел из научного труда Маргарет Эзертон «Женская философия в период раннего модернизма» [3], посвященный теории женского образования Мэри Эстелл.

Вторая исследовательская программа достаточно сильно отличается от первой и посвящена прежде всего этике заботы. В ее рамках обычно рассматривают работы Гиллиган «Другой взгляд» [16]; Нел Ноддинг — «Забота: феминистский подход к этике и этическому воспитанию» [41]. О них уже много было написано, и поэтому оставим эти труды без комментариев.

В настоящее время феминистские философы проявляют интерес к проблемам этики заботы. Так, к примеру, в объемном обзоре Анны Диллер «Забота» [9] приводятся основные критические работы в сфере этики заботы, подчеркивается их значение для образования; определяются основные направления для изучения.

Барбара Хьюстон в своей работе «Пролегомены заботы будущего» с критической точки зрения оценивает определения этики заботы, которые были даны Гиллиган и Ноддинг [22]. В своей последней главе Ноддинг рассматривает предмет этического образования, исследует различные его аспекты [21] и определяет перспективы взаимодействия этики заботы и образования [22]. Эндрю Томсон использовал эту теорию, чтобы разработать концепцию дружбы [46]. Диллер работает над подходами к этике заботы и предлагает обсудить взаимосвязь между воспитанием и обучением [9]. Барбара Зейер-Бэкон изучает отношения заботы в критическом переосмыслении [51] и Хьюстон использует эту теорию в применении к проблеме прав детей [21].

Третья феминистская исследовательская программа в философии образования посвящена развитию нормативной философии образования для мужчин и женщин. Этот проект включает в себя, по меньшей мере, пять различных, хотя и взаимосвязанных, аспектов. Прежде всего, это феминистская критика доминирующих образовательных парадигм. Среди них можно упомянуть реконструкцию высших идеалов образованного человека и исследование теории либерального образования Дж. Мартин [36, 34, 33]; критику либерального образования Ноддинг [40]; отрицание стандартного философского анализа образования С. Лэйрд [27, 28]; критику индивидуализма в образовании П. Рорэр [45] и т.д.

Второй аспект содержит в себе анализ образовательных концепций и практик, которые так или иначе взаимосвязаны с гендером. Здесь следует отметить работу Барбары Хьюстон «Теория гендера: что необходимо нам из того, что мы делаем» [9]; концептуальный анализ сексизма и образования Мэриэн Эйм и Хьюстон [9]; попытку Линды Николсон разобраться в противоречиях, возникающих между женским движением, ценностями и целями школьного образования [39]; симпозиум «Должно ли быть социальное образование свободным от гендера?» [9]; исследования андрогинности образования К. Морган и ее анализ трех мифов равенства в образовании [9]; изучение политических инициатив, продвигающих гендерное равенство в образовании Мэри Брайсон; критику совместного образования [33, 34] и т.д.

В рамках дискуссии феминисток об образовательном поле можно выделить в качестве наиболее значительных эссе Диллер и Хьюстон о физическом воспитании [96]; философское исследование Морган о половом воспитании [9]; работу Дины Богдан о преподавании литературы [5] и исследование о мышлении и образовании Джеймса Гаррисона и Анны Фелан [14], Бетти Сайшел, Тайер-Бэкон [51], Мартин [34] и т.д.

Четвертый аспект специально адресован вопросам разработки педагогических методов, целей, подходов в обучении девочек. Например, работа Лэйрд «Кто позаботится о девочках» [27] и моя работа «Противоречия и продвижение образования женщин» [33] т.д.

И, наконец, пятый исследовательский аспект содержит тщательно разработанные предложения для школьников [40].

Заключение

Читателей должно быть удивляет, почему автор не описывает какую-либо отдельную исследовательскую программу, направленную на реконструкцию гендерной системы образования.

С одной стороны, автор стремился к обзору достижений феминистской философии в сфере образования, прямо или косвенно освещающих достижения в этой области. Более того, большинство исследований в каждой из трех программ напрямую связаны с проектом реконструкции гендерной воспитательной системы. Но это вовсе не значит, что деятельность отдельно взятого феминистского философа, занимающегося проблемами образования, малопродуктивна. Действительно, налицо существенное различие между трудами Ноддинг «Изучение заботы в школах» и Мартин «Школа — дом: переосмысление школы с целью изменить семью» в подходах к решению проблемы полового различия в системе образования. Мартин в своей работе предлагает конкретные меры, Ноддинг же ограничивается постановкой проблемы. Автор уже упоминала о том, что философия образования практически не воспринимает феминистские исследования, не принимает образование девочек в качестве проблемы для изучения. Эта система упорно не желает замечать труды женщин по этой тематике. Некоторые критики даже заявляли, что работы, написанные в реформистском духе, не являются философскими. Автор оставляет это утверждение без комментариев, и выражает надежду, что со временем в философии образования перестанут умалчивать о проблеме полового различия и окажут поддержку упоминавшимся трем феминистским исследовательским программам или начнут новые проекты.

Библиография и примечания:

1. Addelson, K.P. *Moral Passages*. New York: Routledge, 1994.
2. Addelson, K.P. *Feminist Philosophy and the Women's Movement*. In *Hypatia*, 9: 3, 1994.
3. Atherton, M. *Cartesian reason and Gendered Reason*. In *A Mind of One's Own: Feminist Essays on reason and Objectivity*. Ed. L. Antony and C. Witt. Boulder, CO: Westview Press, 1993.
4. Baseheart, V. *Edith Stein's Philosophy of Woman and Women's Education*. In *Hypatia*, 4:1, 1989.
5. Bogdan, D. *Re-educating the Imagination: Toward a Poetics, Politics and Pedagogy of Literary Engagement*. Toronto: Irwin, 1992.
6. Bunch, C. *Not be Degrees: Feminist Theory and Education*. *Quest.*, 5:1, 1979.
7. Chodorow, N. *The Reproduction of Mothering*. Berkley: University of California Press, 1978.
8. Dewey, J. *Philosophy and Civilization*. New York: Peter Smith Edition, 1968.
9. Diller, A., Houston B., Morgan K., and Aylm M. *The Gender Question in Education: Philosophical Dialogues*. Boulder, Co: Westview Press, 1996.
10. Ferguson, K. *Twenty Years of Feminist Philosophy*. In *Hypatia*, 9: 3, 1994.
11. Ferguson, K. *The Feminist Case Against Bureaucracy*. Philadelphia, P.A: Temple University Press, 1984.

12. Foster, V. *Making Women the Subject of Educational Change*. Allen and Unwin, 1996.
13. Frye, M. Some Reflections on Separatism and Power. In *The Politics of Reality: Essays in Feminist Theory*. Ed. by M. Frye. Trumbull, N.Y.: The Crossing Press, 1983.
14. Garrison, J. and Phelan, A. Toward a Feminist Poetics of Critical Thinking. In *Philosophy of Education Society*. Champaign, IL: Philosophy of Education Society, 1990.
15. Gilligan, C. *Mapping the Moral Domain*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1988.
16. Gilligan, C. *In a Different Voice: Psychological Theory and Woman's Development*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1982.
17. Gilligan, C., Brown L. *Meeting at the Crossroads*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992.
18. Greene, M. *Landscapes of Learning*. New York: Teachers' College Press, 1978.
19. Grumet, M.R. *Bitter Milk*. Amherst: University of Massachusetts Press, 1988.
20. Harding, S. *The Science Question in Feminism*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1986.
21. Houston, B. Are Children's Rights Wrongs? In *Philosophy of Education*, 1992. Champaign IL: Philosophy of Education Society, 1993.
22. Houston, B. Prolegomena to Future caring. In *Who cares? Theory, Research and Educational Implications of the Ethic of Care*. Ed. M. Brabek. New York: Praeger, 1989.
23. Illich, I. *Deschooling Society*. New York: Harper and Row, 1972.
24. Keller, E. *Reflections on Gender and Science*. New Haven, CT: Yale University Press, 1985.
25. Kersey, S. *Classics in Education of Girls and Women*. Mettuchen, N.J.: Scerrecrow Press, 1981.
26. Laird, S. Curriculum and the Maternal. In *Journal for a Just and Caring Education*. 1:1, 1995.
27. Laird, S. Who Cares About Girls? Rethinking the Meaning of Teaching. *Peabody Journal of Education*, 1995.
28. Laird, S. Women and Gender in John Dewey's Philosophy of Education. In *Educational Theory*, 38:1, 1988.
29. Laird S. Teacher Education? In *Harvard Educational Review*, 58: 4, 1988.
30. Lather, P. *Getting Smart: Feminist Research and Pedagogy With/in the Postmodern*. New York: Routledge, 1991.
31. Leach, M. Mothers of Intervention: Women's Writing in Philosophy of Education. In *Educational Theory*. 41: 3, 1991.
32. Martin, B. Sexualities Without Gender and Other Queer Utopias. *Diacritics*, 24: 2-3, 1994.
33. Martin, J. *Changing of Educational Landscape*. New York: Routledge, 1994.
34. Martin, J. *The Schoolhome: Rethinking Schools for Changing Families*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992.
35. Martin, J. What Should Science Educators do about the Gender Bias in Science? In *History, Philosophy, and Science Teaching*. Ed. M. Matthews. Toronto: OISE Press, 1991.
36. Martin, J. *Reclaiming a Conversation. The Ideal of the Educated Women*. New Haven, CT. Yale University Press, 1985.
37. Martin, J. *Androgyny: A Modern Philosophical Discussion*. Ed. by M. Vetterling-Braggin. Totowa, N.J.: Littlefield Adams, 1982.

38. Morgan, K. Amazons, Spinsters, and Women: a Career of One's Own. In *Philosophy of Education*. Champaign, II: Philosophy of Education Society, 1979.
39. Nicholson, L. Women and Schooling. In *Educational Theory*, 30: 3, 1980.
40. Noddings, N. *The Challenge to Care in Schools*. New York: Teacher's College Press, 1992.
41. Noddings, N. An Ethic of Caring and Its Implications for Instructional Arrangements. In *American Journal of Education*, 96: 2, 1988.
42. Noddings, N. *Women and Evil*. Berkeley: University of California Press, 1989.
43. Noddings, N. *Caring: A Feminine Approach to Ethics and Moral Education*. Berkeley: University of California Press, 1986.
44. Pagano, J. *Exiles and Communities: Teaching in the Patriarchal Wilderness*. Albany, State University of New York Press, 1990.
45. Rohrer, P. At What Price Individualism? The Education of Isabel Archer. In *Philosophy of Education*. Champaign, II: Philosophy of Education Society, 1994.
46. Thompson, A. Friendship and Moral Character. In *Philosophy of Education Society*, 1990.
47. Thompson, P. Beyond Gender: Equity Issues for Home Economics Education. In *Theory into Practice*, 25, 4, 1986.
48. Rich, A. *On Lies, Secrets, and Science*. New York: W.W. Norton & Co., 1979.
49. Sichel, B. Ethics of Caring and the Institutional Ethics Committee. In *Hypatia*, 4:2, 1989.
50. Spender, D. *Invisible Women: The Schooling Scandal*. London: Writes and Readers Publishing Cooperative, 1982.
51. Thayer-Bacon, B. Caring and Its Relationship to Critical Thinking. In *Educational Theory*, 43:3, 1993.
52. Walkredine, V. *Schoolgirl Fictions*. London: Verso, 1990.
53. Wolf, V. *Three Guineas*. London: Hogarth Press, 1938.
54. Yates, L. *The Education of Girls*. Hawthorn, Victoria: Australian Council for Educational Research, 1993.

ФЕМИНИСТСКАЯ КРИТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Анна Филлипс

ДЕМОКРАТИЯ*

Корни современного феминизма часто усматривают в либерализме XVII столетия, отвергавшего патриархальные основы политической власти. Классический либерализм оказался мощным толчком к развитию современной демократии, и поскольку он сомневался в вероятности «естественно» предопределенных иерархий, он дал женщинам новое право требовать равенства с мужчинами. Либеральная критика деспотического и абсолютистского правительства во времена создания работы Мэри Уолстонкрафт «В защиту прав женщин» (1790) затрагивала также и закрытые для обсуждения взаимоотношения между мужьями и женами. Тем не менее, несмотря на все рассматриваемые аналогии, демократии не спешили с признанием женщин равноправными гражданами; и даже после запоздалого освобождения, женщины продолжали чувствовать себя гражданками второго сорта.

Феминистские теории демократии обычно начинаются с этой головоломки. Что касается демократии — традиционно определяемой принципами равенства и противопоставляемой тираническому принципу — что же так долго сохраняет ее невосприимчивой к требованиям равенства полов? Один из вариантов ответа состоит в том, что практике немного недостает теории, и что поскольку принципы демократии всегда подразумевают равенство между полами, крупные капиталовложения, которыми владели мужчины, препятствовали каким-либо действиям в этом направлении. Это, по существу, то положение дел, которое Джон Стюарт Милль рассматривал в работе «Женское рабство», обосновывая данный факт как единичное исключение из либеральных принципов, и приписывал их постоянство выгоде, которую мужчины всех классов могут извлечь из домашних «рабов». Современные исследователи сосредотачивают внимание на дополнительных теоретических основах неудач современной демократии. Предубеждение против женщин все больше и больше рассматривается не только как несовместимый предмет или неспособность силы, но как что-то глубоко заложенное в самой теории. «Для феминисток, — говорит Сьюзан Мендас, — демократия не является чем-то неприкосновенным, благодаря тому, что она не выполнила обещаний, данных женщинам. Можно гарантировать, что идеалы свободы никогда не будут реализованы, пока демократия не начнет обширный критический пересмотр ее собственных философских предположений» [7, p.208].

Феминистки доказывали, что особенности, связанные с демократическим гражданством — «характеристики, свойства, особенности, поведение и индивидуальность тех, кто рассматривается в качестве полноправных членов политического общества» — происходят из созданного мужским опытом комплекса ценностей, дающего привилегии мужчине [4, p.781]. Простое открытие границ для женщин в тех областях,

---

* Перевод Надежды Котляр.

Перевод осуществлен по изданию: Phillips Anne «Democracy» *In A Companion to Feminist Philosophy*. Ed. by A.M. Jaggar and I.M. Yong. Malden, Massachusetts USA: Blackwell Publishers Ltd. Oxford, 1998, p. 511-519.

которые обычно считались мужскими сферами, не может гарантировать демократическое равенство. Это может показаться даже непоследовательным. Рассмотрим, однако, ту высокую степень политического участия, которой пользовались граждане Афин в V в. до н.э. Гражданство в демократиях Древней Греции включало присутствие на обычных гражданских ассамблеях, так же как и предоставляло широкие возможности для службы в числе присяжных и в законодательных советах; но граждане были «свободными» для такой деятельности благодаря труду женщин, метисов и рабов. Поскольку права и обязанности граждан зависели от поддержки установленного социально-политического порядка, граждане могли широко участвовать в политике только потому, что были численным меньшинством и не занимались тяжелой работой, следовательно, гражданские права и обязанности никогда не были всеобщими. Без пересмотра прав и обязанностей такой вид гражданских свобод не мог быть дан женщинам.

Примеры древности являются наиболее ясными, поскольку они отражают период истории, в течение которого мужчины репрезентировали основную часть граждан. Феминистки полагают что мужчины были также представлены в поздних концепциях XVII и XVIII вв., где, на первый взгляд справедливые понятия свободы, равенства или согласия все еще обобщали мужской жизненный опыт. В своей знаменитой работе «Договор полов» Кэрл Пейтман доказывает, что демократия была задумана как согласие свободных индивидуумов, но эта свобода исходила из мужского образца, который не мог в полной мере распространяться на женщин. Она прослеживает концепцию демократии с момента появления теорий общественного договора, идеи которых стали фундаментом положения о либеральном государстве. Она доказывает, что общественный договор был, одновременно, договором полов, подчинившим женщину мужчине. Новые теории опровергают «закон отцов», и не только в одном, но в двух значениях. Они разрушили патриархальные основы монархического правления, но они также способствовали укреплению патриархальных отношений в более символическом смысле, обосновывая непосредственный доступ к свободным женщинам и к женам как к экономически и политически бесправным существам. Свобода была, в таком случае, предпосылкой к подчинению. «Гражданская свобода зависит от патриархального права» [11, p.4].

Пейтман доказывает, что данный принцип создает в нас представление о свободе, договоре и согласии, антагонистичных женскому познанию. Права и свободы демократического субъекта сформулированы в том, что она называет «мужской концепцией индивидуума как собственника» [11, p.216]. Эта концепция трактует человека и его возможности почти как материальное владение, и рассматривает свободу как возможность делать с вашей собственностью то, что вы хотите. Подобная характеристика является, в частности, несоответствующей в отношении женского тела, поскольку она сводится к обыденному пониманию демократии как всего, на что люди дали свое «свободное согласие». (Пейтман исследует и критикует различные «телесные контракты», заключающиеся в проституции или суррогатном материнстве). Идеалы демократического равенства должны быть освобождены от этих мужских начал для того, чтобы представлять подлинное равенство между женщиной и мужчиной.

Особенностью такого аргумента является то, что он приписывает неравные права женщин особой либеральной версии демократии; в этом она сходна с типичными для многих дискуссий 1970-х и 1980-х гг. рассуждениями о демократии. На ранних этапах современного женского

движения к либеральной демократии относились с пренебрежением за ее чрезмерный индивидуализм и наивную уверенность в равных правах, и феминистки особенно противились тем технологиям, с помощью которых либерализм придал новую форму различию между общественной и частной жизнью как совершенно отдельным сферам. Это различие трактовало неравенство в частной сфере как несущественное для функционирования демократии, игнорируя то обстоятельство, что неравенство полов в семье или в работе могло влиять на возможности женщин как политически равноправных индивидуумов [14, ch.4]. Резкое различие между общественной и частной сферами также сделало домашние властные связи предметом индивидуального «выбора» или личного компромисса и не включало их в сферу деятельности демократии. С точки зрения феминисток, демократические идеалы нужно было применять на практике: «на кухне, в детской и спальне» [11, p.216]. Эта более честолюбивая программа демократизации соединила феминизм с традицией участия больше, чем либеральная демократия.

Анализ гендерного подтекста политической теории, сделанный Пейтман, был повторен в различных областях. Теоретики феминизма обратили внимание на то, что личность в теории либеральной демократии — это мужчина, являющийся главой семьи [9]; что мужчины были включены в демократию как граждане-воины, а женщины как граждане-матери [10]; что представление о равенстве, различии и недостаточности «предполагает стандарт обычного состояния, присущий мужскому» [7, p.215]. Необходимо отметить, что большинство из этих аргументов, сочетают в себе две различные точки зрения. Во-первых, они привлекают внимание к тому, что предположительно гендерно-нейтральные категории создают предпочтения для мужчин. Само по себе это, по-видимому, ведет к созданию относительно подлинного гендерного нейтралитета, не делающего различия между полами. Но этот первый аргумент часто объединяют со вторым, представляющим гендерный нейтралитет как преступление. В работе Кэрл Пейтман, например, «личность» в теории либеральной демократии либо отождествляется с мужским полом, либо вообще отделяется от конкретного воплощения. Предложение Пейтман состояло в том, чтобы не устранять мужские характеристики личности, но при этом развивать демократию в направлении, которое может признать и женщин и мужчин. Сейчас все демократии беспристрастны к различиям полов, и данный принцип позволяет им провозглашать гражданство с равными возможностями, как для женщин, так и для мужчин. Эта беспристрастность, однако, является частью того, что критикуют феминистки. Отделяя себя от того, что практически или физически является особым, демократическая теория вынуждена признать в качестве своих норм те, что принадлежат исключительно одному из полов.

«Для того чтобы стать гражданином, нужно заменить собственную личность абстрактной, общественной личностью», и этот обмен рассматривается как особенно выгодный мужчинам [4, p.784]. Обратите внимание на равновесие, которое мужчины и женщины должны были установить между общественной и частной жизнью, и на ту легкость, с какой мужчины отделяют себя (и практически и эмоционально) от частных или домашних забот. В «мужской» норме демократической политики границы между общественным и частным миром соблюдаются четко, и индивиды, отклоняющиеся от этих норм и пересекающие границы, будут считаться разрушителями или чудаками, непригодными к стандартам демократической жизни. Критика данных нейтральных стандартов, может относиться, в равной степени, как к мужчинам, так и к женщинам. Но

поскольку общественные характеристики являются гендерными, политические нормы оказываются трактовкой, содержащей обращение к мужчинам.

Гендерный нейтралитет: решение или часть проблемы?

Этот вопрос указывает на одну из центральных проблем в современных исследованиях демократии, а именно: рассматривать ли гендерный нейтралитет как решение или часть проблемы. Переведенный в конкретные политические предложения, первый подход склоняет нас к тому, чтобы снять какие-либо остающиеся недомолвки, связанные с полом. Таким образом, если правила гражданства позволяют мужчинам передать их гражданство своим женам, те же правила могут позволить женщинам передавать их гражданство своим мужьям. Если мужчина, не взирая на его возраст или количество имеющихся у него детей, рассматривается как подходящий кандидат для политического управления, то и женщина должна рассматриваться как равно соответствующий кандидат, даже если у нее есть маленькие дети. Все это можно понять как утверждение о том, что пол должен быть нейтральным по отношению к демократии. Но когда феминистки поддерживают часть механизмов, обеспечивающих минимальное количество избранных женщин, или предлагают некоторые формы, гарантирующие в политике представительство для женщин во имя женщин, они говорят о чем-то более серьезном. Они обозначают различие полов в демократической жизни более точно.

Айрис Янг, представительница второго подхода, приходит к выводу о невозможности идеала беспристрастного подхода, так как «трансцендентальный "взгляд ниоткуда" не имеет перспективы, не обладает свойствами, характеристиками и интересами какого-то отдельного субъекта или ряда субъектов» [18, p.100]. Этот идеал, отмечает она, особенно преобладал у радикальных критиков современной демократии. Но в обществе, «в котором некоторые группы наделены привилегиями, в то время как другие угнетены, утверждение, что граждане индивиды должны сами собой отбросить свои личные качества и жизненный опыт, чтобы принять общую точку зрения, служит только для усиления этой привилегии, ведь перспективы и интересы привилегированных будут стремиться к доминированию в объединенном обществе, подавляя или лишая голоса тех, кто принадлежит другим группам» [18, p.257].

Протестуя против этого, Янг доказывает, что демократии могут иметь только приблизительно справедливые общественные результаты, когда они предусматривают сотрудничество и соревнование между различными мнениями и перспективами. Она требует дополнительных механизмов для групп, представляющих тех, кто все еще находится в состоянии угнетения. Женщины могли бы быть представлены не только как граждане, но как женщины.

Аргументы в пользу представительства особой группы оказываются особенно спорными. Частично из-за проблемы определения подобных групп; частично из-за риска отнесения большого числа маргинальных групп к потенциально существующей категории «женщин»; в ряде случаев из-за трудностей в основании ясных направлений ответственности от групп к людям, которые якобы их представляют [13, ch.5].

Но даже менее спорная (и более широко принятая) практика гендерных ссылок, которые должны гарантировать минимум избранных женщин в политическом управлении, должна пониматься как критика гендерного нейтралитета. В условиях либеральной демократии граждан склоняют к тому, чтобы выбирать их представителей в политике мнений или убеждений

по определенным достоинствам. Если свободный и справедливый процесс политической конкуренции формирует собрания, которые, в подавляющем большинстве случаев, состоят из мужчин, это будет отмечено только как досадная неприятность. Когда феминистки доказывают, что пол представителей имеет значение, они говорят, что совместный опыт, связанный с гендером, является необходимой частью того, что делает демократические институты представительными [12]. Если гендерную аналогию в политике следует рассматривать как важную цель, это должно быть потому, что пол все еще важен в демократии.

Среди феминисток нет единого мнения по этому поводу. Некоторые рассматривают «различие пола» граждан «двумя положениями: мужским и женским» [11, p.224]. Некоторые представляют феминизм как поиск «для понимания демократии как чего-то, к чему надо стремиться исходя из неравенства, а не что-то, чего добиваются посредством устранения неравенства» [7, p.218]. Другие, тем временем, отстаивают «новую концепцию гражданства, в которой различия пола могут стать не относящимися к делу» [8, p.82]. Моуфф, например, отвергает и версию о «половом неравенстве», предложенную К. Пейтман, и версию «различных групп» А. Янг, доказывая, что дифференцированный подход неуместен на уровне демократического гражданства. Когда дело доходит до общественной политики, то может быть хорошо, что мужчина и женщина должны пониматься по-разному для того, чтобы трактоваться как равные. Но «в области политики и гражданства различия пола не должны быть значительными». Аналогично настроена М. Дейтц, доказывающая, что политика должна рассматриваться как отдельная разновидность деятельности, и рассматривающая демократию как что-то, что трансформирует «индивидуума как учителя, торговца, общего исполнителя, ребенка, брата и сестру, артиста, друга и мать в особую разновидность политического индивида, гражданина среди других граждан» [1, p.14]. В политической деятельности, утверждает Дейтц, люди должны общаться друг с другом «как равные и обменивающиеся мнениями по вопросам обоюдной важности, обсуждающие результаты общего интереса и действующие в согласии друг с другом» [1, p.28]. Они могут не быть тождественны друг другу, когда они занимаются политикой, но они больше не должны считать неучастие значимым.

Разногласие относительно гендерного нейтралитета действительно значительно и его лучше рассмотреть через призму согласия или несогласия в вопросе о выборе типа демократии, в рамках которой граждане могут заниматься «делами обоюдной важности». А. Янг, например, разделяет большую часть радикальных неприязненных взглядов. Ее собственная формулировка демократической идеи основана на преобразовательном эффекте, на необходимости иметь дело с людьми, не такими как мы сами. В процессе модификации ее идея может быть раскрыта как довлеющая или пристрастная точка зрения [1]. Точка зрения, которую отстаивает Янг, заключается в том, что это преобразование произойдет с наибольшей вероятностью в том случае, когда люди подверглись влиянию различных интересов, опыта или перспектив. Нежелание более подробно понимать различия пола (или другие виды различий) приведет к тому, что демократическое принятие решений будет продолжать отражать предубеждения доминирующих групп. Если только пол не признают одним из очевидных отличий, будет немного шансов добиться более эгалитаристской демократии.

Ценности женщин: преобразование демократической практики

Эта область все еще остается одной из дискуссионных среди феминисток, как на теоретическом, так и политическом уровнях. Другая область противоречий относится к замечанию о том, что женский опыт и культура могут внести вклад в практику демократии. Многие утверждали, что женский опыт заботливого отношения предоставляет женщинам вид определенной карьеры, так как женщины, в основном, присматривают за детьми и заботятся о престарелых. На этом основании предлагалась модель более щедрой и менее конфликтной демократии. Один из доводов в пользу большего числа женщин в политике основан на широко распространенной вере в то, что женщины являются более приспособленными, чем мужчины, к интимным отношениям, более склонны слушать, реже отстаивают эгоистичные интересы, более чувствительны к личным просьбам. Когда Сарра Рудик провела анализ «материнского мышления», она утверждала, что женщины могут привнести в общественную жизнь более высокий уровень человечности, хорошего настроения, уважения к людям и чуткости к развитию, чем общепринятая политика [15]. Затем Кэти Фергюсон привела феминистический довод против бюрократии и доказала, что воспитание, сопереживание, забота и общительность заложены в структуре женского опыта, и что этот факт обеспечивает основы для альтернативных форм организации, не зависящих от доминирования [2].

Можно отметить, что ни один из таких аргументов не полагается на утверждения о «ценностной» природе женщин. Все, в чем они нуждаются, так это в понимании того, что различный опыт женщины и мужчины ведет к различным ценностям и приоритетам. Но все еще существует опасность, отмечают феминистки-исследовательницы, что такие доказательства могут закончиться усилением общепринятых представлений о женственности. Кэтлин Джонс глубоко симпатизирует представлению о том, что женский опыт и ценности будут преобразовывать приоритеты и практику демократии. Но она отмечает, что феминистки «не всегда заботились об извлечении этих ценностей из контекста доминирования. И это угрожает преобразованием каждого альтернативного голоса в новую песню самопожертвования» [4, p.794]. Феминистически настроенные граждане могли затем «обосновать идеализированный имидж всеобщего воспитания, всеобщей любви в отношении женщин даже тогда, когда это отвергает патриархальную систему, создавшую этот имидж» [4; p.809]. В своей критике «материнского феминизма», Мэри Дейтц доказывает, что являющиеся ценностью в частной сфере не является такой необходимой ценностью в сфере общественной, и то, что забота матери может дать ее незащитному ребенку, не должно рассматриваться как модель гражданской заботы по отношению к тем, кто политически равен ей [1]. Ценности, связанные с женским опытом, могут быть лишь ограниченно отнесены к демократии.

В противоположность этому, Джейн Мэнсбридж утверждает, что феминизм может предложить много нового для решения вопроса о демократическом обществе, и предложения феминизма основаны на сопереживании или единстве, часто определяемых как женские ценности [6; 7]. Никакая демократия, утверждает она, не может действовать без таких, объединяющих общество связей. Даже когда люди достигнут согласия в стандартной (и скорее минимальной) формуле «один человек — один голос, никто не имеет более одного голоса», они должны руководствоваться достаточным чувством общности, для того чтобы понимать, что к другим надо относиться так, как хочешь, чтобы относились к тебе. И поскольку демократии не могут постоянно и одинаково строго обеспечивать

справедливость (Мэнсбридж утверждает, что ни одна демократия не может быть идеально справедливой), неудачи стали более приемлемы из-за связей взаимного единения, которые дают возможность неудачникам воспринимать победителей как часть того же общества. Основное направление теорий демократии очень медленно признало решающее значение общности; затруднительному для их понимания чувству общности или общению как мира «женского», они предпочитали жесткий язык своекорыстия или прав.

Мэнсбридж не основывает свои доказательства на каких-либо значительных различиях между женщинами и мужчинами. Вместо этого она ссылается на некоторые замечательные исследования, в которых отмечается, что мужчины и женщины мало чем отличаются в физиологических критериях сопереживания. Например, сердце бьется быстрее, когда мы слышим плач ребенка, или волнуемся, когда сопереживаем друзьям, сдающим экзамены [6, p.374-378]. Но если подвергнуть более тщательному исследованию степень их эмоционального участия или их чувствительности по отношению к другим, девушки и женщины заметно выигрывают, поскольку сопереживают они сильнее, чем юноши и мужчины. Из этого следует вывод, полагает Мэнсбридж, что не существует большого фактического различия в поведении, и более гендерного кодирования определенных свойств или действий. В сфере демократической теории, однако, это гендерное кодирование приобрело сильно действующий эффект. Поскольку это отговорки «мягкого» языка воспитания или чувства, они оставляют англо-американскую теорию, втянутой в язык своекорыстия.

Три вывода, следующих из теории демократии

Как показали примеры, теории значительно расходятся в обобщении специфического феминистического вклада в демократию. Всеобщее согласие с тем, что демократии не удалось обеспечить политическое равенство женщинам, исчезает, когда предпринимается попытка понять, почему это происходит. Несмотря на это, вполне возможно установить тождественность трех направлений существующих представлений о демократии в феминизме. Первая тождественность выявилась в дискуссии Джейн Мэнсбридж по вопросу о феминизме и демократической общности, в которой она отделяет качества или ценности женщин от устойчивой концепции различий между женщинами и мужчинами. Те, кто отстаивают важность и действительно существующие различия пола, обычно стараются избежать каких-либо заявлений о «подлинной» женщине; они также не считают противоположность между требованием равенства и решительного различия полов абсолютной. В течение 1980-х школа феминизма оказалась, по-видимому, перед лицом неизбежного выбора между требованием строгого равенства, которое делает мужчин и женщин одинаковыми, и утверждением существования отличительных женских качеств и иного к ним отношения. Поскольку феминистки повсюду продолжают отстаивать статус гендерной нейтральности или отдавать ему определенное предпочтение, их доказательства подразумевают и равенство, и различие. Как утверждала Кэрол Пейтман, «равное политическое положение граждан необходимо для демократии и женской автономии», но «это не означает, что граждане должны стать подобными мужчинам или что все женщины должны были пойти по этому пути» [10, p.29]. Равенство было наибольшей проблемой для феминизма, когда оно совпало с тенденцией обращаться с людьми одинаково, в соответствии с установленной абстрактной нормой быть «индивидуумом», «гражданином», потому что эти нормы пренебрегают любым специфическим женским опытом. Однако в этом

отмечаемом единообразии, поддержание равенства граждан с адекватным пониманием наших отличий вполне возможно.

Вторым важным выводом является то, что феминистские теории занимали устойчивую позицию в основном направлении демократической теории, сосредоточившись на предложениях общей теории демократии, а также на утверждении, что демократия предала женщин. Например, феминистки внесли свой вклад, в современные теории совещательной или коммуникативной демократии [5; 6; 17; 12]. Теории совещательной демократии критикуют анонимную политику баллотировочных ящиков и придают особое значение общественному обсуждению в достижении справедливых решений общих интересов. Феминистки часто критиковали ведущие интересы, политику баллотировочных ящиков, отмечая, что они никогда не оправдывают себя. В частности, они не имеют удовлетворительных механизмов для изучения новых нужд и потребностей. Ученые-феминистки одобряют содержательную и дискуссионную демократию, которая будет способствовать трансформированию политической программы действий. Кроме того, были подняты некоторые «неудобные» вопросы о понятии «общего блага», которые часто лежат в основе теорий совещательной демократии. Поскольку они дают «ясное понимание возможности доминирующей группы заставить замолчать или игнорировать мнения, которые не желательно слышать» [6, p.127], феминистские теории стали особенно гармонировать образу действий, в соответствии с которыми преждевременные призывы к соблюдению обоюдных интересов или всеобщих забот могут усилить существующее неравенство в политическом процессе.

Феминистки также способствуют развитию теории демократии в мультиэтнических и многокультурных обществах. Они анализировали равенство через различие, имеющее особое отношение к какому-либо рассмотрению демократии в гетерогенных обществах и часто проводили очевидные параллели между различиями пола и другими видами различий. «Различие, — как отмечает Сьюзан Мендас, — не собирается исчезать, и не является чем-то, за что те, кто непохожи на других, чувствуют себя обязанными извиниться» [7, p.216]. Когда феминистки добивались исправления демократических идеалов для того чтобы приспособить к ним существенные и долговременные отличия между гражданами, они выступили с рядом вопросов, связанных с некоторыми трудными проблемами в современной полемике. Как демократия может добиться равенства с учетом различий? Следует ли гражданство рассматривать как предмет всеобщих или отличительных прав? Какова связь между индивидуумом, группой и нацией? Особый путь для рассмотрения этих вопросов обеспечивает философия феминизма.

Хотя эти исследования включают значительный пересмотр понимания либеральной демократии, они пришли к третьему основному выводу, который Джудит Сквайрс описала как «направление в феминистической литературе на право гражданства для восстановления либеральной программы» [16, p.62]. Это восстановление является тем, что определяется в гендерной литературе как крушение социалистической альтернативы либеральной демократии, которое было практически повсюду смешано с потерей доверия к крупным формам демократического участия для установления либеральной демократии в легитимном варианте. Для многих феминисток эта наиболее общая тенденция была сопряжена с трудностями, которые испытывают женщины в развитии альтернативных форм демократии в структуре женского движения. Довлеющим участием, при помощи «почти навязчивой идеи» женщины надеялись на более прямую

форму демократии (лицом-к-лицу); но предпочтение неформальных и неиерархических способов организации часто порождало исключительные гражданские сообщества, которые затем препятствовали проникновению женщин во внешний мир [4, p.788]. Последующее дробление женского движения под влиянием критики доминирования в нем представителей среднего класса и представителей белой расы вышло за пределы этих альтернативных форм. Феминистки все больше и больше осознают «что применение логики тесных связей к организации политической жизни преисполнено различий» [4, p.787]. Некоторые исследовательницы-феминистки внесли значительный вклад в политическую теорию, дав точную формулировку связи между феминизмом и либеральной программой [3; 13, ch.6; 8].

Сьюзан Джеймс, например, полагает, что «между либеральной и феминистской концепциями гражданства существует больше неразрывности, чем думали раньше» и рассматривает еще не исследованные возможности в либеральных представлениях о независимости, как основу для женского гражданства [3, p.49]. Она не утверждает, что либерализм уже удовлетворил интересы феминисток. Ведь женщинам систематично отказывали в независимости, что является центральным слабым звеном в либеральной теории. Либерализм просто считал само собой разумеющимся, что все граждане обладают чувством собственного достоинства, чтобы высказывать свое собственное мнение. Но С. Джеймс рассматривает анализ независимости как направление «по отношению к концепции гражданина, который настолько эмоционально чувствителен, что традиционно связан с женщинами, но, в то же время обладает мужскими нормами беспристрастия, которые так важны для либерализма» [3, p.3]. Либерализм может, в таком случае, обеспечить необходимые инструменты для примирения феминизма с демократией.

Заключение

Феминистские теории демократии стали характерной приметой 1980-х и 1990-х гг. И за этот короткий период они раскрыли обширную область для будущих дебатов. Вопросы, рассмотренные здесь, включают природу демократического гражданства, роль и причастность гендерной нейтральности, связь между рассмотрением равенства и признанием различий, и вклад, который женские ценности и опыт могут внести в развитие демократии. Не существует мнения, объединившего бы эти вопросы. Но растущая область философии феминизма обещает усилить свое влияние на основное направление теории и практики.

Библиография и примечания:

1. Dietz, M. Citizenship with a Feminist Face: the Problem with Maternal Thinking. In *Political Theory*, 13: 1, 1985.
2. Ferguson, K. Bureaucracy and Public Life: the Feminization of the Policy. In *Administration and Society*, 15: 3, 1983.
3. James, S. The Good-Enough Citizen: Female Citizenship and Independence. In *Beyond Equality and Difference*. Ed. by G. Bock and S. James. London: Routledge, 1992.
4. Jones, K. Citizenship in a Woman-Friendly Polity. In *Sign*, 15, 1990.
5. Mansbridge, J. Feminism and Democratic Community. In *Democratic Community*. Ed. by J. Champan. N.Y.: New York University Press, 1993.
6. Mansbridge, J. Feminism and Democracy. In *American Prospect*, 1, 1990.

7. Mendas, S. Losing the Faith: Feminism and Democracy. In *Democracy: The Unfinished Journey*. Ed. J. Dunn. Oxford, Oxford University Press, 1992.
8. Mouffie, C. Feminism, Citizenship, and Radical Politics. In *Feminists Theorize the Political*. Ed. by J. Butler and J.W. Scott. N.Y.: Routledge, 1992.
9. Okin, S.M. *Justice, Gender, and the Family*. N.Y.: Basic Books, 1989.
10. Pateman, C. Equality, Difference, Subordination: the Politics of Motherhood and Woman's Citizenship. In *Beyond Equality and Difference*. Ed. by G. Bock and S. James. London: Routledge, 1992.
11. Pateman, C. *The Sexual Contract*. Cambridge, Polity Press, 1988.
12. Phillips, A. *The Politics of Presence*. Oxford: Oxford University Press, 1995.
13. Phillips, A. *Democracy and Difference*. Cambridge, Polity, 1993.
14. Phillips, A. *Engendering Democracy*. Cambridge, Polity, 1991.
15. Ruddic, S. Maternal Thinking. In *Feminist Studies*, 6, 1980.
16. Squires, J. Citizenship: Androgynous or Engendered Participation. In *Schweizerisches Jahrbuch fur Politische Wissenschaft*, 34, 1994.
17. Young, I. Justice and Communicative Democracy. In *Radical Philosophy: Tradition, Counter-Tradition, Politics*. Ed. R. Gottlieb. Philadelphia, PA: Temple University Press, 1993.
18. Young, I. *Justice and the Politics of Difference*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1990.

РАВЕНСТВО ВОЗМОЖНОСТЕЙ*

Современные дебаты о равенстве возможностей

В Соединенных Штатах в эпоху «постгражданского» общества, стало привычным, когда в объявление о работе включается заявление следующего содержания: «мы как работодатели, подтверждаем равенство возможностей...». В идеале равенство возможностей заключается в комплексе взаимосвязанных между собой теорий и реализуемых на практике действий, гарантируемых предпринимателем в типичном объявлении о работе. Я буду рассматривать понятие равенства возможностей в том ракурсе, в котором оно использовалось в работах по феминистской философии, посвященных решению практических задач, стоящих на повестке дня, а также в программах конкретных действий, направленных на внесение изменений в существующие положения о беременности и декретном отпуске, и дам их сравнительный анализ. Поскольку концепция равенства возможностей получила как моральное, так и юридическое признание в современном обществе, социальные теоретики задалась вопросом, что требуется для того, чтобы гарантировать на практике равенство возможностей. Определение и ясная формулировка практических требований зависят от некоторых укоренившихся представлений, препятствующих реализации равенства возможностей, таких как половая и расовая дискриминация, бедность, неравные потребности и способности и так далее.

Я бы хотела обратить особое внимание на то, как феминистская философия пытается разрешить проблему половой дискриминации и бедности, предлагая программы по защите прав женщин и расширению женских возможностей.

В классической либеральной модели равенства, женское равенство имеет место тогда, когда женщины обладают равными с мужчинами гражданскими правами и система правосудия осуществляет защиту прав независимо от половых различий. В социалистической модели равенства женщины достигают его тогда, когда стираются классовые различия между мужчиной и женщиной, т.е. различия в образовании, в богатстве, в доступе к государственной власти и к средствам производства. Где же идеал равенства возможностей? Где-то между этими двумя моделями: для достижения равенства возможностей требуется больше чем ликвидация формальных и юридических барьеров, стоящих на пути к равенству, но все же меньше чем уничтожение всех статусных различий между мужчинами и женщинами.

В современных спорах о достижении равенства возможностей подразумевается, что в дополнение к достижению равенства в условиях существования справедливых социальных законов существует и справедливая система перераспределения товаров и выгод между конкурирующими сторонами. При справедливом распределении товаров и выгод (например, особенно хорошо оплачиваемых рабочих мест и участия в дорогостоящих образовательных программах) между конкурирующими сторонами вовсе не требуется, чтобы эти выгоды были распределены между ними одинаково. Необходимо только, чтобы в отношении каждой стороны

---

* Перевод Ольги Шестак.

Перевод осуществлен по изданию: Shrage, Laurie. "Equal Opportunity." In *A Companion to Feminist Philosophy*. Ed. by A.M. Jaggar and I.M. Young. Blackwell Publishers, 1998. p. 559-568.

общество не препятствовало обладанию товарами и выгодами, которые эта сторона заработала или заслужила. Проще говоря, достижение равенства возможностей относительно «равенства на игровом поле», если можно так выразиться, или, точнее, достижение равенства в борьбе за ресурсы, более реально, чем уравнивание в достигнутом. Таким образом, понятие равенства возможностей привязано больше к либеральным принципам дистрибутивного правосудия, чем к радикальным эгалитаристским идеалам [1; 12, p. 83-90]. К сожалению, споры относительно равенства возможностей часто исключают более фундаментальные и наиболее проблемные вопросы относительно структур, создающих ограничения в области занятости и образовательных возможностей. Таким образом, специфические экономические и политические силы создают чрезвычайно конкурентоспособную и конфликтную окружающую среду, в которой занятость или образовательный успех должны быть оправданы или объяснены через понятия индивидуальных качеств или заслуг [20].

Предположим, что равенство возможностей будет распределено в нашем обществе через конкуренцию, основанную на навыках, вверительных грамотах, и квалификациях. В таком случае как мы определим, существуют ли со стороны общества препятствия для женщин, преследующих свои частные цели? Феминистки, занимающиеся разработкой подобных вопросов, обеспокоены множеством возникающих проблем и среди них, прежде всего, выделяются следующие. Каким образом социализация девочек и женщин в нашем обществе способствует тому, что они готовы отойти от соревнования за некоторые рабочие места или образовательные программы? Почему квалификация и навыки женщин недооценены? Почему женская репродуктивная физиология и обязанности в семье, препятствуют женщинам в борьбе за рабочие места и социальный статус? Что же такое видимое или явное присутствует в традициях, что препятствует девочкам в их стремлениях к достижению социальных статусов и влияния в нашем обществе? Является ли отсутствие чувства собственного достоинства и недостаток амбиций у девочек следствием традиционного занижения их способностей или ожиданий? Являются ли нормы женственности в нашей культуре разлагающими и дестабилизирующими? Верны ли ожидания, что женщины будут идти на большие жертвы в карьере в угоду семье и партнерским отношениям, чем мужчины? Действительно ли стандарты, в соответствии с которыми индивиды проходят испытания при приеме на работу, изначально определены по мужским критериям, таким как сила, ожидания или опыт? Как представления о женщинах в системе политического и государственного управления, существенное различие в заработной плате и увеличивающееся обнищание женщин-домохозяек отражают неравенство в отношении выполняемой работы или неравенство в вознаграждении за выполнение той же самой работы? Требуются ли женщинам какие-либо льготы по сравнению с мужчинами в области занятости, отпусков или преимуществ в реализации родительских прав из-за их физиологических особенностей, связанных с репродукцией, чтобы иметь равный с мужчинами шанс на успех? Представители феминистской социологии дали ответ на многие из этих вопросов, однако, ниже я остановлюсь на том, как эти вопросы рассматривались в феминистской философии.

Препятствия реализации равенства возможностей

За исключением нескольких десятков эмпирических исследований в рамках феминизма, никто не рассматривал эти вопросы в отношении всех профессий и отраслей промышленности, поскольку, чем выше уровень

профессии в иерархии престижа, власти и распределения, тем меньшее число женщин могут приобрести эту профессию.

В чем же причины такой ситуации? Антифеминисты доказывают, что женщины по своей природе менее честолюбивы, меньше проявляют желания к конкуренции или менее подходят для реализации властных полномочий и применения силы. Феминистки возражают, что если женщины менее честолюбивы и конкурентоспособны, или менее подготовлены, чтобы играть значительные роли, то происходит это не в силу природной недостаточности, а благодаря стереотипам, существующими в нашем обществе и формирующем пути, по которым женщины проходят социализацию [6; 14]. Британский философ Джон Стюарт Милль изложил эту проблему в своей книге «Покорение Женщин»:

«Я отрицаю, что любой знает, или может знать, природу обоих полов, поскольку пока они только были замечены в их существующем отношении друг к другу .... То, что теперь определяется как природа женщин — чрезвычайно искусственная вещь — результат, сформированный репрессивно в серии одних директив, и неестественно поощряемый в других» [11, p.22].

Здесь Милль предупреждает нас относительно ловушек в использовании понятия «природный», поскольку при реализации государственной политики не учитывается, что невидимые глазу социальные стереотипы могут возникать при формировании общего мнения, в то время как мы думаем о них как о результатах естественного развития. Действительно, приписывая общепринятые образцы в поведении силам природы, мы как бы «обвиняем жертву» в существовании социальных проблем, посредством чего мы обвиняем определенную группу во всех грехах с целью достижения паритета в отношении определенных характеристик, которые члены группы, возможно, разделяют. Те, кто используют этот «экзистенциалистский» подход для защиты статус-кво, демонстрируют, насколько трудно эффективно противостоять социальным изменениям. Эти спекуляции демонстрируют, как в рамках государственной политики укореняются культурные стереотипы и предубеждения относительно природы женщин, служащие для того, чтобы лишить их имеющихся возможностей и, таким образом, увековечить имеющиеся результаты.

Феминистские философы были обеспокоены не столько проблемой, известной как «в природе вещей», сколько, во-первых, поиском путей, по которым женщина может войти в «игровое поле» и, во-вторых, поиском таких возможностей для женщин, которые позволили бы ей получать больший доступ к товарам и выгодам. Далее я буду выделять некоторые моменты в образовательных системах, в семейной среде и на рабочих местах, которые могут ограничивать женские возможности. Затем я рассмотрю некоторые предложения об изменении создавшегося положения, которые выдвигает феминистская философия, обращаясь к «стандарту» равенства возможностей.

Многие отмечают, что в системе формального обучения студентов разделяют по направлениям обучения в зависимости от их пола [9]. Например, преподаватели начальной и средней школы часто не рекомендуют девочкам заниматься высшей математикой и наукой, считая, что девочки неспособны достичь каких либо высот в этих предметах. В колледжах и в стенах университетов недостаток преподавателей-женщин зачастую формирует у студентов дискомфорт и наносит определенный вред факультету. С тех пор как на факультетах были введены специфические предметы, такие как разработка новых лекарств в области медицины, или

компьютерное программирование и проектирование, — девушки, ранее не изучавшие эти предметы, не могут получить квалификацию в рамках данной области, что нарушает их права в системе равенства возможностей. К сожалению, зачастую существуют и более частные моменты, не предоставляющие девушкам возможность изучать предметы. В частности, книги и материалы, по которым обучают точным наукам, не отражают вклада женщин в данных областях; некоторые области несут в себе изначальное знание, которым обладают только мужчины (например, бейсбол или примеры из военного искусства); язык, которым изложены тексты курса, включает только мужские местоимения, когда речь идет об «ученых» и «математиках»; низкое число девушек, желающих специализироваться в данных областях, делает их аутсайдерами среди студентов.

Наша система образования препятствует девочкам в их развитии и другими способами. Авторитарные модели обучения, существующие в рамках общества, в процессе социализации мальчиков и девочек изначально исходят из того, что девочки должны быть покорными и пассивными. Часто бывает так, что девочки, в среднем, менее активны в классе и, таким образом, в своем развитии получают со стороны преподавателей меньше внимания. Образовательная система, требующая конкуренции среди студентов за степени и дипломы, построена по образцу общества, в котором девочки изначально социализированы так, чтобы быть менее конкурентоспособными, чем мальчики. Неудивительно, что в системе образования девочки показывают более низкие результаты. Девочки в большей степени, чем мальчики получают излишнее внимание к себе со стороны противоположного пола, что может создавать окружающую среду в рамках школы, далеко не способствующую их успеху. Школы могут распределять ресурсы, такие как оборудование и средства обслуживания в качестве награды мальчикам за школьную активность. И, наконец, колледжи и университеты могут использовать при приеме на учебу определенные критерии, изначально ограничивающие возможности успеха для девушек и повышающие шансы для юношей. Сюда можно отнести такие критерии как участие в спортивных состязаниях, или уровень баллов по предметным тестам [15].

Семья и окружающая среда также вносят вклад в сужение женских возможностей. Сьюзен Окин пишет: «Семья — критический детерминант наших возможностей в жизни и того, чем мы станем в будущем. Данная зависимость часто подтверждалось. И когда речь идет о реальном равенстве возможностей, то семья представляет проблему ... Существует неравенство в семье в вопросах физической и эмоциональной окружающей среды, побуждений и материальных преимуществ, которые в семье даются детям, что, в свою очередь, имеет огромное влияние на их возможности в жизни ... Но даже если все эти различия будут так или иначе устранены, мы все равно не достигнем равенства возможностей для всех. Это потому, что проблема равенства возможностей не рассматривается нигде, кроме как в феминистской литературе и феминистских кругах. Неравенство в рамках семьи — факт и структура рода является главным препятствием равенству возможностей... И на возможности девочек, и на возможности женщин также воздействует структура и особенности жизни в семье, особенно тот факт, что женщины являются почти неизменно "первичными родителями"».

Окин и другие феминистки указали, что неравное распределение защиты детства и домашних обязанностей для женщин ограничивает их возможности в поисках высокооплачиваемой работы и преуспевания в ней [5; 10]. Данный факт делает женщин особенно уязвимыми, когда

распадаются браки или умирают супруги [13, p.150]. К тому же, недостатки в государственной системе охраны детства и материнства имеют различное воздействие на жизни женщин и мужчин. Кроме того, неравномерное распределение моральной и эмоциональной поддержки в семье в отношении женщин и девочек, неравенство в вопросах образования и в отношении к карьере, неравная сумма средств, выделяемых женщинам и девочкам из семейного бюджета, также ущемляют женские возможности. Помимо вышеуказанного, для многих женщин в нашем обществе, семья как территория физического и сексуального злоупотребления по отношению к ним имеет разрушительное воздействие на возможности женщин в жизни.

Согласно принятым ожиданиям женщины вносят больший вклад в охрану детства и работу по дому, чем мужчины, но при этом обычно получают от семьи меньшую материальную и эмоциональную поддержку в отношении их деятельности за пределами семейного очага. В связи с этим представляется уместным поддержание контроля над реализацией равенства возможностей для женщин в рамках семьи. Чтобы контроль в рамках семьи был возможен, женщины должны сами решать вопрос об ограничении рождаемости и иметь права на безопасные аборты. Возможность ограничения рождаемости стала основной проблемой в реализации возможностей для женщин. В обществе, где родительские обязанности были бы более равномерно распределены между женщинами и мужчинами, а также между частными домашними хозяйствами и обществом в целом, женщины были бы более свободны [6].

Возможности женщин в осуществлении карьеры вне семьи также ограничены структурой рабочих мест, неотзывчивой к семейным проблемам и женским обязанностям. К числу препятствий в реализации социальных возможностей женщин относятся, например, такие как чрезмерно удлиненный рабочий день или внеурочная работа, занимающая вечера и выходные, оставляющие женщинам мало времени для занятий семьей и детьми. Недостаток гибкости в календарных планах работы, отсутствие компенсации за потраченное на работу время, которое могло бы быть отдано дому, детям или больным родственникам часто вынуждают женщин тратить лишние деньги на сиделок, нянь и домработниц. Работа, требующая частых командировок и лишаящая возможности длительного общения с детьми, воздействует на женщин иначе, чем на мужчин, и делает некоторые профессии недоступными для них. Женщины менее удобные партнеры для мужчин в командировках. Работа, не позволяющая детям находиться рядом с матерью, когда это иногда необходимо, также глубоко воздействует на женщин, поскольку к дилемме «работа — дом» они относятся весьма серьезно. Работа, сопровождающаяся системой штрафов в случае необходимости предоставления отпуска по беременности, больничного по уходу за детьми, является более проблематичной для женщин, чем для мужчин.

Женские возможности в плане работы незаконно ограничиваются и другими способами. Многочисленные исследования показывают, что пол воздействует на оценку квалификации и способностей претендентов. Резюме с указанием на женский пол чаще может быть оценено отрицательнее, чем идентичное резюме с указанием на мужской пол [13]. Решения предпринимателей находятся зачастую под влиянием мифа о женской некомпетентности, пассивности [17], или непригодности для выполнения «мужской» работы. Даже если предприниматели не имеют предубеждений в отношении женского пола, они часто реагируют на пожелания клиентов или пожелания служащих-мужчин. Женщины часто не имеют доступа к неофициальным социальным службам, которые могут

помочь предполагаемым претенденткам в поисках работы. Они часто усваивают отрицательное отношение к себе, подрывающее их уверенность в возможности выполнения работы. Женщины, как многие полагают, чаще судятся из-за нелицеприятных характеристик в отношении их внешности или одежды. И, наконец, поскольку женщины в нашем обществе, с большей вероятностью могут стать жертвами сексуального нападения, то работа, требующая особой осторожности, например, присутствия в вечернее время в малолюдных местах, является менее приемлемой для женщин и их работодателей.

При наличии затруднительного доступа к семейным ресурсам и возможностям занятости, женщины, в среднем, имеют меньшую долю собственности и финансовых активов, чем мужчины. Это, в свою очередь, затрудняет женщинам доступ к другим финансовым ресурсам и услугам, таким как ссуды и кредит. Без обладания этими ресурсами, они имеют меньше шансов, чем мужчины, для основания своего бизнеса, покупки недвижимости или других приобретений, которые могли бы обеспечить им длительную материальную безопасность.

Достижение равенства возможностей

Учитывая разнообразные барьеры, препятствующие женщинам в их развитии, активистки и теоретики феминистского движения видят особую ценность и потребность в так называемом «защитном действии». Некоторые считают, что программы защитного действия необходимы для усиления гарантии того, что женщины имеют равную возможность с мужчинами для получения рабочих мест и продвижения по службе [2; 4]. Аргументы феминисток заключаются в том, что социальный расклад на рынке труда создает мужчинам, в среднем, преимущества в конкурентной борьбе за желательные рабочие места. Цель рынка труда состоит в том, чтобы сократить процент рабочих мест для квалифицированных специалистов-женщин в пользу мужчин, а потому необходима гарантия равенства шансов для женщин.

Существует ряд моментов, заключающихся в том, что пол часто играет большую роль в восприятии нанимателем различных кандидатов и принятии многих решений о приеме на работу. Квалификация женщины будет недооценена или на нее не обратят никакого внимания, и таким образом, женщинам с квалификацией необходима гарантия в том, что они будут приняты на работу. Мы должны способствовать тому, чтобы изменить социальный расклад в обществе в пользу получения женщинами рабочих мест и других льгот. Мы должны проводить «защитные действия» как временную меру, гарантирующую женщинам равенство с мужчинами при приеме на работу. Необходимо также проводить политику, способствующую занятию компетентными женщинами должностей на нетрадиционных для них рабочих местах, что должно способствовать изменению мнения о женщинах и пределах их возможностей в лучшую сторону. К сожалению, нет возможности помочь женщинам, не сумевшим приобрести квалификацию по причинам дискриминации в семье или школе, или тем из них, кто неспособен конкурировать за получение работы из-за семейных обязанностей.

Более простой аргумент в пользу «защитного действия», основан на идее относительного равенства возможностей. Он заключается в том, что если бы возможности для мужчин и женщин в нашем обществе были бы действительно равны, то женские и мужские категории успеха в рамках занятости, выражающиеся в представлениях о высоком статусе, о рабочих местах с высоким доходом, кардинально не отличались бы. На самом же

деле, женские и мужские категории успеха в области занятости резко отличаются. Поэтому, возможности для мужчин и женщин в нашем обществе, на самом деле, не равны. И, следовательно, необходимы защитные действия, чтобы женщины достигли равного положения с мужчинами. Цель этих дебатов — объяснить, как различные образцы и нормы успеха в области занятости могут быть совместимы с достижением равенства возможностей для женщин и мужчин. Некоторые экономисты полагают, что женщины имеют определенные предпочтения в отношении рабочих мест, не совпадающие с предпочтениями мужчин, и здесь кроется основная причина того, что женщины и мужчины занимаются абсолютно разными профессиями. Женщины предпочитают рабочие места и карьеру, не мешающие им в семейной жизни, причем, эти рабочие места бывают менее низкооплачиваемыми и имеют меньшую социальную значимость. Конечно, это не дает ответа на вопрос, почему женщины предпочитают именно такие рабочие места и такую карьеру, и почему мужчины не имеют такого рода ориентацию.

Онора О'Нил предложила свой аргумент в защиту действий в отношении равенства возможностей. Она заявляет, что достичь равенства возможностей нельзя без политики, гарантирующей такое равенство. «Детям из любой социальной группы необходима защита в области здравоохранения, правильного питания, национальных отношений, в сфере обучения и элементарных человеческих отношений, которая гарантировала бы им нормальное развитие... Без таких мер трудно говорить о том, что равенство возможностей может когда-либо быть больше, чем просто формальность или обман зрения: оно выглядит обыкновенным притворством, потому что утверждает, что, якобы, некоторые общественные ресурсы одинаково доступны для людей всех групп, в то время как фактически они в большей степени доступны людям лишь некоторых групп» [7, p.185].

Так как равное распределение социальных товаров и выгод для детей повлекло бы существенное перераспределение персонального богатства, то, вероятно, подобное решение вызвало бы недовольство многих. О'Нил доказывает, что необходимо принимать усилия, такие как создание защитных программ, для того чтобы иметь хоть некоторую надежду на равенство возможностей для всех людей, независимо от того, обладают они какими-либо социальными привилегиями, или нет. О'Нил полагает необходимым применять агрессивную стратегию, подтверждающую стратегию действия, которую она назвала «предпочтительная защита», в ходе которой рабочие места отдаются компетентным, но не обязательно высококвалифицированным женщинам. Если бы использовалась эта стратегия, то предприниматели штрафовали бы женщин меньше и социальная дискриминация в отношении женщин, которой они подвергаются, пытаясь бороться за рабочие места, была бы менее выраженной.

О'Нил считает, что сокращение социальной дифференциации между различными социальными группами через социальную политику типа «защитного действия» будет способствовать созданию того, что мы понимаем как равенство возможностей. Оно останется недостижимым, если добиваться только устранения социального неравенства или только достижений в распределении социальных ресурсов. В системе распределения экономических и образовательных ресурсов общество представляет собой пирамиду, на каждой ступени которой находится определенное количество людей от каждой конкретной социальной группы. О'Нил задается вопросом, что было бы, если бы в обществе допускалось бы

неравенство только в пределах социальных групп, но не между ними. Так как идеал равенства возможностей, выглядит как «победитель получает все», то такой идеал не является приемлемым для обеспечения более здоровых целей эгалитаризма.

Для многих женщин дискриминация, основанная на расовой принадлежности, сексуальной ориентации, инвалидности или возрасте ограничивает их возможности в выборе рода занятости. В то время как «просто женщины и мужчины» часто неравны перед лицом работодателя, то неравенство между белыми женщинами и женщинами цветными, гетеросексуалками и женщинами-лесбиянками, женщинами здоровыми и инвалидами, представительницами среднего класса и рабочего класса, молодыми и пожилыми часто выглядит еще более ужасающим. Молодая, белая, здоровая женщина-гетеросексуалка из буржуазной семьи имеет явные преимущества в борьбе за рабочее место в сравнении с пожилой, чернокожей женщиной, принадлежащей к рабочему классу и к тому же являющейся лесбиянкой. Действительно, когда мы сосредотачиваемся на отдельной переменной, ограничивающей возможности индивида, мы не замечаем присутствия двух или более ярлыков клеймящих его и представляющих серьезные социальные препятствия для его конкурентоспособности в борьбе за возможности. Очевидно для того, чтобы защитить женщин и членов других стигматизированных групп, необходимо проводить определенную защитную политику, чтобы помочь тем, кто попадает в такие ситуации. Иначе, наиболее привилегированные члены каждой неимущей группы будут стремиться извлечь выгоду из своего положения.

В поддержку теории «защищающего действия» феминистская философия приводит доводы в пользу других программ защиты равенства возможностей. Например, феминистская философия ведет дискуссию об улучшении ситуации с отпусками по беременности и родам, по уходу за младенцами для того, чтобы женщины, имеющие рабочие места, не теряли их, и чтобы у них оставалось время для выполнения своих семейных обязанностей. В середине 1970-х годов соблюдение прав женщин на отпуск по беременности и родам было поставлено под надзор судебной системы США. За несколько лет было создано законодательство против дискриминации беременности (PDA) с тем, чтобы противостоять нарушениям в области политики беременности и рождаемости. В законодательстве сочетались методы защиты занятости и медицинской политики с противодействием сексуальной дискриминации. Феминистское законодательство, академическая наука, общественные политические группы спорили о том, даст ли гарантируемый отпуск по беременности большее равенство возможностей для женщин, и должно ли PDA поддерживать политику, направленную на внедрение такого отпуска. Некоторые опасались, что увеличение женских прав в области отпусков по беременности и родам, будет способствовать усилению опасений предпринимателей при приеме женщин на работу. Суть этих опасений состоит в том, что женщины будут злоупотреблять своими правами. В следующие десятилетия теоретики феминистского движения обсуждали политику занятости, касающуюся беременности, различных концепции равенства возможностей, так же как и возможным противодействиям такой политике. Представителями феминистской философии был издан сборник, содержащий пять статей, прямо или косвенно касающихся вопросов, связанных с отпуском по беременности.

В статье «Несправедливый порядок» Элизабет Волгаст утверждала, что «общепринятый аргумент относительно того, что право на декретный

отпуск является специальным правом женщины, так или иначе оказывает влияние на мужчин..., ставит мужчин в положение «завистливых мерзавцев»... конкурирующих с беременными женщинами за благоприятствование в рамках рабочих мест, с позиций которого они игнорируют роль рождаемости в целом» [19, р.34-35]. Волгаст приводит доводы в пользу концепции равенства, способствовавшей справедливой оценке равной роли мужчин и женщин в обществе. Она подчеркнула, что в получении права на отпуск по беременности женщины не получили преимущества или какого либо особого права, вызывающего оправданное негодование или зависть со стороны мужчин.

Согласно мнению Линды Криегер, занимающейся той же самой проблемой, работа ученых, таких как Волгаст и Кэрол Гиллиган привела к изменению парадигмы в области феминистской юриспруденции. В свою очередь, изменение парадигмы привело к созданию еще одной концепции — концепции «Умеренного согласия». Под этой концепцией понимается политика, декларирующая трудовую занятость для представителей нехристианских религиозных объединений, для людей, прикованных к инвалидному креслу и для всех тех, у кого есть препятствия для трудоустройства на основе религиозной принадлежности или физических недостатков. По их мнению, без такой политики люди не могут в равной степени осуществлять свои религиозные обряды, если их религия не является доминирующей в рамках социальной группы, к которой они принадлежат. Люди не могут конкурировать за рабочие места или получать коммунальное обслуживание высокого уровня, если эти места и соответствующее им обслуживание физически для них недоступны. Рассуждая подобным способом, феминистки сходятся на том, что «мужчины и женщины не равны в физических возможностях, которые затрагивают их потребности и способности к работе» [8]. Но без политики, признающей, что женщины равны с мужчинами в правах, женщины не в состоянии конкурировать за рабочие места и в продвижении по службе. Для многих феминисток длительный гарантируемый отпуск по беременности (например, еще шесть недель к имеющимся четырем месяцам) представляет разумное и справедливое дополнение к женским правам в области труда, а отсутствие такого отпуска составляет сексуальную дискриминацию.

В статье «Отпуск по беременности в концепции равенства», Марджори Вейнцвейг критикует работу представительницы феминистской юридической науки Кристины Литтлтон [18]. Литтлтон считает, что государственные и другие учреждения должны использовать такие социальные методы, которые делают половые, расовые, и другие различия между индивидами — будь они культурно или биологически обоснованы — незначительными при использовании материальных наказаний и поощрений. Взгляд Литтлтон отличается от похожей теории трудового равенства вне зависимости от биологических различий — теории потребностей Волгаст. Литтлтон ставит вопрос, можем ли мы определить биологические различия между мужчинами и женщинами от тех, что обусловлены культурными стереотипами. Вейнцвейг соглашается с Литтлтон в том, что мы не можем определить, какие различия между мужчинами и женщинами имеют природное начало, и какие порождены обществом, и, таким образом, мы не должны искать сходство в том, что обусловлено природой или различие в том, что обусловлено обществом и культурой. Однако Вейнцвейг не разделяет мнения Литтлтон относительно «издержек различий», поскольку она относится более скептически к возможности найти способ половой идентификации, стирающей различия полов. Также, она полагает, что равное распределение социального вознаграждения вопреки существующим

различиям (эффективное равенство) не является ни вероятной целью, ни необходимой концепцией для оправдания политики в защиту гарантированного отпуска по беременности. Действительно, в теории Литтлтон равенство достигается вне равенства возможностей и равенства результатов труда.

Вместо этого, Вейнцвейг доказывает, что мы должны стремиться к равному участию обоих полов в политическом сообществе, в экономических и социальных сферах. Она считает, что возможность равенства связана с внедрением женщин в сферу частного предпринимательства, с возможностью иметь доход помимо заработной платы, с повышением статуса женщин, работающих не за заработную плату, и с повышением гарантий равного распределения такой работы между женщинами и мужчинами. По ее мнению, работа за заработную плату, с фиксированными возможностями и обязанностями в отдельных общественных и частных учреждениях способствует поддержанию социального, экономического, и политического неравенства. Такая теория равенства возможностей включает женщин в общество не как уважаемых людей, а как гермафродитные существа с традиционно незначительными потребностями и талантами, и представляет стремление женщин к выполнению мужских ролей как социальный барьер, который им приходится преодолевать, для того, чтобы стать «полноценным» существом, равным мужчине.

Вейнцвейг доказывает, что ее понятие равной возможности изначально включает в себя отпуск по беременности, так как выгоды от такого отпуска позволяют получать определенные льготы в системе заработной платы, что, таким образом, способствует интеграции частных и общественных структур. Эта теория также поддерживает проводимую государственную политику, провозглашающую в соответствии с критериями «справедливого вознаграждения» некие «сравнительные ценности» в качестве средства сокращения несоответствий в заработной плате, связанных с половой или расовой принадлежностью. Установление «сравнительных ценностей» влечет за собой уважение к навыкам, которыми обладают работающие женщины и мужчины, к выполненной ими работе в рамках специфических женских профессий и излишне не переоценивает работу, выполняемую в рамках типичных мужских профессий. При этом теория «сравнительных ценностей» способствует тому, чтобы женщины и мужчины могли получать равное социальное признание и материальное вознаграждение за свои навыки, усилия и достижения. Вейнцвейг считает, что «сравнительные ценности» способствуют созданию таких социальных условий, которые повышают личностные возможности для саморазвития, уравнивают отношения полов и способствуют более полному участию обоих полов во всех сферах жизни.

В своей статье «Некоторые значения сравнительных ценностей» я также доказываю, что «сравнительные ценности» — важный компонент при решении любой проблемы, позволяющий феминистской философии положить конец женскому политическому, социальному, и экономическому подчинению [16]. Многочисленные исследования показывают, что работа, выполняемая, в основном, цветными мужчинами и белыми женщинами оплачивается значительно меньше, чем такая же работа, выполняемая белыми мужчинами, даже, когда и те и другие обладают достаточно высоким уровнем навыков, ответственности, опыта, стараний и необходимого знания. Такая распространенная разница в заработной плате тесно связана с расовыми и половыми предрассудками, распространенными среди работодателей и отражает существование культурных стереотипов и общераспространенного мнения, суть которого состоит в том, что навыки и

способности женщин и представителей цветных рас весьма незначительны. Принятие «сравнительных ценностей» в качестве критерия оплаты труда со стороны предпринимателей нацелено на снижение несправедливых различий в заработной плате, имеющих место из-за исторически сложившейся и продолжающей существовать расовой и половой дискриминации. Вместо регулирования заработной платы в соответствии с социальным статусом работающего, предприниматели устанавливали бы заработную плату в соответствии с критериями выполняемой работы. Без таких справедливых критериев, позволяющих реально оплачивать работу женщин и цветных, не исчезнут препятствия для их нормальной конкуренции за рабочие места.

Борьба за равенство возможностей представляет собою важную, но, к сожалению, недостаточную гарантию благоприятных социальных и политических изменений, поскольку имеющиеся возможности она все-таки существенно не увеличивает. Равенство возможностей может использоваться в качестве доводов в пользу необходимых социальных реформ, таких как распределение товаров и выгод в пользу тех, кто традиционно их не имел, изменений в структуре отдельных частных и общественных систем и реорганизации системы социальной защиты, а также как требование пересмотра социальных и политических идеалов.

Библиография и примечания:

1. Eisenstein, Z. *Feminism and Sexual Equality: Crisis in Liberal America*. New York: Monthly Review Press, 1984.
2. Fried, V.G. In Defense of Preferential Hiring. In *Women and Philosophy: Toward a Theory of Liberation*, ed. C. Gould and M. Wartofsky. New York: G.P. Putnam's Sons, 1976.
3. Gilligan, C. *In a Different Voice: Psychological Theory and Women's Development*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1982.
4. Harris, L.C. and Narayan, U. Affirmative Action and the Myth of Preferential Treatment. In *Harvard Blackletter Law Journal*, 1994, 11.
5. Held, V. The Obligations of Mothers and Fathers. In *Femininity, Masculinity and Androgyny*. Ed. M. Vetterling-Braggin. Totowa, N. Littlefield, Adams, 1982.
6. Jagger, A.M. Abortion and a Woman's Right to Decide. In *Women and Philosophy*. Ed. C. Gould & M. Wartofsky. N.Y.: G.P. Putnam's Sons, 1980.
7. O'Neil, O. How Do We Know When Opportunities Are Equal? In *Feminism and Philosophy*. Ed. M. Vetterling-Braggin. Totowa, N.: Littlefield, Adams, 1977.
8. Krieger, L. Through a Glass Darkly. In *Hypatia*, 1987. 2: 1.
9. Martin, J. *Changing the Educational Landscape*. New York: Routledge, 1994.
10. Moulton, J. and Rainone, F. Women's Work and Sex Roles. In *Beyond Domination*, ed. C.C. Gould. Totowa, N.: Rowman & Allanheld, 1983.
11. Mill, J.S. *The Subjection of Women*. Cambridge, MA: MIT Press, 1978.
12. Rawls, J. *A Theory of Justice*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1971.
13. Rhode, D. *Justice and Gender: Sex Discrimination and the Law*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1989.
14. Richards, J.R. *The Skeptical Feminist: A Philosophical Enquiry*. London: Routledge & Kegan Paul, 1980.

15. Sadker, M. and Sadker, D. *Falling at Fairness: How America's Schools Cheat Girls*. New York: Charles Scribner's Sons, 1994.
16. Shrage, L. Some Implications of Comparable Worth. In *Social Theory and Practice*, 1987, 13: Warren K.J. Secondary Sexism and Quota Hiring. In *Philosophy and Public Affairs*, 1977, #6:3.
17. Weinzweig, M. Pregnancy Leave, Comparable Worth, and Concepts of Equality. In *Hypatia*, 1987. 2: 1.
18. Wolgest, E. Wrong Rights. In *Hypatia*, 1987, 2: 1.
19. Young, I. *Justice and the Politics of Difference*. Princeton, N.: Princeton University Press, 1990.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА*

Введение

Определение социальной политики

Социальная политика — понятие весьма расплывчатое, но в целом ее можно определить как проведение правительством и общественными организациями программ и мероприятий, рассчитанных на то, чтобы увеличить благосостояние членов общества и способствовать разрешению имеющихся в обществе социальных проблем. Правительственная политика осуществляется действиями законодательных, исполнительных и судебных властей. Инструкции и правила, действующие в рамках крупных общественных учреждений, таких как университеты или медицинские учреждения, и направленные на создание и реализацию социальных гарантий и действий, могут также рассматриваться как инструмент социальной политики. Социальная политика иногда понимается более узко как вмешательство государства в область распределения или перераспределения, когда своими действиями государство пытается изменить систему социальной структуры или создать определенные социальные гарантии [16]. В данном понимании это политика социального обеспечения, или социального благосостояния, объектом которых выступает бедное население. В рамках данной статьи, мы будем говорить, прежде всего, о социальной политике в широком смысле, лишь кратко остановившись в конце на социальной политике в узком смысле, т.е. политике благосостояния.

Феминистская философия о социальной политике: политика и контекст

Феминистская философия также не обошла своим вниманием социальную политику, и разделилась как на ее критиков, так и на ее сторонников, и при ее анализе опирается как на эмпирические данные, так и на анализ законодательства. Причем одни доказывают, что философы должны анализировать конкретные действия в рамках политики, другие утверждают, что необходима философская критика политики в целом [8].

Содержательный характер специфических проблем политики составляет основу теории. Однако без знаний местной политической специфики имеющихся проблем теоретическое знание может иметь ограниченную ценность при анализе конкретной политики. Например, женское здоровье, насилие против женщин и репродуктивный контроль — все это проблемы женского бытия на территории всего земного шара, но конкретная политика, направленная на решение данных проблем проводится в исключительно узких географических рамках. Так, стремление женщин «управлять» своим собственным телом поднимает вопросы о необходимости социальной защиты и гарантий для беременных женщин в Соединенных Штатах [52]; а ученые, работающие над социальными проблемами в Бирме, анализируют политику, направленную на предотвращение сексуального порабощения и распространения СПИДа среди низкостатусных женщин Бирмы. В данной статье, я попытаюсь рассмотреть и проанализировать имеющиеся теории о решении социальных

---

* Перевод Ольги Шестак.

Перевод осуществлен по изданию Kittay, Eva. «Social Policy.» *In A Companion to Feminist Philosophy*. Ed. by A.M. Jaggar and I.M. Yong. Malden, Massachusetts USA: Blackwell Publishers Ltd. Oxford, 1998, p. 569-580.

проблем в рамках политики, тем более что они относятся к проблемам американской политики, но я буду также ссылаться на международный контекст в решении имеющихся проблем.

Политический контекст ограничивает, к сожалению, предложения различных теорий социальной политики, идущих вразрез с общепринятым контекстом. Так, радикальные политические изменения, такие как ликвидация капитализма или государства как института, сформулированные радикальным марксизмом [32] или анархистский феминизм [1; 17] не уживаются в рамках проводимой социальной политики. Однако, многие, кто знаком с основными положениями этих теорий доказывают, что феминизм, безотносительно к возможности его реализации, должен присоединиться к политическим силам в разработке социальных реформ и способствовать формированию критериев для оценки этих реформ [26].

Развитие теорий альтернативной социальной политики

Феминистская философия впервые заговорила о политике в конце 1960-х - начале 1970-х годов. Работы, посвященные политике, явились ответом на исторические, социальные, экономические, и политические события, имевшие место в обществе, и стали возможны благодаря высокому развитию феминистской теории и изменениям в обществе, позволившим выдвинуть ряд новых требований. Область феминистских публикаций начинается с проблем дискриминации, затем переходит в область дискуссий о включении женщин в традиционно мужские области занятий, и затем, переходит в стремления преобразовать учреждения и нормы таким образом, чтобы они способствовали смягчению дискриминации и расширению женских возможностей.

Тематика этих исследований весьма обширна, поскольку касается различных проблем, имеющих место в обществе. Некоторые общественные учреждения крайне мало обращают внимание на рекомендации феминисток, другие склонные к ним прислушиваться. В любом случае, феминизм способен через свои теории обратить внимание общества на имеющиеся политические проблемы.

Уничтожение дискриминации

Уничтожение дискриминации тесно связано с либеральной концепцией свободы и равенства, созданной в эпоху Просвещения. Однако осуществление процесса уничтожения дискриминации стало возможным только после снятия с понятий свободы и равенства всевозможных ограничений и препятствий. Мэри Уолстонкрафт в 1792 году включила этот идеал Просвещения в письмо, с которым она обратилась к Талейрану, когда тот работал над пересмотром Французской Конституции. «Необходимо положить конец всем видам принуждения, имеющимся в обществе», — писала она, — «и тогда закон естественного развития станет основным и каждому полу будет отведено свое место». Требование уничтожения дискриминации — это не только требование ликвидации законов, открыто унижающих женщин, но и требование принятия таких законов, которые бы сделали половую дискриминацию незаконной; это также и стремление обратить внимание политиков и общественных структур на существующие скрытые противодействия реализации прав женщин.

Феминистские философы, в начале этой «новой волны», требовали изменений в политике, направленной на решение таких проблем как изнасилование [25; 55,18; 50; 11], аборты [32; 66], семейное законодательство [34] и приводили доводы в пользу равенства возможностей в сфере образования и занятости [44; 15]. Социальные

демократические государства, такие как Швеция, вплотную подошли к вопросу женского равенства, поддержав антидискриминационные требования, прозвучавшие еще в начале XX века. Они развили такие направления в социальной политике, как субсидирование правительством программ защиты детства, оплаты родительских отпусков, отдельного налогообложения доходов мужчин и женщин (способствующего справедливому распределению доходов в домашнем хозяйстве) и других. В Соединенных Штатах, также необходимо вводить оплату за работу по дому и меры по охране детства, что должно расширить возможности для женщин в рамках сфер, занятых прежде только мужчинами, а также вводить антидискриминационные меры и законодательство, защищающие равенство возможностей.

Радикальный феминистский лозунг «политика в руках частных лиц» является ключевым, когда речь идет о проблемах насилия, аборт, злоупотреблений властью в рамках семьи, о проблемах служащих общественной и политической сфер, особенно в Северной Америке и Европе. Однако эти меры недостаточны, теория должна более глубоко проникать в суть проблемы. Поскольку нарушения прав человека продолжаются, в систему международных прав человека необходимо включать нормы, запрещающие нарушение прав полов в рамках частных предприятий, военное и политическое насилие, а также репродуктивные злоупотребления. Исправлять такие недостатки общественного развития призывают антидискриминационные теории, что в свою очередь требует преобразования самой концепции «прав человека» [49].

Включение

Когда отсутствуют прогрессивные изменения, ликвидирующие формальные ограничения и изменяющие систему распределения богатства, власти, или статусов, то общественное требование становится ориентиром для политики, способствующей социализации человека. И снова на первый план выдвигается политика, способствующая расширению областей женской занятости, но теперь в ней большую роль играет политика социальной защиты и системы льгот [66; 65; 68; 28; 33; 15]. С того момента как женщина получает рабочее место, ей становится необходимой защита против сексуального преследования [38; 2], гарантии равной с мужчинами заработной платы и права участвовать в покупке акций [70; 62; 33], выплаты детских пособий [41; 34], прав на отпуск по беременности и родам [70; 33; 69; 3].

Теоретики разработали определенный инструментарий для реализации программы «включения» как общественной стратегии и цели. Например, психоаналитический феминизм сформулировал аргументы в пользу необходимости определенной системы воспитания, как для маленьких детей, так и для взрослых, которая способствовала бы их социализации. Таким образом, она влияла бы на развитие политики в области отпусков по беременности и родам, уходу за детьми, образования и способствовала бы развитию социальной защиты, как мужчин, так и женщин [43; 29].

Некоторые из наиболее важных теоретических положений пришли из новейших исторических исследований, проводимых как марксистскими, так и либеральными теоретиками и разделились между частными (семейными) и политическими (общественными) областями [14; 46]. Когда частные (семейные) интересы стали препятствовать проникновению женщин в «общественные» области жизни, женщины потребовали государственного вмешательства в частную жизнь. Например, сексуальное насилие над женой в семье (например, использование порнографических изображений для

контроля над женой), заставляет женщин присоединяться к требованиям защиты от сексуального преследования и требованиям декретного отпуска и защиты детства, как к единственной возможности устранения насилия в семье и включения в гражданское общество. Исследования полного участия в социальных, политических, и экономических сферах для женщин, требования защиты женщин в рамках семейных отношений, весьма обширны и проводятся во многих странах. Так А. Сен показывает, что в развитых странах доступ в общественные сферы и высокооплачиваемая работа являются как бы психологической защитой для женщин, терпящих в семье постоянное унижение со стороны мужчин [54].

Основания для государственного вмешательства в сферу частной жизни не всегда находили отклик среди феминисток. Вопрос о том, когда необходимо прибегать к такому государственному вмешательству, является точкой преткновения, разделяющей либеральных и радикальных феминисток. Один из наиболее спорных моментов — порнография и проблема ненависти в обществе.

Феминистки также указывают на сложный характер отношений между общественным и частным, особенно в странах, где отношение к женщине связано с историческими, религиозными или этническими обычаями и традициями, поддерживаемыми государством. Паттак и Раджан приводят пример дохода разведенной мусульманской женщины, которая зарабатывала лишь 14 % того, что зарабатывал ее муж [47].

Призыв женщин на военную службу одними считается необходимым, в то время как другие думают, что такое равенство будет способствовать полному подчинению женщин мужским правилам игры. Так, В. Вулф считает, что женщины должны настаивать на пацифизме и антинационалистическом феминизме. Руддик и другие полагают, что женщины должны быть готовы к участию в военной службе, включая возможность военных действий, но не нести обязательную воинскую повинность [53].

Цель «включения» не только провозглашает идеал равенства, но также подтверждает женскую независимость. Если мы включены в общество как граждане, должны ли мы опасаться возможных ограничений? Подвергает ли женщин их согласие на включение в общественную жизнь в условиях патриархата, опасности эксплуатации со стороны мужчин? [41]

Эти вопросы были обсуждены на многочисленных практических конференциях. Обычно дискуссии возникают вокруг проблем проституции, косметических операций, сексуального насилия, законодательства, предусматривающего ответственность женщин за непредумышленное убийство [32; 46]. Среди изучаемых проблем особенно выделяются проблемы связанные с работой женщин на предприятиях — воздействие на женщин вредных технологий производства, низкие доходы цветных женщин, проблемы социальной защиты бедных женщин. Поток книг и статей посвящены суррогатной беременности, репродуктивным технологиям типа искусственного оплодотворения, эмбрионального контроля и эмбриональной хирургии [40; 71; 62]. Особое беспокойство вызывает то, что некоторые женщины извлекают выгоду из этих технологий.

Трансформация

Когда политика «включения» будет не в состоянии приносить пользу женщинам, вносить положительные перемены в их жизнь или не сможет высвечивать всю глубину социальных проблем, тогда со стороны женщин

появится спрос на политику, которая сможет потребовать от учреждений признания половой и сексуальной идентичности, высокого статуса брака и семьи, рабочих мест, благоприятного отношения со стороны государства к правам человека и гуманизации отношений к окружающему миру. Критикуя и развивая положения либеральных и марксистских теорий, постструктурализма, психоанализа, постмодернизма, учений постколониального мира и экологии, философы-феминистки просто не применили эти понятия к женским исследованиям, но позаимствовали многое из инструментария вышеуказанных направлений. Они пытались определить такую политику, которая способствовала бы дегендеризации, пересмотрела бы традиционные отношения к половым ролям, распределяемым между мужчинами и женщинами, как бы перестраивая систему половых ролей в рамках общественных учреждений.

Но проект преобразований невольно поднимает вопрос: а в чем же заключаются женские потребности и желания, в чем их суть? Можем ли мы говорить о женщинах как о социальной группе, и как мы должны формулировать социальную политику в отношении этой группы, учитывая то, что она в свою очередь неоднородна? Вызывает беспокойство наличие разнообразных мнений и желаний среди самих женщин, что заставляет нас рассматривать этот пол с различных позиций, учитывая, что не только пол определяет потребности.

Даже если мы абстрагируемся от половой принадлежности, то все равно имеет смысл требовать изменений в социальной политике в отношении равенства возможностей. Признание женских прав как естественных прав человека зависит не только от изменения самой концепции прав человека, но также и от того насколько феминистская теория сможет создать условия для изменения ситуации в отношении прав человека в постколониальных развивающихся странах [49]. Новый подход к браку, — брак между геями и лесбиянками, — способен внести изменения в концепцию традиционного брака, являющегося символом патриархального общества. В то время как в большинстве государств «всеобщего благоденствия» центральной Европы и Скандинавии уже существует оплачиваемый отпуск для родителей, у которых есть больные дети, отпуск по болезни, американским феминисткам приходится требовать пособий по материнству, заботы об иждивенцах со стороны государства, независимо от их пола. Эти требования должны обеспечить преобразования в рамках тех рабочих мест, на которых работают опекуны иждивенцев [75]. В ходе исследований выясняются возможности изменений в структуре рабочих мест, определяются виды социальных пособий, выясняется, в чем же заключаются основные проблемы семейных отношений.

Наиболее проблемными представляются вопросы, связанные с расовой принадлежностью. Особенно они актуальны в Соединенных Штатах. Представители академической науки Вильямс и Спиллерс обращают внимание в своих работах на влияние расовых измерений пола на благосостояние как отдельных индивидов, так и целых семей [73, 61]. Кроме того, нам кажется, что философы-феминистки смотрят на проблемы социальной политики как на путь изменения отношения к вопросу о расовой принадлежности, например, они исследуют политику в отношении смешанных рас и межрасовых отношений [76; 59]. Возможно, что наиболее существенными являются проблемы бедности и расизма, затрагивающие не только женщин, но также мужчин, детей и сообщество в целом, и оказывающие влияние на жизнь женщин [39; 75]. Радикальный пересмотр фундаментальных концепций и категорий, таких как расовая идентификация

полов, необходим в рамках политики, направленной на защиту детей от расовых и половых предрассудков.

В отношении наиболее распространенных проблем, таких как аборт и репродуктивные права, феминистки все более смещают акценты в своих исследованиях с индивидуальных проблем на социальные и политические, и ведут по этому поводу постоянные дискуссии. Именно в этом направлении, по мнению Петчески, лежит путь к ядру феминистских преобразований. Она пишет: «проблема политики аборт имеет большее значение, чем просто актуализация внимания на убийстве зародыша, она влияет на структуру семей, на отношения между мужчинами и женщинами, родителями и детьми и влияет на женскую занятость».

Сегодня в Соединенных Штатах многочисленные противники аборт в принципе согласны с юридическим закреплением права на аборт, но они считают, что в системе законодательства должен быть предусмотрен запрет на аборт для бедных и молодых женщин (например, необходимость родительского или судебного разрешения на аборт для молодых женщин). Эти положения созвучны с такой религиозной и государственной ценностью как «ценность человеческой жизни». Поэтому аборт должны регулироваться как религиозными, так и государственными нормами. Поскольку феминистки стремятся преобразовать социальные отношения, их противники предпринимают усилия по противоположной интерпретации нюансов общественного развития. Феминистки стараются привлекать положения как старых, так и новых теорий, когда ведут борьбу с издержками социальных изменений.

Женщины и благосостояние

Одной из важнейших проблем в рамках социальной политики и феминизма является проблема гражданских прав. Как правовое государство регулирует поведение граждан, какие гарантии оно должно предоставлять своим членам? Этот вопрос крайне важен, особенно когда речь идет о политике благосостояния.

В статье «Войны за ресурсы», говорится о том, что в борьбе за обладание ресурсами женщины всегда проигрывали, особенно в Соединенных Штатах. В Центральной Европе, Скандинавии, Австралии и Новой Зеландии все равны перед государством всеобщего благоденствия, которое одно имеет возможность изменять условия благосостояния. В Соединенных Штатах, как считают Пивен и Словард, условия благосостояния расширяются в ответ на увеличение потребности в рабочей силе и контроле над обществом для предотвращения социальных волнений. Социальная политика, в свою очередь, служит инструментом социального контроля, особенно в отношении бедного населения, которое более всего зависит от государственной системы перераспределения [51].

В Соединенных Штатах против выравнивания благосостояния всегда боролись консервативные силы, причем под тройным знаменем: «экономия в семье», «экономия денег налогоплательщиков» и «финансовая независимость». Программы социального обеспечения направленные на женщин, касаются исключительно женщин среднего возраста, причем, они недостаточно финансируются и реализуются за счет налогов. Хотя программа выделения пособий и не зависит от цвета кожи, но все равно, чаще всего ими пользуются чернокожие женщины. Напротив, программы социального обеспечения, несущие наибольшие выгоды (например, социальное страхование по безработице, социальное обеспечение по старости) являются универсальными и крайне популярными в обществе в

целом. Но при этом эти программы чаще всего реализуются в отношении белых мужчин [46; 19; 20].

Система перераспределения несовершенна, и женщинам, особенно бедным, приходится требовать, чтобы эта система функционировала на основе равенства гражданских прав. Система перераспределения поднимает также вопросы о значении таких общественных ценностей как «независимость», «работа», «семья» и их место в социальной системе. В то время как Фрейзер требует интерпретации потребностей, которая должна иметь место с социальной политике, другие исследователи требуют создания определенных условий для функционирования государства всеобщего благоденствия в свете теории феминизма.

А. Янг предлагает конкретные мероприятия в рамках социальной политики для усовершенствования положения беременных женщин. Она перемещается от понятия «благополучия» для самого нуждающегося к универсальным условиям полной занятости и гарантируемого дохода [75]. Л. Гордон, среди других, считала, что феминизм должен разрабатывать универсальные требования защиты детства, введения детских пособий, гибкой почасовой работы в общественных и частных учреждениях, медицинского обслуживания, и социальной защиты для пожилых, больных и инвалидов, что должно способствовать сплочению семей [24].

По мнению М. Фридман, важно обратить внимание на увеличение влияния среднего класса, как основного сторонника консервативных отношений в обществе. Снижение среднего уровня благосостояния выгодно женщинам из буржуазной среды, поскольку оно обеспечивает дешевый источник рабочей силы для домашней работы, — услуги, которые эти женщины все более и более склонны использовать. Данный факт делает несовершенной феминистскую концепцию женской солидарности [22].

Феминистки способствовали многим переменам в общественной жизни и внесли большой вклад в изменение моделей поведения, как женщин, так и мужчин. Большинство людей больше не считает, что мать должна оставаться дома и посвящать свое внимание исключительно детям и домашнему хозяйству. Мы уже не считаем, что беременность это дело случая, а женщины, имеющие ребенка, все чаще рассматриваются как уважаемые люди, несущие бремя большой ответственности. Эти положительные изменения, к сожалению, были незаконно приписаны себе теми, кто нападает на женщин, слишком бедных или плохо устроенных в жизни, и теми, кто критикует женщин как «безответственных существ», если они имеют детей и прибегают при этом к общественной помощи. Энтузиазм, с которым некоторые из нас разрушали систему патриархата, на самом деле сделал нас уязвимыми. Феминистки должны снова посвятить себя развитию теории и усовершенствованию практики и требовать такой политики, которая сделает женщин неуязвимыми.

Библиография и примечания:

1. Addelson, K.P. *Impure Thoughts: Essays on Philosophy, Feminism, and Ethics*. Philadelphia: Temple University Press, 1991.
2. Altman, A. Making Sense of Sexual Harassment Law. In *Philosophy and Public Affairs*, 1996, 25:1.
3. Bacchi, C. Pregnancy, the Law and the Meaning of Equality. In *Equality, Politics, and Gender*. Ed. E. Meehan and S. Sevenhuijsen. Beverly Hills, CA: Sage, 1991.
4. Baker, G.S. Is Equality Enough? In *Hypatia*, 1987, 2: 1.

5. Bethel, L. What Chou Mean «We» White Girl. In *Conditions Five*, 1979, 11: 2.
6. Boehm, B. Feminist Histories: Theory Meets Practice. In *Hypatia*, 1992, 7: 2.
7. Bordo, S. *Unbearable Weight: Feminism, Western Culture and the Body*. Berkeley: University of California Press, 1993.
8. Brison, S. The Theoretical Importance of Practice. In *Theory and Practice*, ed. by Shapiro and J. Wagner DeCew. New York: New York University Press, 1995.
9. Bunch, C. *The Reform Tool Kit*. In *Building Feminist Theory*. Ed. the Quest Staff. New York: Longman, 1981.
10. Colker, R. Disembodiment: Abortion and Gay Rights. In *Radical Philosophy of Law*. Ed. D. Caudill and S. Gold. Atlantic Highlands, N.: Humanities Press, 1995.
11. Curley, E.M. Excusing Rape. In *Philosophy and Public Affairs*, 1976, 5: 4.
12. Davis, A. *Women, Culture, and Politics*. New York: Random House, 1990.
13. Duran, J. The Feminization of Social Work: A Philosophical Analysis. In *International Journal of Applied Philosophy*, 1988, 4.
14. Elshtain, J.B. *Public Man, Private Woman*. Princeton, N.: Princeton University Press, 1981
15. Ezorsky, G. The Fight Over University Women. In *The New York Review of Books*, 1974, 16.
16. Ferge, Z. Social Policy. In *Blackwell Dictionary of Twentieth-Century Thought*. Ed. by W. Outhwaite. Cambridge: Blackwell, 1993.
17. Ferguson, K. Bureaucracy and Public Life: The Feminization of the Polity. In *Administration and Society*, 1983, 15: 3.
18. Foa, P. What's Wrong with Rape. In *Feminism and Philosophy*. Ed. by M. Vetterling-Braggin. Totowa, N.: Littelfield, Adams, 1977.
19. Frazer, N. Women, Welfare and the Politics of Need Interpretation. In *Hypatia*, 2: 1, 1987.
20. Frazer, N. and Gordon, L. A Genealogy of Dependency: Tracing a Keyword of the US Welfare State. In *Pitied but Not Entitled: Single Mothers and the History of Welfare*. New York: The Free Press, 1994.
21. Fried, V.G. In defense of Preferential Hiring. In *Women and Philosophy: Toward a Theory of Liberation*, ed. C. Could and M. Wartofsky. New York: G.P. Putnam's Sons, 1976.
22. Friedman, M. Welfare Cuts and the Ascendance of Market Patriarchy. In *Hypatia*, 1988, 3.
23. Gilligan, C. In *A Different Voice: Psychological Theory and Woman's Development*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1982.
24. Gordon, L. *Pitied but Not Entitled: Single Mothers and the History of Welfare*. New York, the Free Press, 1994.
25. Griffin, S. Rape: The All-American Crime. In *Feminism and Philosophy*. Ed. by M. Vetterling-Braggin. Totowa, N.: Littelfield, Adams, 1977.
26. Harding, S. Feminism: Reform or Revolution. In *The Philosophical Forum*. V.1-2, 1973 – 4.
27. Hartline, S. Intimate Gender: the Case for Preemptive Self-Defense. In *Feminist Ethics and Social Policy*. Ed. P. DiQuinzio and I. Young. Bloomington: Indiana Press, 1996.
28. Hawkesworth, M. The Affirmative Action Debate and Conflicting Conceptions of Individuality. In *Hypatia Reborn: Essays in Feminist Philosophy*. Ed. A. al-Hibri. Bloomington: Indiana University Press, 1990.

29. Held, V. The Obligations of Mothers and Fathers. In *Femininity, Masculinity and Androgyny*. Ed. M. Vetterling-Braggin. Totowa, N. Littlefield, Adams, 1982.
30. Hooks, b. *Feminist Theory: From Margin to Center*. Boston: South End Press, 1984.
31. Jaggar, A.M. *Feminist Politics and Human Nature*. Totowa, N.: Rowman and Allanheld: Harvester, 1983.
32. Jaggar, A.M. Abortion and Women Rights to Decide. In *Women and Philosophy*. Ed. by C. Gould and M. Wartofsky. New York,: G.P. Putnam's Sons, 1980.
33. Kaminer, W.A. *Fearful Freedom: Women's Flight from Equality*. Reading, MA: Addison-Wesley, 1990.
34. Ketchum, S. Liberalism and Marriage Law. In *Feminism and Philosophy*. Ed. by M. Vetterling-Braggin. Totowa, N.: Littlefield, Adams, 1977.
35. Lorde, A. *Sister Outside*. Trumansburg, NY: The Crossing Press, 1984.
36. Lugones, M. Hispaneando y Lesbiando: on Sara Hoagland's Lesbian Ethics. In *Hypatia*, 1990, 5.
37. Lugonas, M. and Spelman, E. Have We Got a Theory for You! In *Women and Values*. Ed. by M. Pearsall. Belmont, CA: Wadsworth, 1986.
38. MacKinnon, C. *The Sexual Harassment of Working Women*. New Haven, CT: Yale University Press, 1979.
39. Malveaux, J. Gender Difference and Beyond: An Economic Perspective on Diversity and Communally Among Women. In *Theoretical Perspectives on Sexual Deference*. Ed. D. Rhode. New Haven, CN: Yale University Press, 1990. 1990.
40. Michaels, M. Other Mothers: Towards an Ethic of Postmaternal Practice. In *Hypatia*, 1996, 11: 2.
41. Midgley, M. and Huges, J. *Women's Choices: Philosophical Problems Facing Feminism*. New York: St. Martin's Press, 1983. 1983.
42. Newton, L. Reverse Discrimination as Indigenous Peoples. In *Journal of Social Philosophy*, 1994, 25.
43. Okin, S. *Justice, Gender and the Family*. New York: Basic Books, 1989.
44. O'Neil, O. How Do We Know When Opportunities Are Equal? In *Feminism and Philosophy*. Ed. M. Vetterling-Braggin. Totowa, N.: Littlefield, Adams, 1977.
45. Petchesky, R.P. Antiabortion, Antifeminism, and the Rise of the New Right. In *Feminist Studies*, 1981, 7.
46. Pateman, C. Feminist Critiques of the Public/Private Dichotomy. In *The Disorder of Women: Democracy, Feminism and Political Theory*. Ed. by G. Bock. London: Routledge, 1992.
47. Pathak, Z. and Rajan, R. Shahbano. *Feminists Theorize the Political*. Ed. by J. Butler and J. Scott. New York: Routledge, 1992.
48. Pears, D. Women, Work and Welfare. In *Working Women and Families*. Ed. K. Wolk Feinstein. Beverly Hills, CA: Sage Publications, 1979.
49. Peters, J. and Wolper, A. Eds. *Women Rights, Human Rights: Internationalist Feminist Perspectives*. New York, Routledga, 1995.
50. Peterson, S.R. Coercion and Rape: the State as a Male Protection Racket. In *Feminism and Philosophy*. Ed. by M. Vetterling-Braggin. Totowa, N.: Littlefield, Adams, 1977.
51. Piven, F. and Cloward, R. *Regulating the Poor*. New York: Pantheon Books, 1971.
52. Pynne, H.H. AIDS and Gender Violence: The Enslavement of Burmese Women in the Thai sex Industry. In *Women's Rights, Human Rights: In-*

- ternationalist Feminist Perspectives*. Ed. by J. Peters and A. Wolper. New York: Routledge, 1995.
53. Ruddick, S. *Maternal Thinking: Toward a Politics of Peace*. New York: Basic Books, 1989.
  54. Sen, A. Gender and Cooperative Conflict. In *Persistent Inequalities*. Ed. by I. Trinker. New York: Oxford Clarendon Press, 1989.
  55. Shafer, S. and Frye, M. Rape and Respect. In *Feminism and Philosophy*. Ed. by M. Vetterling-Braggin. Totowa, N.: Littlefield, Adams, 1977.
  56. Schmid, G. and Weitzel, R. eds. *Sex Discrimination and Equal Opportunity: the Labor Market and Employment Policy*. New York: St. Martin Press, 1984.
  57. Sichel, B. Ethics of Caring and the Institutional Ethics Committee. In *Hypatia*, 1989, 4: 2. 1989.
  58. Smart C. and Sevenhuijsen, eds. *Child Custody and the Politics of Gender*. New York, Routledge, 1989.
  59. Smith, P. 1993. *Feminist Jurisprudence*. New York: Oxford University Press, 1993.
  60. Spelman, E. *Innesential Woman: Problems of Exclusion in Feminist Thought*. Boston: Beacon Press, 1988.
  61. Spillers, H. Mama's Baby, Papa's Maybe: an American Grammar Book. In *Diacritics*, 1987, 17: 2.
  62. Steinberg, R. and Haignere, L. *Separate but Equivalent: Equal Pay for Work of Comparable Worth. Beyond Methodology: Feminist Scholarship as Lived Research*. Ed. by M. Fonow and J. Cook. Bloomington: Indiana University Press, 1991.
  63. Stroud, S. Dworkin and Carsy on Abortion. In *Philosophy and Public Affairs*, 1996 25: 2.
  64. Superson, A. A Feminist Definition of Sexual Harassment. In *Journal of Social Philosophy*, 1993, 24: 1.
  65. Thalberg, I. Reverse Discrimination and the Future. In *Philosophical Forum*, 1973, (3-4). V.1-2.
  66. Thompson, J.J. A Defense of Abortion. In *Philosophy and Public Affairs*, 1971, 1: 1.
  67. Tronto, J. Care as a Basis for Radical Political Judgments. In *Hypatia*, 1995, 10: 3.
  68. Vetterling-Braggin, M. Some Common Sense Notes on Preferential Hiring. In *Philosophical Forum*, 1973 (4), 1-2.
  69. Vogel, L. Debating Difference: Feminism, Pregnancy, and the Workplace. In *Feminist Studies*, 1985, 16: 1.
  70. Weinzweig, M. Pregnancy Leave, Comparable Worth, and Concepts of Equality. In *Hypatia*, 1987. 2: 1.
  71. Wells, G. Sex-Selective Abortion: A Relational Approach. In *Hypatia*, 1995, 10: 1.
  72. Wendell, S. A Qualified Defense of Liberalism. In *Hypatia*, 1987, 2.
  73. Williams, P.J. Scarlet, the Sequel. In *The Rooster's Egg*. Ed. P.J. Williams. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1995.
  74. Winston, K. and Bane, M.J., eds. *Gender and Public Policy: Cases and Comments*. Boulder, CO: Westview Press, 1993.
  75. Young, I. Punishment, Treatment, Empowerment: Three Approaches to Policy for Pregnant Addicts. In *Feminist Studies*, 1994, 20: 1.
  76. Zack, N. Mixed Black and White Race and Public Policy. In *Hypatia*, 10: 1, 1995

РАБОТА*

Труд — это целенаправленная человеческая деятельность, имеющая своей конечной целью полезный результат. Это не всегда такой вид деятельности, который направлен на удовлетворение человеческих нужд. При этом следует отличать труд от досуга. Последний также есть вид человеческой деятельности, но главной его целью является получение удовольствия и релаксации. Труд может быть как оплачиваемым, так и неоплачиваемым. Оплачиваемый труд предоставляет обществу товары и услуги. Воспитательные работы, которые подготавливают детей к зрелой жизни, также можно назвать трудом.

В истории философии разделению труда между мужчиной или женщиной не было уделено должного внимания. Учение Аристотеля и его точка зрения на физический труд как на второстепенную деятельность по сравнению с умственным трудом, длительное время поддерживали многие философы. Говоря о разделении труда в греческом обществе, Аристотель доказывал, что все обязанности были справедливо распределены между отдельными слоями населения, сообразно способностям людей.

С точки зрения Аристотеля свободные женщины и рабыни выполняли те домашние обязанности, которые им наиболее подходили. Торговцы и ремесленники выбирали свою профессию, благодаря соответствующим способностям, которыми их одарила природа. И оставалось еще элита общества - мужчины, занимающиеся изучением таких важных вещей, как политика и философия.

К теме человеческого труда философы относились с долей пренебрежения, хотя были и исключения. Так, Джон Локк рассматривал труд, как основу прав собственности, Гегель описывал самосознание, которого достигает раб посредством труда, а Джон Деви развил концепцию понимания ручного труда, в которой он подчеркивал, что опыт — это источник понимания.

Еще одной из немногих философских работ на тему труда является книга Ханны Арендт «*The Human Condition*» («Состояние человека»). Ее определение понятия «труд» особенно уместно в этой статье. С точки зрения Арендт, труд — это все виды повторяющейся человеческой деятельности, которые необходимы для физического воспитания.

Результат труда, например такого, как приготовление пищи, выражается в продукции, потребляемой почти сразу же после её изготовления. Поэтому труд требует постоянных усилий, ведь его процесс должен повторяться снова и снова [2, p.100]. Превосходным примером является работа на дому.

Наверное, неслучайно именно женщина-философ предоставила убедительное описание повторяющегося труда, необходимого для поддержания человеческой жизни. Но в работе Арендт отразились и взгляды Аристотеля. Как и он, она считала, что труд был не самым важным видом человеческой деятельности. «Поступок» — то есть самораскрывающееся участие человека в общественной жизни, вот, что превозносилось больше всего. В своей книге Арендт не признала, что женщинам ограничивали доступ в общественную жизнь, как не признала и связи между фактом, что

---

* Перевод Лидии Николаевой.

Перевод выполнен по изданию: Barbara Andolsen "Work" in *A Companion to Feminist Philosophy*. Ed. by A.M. Jaggar and I.M. Yong. Malden, Massachusetts USA: Blackwell Publishers Ltd. Oxford, 1998.

на женщину возлагали больше трудовых обязанностей, чем на мужчину и тем, что у нее было меньше возможностей для «поступка».

Марксистские и феминистские методы анализа работы

Приверженцы феминистских взглядов исследовали издавна существующие аспекты труда, которые игнорировала Арендт. Однако в основу их теории были положены идеи Карла Маркса, а не Арендт.

Ученые пересмотрели значение, которое Маркс вкладывал в понятие продуктивной и репродуктивной деятельности. Репродуктивная работа, по Марксу, необходима для выживания отдельных видов и особей, но она не обеспечивает удовлетворения каких-либо особенных нужд и потребностей человека. Репродуктивный труд включает энергию, затраченную на поддержание жизни и производительной силы рабочих. Усилия, затраченные на производство пищи для рабочих, — еще один пример репродуктивного труда. Воспроизведение потомства для превращения его в следующее поколение рабочих — также репродуктивный труд. Основную часть такого труда выполняют женщины.

Анджела Дэвис увековечила низкую оценку репродуктивного труда, назвав работу по дому «невидимой, нескончаемой, изнуряющей, непродуктивной и несозидательной» [13]. Дэвис призывала женщин бросить выполнение работы по хозяйству в своих домах. Эту работу следует выполнять специальным рабочим, использующим новейшую технику. Так как такие услуги оказались бы неприбыльными, Дэвис предлагала правительству финансировать эти услуги для семей, которые не могут их себе позволить. В то же время Рут Шварц Коуэн документально подтвердил, что проводимый в XIX в. эксперимент по созданию централизованной сети выполнения домашних услуг провалился из-за того, что семьи требовали больше личной свободы и возможности побыть одним [10].

Другие марксистские феминистки приписывали гораздо большую значимость женскому репродуктивному труду. Более того, Алиса Джаггер и Уильям МакБрайд оспаривали стандартизированное Марксом различие между продуктивным и репродуктивным трудом, называя его доводы «частными и с мужским уклоном» [17].

Итальянские исследователи, особенно Мария Роза Дэлла Коста, заявили, что женщины, выполняющие работу по дому, являются рабочими, чей труд является неотъемлемой частью функционирования капиталистической системы [12].

Домохозяйка создает все условия для того, чтобы ее муж всецело отдавал себя работе, а она тем временем воспитывает следующее поколение рабочих. Так как домохозяйки прямо способствовали повышению работоспособности своих мужей и детей, некоторые журналисты — особенно в Великобритании и Италии — заявили о том, что их усилия должны оплачиваться, а это, в свою очередь, сделает работу женщины на домашнем поприще экономически «заметнее». Многие сторонники этой идеи заявляли, что подобные доходы сделают женщин материально более независимыми, повысят их самооценку и позволят им отстаивать свои интересы внутри семьи.

Однако некоторые предупреждали, что оплата домашнего труда приведет только к тому, что многим женщинам придется выполнять еще одну низкооплачиваемую работу. Более того, существовали и практические трудности: кто будет платить жалованье? Мужья? Корпорации? Правительство? Противники заработной платы для домохозяек часто настаивали на том, что неоплачиваемые домашние обязанности должны быть более равномерно распределены между мужем и женой. Половое

равенство в выполнении работы по хозяйству и воспитании детей разрушило бы стереотип о том, что женщина «предназначена» для домашней работы [1].

В ответ феминисткам, Филлип Кайн исследовал процесс превращения заботы о доме и детях из источника внутреннего удовлетворения в основную обязанность женщины, когда она воспринимается как тягость. Работа по хозяйству носит особенно эксплуатационный характер, если женщине приходится, помимо основного места работы, трудиться во «вторую смену» дома [19].

Джулиана Помпей доказывала, что до тех пор, пока не будет существовать разделения обязанностей между мужем и женой, женщинам придется нести несоразмерное бремя, поддерживая государство в периоды экономических стрессов и работая бесплатно [23]. Они пытаются свести концы с концами, в то время как доходы стагнируют. Женщины помогают членам своей семьи и даже соседям, когда правительство урезает дотации.

В настоящее время, по всему миру критика государств, предоставляющих социальные гарантии, делает предостережения Помпей вполне обоснованными.

Другим важным шагом в философском осмыслении женского репродуктивного труда стал тщательный анализ материнской работы, проведенный Сарой Руддик. Руддик настаивала на том, что воспитание детей — не простое инстинктивное стремление женщины. Это тяжелый труд, требующий ответственности и творческого подхода. В самом деле, она описывала работу матерей как процесс, способствующий развитию особенно ценных форм практической мысли [25]. Она также утверждала, что эта работа может выполняться как женщинами, так и мужчинами.

Эмоциональный труд и уход за внешностью

Философы Сандра Ли Бартки и Сьюзан Бордо недавно приступили к рассмотрению другой деятельности, ожидаемой от женщин, но редко обсуждаемой открыто: уход за внешностью и эмоциональный труд. Уход за внешностью охватывает все усилия, прилагаемые женщинами, чтобы приблизиться к общепринятому идеалу женской красоты. Уход за внешностью включает диету, покупку одежды и декоративной косметики и искусство наносить макияж. В то время как внимание, стремление выглядеть красивой рассматривается как форма самовыражения или способ привлечения противоположного пола, женщинам приходится прилагать усилия, чтобы соответственно выглядеть на рабочем месте. Многие традиционно женские профессии, такие, как секретарь-референт предполагают, что служащий должен обладать привлекательной внешностью. От женщин профессионалок часто требуют, чтобы они были женственны, но по-деловому. Бордо обращает внимание на «неравномерное количество преимуществ, денег и времени», что позволяет некоторым женщинам лучше следить за своей внешностью, хотя часто при этом страдает их самоуважение [10]. Бартки возмущает тот факт, что к красивым женщинам относятся с предубеждением, отчасти из-за тех усилий, которые они прикладывают для ухода за внешностью [4].

От женщин также ожидают выполнения большей частью, общественного эмоционального труда. Чешир Кэлхаун приводит следующие примеры такой работы: «сглаживать конфликтные ситуации, вселять чувство уверенности и гордости, предотвращать разногласия и лечить душевные раны» [8].

Бартки рассматривает как проявление несправедливости, тот факт, что женщинам приходится гораздо чаще эмоционально поддерживать мужчин,

нежели мужчинам поддерживать женщин. Эмоциональная поддержка — скрытая или явная часть большинства женских профессий. Отличным социологическим исследованием эмоциональной поддержки является труд «Управляемое сердце», посвященный работе стюардесс [16].

Феминистским философам необходимо критически рассмотреть элемент эмоционально труда, часто сочетающегося с физическим трудом. Забота о других — это нелегкая работа. Забота иногда означает умственный и физический труд, направленный на удовлетворение потребностей других людей, которые не могут сами позаботиться о себе. Забота также может означать внимательное отношение к благополучию других. Эта забота о другом человеке может объясняться эмоциональной привязанностью к этому человеку. Но философы-феминистки должны быть осторожны, чтобы ценность физического труда не снизилась по сравнению с моральной поддержкой. Например, философ Нел Ноддингс однажды предположила, что нравственная поддержка невозможна без положительных чувств к другому человеку. Она заявила: «С человеческой точки зрения я не могу сказать, что забочусь о ком-то, если моя забота о других носит принудительный или формальный характер» [21]. Она также подозрительно отнеслась к заботе за материальное вознаграждение. Теоретики должны более глубоко исследовать нравственный аспект эмоционального труда при оказании заботы. Возможно ли заботиться о человеке, не заботясь о его чувствах?

Женское благополучие может пострадать из-за идеализации «любящей заботы». Теория о том, что женщины обладают природным инстинктом заботиться о ком-то, предполагает, что женщины обязаны это делать. С одной стороны, общество выигрывает, когда о вас заботятся любящие женщины, которые обеспечивают должный уход. Однако, в настоящее время мы столкнулись с серьезной нравственной иронией: государственные органы могли бы использовать природное стремление женщин к заботе, вместо этого они отказываются финансировать общественные программы заботы о детях и здоровье дома, в то же время лицемерно превознося важность нежной, женской заботы для каждой семьи.

Проблемы социальной справедливости и труда, связанные с заботой о семье

В обществе существует ряд важных вопросов, напрямую связанных с женским трудом, посвященным заботе о семье. Например, Сарра Руддик осознала, что общество недооценивает всю важность и сложность материнской работы и не оказывает женщинам необходимой социальной поддержки. Сарра заявляет о том, что «женщина не имеет никакого влияния на экономическую и социальную политику, от которых зависит ее жизнь и жизнь ее детей. В обществе сложился стереотип, что "матери работают только в кругу семьи", но это не так, "они постоянно на людях"» [25].

Особого внимания заслуживают вопросы, возникающие когда «белые» семьи со средним и высоким достатком нанимают на кабальных условиях афро-американских женщин в качестве домашней прислуги, гувернанток или сиделок [20, 26,1]. Мэрилен Фридман отмечает, что большая разница между реальным прожиточным минимумом и получаемым пособием подталкивает все больше бедных женщин на такую работу. Она также считает важным факт «превращения женской работы по дому в платную услугу, тогда как раньше он не выходил за рамки семьи» [14].

Сьюзен Окин провела тщательный анализ другого вопроса. Основной темой исследования была материальная незащищенность женщин и их детей

в обществе, с высоким процентом разводов. Домашняя работа, которая ожидается от жены или матери, ставит женщин в невыгодное положение как экономических конкуренток на рынке. Статус домохозяйек делает их материально зависимыми от дохода мужа. Справедливость нарушается и при разводах, когда женщины, имеющие ограниченный доход, страдают материально [22].

Некоторые могли бы возразить, сказав, что их уязвимость при разводе — это печальный результат сознательного выбора самих женщин, направивших всю свою энергию на поддержание домашнего очага. Анна Кадд оспорила сложившееся мнение о том, что женщины по собственной воле ставят домашние обязанности на первое место, а карьеру на второе. Она утверждает, что их выбор объясняется половой дискриминацией дома и на работе. Экономическое давление, особенно, большое расхождение в доходах мужчин и женщин, заставляет их делать выбор в пользу ведения хозяйства. Семья будет иметь более высокий уровень жизни, если женщина, которая работает и получает небольшую зарплату, будет выполнять большую часть обязанностей по дому. Обремененные работой по дому, женщины вынуждены выбирать традиционные женские профессии, не престижные и с низким заработком, но гибким графиком, позволяющим тратить больше времени на ведение домашнего хозяйства. Учитывая все выше приведенные обстоятельства нельзя назвать выбор женщин в пользу семьи или карьеры самостоятельным [11].

Работающие женщины, репродуктивная работа

В XX веке процент работающих женщин заметно увеличился. При этом возникает множество спорных вопросов о социальной справедливости, ведь многие женщины, имеющие работу, должны были рожать и воспитывать детей. В начале 80-х гг. феминистки спорили, надо ли женщинам требовать обязательный оплачиваемый декретный отпуск.

Некоторые считали, что отпуск по беременности и родам должен быть таким же, как обычный отпуск по болезни. Они предупреждали, что требование специального дорогого отпуска повлечет за собой дискриминацию женщин в возрасте, благоприятном для беременности и родов. Х.Е. Бабер объяснял это тем, что «при прочих равных условиях... работодатель вправе выбирать надежных рабочих» [3, р.326]. Другие предупреждали, что чрезмерное фокусирование на вопросе физических потребностей женщин во время беременности может повлечь мнение о том, что женщины от природы более хрупки и поэтому менее трудоспособны. Однако не следует забывать о том, что многие рабочие, как женщины, так и мужчины, порой не выходят на работу по причине болезни. Эти феминистки утверждали, что работодатели обязаны в случае необходимости предоставить любому своему служащему оплачиваемый отпуск [27].

Другой точки зрения придерживались те, кто выступал за поддержку специальных отпусков. Они утверждали, что обыкновенная беременность, завершающаяся нормальными родами, не может рассматриваться как болезнь. Если беременные женщины, ушедшие в отпуск, будут числиться как больные, они могут быть отнесены к категории нетрудоспособных. Борьба за обязательный декретный отпуск через суд и законодательство обеспечила бы ту необходимую защиту, в которой нуждаются беременные работницы, чьи компании не предоставляют соответствующий отпуск по болезни. Некоторые также доказывали, что вынашивание и рождение ребенка является ценным, но не признанным трудом, который женщины выполняют в интересах общества. В соответствии с этой точкой зрения, декретный отпуск обеспечит общественное признание необыкновенно

ценного женского труда, выполняемого с целью продолжения человеческого рода.

Следующий нравственный вопрос затрагивает тему специальных мер по защите внутриутробного плода. Система этих мер была разработана в некоторых компаниях, чтобы уменьшить вероятность серьезных повреждений, которые могут быть получены ребенком в результате воздействия вредных веществ на организм матери. (Беременные женщины работали во вредных для здоровья условиях). Но предприятия, принимающие меры по защите внутриутробного плода, пытались в то же время избежать юридической ответственности, если ребенку все же был нанесен какой-либо вред от токсинов. На некоторых заводах с показателями концентрации вредных веществ, превышающими норму, женщинам вообще запрещалось работать, если у них не было свидетельства о бесплодии. Подобная политика проводилась на тех технических предприятиях, где женщины начинали получать нетрадиционную и более высокооплачиваемую работу.

Мэри Гибсон критиковала такую политику, утверждая, что все внимание фокусировано на защите женщин, хотя здоровье будущего ребенка во многом зависит и от здоровья мужчин [12]. М. Гибсон протестовала против дискриминации женщин на технических предприятиях. Она настаивала на том, чтобы молодым работницам запрещали работать в опасных условиях только при отсутствии способа защитить их от воздействия вредных веществ, и в том случае, если это не ущемляло их прав. Например, им могли предложить новое место работы с более благоприятными условиями труда, причем без уменьшения зарплаты, льгот и трудового стажа.

Ученые-феминистки, изучавшие политику защиты плода, сошлись на том, что самым важным должно быть обязательство работодателя обеспечить наиболее безопасные условия для работы, где на первом месте должна стоять охрана женского и мужского здоровья и способности к воспроизводству. Многие феминистки возражали против попытки работодателей представить всех женщин, как потенциально беременных. Суть их возражений состояла в том, что женщины могут самостоятельно принять решение о рождении ребенка в интересах своей семьи и своих собственных.

Решение Верховного Суда, не принявшего политику защиты внутриутробного плода имеет свои недостатки. Согласно Джоан Коллахан, решение Суда позволило работодателям не нести ответственности за вред, причинный детям в состоянии внутриутробного плода, но в то же время не потребовало улучшения рабочих условий на предприятиях [9]. Решение также утвердило права женщин самим регулировать процесс деторождения и выбирать опасные виды работ, что может послужить поводом для обвинений в адрес женщин, если их дети будут рождаться с какими-либо физическими недостатками.

Общественная справедливость и разделение по полу

в процессе наемного труда

Немногие философы обращали должное внимание на особенности женского наемного труда. Исключение составляет работа Элисон Джаггар, где анализируется социалистическая политика феминисток. Половая сегрегация при приеме на работу, хотя и ослабевает, но остается важным экономическим фактором, говоря о котором следует затронуть вопрос социальной справедливости [18]. Большинство женщин заняты в

традиционно женских профессиях, таких как швея, секретарь и няня. Хотя женщины, особенно в Европе и Америке, все чаще занимают руководящие посты, для них все еще существует «стеклянный потолок» дискриминации, которая препятствует карьерному росту женщин.

В 1983 году Дженис Маултон и Френсин Рейнан предупреждали о возможности подобного явления. В результате неверного распределения социальных ролей при приеме на работу, женщинам сильно ограничивали возможность выбора. На тех работах, которые общество считало подходящими для женщин, обеспечивалось небольшое вознаграждение, предоставлялось мало возможностей карьерного роста и не было никакого престижа. Несмотря на уменьшение половой дискриминации при устройстве на работу, на увеличение количества женщин, получающих традиционно мужские профессии, женщины все еще страдают материально от неравенства при приеме на работу.

Ответом на это неравенство явился проект под названием «справедливая оплата или сравнительная стоимость». В рамках проекта была проведена оценка всех категорий работ согласно госстандарту, в который входят: необходимое образование, способности к руководству или условия труда. Если оказывалось, что женский труд оплачивается гораздо ниже, чем мужской, при прочих одинаковых показателях работодатели увеличивали женщинам жалованье.

Эту систему необходимо тщательно изучить. Барбара Бергман предупреждала о том, что женские качества такие, как доскональность во всем, могут недооценить, в то время как мужской, т.е. физический труд, могут оценить очень высоко. Тем, кто оценивает такой труд, следует учитывать все: профессиональные требования, включая и эмоциональный труд [5].

Система справедливой оплаты серьезно обсуждалась в начале 1980-х годов, но оказалась забытой в условиях свободного рынка и нынешней политической ситуации. В самом деле, некоторые утверждают, что свободный рынок труда — это единственный способ добиться справедливой оплаты. Дебора Роуд возражает, что постоянная недооценка женского труда (особенно выполняемого афро-американскими женщинами) делают свободный рынок ненадежным гарантом справедливой оплаты труда [24].

Ученые Ирис Марион Янг и Дебора Роуд настаивали на том, что достижение справедливого отношения к работающим женщинам требует независимого социологического анализа основных культурных и экономических структур общества [28, 24]. Еще один вопрос, требующий общественного внимания, это все увеличивающийся экономический разрыв между американками европейского происхождения и афро-американками. В США в 70-х годах в результате движения за гражданские права и создание новых рабочих мест в сфере обслуживания белые женщины и афро-американки добились практически равной заработной платы на постоянной работе, работая при этом полный рабочий день. В большей степени этот успех афро-американских женщин объясняется тем, что они из сферы обслуживания перешли в сферу торговли. Однако возможность женщин разных рас и этнических групп иметь равные возможности может оказаться только временным явлением. Совсем недавно большое количество молодых белых американок освоили традиционно мужскую управленческую работу. Социальное положение, обеспечивая доступ к хорошему образованию, определяет профессиональные перспективы женщин. НТП еще больше усиливает разделение среди них. Молодых женщин без высшего образования вытесняют на низкооплачиваемые, бесперспективные работы. В то же время, в США женщины, занимающиеся умственным трудом, стали

зарабатывать больше. Различие в зарплате среди женщин различных профессиональных групп необходимо рассматривать как социальную несправедливость. В такой экономической обстановке, взгляды таких ученых как Янг и Роуд становятся особенно важными. Они утверждают, что социальная справедливость выявит и источник неравенства — культурные и экономические барьеры, способствующие половой дискриминации и порождающие дискриминацию среди женщин. Справедливость для женщин требует не только равных прав при приеме на работу. Справедливость требует фундаментальной реорганизации так называемых «рабочих мест», чтобы установить разумное отношение между оплачиваемым трудом и домашним, включая декретный отпуск. «Невидимая» работа женщин — забота о семье и эмоциональный труд — должна быть признана и разделена с мужчинами. Им следует более активно участвовать в выполнении неквалифицированной, скучной работы, как дома, так и на рабочем месте.

Тогда у женщин и менее привилегированных мужчин будет больше возможностей получать удовлетворение от работы, как от совместного предприятия, в котором люди развивают свои таланты, сообщая трудясь на благо общества.

Библиография и примечания:

1. Andolsen, B. A Women's Work is Never Done. In *Women's Consciousness, Women's Conscience*. Ed. by B. Adolsen, C. Gudorf and M. Pellauer. San Francisco, CA: Harper and Row, 1985.
2. Arendt, H. *The Human Condition*. Chicago, University Press, 1958.
3. Baber, H. Two Models of Preferential Treatment for Working Mothers. In *Public Affairs Quarterly*, 1990, #4.
4. Bartky, S. *Femininity and Domination: Studies in the Phenomenology of Oppression*. New York: Routledge, 1990.
5. Bergmann, B. *The Economic Emergence of Women*. New York: Basic Books, 1986.
6. Bordo, S. *Unbearable Weight: Feminism, Western Culture and the Body*. Berkley: University of California Press, 1991.
7. Bordo, S. Feminism, Postmodernism, and Gender-Skepticism. In *Feminism/Postmodernism*. Ed. L. Nicholson. New York: Routledge, 1990.
8. Calhoun, C. Emotional Work. In *Explorations in Feminist Ethics: Theory and Practice*. Ed. E. Browning Cole and S. Coultrap-McQuinn. Bloomington: Indiana University Press, 1992.
9. Callahan J. Discourses of Desire: Liberals, Feminists, and the Politics of Pornography. In *American Literary History*, 1994, #2: 4.
10. Cowan, R.S. *More Work for Mother: The Ironics of Household Technology from the Open Hearth to the Microwave*. New York: Basic Books, 1983.
11. Cudd, A. Oppression by Choice. In *Journal in Social Philosophy*, 1994, #25.
12. Dalla Costa, M. *The Power of Women and the Subversion of the Community*. Bristol: Falling Wall Press, 1974.
13. Davis, A. The Approaching Obsolescence of Housework: a Working Class Perspective. In *Women, Race and Class*. New York: Random House, 1981.
14. Friedman, M. Beyond Caring: The Demoralization of Gender. In *Science, Morality, and Feminist Theory*. Ed. M. Hanen and K. Nielsen. Calgary: University of Calgary Press, 1987.
15. Gibson, M. *Worker's Rights*. Totowa, N.: Rowman and Allanheld, 1983.

16. Hochschild, A. *The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling*. Berkeley: University of California Press, 1983.
17. Jaggard A., McBride W. L. Reproduction as Male Ideology. In *Women Studies International Forum*. 1985, #8.
18. Jaggard, A. *Feminist Politics and Human Nature*. Totowa, N.: Rowman and Allanheld: Harvester, 1983.
19. Kain, P.J. Marx, Housework, and Alienation. In *Hypatia*, 1993, #8.
20. Kittay, E. Taking Dependency Seriously: The Family and Medical Leave act Considered in Light of the Social Organization of Dependency Work and Gender Equality. In *Hypatia*, 1995. #10.
21. Noddings, N. *Caring: A Feminine Approach to Ethics and Moral Education*. Berkeley: University of California Press, 1986.
22. Okin, S. *Justice, Gender, and the Family*. New York: Basic Books, 1989.
23. Pompei, G. Wages for Housework. In *Feminist Frameworks*. Ed. A. Jaggard & P. Strushi. New York: McGraw-Hill, 1978.
24. Rhode, D. Occupational Inequality. In *Duke Law Journal*. December, 1988.
25. Ruddick, S. *Maternal Thinking: Toward a Politics of Peace*. New York: Basic Books, 1989.
26. Tronto, J. *Moral Boundaries: A Political Argument for an Ethic of Care*. New York: Routledge, 1993.
27. Williams, W. The Equality Crisis: Some reflections on Culture, Courts, and Feminism. In *Women's Rights Law Reporter*, 1982, #7.
28. Young, I. *Justice and the Politics of Difference*. Princeton, N.: Princeton University Press, 1990.

ГЕНДЕРНАЯ ЭКОНОМИКА

Людия Николаева

РЕФЛЕКСИЯ НА ТЕМУ: «ЖЕНСКОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО» (ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Предпринимательство, в зависимости от подходов к оценке конкретной деятельности человека, трактуется по-разному. Интересную группировку эволюции форм и условий развития предпринимательства представил экономист В.В. Радаев и ученые Иркутской государственной экономической академии. Характеризуя экономическую функцию предпринимательской деятельности и теорию фирмы в системе рыночных отношений, они обобщили взгляды теоретиков экономической мысли по этому вопросу.

У истоков предпринимательства стоял шотландский экономист французского происхождения Р. Кантильон (XVIII в.), который ввел понятие «предприниматель» в экономическую науку. По Кантильону, предприниматель — это человек с неопределенными, нефиксированными доходами, главная отличительная черта которого — риск, а его основная экономическая функция состоит в приведении предложения в соответствие со спросом на различных рынках.

Ж.-Б. Сэй (начало XIX в.) подчеркивал активную творческую роль предпринимателя как координатора факторов производства, посредника, обладателя особых знаний и опыта. Он обосновал источник его доходов, предположив, что большая их часть — это плата за достаточно редкие предпринимательские способности.

Анализу предпринимательства особое внимание уделили историко-социологические исследования. Виднейший представитель социальной школы В. Зомбарт в работе «Буржуа» (1911 г.) резко противопоставил две духовные основы капитализма — «дух предпринимательства» и «гражданский дух». Последний подразумевает прилежание, бережливость, умеренность, расчетливость и другие подобные качества добропорядочного бюргера. По Зомбарту, предпринимательство — это осуществление дальновидного плана, требующего длительного сотрудничества нескольких людей, а сам предприниматель — «завоеватель», с его готовностью к риску, с духовной свободой, волей, богатством идей, настойчивостью в достижении цели; «организатор», способный пробудить интерес, завоевать доверие и убедить людей купить его товары. Любопытно ранжирование целей предпринимателя: на первом месте — стремление к самоутверждению, процветанию и росту своего дела и только на втором — получение максимальной прибыли. Достижение этих целей поглощает все время предпринимателя, всю его энергию и вытесняет прочие потребности.

Но только у Й. Шумпетера фигура предпринимателя и его характерные свойства стали краеугольным камнем стройной логической системы взглядов. В работе «Теория экономического развития» (1912 г.) Шумпетер пытался объединить феномен экономического роста. Он анализировал экономическую динамику, переход от одного равновесного режима функционирования к другому. Этот переход, со всеми качественными и количественными изменениями, он назвал экономическим развитием. Причем качественные изменения в экономике Шумпетер связывал с образованием «новых комбинаций», к которым относил изготовление нового блага, открытие новых способов производства (технологий) и коммерческого использования уже существующих товаров, освоение новых

рынков сбыта, освоение новых источников сырья, проведение реорганизации в отрасли.

Для осуществления этих новых комбинаций необходимо разрушить старые, изъяв нужные факторы производства. Это можно сделать, лишь предложив владельцам ресурсов более выгодные условия. Человек, берущийся за осуществление такого дела, и есть предприниматель. Он не обязательно является собственником факторов производства, но может быть и наемным управляющим.

Интересно, что обыденная хозяйственная и предпринимательская деятельность, согласно Шумпетеру, требуют от субъекта различных качеств. Так, в условиях статичного кругооборота люди («просто хозяева», по терминологии Шумпетера) действуют в соответствии с аксиомой «рационального поведения». Такая абстракция допустима, если события протекают достаточно медленно, рациональность входит в привычку и осуществляется неосознанно. При этом лучшим для «просто хозяина» является вариант «самый выгодный из привычных». Цели и мотивы деятельности — удовлетворение потребностей путем потребления. С насыщением потребности энергия, направленная на ее удовлетворение, ослабевает (это исходная предпосылка теории маржинализма).

Но не таков предприниматель. Для него характерно делать вовсе не то и не так, как это делают другие. Это особый тип людей, обладающих такими качествами, как интеллект, интуиция, сильная воля, стремление приобрести больше, чем он имеет; удовлетворение потребности в господстве, власти, влиянии; рациональное поведение для целей описания и прогнозирования различных явлений [9, С.96-103; 14, С.225-227].

В России определение такой категории, как «предпринимательство», было впервые дано в Законе РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности» от 25 декабря 1990 г., в котором под предпринимательской деятельностью (предпринимательством) понималась инициативная самостоятельная деятельность граждан и их объединений, направленная на получение прибыли, осуществляемая гражданами на свой риск и под имущественную ответственность в пределах, определяемых организационно-правовой формой предприятия. Уточнения и дополнения понятие «предпринимательство» получило с введением в действие ГК РФ, где определены основные черты и особенности предпринимательства, например такие, как инициативная деятельность, направленная на реализацию своих способностей и удовлетворение потребностей других лиц и общества; самостоятельная деятельность дееспособных граждан и их объединений, а также ряд других особенностей, требующих знаний и способностей для эффективного их же использования в практической деятельности. То есть предпринимательские способности можно определить как экономический ресурс, в состав которого следует включать не только предпринимателей и предпринимательскую инфраструктуру, но и предпринимательскую этику и культуру.

В теории и практике утвердилось мнение, что не всякую хозяйственную деятельность можно считать предпринимательской, а лишь ту, которая связана с риском, инициативой, предприимчивостью, самостоятельностью, ответственностью, активным поиском. Все они, вместе взятые, являются признаками предпринимательства. И с этим, пожалуй, можно согласиться, не оспаривая ни законодательные основы, ни мнения теоретиков экономической мысли. Но... В предпринимательстве выделяются субъекты и объекты.

Субъектами предпринимательства могут быть частные лица, различного рода ассоциации (акционерные общества, арендные коллективы,

кооперативы) и государство. Объектами предпринимательства следует назвать любые виды хозяйственной деятельности, коммерческое посредничество, инновационная, консультационная деятельность людей, операции с ценными бумагами.

Взаимосвязь объектов и субъектов функционирования национальной экономики показывает, что в их классификации явно не хватает таких элементов, как домашние хозяйства и само население. Они, с одной стороны, являются потребителями товаров и услуг, производимых предпринимателями, а с другой стороны, население само предлагает предпринимателям факторы производства в форме труда и предпринимательских способностей для производства необходимых им товаров и услуг. Семья и домашние хозяйства, в свою очередь, — основные звенья в создании и накоплении человеческого капитала, который инвестируется не только в функционирование отдельных предприятий, но и используется на макроэкономическом уровне при выработке эффективных мер государственного регулирования экономики посредством использования интеллектуального потенциала, формирующегося первоначально на уровне семьи. Встают вопросы: можно ли считать предпринимательством процесс воспитания детей и можно ли считать роль женщины-матери в домашнем хозяйстве, как активный и инициативный поиск для формирования Личности, несущей в себе ум, разум, добро, внимание и множество других положительных качеств характера, способствующих развитию всех сторон хозяйственной и общественной жизни? Ответ на эти вопросы можно получить, а может быть просто поразмышлять, исходя из сопоставления различных точек зрения [6. С.23-27].

Среди основных методологических подходов к предпринимательской деятельности выделяется: 1) неоклассический анализ, для которого характерны направления в изучении экономики домохозяйства, разделении труда внутри семьи, решений о выходе на рынок труда; 2) социалистический феминизм и близкий к нему марксизм, главными целями которых являются вопросы о причинах и формах эксплуатации женщин внутри семьи и вне ее, о факторах и сферах проявления гендерного неравенства; 3) институционализм, куда попадают такие проблемы, как роль государства в регулировании гендерных отношений и проблемы социальной политики. С политэкономической точки зрения, с точки зрения системных связей и зависимостей в каждом из отмеченных направлений можно выделяются элементы предпринимательства с позиций формирования, использования и воспроизводства важнейшего фактора производства — человеческого капитала.

В экономической литературе существует множество различных определений понятия «человеческий капитал». В обобщенном виде он учитывает следующие особенности:

- в современных условиях человеческий капитал является главной ценностью общества и главным фактором экономического роста;
- формирование человеческого капитала требует от самого человека и всего общества значительных затрат (издержек для физического формирования человека);
- человеческий капитал в виде навыков и способностей является определенным запасом, т.е. может быть накапливаемым;
- инвестиции в человеческий капитал обеспечивают, как правило, его владельцу получение в будущем более высокого дохода;

- вложения в человеческий капитал дают довольно значительный по объему, длительный по времени и интегральный по характеру экономический и социальный эффект;
- инвестиционный период у человеческого капитала значительно длиннее, чем у физического. Последний составляет от 1 до 5 лет, а у такой формы вложений в человека, как образование, инвестиционный период может достигать 12-20 лет;
- функционирование человеческого капитала, степень отдачи от его применения обусловлены свободным волеизъявлением субъекта, его индивидуальными интересами и предпочтениями, его материальной и моральной заинтересованностью, ответственностью, мировоззрением и общим уровнем культуры, в том числе и экономической [4, С.46].

Если человеческий капитал обеспечивает экономический и социальный эффект, а его обладателю в будущем более высокий доход, можно ли назвать предпринимательством формирование и накопление человеческого капитала? Этот процесс является одной из функций домохозяйства в рыночной экономике. Система функций семьи по формированию и накоплению человеческого капитала включает: создание материальной базы семьи; производство физической основы человеческого капитала (реализацию детородной, воспитательной и рекреационной функций); реализацию человеческого капитала посредством различных способов предпринимательства и трудоустройства.

Из представленных выше понятий вытекает, что предпринимательская деятельность затрагивает не только экономические, но и социальные, психологические, а также политические вопросы жизнедеятельности человека и общества в целом. Учитывая это обстоятельство, становится понятным обращение к отмеченной проблематике со стороны самых разных дисциплинарных направлений.

Доступно ли в политэкономическом аспекте предпринимательской деятельности выделить гендерный подход и вести речь о специфическом женском предпринимательстве? С одной стороны, целесообразно говорить об участии женщин в бизнесе и принятии ими решений на макро- и микроуровнях в экономической сфере, с другой - о выполнении домашней работы в рамках «семейного способа производства» [12, С.93].

Задуматься над этими вопросами позволил перевод статьи «Work» («Работа») Барбары Хилкерт Андолсен. Но прежде следует отметить несколько современных подходов к изучению роли женщины в семье, в реформировании экономики, в общественной и политической жизни нации. Этим проблемам уделено немало внимания в современной социологии, культуре, истории, статистике, экономике и незначительное место гендерные исследования занимают в философии и юриспруденции.

При оценке положение женщин на рынке труда и в бизнес-слое, обнаруживаются гендерные различия в менеджменте. Например, в последние десятилетия, принимая на работу менеджеров, предприниматели стали отдавать предпочтение женщинам, потому что в отличие от мужчин-боссов, которые любят подгонять сотрудников и настраивать их друг против друга, женщины-менеджеры не только объединяют сотрудников, но и умеют вдохновлять их, демонстрируя восхищение даже незначительными успехами. Здесь возникает тот самый эффект, к которому стремятся женщины-политики, добиваясь нового законодательства, а именно — очеловечивание интересов. «Женщины больше заботятся о социальных проблемах и более активно подталкивают правительства к решению этих проблем. Кроме того, они меньше уверены в завтрашнем дне и более осмотрительны, нежели мужчины, и поэтому больше уделяют внимания

таким расходам, как налог на профилактику здоровья, детские учреждения и пенсии. Для социальной государственной помощи такого рода женщины готовы платить более высокие налоги» [3, С.231].

Различия между мужчинами и женщинами проявились при описании ими своего стиля руководства и методов влияния на подчиненных. Мужчины-менеджеры описывают свой стиль, который специалисты по управлению называют «деловым». Это означает, что свою работу они видят как серию дел (или сделок) с подчиненными с последующим награждением за оказание услуги или с наказанием за некачественную работу. При этом они чаще пользуются властью, которую дает занимаемая ими должность.

Женщины-менеджеры осуществляют руководство таким образом, чтобы подчиненные преобразовали свои интересы с учетом интересов группы, ставя перед собой более широкие цели. Свою власть женщины связывают с личными качествами — обаянием, контактностью, умением общаться с людьми и интенсивно трудиться, а не с занимаемой должностью.

Женщины-предприниматели считают, что люди работают лучше, когда они довольны собой и своей работой, поэтому в обязанности лидера входит создание ситуаций, способствующих таким ощущениям. Основой подобного руководства через взаимодействие является привлечение к деятельности. Благодаря практике участия, сотрудники более активно поддерживают принятые решения и уменьшают опасность проявления неожиданной оппозиции. Активное привлечение к своей работе подчиненных позволяет снизить риск, связанный с тем, что конкретным клиентом, проектом или вложением занимается только один человек: если с ним что-то случится, его работой сможет заняться кто-то другой.

Известны и недостатки подобного стиля. Так, чтобы получить от кого-то идеи и информацию, требуется время, часто приходится делиться полномочиями, позволять себя критиковать. Если спрашивать у сотрудников мнение, может сложиться впечатление, что своих идей у менеджера нет. Необходимо также помнить, что в организации есть люди, предпочитающие получать распоряжения, а не участвовать в принятии решений.

Все эти разнообразные факторы предполагают применение различных стилей в зависимости от ситуации, а в структуре личности женщины-менеджера имеются черты, считающиеся противоречащими друг другу.

Одной из характеристик управленческой деятельности женщин-предпринимателей является поддержание в сотрудниках уважения к собственной персоне. Когда руководители приглашают сотрудников к процессу принятия решений, возникает побочный положительный эффект — сотрудники осознают свою значимость, стремятся к самовыражению личности. В отмеченном стиле прослеживается воспитательная функция, которую традиционно выполняют домашние хозяйства.

Будет ли считаться предпринимательской деятельностью женский труд в семье, когда женщина не занята работой на предприятии, но воспитывает ребенка, формирует человеческий капитал в интересах общества? Любой капитал, как известно, дает прибыль при разумном его использовании, распределении и управлении им. Прослеживается ли связь между женским предпринимательством в сфере бизнеса и проявляет ли предприимчивость женщина, выполняющая домашний труд, который так же, как и труд на предприятии требует физических, умственных и психологических усилий, будь то женщина-предприниматель или рядовой сотрудник? Предполагается, что поставленные вопросы являются справедливым

предметом спора по проблемам предпринимательской деятельности на уровне семьи и домохозяйства.

Например, если взять эмоциональный труд в форме заботы или опеки ради благосостояния других, то заботливость по отношению к опекаемым, может быть объяснена позитивно-эмоциональной преданностью к близким, которая, в свою очередь, включает в себя и положительные чувства других. Является ли это результатом? Да! Прирост доброжелательных эмоций затрагивает процесс стабильности, благополучия, формирования личности, что с точки зрения менеджмента есть эффективное управление, которое дает прирост, прибыль в экономическом плане. Поэтому женщину, занимающуюся домашним хозяйством, воспитывающую детей, проявляющую заботу к окружающим тоже можно назвать предпринимательницей, но не в сфере бизнеса, а в секторе домашнего хозяйства, как субъекте народнохозяйственной деятельности.

В данном примере прослеживается взаимосвязь объектов и субъектов хозяйствования, которая проявляется в цепочке: домохозяйства — фирма — государство, и наоборот, государство — фирма — домохозяйства. Здесь опять встает вопрос: кто будет оплачивать труд женщины в семье: муж, корпорация, правительство? Кто будет вкладывать инвестиции в человеческий капитал? Где и как этот капитал будет использован? Наверное, нельзя эти проблемы рассматривать изолированно, необходим комплексный и системный подход в их рассмотрении, так как инвестирование средств в формальное и неформальное образование характеризуется высокой социальной и экономической отдачей и является одним из наилучших средств достижения целей устойчивого развития и экономического роста. Отмеченная цель является важнейшей задачей государственного регулирования. И поскольку одной из функций государства является обеспечение правовой защиты населения и страны, обеспечение стабильности экономики и политики, то первоначально важно, чтобы семья чувствовала уверенность в будущем, что, в свою очередь, приведет к сильному и мощному государству, с таким потенциалом, который создается на уровне домохозяйства. В такой интерпретации и государству, и корпорациям, и мужу необходимо поддерживать и сохранять роль женщины в семье, которая не только выполняет важнейшую физиологическую функцию — детородную и воспитательную, но и является объектом духовности, материнской нежности, любви и красоты. Это огромные психологические затраты, часто переплетающиеся с физическим трудом. Забота о других — это многосторонняя деятельность, означающая отношение внимательной опеки ради благосостояния других, что включает в себя и положительные чувства другой стороны. А это, в свою очередь — результат в форме прироста положительных эмоций, что с точки зрения менеджмента, есть эффективное управление, дающее прибыль в экономическом плане как в настоящем, так и в будущем.

Государство должно стимулировать воспроизводство человеческого капитала и оценить роль женщины по достоинству, не ограничивать ее заработной платой с более низким уровнем, по сравнению с заработной платой мужчин по однотипным видам работ. Государству следует создать такие условия, чтобы у женщин был стимул для реализации своих творческих и воспитательных способностей на всех уровнях жизнедеятельности. Конечно, это проблема сложная и многогранная, затрагивающая менталитет нации, социокультурные элементы и институциональные механизмы

Например, во многих странах были учреждены национальные механизмы по вопросам улучшения положения женщин. Эти механизмы

созданы для разработки, реализации, контроля, оценки, пропаганды и поддержки политики, способствующей улучшению положения женщин. Национальный механизм должен иметь четко разработанные мандаты и полномочия; чрезвычайно важными элементами являются обеспечение достаточными ресурсами и предоставление возможностей влиять на политику, разрабатывать и пересматривать законодательство. Условиями, необходимыми для его эффективного функционирования являются:

- наличие институциональных механизмов, содействующих вовлечению неправительственных и общественных организаций в процессы планирования, реализации и контроля программ по улучшению положения женщин;
- наличие достаточных бюджетных средств и обеспеченность квалификации кадрами;
- возможность оказания влияния на разработку правительством политики во всех областях.

При этом следует действовать в следующих направлениях:

- поощрение и выстраивание отношений сотрудничества с соответствующими органами правительства, центрами по проведению прикладных и теоретических исследований по женской проблематике, научными и учебными заведениями, частным сектором, средствами массовой информации, неправительственными организациями, в особенности женскими, и всеми другими партнерами в рамках гражданского общества;
- учет гендерных аспектов в рамках законодательства, государственной политики, программ и проектов; проведение гендерного анализа на этапе подготовки решений в сфере политики;
- сбор и распространение данных и информации с разбивкой по признаку пола для целей планирования и оценки; измерение в количественном выражении неоплаченного труда, который не учитывается в национальных счетах.

Итак, очевидно, что проблема оценки женского труда не только ставится, но по возможности, рассматривается и решается. Специалисты в области законодательного права стремятся узаконить положение женщин в обществе, способствуют реформированию Трудового кодекса по проблемам обеспечения равных прав в области трудовых отношений. Работы Л.С. Ржаничиной, Н.И. Чекорина и других специалистов посвящены в трудовом законодательстве правам, льготам слабо защищенных слоев населения, в том числе и женщин [10].

Особенно важно отметить, что поставленные вопросы находят свое отражение в реальной действительности.

В современных условиях комплекс производительных способностей и потребностей человека, характерных для начального этапа постиндустриальной стадии развития общества и функционирующих в форме человеческого капитала, постепенно трансформируется. Он превращается в систему творческих информационных способностей и потребностей, характерных для информационной стадии развития общества с преимущественно информационной экономикой и функционирующих в форме человеческих информационных ресурсов. Они представляют собой форму выражения сущностных творческих сил человека, включенных в систему информационной экономики в качестве главного фактора, обеспечивающего высокий динамизм и высокое качество социального и экономического прогресса общества.

В информационном обществе живая человеческая личность все менее и менее является носителем человеческого капитала и все больше становится

носителем человеческих информационных ресурсов — главных факторов, обуславливающих высокий динамизм социального прогресса человеческого общества и высокие темпы экономического роста [5, С.18].

Проблемы женского предпринимательства на всех уровнях хозяйствования, и не только в бизнес-слое, но и на уровне домохозяйства требуют тщательного исследования, анализа и практической реализации поставленных проблем. Поэтому в рамках данной статьи автор не претендует на бесспорность затронутых вопросов, а призывает к серьезному обсуждению и выработке конструктивных предложений и рекомендаций по оценке женского предпринимательства на уровне домашнего хозяйства.

Библиография и примечания:

1. Барсукова С.Ю. Женское предпринимательство: Специфика и перспективы // Социологические исследования, 1999. №9.
2. Белоконная Л. Гендерная статистика // Вопросы экономики, 2000. №3.
3. Детерикс М. Хилари Клинтон и власть женщин. М., 1995.
4. Добрынин А.И., Дятлов С.А., Цыренова Е.Д. Человеческий капитал в транзитивной экономике: Формирование, оценка, эффективность использования. СПб., 1999.
5. Дятлов С.А. Экономика образования в переходный период. СПб., 1995. С. 18.
6. Жеребин В.М., Романов А.Н. Экономика домашних хозяйств. М., 1998.
7. Медынский В.Г., Шаршукова Л.Г. Инновационное предпринимательство. М., 1997.
8. Психология менеджмента /Под ред. Г.С. Никифорова. СПб., 1997.
9. Радаев В.В. Экономическая социология. Курс лекций: Учебное пособие. М., 1998.
10. Ржавицина Л.С., Чекорин Н.И. Женщины в реформировании Трудового Кодекса // Человеческие ресурсы, 1999. №1-2.
11. Серегина И.И. Профессиональная карьера // Социологические исследования, 1999. №4.
12. Хрестоматия по курсу «Основы гендерных исследований». М., 2000.
13. Чирикова А. Женщина во главе фирмы // Вопросы экономики, 2000. №3.
14. Экономическая теория: Учебник: в 2 ч. /Под ред. М.А. Винокурова, М.П. Деминой. Иркутск, 1998.

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА: СТЕРЕОТИПЫ НЕОКЛАССИЧЕСКОГО ПОДХОДА И РЕАЛИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Гендерная экономика представляет собой одно из наиболее молодых направлений в современной экономической науке, анализирующее различия в экономическом положении мужчин и женщин и причины их возникновения. Круг ее проблем достаточно широк и включает экономику домохозяйства, внутрисемейное разделение труда, деятельность членов семьи на рынке труда, брачные отношения, репродуктивное поведение и др. В рамках неоклассического подхода, обозначившегося в теории в 60-х годов XX в. благодаря работам Г. Беккера, анализ гендерной проблематики был существенно дополнен, в том числе, за счет использования категории «человеческий капитал». Данное понятие имеет различные толкования. В широком смысле слова оно охватывает практически весь жизненный опыт, накопленный человеком на протяжении жизни. В узком смысле слова под человеческим капиталом понимается формальное образование и профессиональная квалификация человека. Соответственно различаются две части человеческого капитала: общая, обусловленная полученным общим образованием, и специфическая, определяемая профессиональным образованием и специализацией. [1, С.58]

В соответствии с позициями неоклассиков, семья является основным звеном формирования и накопления человеческого капитала. Поэтому система социально-экономических функций семьи обычно рассматривается на трех стадиях: образования, производства и реализации «человеческого капитала», для каждой из которых выделяются определенные закономерности проявления гендерных факторов как в плане затрат, так и в плане выгоды. К затратам относятся: потеря (цена) независимости, издержки решений, возникающие по причине разности предпочтений, потенциальные издержки, связанные с выполнением нежелательной домашней работы, а также издержки, обусловленные появлением детей: издержки воспитания (материальные и эмоциональные), альтернативные издержки времени родителей и др. Выгоды семьи вытекают, главным образом, из ее способности производить желаемые товары и услуги с наибольшей эффективностью. Например, если по каким-либо причинам возникают различия между полами в режимах накопления человеческого капитала, то они становятся фактором, способствующим специализации каждого пола в накоплении капитала определенного типа — условно говоря, «рыночного» (повышающего производительность труда на рынке) или «домашнего» (повышающего производительность труда в домашнем хозяйстве). К тому же в рамках семьи создается особый семейный капитал, который включает в себя такие блага, как дети, репутация в глазах окружающих, престиж, здоровье, взаимопонимание, чувственные удовольствия и т.д. и основывается на определенном разделении функций между определенными людьми, а потому существует только вместе с данной семьей. В результате своих исследований неоклассикам удалось показать, как семья производит «совместную полезность» с помощью ресурсов из времени, умений и знаний родителей и детей на основе половозрастного разделения труда.

Признанием общественной значимости подобного подхода может служить уже тот факт, что Г. Беккер — один из лидеров современной неоклассики в 1992 г. получил Нобелевскую премию по экономике за расширение сферы применения микроэкономического анализа. Несмотря на

свою важность для решения проблем экономического роста и выработки эффективной социальной политики, теория «человеческого капитала» в целостном виде в отечественной науке долгое время не разрабатывалась в связи с отсутствием, как адекватных рыночных условий, так и социального заказа. Как вполне справедливо отмечает Н. Зверева, эта концепция, оперируя категориями развитого рыночного хозяйства, могла иметь значение в условиях развитой рыночной экономики [2, С.42]. Отсюда вполне оправдан зарождающийся интерес российского общества к неоклассическому анализу гендерной экономики в современный период. Однако, как показывает изучение литературы, выделенные сторонниками неоклассического подхода закономерности, нередко носят гипотетический характер и не всегда находят подтверждение в российских условиях. Рассмотрим некоторые из этих закономерностей с учетом особенностей их проявления в нашей стране.

Формирование человеческого капитала начинается с рождения ребенка. Неоклассическая теория рассматривает решение иметь ребенка, прежде всего, как инвестиционное решение, которое принимается супругами на основе рационального выбора, когда ожидаемые блага перевешивают для них издержки. Спрос на детей отрицательно связан с издержками по их содержанию и положительно — с уровнем дохода родителей. Однако рост доходов в современной семье обычно, наоборот, сопровождается уменьшением числа детей. Это связано с удорожанием времени родителей и, особенно, с удорожанием времени работающей матери [3, С.104]. «Эффект цены» здесь превышает «эффект дохода», так что с повышением заработной платы, предложенной на рынке, спрос на эти «блага» (т.е. рождаемость) сокращается. Анализ российской действительности не подтверждает данной гипотезы, а приводит к выводу о существовании V-образной зависимости: самая высокая численность детей в крайних по доходу группах — у самых бедных и самых богатых, самая низкая — в среднедоходных [4, С.40; 4, С.82-83]. Такое положение вряд ли можно назвать благоприятным по целому ряду причин. Так, по данным Г. Силласте в России треть семей — однодетные, 21-23% — двухдетные, а лишь 5,3% — многодетные. К тому же если обратиться к доле расходов на детей в семейном бюджете средней российской семьи, то она составила в конце 90-х гг. от 50 до 70% семейного бюджета. Учитывая, что 38% населения страны живет за чертой бедности, для многих российских родителей рождение ребенка вызывает серьезные материальные трудности. Тем более что «цена» ребенка значительно возросла: с 0,58 от «цены» взрослого в 80-х гг. до 0,9 — в 90-х. Отсюда неслучайно, что среди семей с тремя детьми бедных — 73%, с четырьмя и более — до 90%. В целом ситуация с рождаемостью остается крайне напряженной и представляет угрозу для национальной безопасности, т.к. за последние 10 лет страна «не досчиталась» 3 млн. 200 тыс. новорожденных [5, С.46; 5, С.62-64]. Это означает, используя терминологию неоклассиков, что если для немногочисленного слоя богатых россиян положительный «эффект дохода» превышает отрицательный (из-за постоянного роста издержек) «эффект цены» ребенка, то для подавляющего большинства населения отрицательный «эффект дохода» увеличивает отрицательный «эффект цены».

Тезис неоклассиков об обратной зависимости спроса на детей от издержек и прямой зависимости — от уровня дохода родителей имеет дополнения, связанные с гендерными факторами. Так, согласно теории человеческого капитала в применении к рождаемости число детей в семье при прочих равных условиях положительно связано с доходом и

отрицательно с образованием женщин из-за роста относительной ценности их времени и большей интенсивности труда по уходу за детьми. И наоборот, существует положительная связь между уровнем образования мужчины и количеством детей [6, С.288]. Одно из возможных объяснений этих зависимостей заключается в том, что время жены относительно важнее времени мужа в производстве человеческого капитала, и затраты ее времени будут соответственно более значимыми в принятии решения о рождении ребенка. Образование мужа, чьими обязанностями традиционно было зарабатывание денежного дохода семьи, имеет меньший «эффект затрат», но положительный «эффект дохода». Поэтому уровень образования матери и ее занятость выступают как один из решающих факторов, оказывающих влияние на выбор партнера по браку, на желание иметь детей, на цену времени, затрачиваемого на домашнюю работу, уровень детской смертности и способность контролировать рождаемость. Этому есть, как минимум, два очевидных объяснения.

Во-первых, известный уровень образования определяет более ответственное отношение людей к своему здоровью: ведение здорового образа жизни, выбор менее вредных условий труда и проживания (по мере возможности); своевременное обращение к врачам. Это детерминирует при прочих равных условиях меньший риск наследственных или врожденных патологий у детей и их заболеваемость.

Во-вторых, образование определяет качество физического, психофизиологического состояния матери, а значит, на ее потомков не только непосредственно генетически, но и непосредственно при воспитании собственных детей. Именно уровень образованности матерей существенно влияет на способности их детей к обучению и воспитанию. Таким образом, качество созидательных способностей ребенка максимально зависит от качества жизни родителей, уровня их образования и здоровья.

Анализ отмеченной выше закономерности также имеет в России свою специфику, обусловленную достаточно низким уровнем и качеством жизни населения. Для его характеристики воспользуемся интегральным показателем Индекса Развития Человеческого Потенциала (ИРЧП), в соответствии с расчетом которого в 1998 г. Россия занимала 72 место из 170 стран. В последнем докладе Программы развития ООН введен дополнительный ИРЧП, учитывающий различия в показателях мужской и женской частей населения по уровню оплаты труда как измерителю разного участия в производстве ВВП. С учетом гендерного подхода отставание России по ИРЧП от других стран меньше (53-е место из 170 стран) [7, С.45]. Очевидно, что такой отрыв от развитых государств может сопровождаться рядом особенностей формирования человеческого капитала. Так, исследования Н. Зверевой показали, что зависимость между образованием, доходом и спросом на детей у российских женщин имеет характер прямо противоположный зависимости между этими переменными, выделенными Г. Беккером. Согласно проведенному анализу, с ростом числа лет образования женщин в России на 1 год число ожидаемых детей растет на 0,206 (эластичность числа детей по образованию), а с ростом среднедушевого дохода на 1 прожиточный минимум число ожидаемых детей снижается на 0,002 (эластичность детей по доходу). В то же время образование главы домохозяйства и его бедность связаны отрицательно. Семьи, где глава семьи имеет среднее образование и ниже, чаще являются постоянно бедными (более года). Главы семей с университетским образованием чаще находятся в верхней доходной группе [8, С.42]. В рамках современной экономической теории эти положения можно прокомментировать следующим образом. Спрос на детей отличается низкой

эластичностью, а для таких товаров «эффект замены» одного блага на другое в условиях ограниченных ресурсов перекрывает «эффект дохода». Рост уровня образования повышает ценность времени, особенно женщин, способствует снижению ценности детей для родителей и повышению их цены. В результате положительный «эффект дохода» будет снижаться отрицательным «эффектом цены», связанным с ростом издержек рождения и воспитания детей. Эти выводы, как представляется, нуждаются в некоторой конкретизации. Прежде всего, отметим, что в течение многих лет наша страна характеризуется очень высоким уровнем занятости и образования женщин. Согласно официальной статистике в СССР в 1979 г. 88,4% женщин трудоспособного возраста работали или учились, что являлось самым высоким показателем занятости женщин в мире (среди мужчин — 89,2%). При этом разрыв в оплате труда мужчин и женщин в то время был порядка 25-30% в пользу мужчин. В годы перестройки (1988 г.) в структуре использования трудовых ресурсов доля женщин составляла 50,6%. В 90-е гг. в условиях наступления хронического социально-экономического кризиса произошло снижение женской занятости, которая в 1998 г. составила 31 млн. человек или 47,3% от общей численности работающих, но в некоторых отраслях оставалась чрезмерно высокой: в здравоохранении — более 81%, учреждениях кредитования и страхования — 87 % от общего числа занятых. За рассматриваемый период средняя разница в оплате труда мужчин и женщин еще более сместилась в пользу мужчин: она составляет теперь порядка 30-40%. Обращает на себя внимание тот факт, что уровень образования женщин более высокий, чем у мужчин. По данным переписи населения 1989 года высшее и среднее образование имели 46% работающих женщин и только 34% работающих мужчин. Примерно такой же разрыв в 10-12% сохранился и в середине 90-х гг. [9, С.10-11; 9, С.74]. На основе этих данных несложно констатировать, что высокий уровень занятости и образования женщин, безусловно, увеличивает издержки производства человеческого капитала в России. Положение обостряется еще и тем, что даже при наличии половой дискриминации в оплате труда одна из особенностей нашей действительности состоит в том, что во многих семьях заработок женщины составляет не менее 40% семейного бюджета. Если россиянка становится безработной, то жизненный уровень всей семьи резко снижается. Как отмечается в литературе, это сугубо российская национальная черта, не присущая развитым странам. К тому же среди безработных родителей, воспитывающих несовершеннолетних детей, а также инвалидов детства 73% — женщины. Они же составляют 72% многодетных родителей. Среди безработных одиноких родителей 91% — женщины [10, С.11]. Таким образом, изучение гендерных факторов неоклассических закономерностей производства человеческого капитала в России приводит к выводу о неизбежности возникновения своего рода стратегии «минимизации убытков» домохозяйств в условиях усиления отрицательного «эффекта затрат» действием отрицательного «эффекта дохода». Подобный вывод относится не только к рождаемости, т.е. сфере производства человеческого капитала, но и его реализации. По данным отечественной статистики практически здоровые люди среди взрослого населения страны составляют примерно 20%. Российское общество имеет достаточно низкую культуру самосохранения населения, которая характеризуется иждивенческим подходом к здоровью, то есть невысокими показателями обращаемости населения за медицинскими услугами, слабой профилактической активностью, стремлением к самолечению. При этом если в советский период уровень самосохранения женщин был более высоким, чем мужской,

то исследования 90-х годов показали наметившуюся тенденцию улучшения поведения в отношении здоровья среди мужчин и ухудшения — среди женщин [11, С.134-136]. Это означает, что существующие гендерные различия в показателях состояния здоровья и продолжительности жизни в пользу женщин — явление временное. Поэтому можно ожидать, что альтернативные издержки производства человеческого капитала, обусловленные необходимостью поддержания не только определенного дохода, но и собственного здоровья для женщин в России, будут возрастать. В настоящее же время подобный эффект увеличения альтернативных издержек производства человеческого капитала дает феномен мужской сверхсмертности: мужчины, умирающие в трудоспособном возрасте, не успевают «вернуть» затраченный на их воспитание и обучение человеческий капитал.

Отмеченные выше зависимости между образованием, доходом и спросом на детей в неоклассическом анализе дополняются выделением нелинейной зависимости между качеством и количеством детей, поскольку при общем ограничении семейных ресурсов дополнительное количество детей означает сокращение инвестиций в качество каждого из них. Анализируя причины резкого снижения рождаемости в 70-80-е гг. XX в. Г. Беккер показал, что в известной степени качество и количество взаимозаменяемы, причем они связаны сложной теснейшей зависимостью. Здесь действует своеобразный механизм мультипликатора, когда сокращение спроса на количество детей повышает спрос на их качество и т.д. Дети более высокого качества, более дорогие, они могут удовлетворять те же потребности меньшим количеством. Затраты на детей в большой степени зависят от изменений в ценности родительского времени, которое можно измерить через зарплату и ее рост. Если затраты времени женщин на детей более интенсивны, чем мужчин, а заработная плата женщин будет расти более высокими темпами, чем зарплата мужчин, превышение затрат на детей по сравнению с другими предметами длительного пользования будет еще больше, что также способствует снижению рождаемости в семьях. Кроме того, экономический рост, повышая нормы отдачи образования и стимулируя тем самым спрос на качество детей, также может сильнее подрывать спрос на их количество. Г. Беккер также обосновал положение о том, что отдача от вложений в человека в среднем много выше, чем от вложений в физический капитал. Однако в случае с человеческим капиталом она убывает с ростом объема инвестиций, тогда как в случае иных активов, например недвижимость, ценные бумаги, банковские депозиты и тому подобное, уменьшается мало или вообще не меняется. Поэтому стратегия рациональных семей такова: сначала инвестировать в человеческий капитал детей, поскольку отдача от них сравнительно выше, затем, когда по мере убывания она сравнивается с нормой доходности прочих активов, переключаться на инвестирование в них, с тем чтобы передать детям в дар или в наследство. Поэтому существует закономерность: семьи, оставляющие наследство, осуществляют оптимальный размер инвестиций в человеческий капитал детей, тогда как не оставляющие наследства по большей части недоинвестируют в их образование [12, С.102; 12, р.251-252].

По мнению теоретиков человеческого капитала, рожденный человек подобен первозданной земле. В первозданном виде человек, как и земля, и природные ресурсы, не приносит эффекта. Только после соответствующей подготовки и затрат формируется человеческий капитал. К инвестициям, развивающим человеческий капитал, относятся формальное и неформальное домашнее образование. В результате воспитания и образования в семьях формируются различные типы человеческого капитала, создаются базовые

психофизиологические умственные способности и потребности, формируется личность. В то же время следует иметь в виду, что унаследованные качества индивида, в том числе здоровье, состояние моторики, память и прочее, являются результатом вложений определенных средств в воспитание, образование, здравоохранение и иные формы развития предшествующих поколений. С этой точки зрения они включаются в человеческий капитал детей. Например, Беккер, изучая проблему, устойчивости экономического неравенства во времени, обратил внимание на следующее. Генетически дети одаренных родителей, как правило, наследуют лучшее образование, располагают более обширными связями. Однако эти преимущества сходят на нет на протяжении жизни трех поколений — от деда к внуку.

Зависимость между качеством и количеством детей в российском обществе имеет не менее сложный характер. Падение уровня жизни, криминализация общественных отношений, увеличение террористических актов по всей стране и т.д. играют роль факторов, ограничивающих спрос на детей. Вместе с тем, утверждение, что снижение количества может компенсироваться увеличением качества вряд ли можно признать правильным. Прежде всего, отметим то, что высокий уровень занятости женщин в производстве, с одной стороны, и зачаточное состояние развития сферы услуг — с другой, уменьшают время матерей, необходимое на воспитание детей. Человеческое время признано экономистами важнейшим ресурсом, наряду с деньгами формирующим человеческий капитал. Работающие женщины не имеют дополнительного времени на развитие детей, что негативно сказывается на их интеллектуальном развитии в дальнейшем, а, как показал предшествующий анализ, Россия характеризуется достаточно высокими показателями занятости женщин. Однако в последние годы наблюдается тенденция выбытия женщин из производства, связанная с тем, что при сокращении производства их увольняют в первую очередь и им труднее найти работу. Кроме того, определенное число женщин, получив возможность заниматься домашним хозяйством в связи с повышением доходов у главы семьи, выбывают из производства. Следовательно, у российских матерей появилась возможность уделять больше внимания воспитанию детей. Вместе с тем, учитывая вклад женщин в формирование семейного бюджета у большинства населения, трактовать наметившуюся тенденцию как однозначно положительную нельзя. Сокращение дохода при сохраняющейся инфляции ограничивает спрос, прежде всего, на непродовольственные товары и платные услуги. Это имеет многочисленные негативные последствия, в том числе «выпадение» определенной части юных россиян из сферы формирования «информационного человека». К тому же в настоящее время наблюдается резкое свертывание учреждений дошкольного и внешкольного образования. С 1990 по 1997 гг. сеть дошкольных учреждений сократилась на с 88 до 60 тыс. Это значительно увеличило «цену» ребенка, т.к. в советский период содержание детей в детских садах позволяло «экономить» до 50% затрат, которые государство брало на себя [14, С.40]. Российские семьи не имеют возможности инвестировать эти затраты в полном объеме. Это, естественно, отрицательно сказывается на накоплении их созидательных способностей и на развитии в будущем человеческого капитала.

Проблема недоинвестирования человеческого капитала проявляется не только на уровне дошкольного воспитания. Маленькие размеры потребительских бюджетов, несомненно, являются одной из причин того, что ежегодно 1,5 млн. школьников не садятся за парты. Столь же важным для российского общества следует признать и вопрос рационального

инвестирования на уровне семьи профессионального и высшего образования. Как показывает практика последних лет, выбор профессии осуществляется, главным образом, на основе двух факторов: размера так называемого инвестиционного взноса и престижа специальности, связанного с надеждой на большой доход в будущем. В терминах макроэкономики такие ожидания уместно назвать адаптивными, вызванными стремлением приспособления семьи к изменению внешних условий, но нерациональными, т.к. семьи формируют планы относительно образования ребенка под действием «эффекта присоединения к большинству» (часто под давлением моды на профессии), а не анализа реальной ситуации на рынке труда, где предложение юристов, экономистов, финансистов и т.д. уже несколько лет заметно опережает спрос. Иначе говоря, решение об образовании также основывается на оценке «эффекта затрат» и «эффекта дохода», отнесенного на следующий период. При этом спрос на особо популярные гражданские специальности ярко выраженной гендерной ориентации, как правило, не имеет. Гендерные различия будут играть ощутимую роль при устройстве на работу: по оценкам уже цитируемой Г. Силласте, среди безработных с дипломами вузов на долю женщин приходится 67%, они же составляют 75% от числа не имеющих рабочих мест выпускников средних специальных учебных заведений [15, С.11]. Таким образом, в России снижение рождаемости сопровождается ухудшением показателей «качества» детей, обусловленным недоинвестированием или, наоборот, нерациональным инвестированием образования.

Полученные в ходе изучения проблемы выводы позволяют говорить о значительных расхождениях между гипотезами неоклассиков, связанными с гендерными аспектами формирования человеческого капитала, и зависимостями между сопоставимыми переменными в условиях российской переходной экономики. Однако эти расхождения совсем не умаляют значимости неоклассического подхода к решению выявленных вопросов. Использование метода оценки затрат и выгод наглядно показывает совокупный отрицательный результат «эффекта дохода» и «эффекта затрат». Действие последнего определяет формирование достаточно невысокого качества совокупного человеческого капитала на уровне российской семьи, который дает отрицательный мультипликативный эффект на человеческий капитал на макроуровне. Итогом такого анализа становится очевидная необходимость изучения факторов, стимулирующих развитие количественных и качественных характеристик человеческого капитала. Данные исследования значительно расширяют теоретическое поле отечественной экономической науки, позволяя переходить от абстрактных рассуждений к конкретному анализу. Кроме того, они имеют огромное практическое значение для обоснования форм и методов участия семьи и государства в процессе формирования человеческого капитала, определения действенных инструментов социальной политики.

Библиография и примечания:

1. Мезанцева Е. Гендерная экономика: теоретические подходы // Вопросы экономики, 2000. №3.
2. Зверева Н.В. Семья и воспроизводство человеческого капитала // Вестник МГУ, серия 6: Экономика, 1998. №5.
3. Журженко Т.Ю. Предмет и задачи феминистской экономической теории // Хрестоматия по курсу «Основы гендерных исследований». М., 2000.

4. Зверева Н.В. Семья и воспроизводство человеческого капитала // Вестник МГУ, серия 6: Экономика, 1998. №5; Дудченко О.Н. Благополучие и число детей в семье // Детность семьи: вчера, сегодня, завтра. М., 1986.
5. Калабихина И.Е. Гендерный фактор воспроизводства человеческого капитала // Вестник МГУ, серия 6: Экономика, 1998. №5; Силласте Г. Безопасность детства в России под угрозой // Обозреватель-Observer, 2001. №2.
6. Экономическая теория. Политэкономика /Под ред. Видяпина В.И. и Журавлевой Г.П. М., 1995.
7. Мстиславский П.С. Сравнительный анализ уровня жизни населения России с развитыми странами // Уровень жизни населения регионов России, 1999. №2.
8. Зверева Н.В. Семья и воспроизводство человеческого капитала // Вестник МГУ, серия 6: Экономика, 1998. №5.
9. Силласте Г. Гендерная социология как частная социологическая теория // Социологические исследования, 2000. № 11; Прокопьева Л., Фести П., Мурачева О. Профессиональная карьера мужчин и женщин // Вопросы экономики, 2000. №3.
10. Силласте Г. Гендерная социология как частная социологическая теория // Социологические исследования, 2000. №11.
11. Шилова Л.С. Трансформация женской модели самосохранительного поведения // Социологические исследования, 2000. №11.
12. Беккер Г. Экономика семьи и макроповедения // США: экономика, политика, идеология, 1994. №2; Becker, G. Family. In *The World of Economics*. Macmillan Press Limited, 1991.
13. Добрынин А.И., Дятлов С.А., Цыренкова Е.Д. Человеческий капитал в транзитивной экономике. СПб., 1999.
14. Силласте Г. Безопасность детства в России под угрозой // Обозреватель-Observer, 2001. №2.
15. Силласте Г. Гендерная социология как частная социологическая теория // Социологические исследования, 2000. №11.

Елена Тюрюканова

ЖЕНСКАЯ ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ ИЗ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ МИГРАЦИОННОГО РЕЖИМА

Россия активно включилась в процессы международной миграции во второй половине 80-х годов прошлого века. За прошедшие 15 лет страна превратилась из изолированного закрытого общества в крупный мировой центр выезда и въезда мигрантов. Открытое общество, бесспорно, является ценным завоеванием демократии в России. Однако формирование его наряду с новыми возможностями несет также и новые социальные проблемы и угрозы.

Вызовы глобализации

Появление России и других посткоммунистических стран на международной миграционной сцене, в сущности, не изменило основы того глобального миграционного режима, который сложился в мире к концу 80-х годов, хотя, конечно, повлияло на геополитическую ситуацию в регионе, спровоцировало новые потоки и направления миграционных перемещений. Основные тенденции и противоречия, формирующие современную миграционную реальность, становятся все более и более приложимыми к России, которую уже нельзя исключить из процесса глобализации, в том числе, из ее миграционной составляющей. Интегрируясь в мировой миграционный процесс, Россия за годы реформ приобрела сложный миграционный статус страны-донора, поставляющей мигрантов на рынки труда принимающих государств, страны назначения, принимающей мигрантов из менее развитых регионов мира, в первую очередь, из соседних государств СНГ, и страны транзита.

России приходится отвечать на те вызовы, которые сегодня испытывает глобальный миграционный режим — это растущая поляризация мира на бедные и богатые страны, провоцирующая беспрецедентное миграционное давление одних на других, огромные массы нелегальных перемещений, маргинализация мигрантов на основе дискриминационного глобального разделения труда, криминализация миграции, неспособность развитых наций существовать без притока мигрантов, противоречия прав человека и национальных интересов и другие проблемы. По аналогии с экономической глобализацией можно, на сегодняшний день, говорить о глобальной реструктуризации мирового миграционного порядка. Все эти процессы требуют глубокого научного осмысления с тем, чтобы понять роль России в современной миграции, участвовать в поиске путей эффективного миграционного взаимодействия стран. Рассмотрим эти процессы несколько подробнее.

Взаимоотношения между миграцией и глобальными социально-экономическими изменениями сложны — это два процесса не только взаимно провоцирующие, но и взаимно проблематизирующие друг друга. Развитие миграции сегодня идет крайне противоречиво. С одной стороны, глобальные изменения сопровождаются интенсификацией международных миграций. С другой стороны, признано, что «люди менее мобильны, чем деньги, товары или идеи: они всегда принадлежат к какому-либо государству, зависимы от паспорта, визы, разрешения на проживание и конъюнктуры рынка труда» [13, р.408-442]. Движение товаров и финансов гораздо масштабнее, чем перемещения людей. В 1996 г. экспорт товаров в глобальном масштабе составил 29% от мирового ВВП, а приток прямых

иностранных инвестиций составлял около 6% от общего объема внутренних инвестиций государств [11]. В то же время глобальная миграция труда составляла около 120 миллионов человек, то есть только 2,3% мирового населения [18, р.1].

Сегодня по-новому обостряются противоречия между принимающими и посылающими странами, неспособность государств эффективно управлять миграционными потоками становится очевидной. Установившаяся схема миграционного взаимодействия стран приводит к распространению конфликтов и дискриминационных практик в отношении отдельных групп мигрантов (в первую очередь, женщин) и отдельных стран. *Парадоксально, но факт, что основной урок, который можно извлечь из накопленного к настоящему моменту международного опыта в области миграции это то, что в рамках либерально-демократической традиции пока не найдено инструмента, позволяющего обеспечить эффективное миграционное взаимодействие государств.* Неэффективность господствующей сегодня модели международной миграции выражается в огромном размахе нелегальной миграции, состоящей из дешевой и абсолютно бесправной рабочей силы, значительную (и особенно уязвимую) часть которой составляют женщины. Вряд ли хоть одно государство может утверждать, что выработало действенные механизмы борьбы с нелегальной иммиграцией. Эти не легитимные, но, тем не менее, существующие в громадных масштабах миграции практически являются *иррациональной формой, в которой находит сегодня свое проявление идея свободы передвижения, превращаясь тем самым в квазисвободу.*

Размах нелегальных перемещений можно считать *имманентной чертой современного этапа развития миграции.* В «нелегитимный» людской оборот вовлекаются миллионы человек ежегодно. Эти процессы «управляются» хорошо организованной глобальной сетью, превращающей сферу миграции в род современного прибыльного бизнеса. На nive этого бизнеса процветают официальные, полуофициальные, теневые и открыто криминальные организации, получающие громадные прибыли от переправки людей и посредничества при трудоустройстве мигрантов. Торговля людьми превратилась в организованный международный бизнес, приносящий преступным группировкам, по данным Международной организации по миграции, от 5 до 7 миллиардов долларов США ежегодно [14].

Сегодняшняя миграционная реальность была подготовлена процессами, происходившими во второй половине XX века, когда природа и структура межстрановых перемещений претерпели значительные изменения. Вот краткий обзор происходящих процессов, который важен для понимания сегодняшней реальности и того, как и насколько мы можем управлять миграционными потоками.

❖ Интернационализация экономик, с одной стороны, и неравномерность развития стран, с другой, привели к тому, что миграция труда приобрела беспрецедентное социально-экономическое и политическое значение в современном мире, превратившись поистине в глобальный феномен. Сегодня в миграционный трудовой обмен вовлечены практически все страны. По оценкам ООН и МОТ только легальных трудовых мигрантов в мире насчитывается от 120 до 200 млн. человек, по сравнению с 75 млн. в 1965 г. [15, р.87-172]. Разница в уровне жизни и экономических возможностях в разных странах — основная движущая сила такой миграции. В 1995 г. почасовая на оплата труда в производстве составляла 0,25 USD в Индии и Китае, 0,6 — в России, 2,09 - в Польше против 17,20 в США, 23,66 — в Японии, 31,88 — в Германии [18].

❖ Устойчивая трудовая миграция за несколько десятилетий привела к сегментации рынков труда в развитых странах и выделению секторов, преимущественно занятых мигрантами. Это, в первую очередь, не престижные рабочие места, не требующие высокой квалификации, с тяжелыми условиями труда и низкой оплатой, это наиболее дискриминируемые, неформальные или теневые сегменты занятости. Женщины-мигранты заняты в основном в индустрия досуга и развлечений (танцовщицы в ресторанах, стриптизерши, участницы шоу-программ, секс-услуги), общественных услугах (низший персонал гостиниц, баров, фитнес-центров и т.п.), домашнем обслуживании (няни, гувернантки, домработницы, уход за детьми, престарелыми и больными). Мигранты-мужчины используются в строительстве, на тяжелых потогонных участках крупного промышленного производства, других неквалифицированных и тяжелых работах.

Это разделение труда между национальными работниками и мигрантами, а также между самими мигрантами по гендерному признаку в настоящее время представляет нечто большее, чем просто наличие определенных экономических и трудовых анклавов мигрантов разных национальностей в принимающих странах. Оно перерастает в определенный экономический режим, на котором строится в значительной мере экономика развитых индустриальных государств, причем экономическое и социальное благополучие этих стран все больше и больше зависит от притока труда мигрантов. Вряд ли сегодня можно сказать то же самое про Россию, однако она явно развивается по пути других европейских стран. То есть в России идет тот же процесс формирования мигрантских ниш занятости, что позволяет предположить, что через какое-то время российская экономика будет так же зависеть от притока труда мигрантов, как сегодня экономики развитых стран, особенно учитывая тенденцию депопуляции и прогнозируемого снижения численности населения трудоспособного возраста после 2005 г.

В результате двоякой — национальной и гендерной — сегрегации работников на рынках труда индустриально развитых стран складывается специфическое разделение труда, в котором женщины-мигранты играют вполне определенную роль. Феминизация миграционных потоков признается специалистами характерной чертой новейшего этапа развития международной трудовой миграции [10]. Во многом это связано со структурными изменениями в мировой экономике, сопровождающимися глобализационные процессы: относительное снижение в послевоенный период производственно ориентированного сектора мировой экономики и соответственный рост сервисно ориентированного комплекса, в широком смысле именуемого экономикой услуг (*service economy*) [17]. Все большее доминирование сферы услуг в структуре занятости формирует некий *общий миграционный вызов развитых наций к развивающимся странам — постоянно растущую потребность в женщинах-мигрантах, занятых неквалифицированным трудом в сфере сервиса* [4; С.91-101].

В международной миграционной индустрии женщины-мигранты давно выполняют роль дешевых провайдеров различных услуг, в первую очередь, сексуальных и околосексуальных, занимая самые маргинальные ниши на рынках труда принимающих стран. По оценкам, в Европе трудится полмиллиона иностранных проституток. В Германии три из четырех проституток — приезжие, в Голландии — каждая вторая [4]. Секс-индустрия и секс-туризм в мегацентрах индустриально развитых наций, являясь составной частью глобальной «экономики услуг», представляют транснационально организованный сверхприбыльный бизнес по переправке

женщин из одних стран в другие с целью сексуальной эксплуатации. Сегодня сфера сексуальных и околосексуальных услуг предоставляет большую часть миграционных возможностей для женщин из стран-доноров. Та волна «русской» (а на самом деле — СНГ-вской) проституции на Западе, которая имела и имеет шумный резонанс в западных СМИ, просто говорит о «выходе» наших женщин на мировую сцену миграции. Они пришли вслед за подобными секс-волнами из Филиппин, Китая, Колумбии (60-70-е гг.), а затем Польши, Болгарии, Румынии (вторая половина 80-х гг.). В 1997 году 175 тыс. женщин и девушек были проданы из Восточной и Центральной Европы, а также из России и стран СНГ на секс-рынки развитых стран Европы и Америки [11]. *Выход из изоляции региона Центральной и Восточной Европы, включая пространство бывшего СССР, инициировал новый передел западного рынка секс-услуг.*

Хотя сам феномен торговли людьми известен еще с начала XX века (Международный договор о торговле белыми рабынями 1904 г.), современная глобализация предала ему новые формы, которые трактуются сегодня как проявление рабства XXI века и грубое нарушение основных прав человека.

❖ Рост мобильности населения (как и в случае с товарами, финансами и информацией) ведет к необходимости существенных сдвигов в механизмах *управления* этими процессами со стороны государств и правительств. Противоречие между наднациональными экономическими и социальными процессами и институтами, с одной стороны, и национальной концепцией управления этими процессами и институтами, с другой, становится все более очевидным. Это противоречие выражается в, так называемом, *кризисе управления*. Подобно тому, как в результате интернационализации производства и роста международных финансовых трансакций, исчисляемых сотнями миллионов долларов ежедневно, правительства теряют миллионы долларов годовых налогов [12; p.206], также становится затруднительным для государственной власти удерживать контроль над передвижением населения. Результат — рост нелегальной миграции. По оценкам американской Службы Иммиграции и Натурализации, в 1996 г. в США проживало от 4,6 до 5,4 млн. нелегальных мигрантов [16, p.18]. В России, по нашим оценкам, насчитывается около 4 миллионов нелегальных трудовых мигрантов [3, С.82]. Женщины в силу различных причин, о которых будет сказано в дальнейшем, концентрируются именно на нелегальном полюсе миграции.

❖ В результате устойчивых миграционных потоков со временем образуются миграционные сети, которые связывают иммигрантов в принимающих странах с метрополией. Эти сети снижают издержки и риск, связанные с миграцией, и поддерживают миграционный поток даже тогда, когда ослабевают объективные силы, возбудившие его, или появляются факторы, противодействующие миграции (например, в виде ужесточения иммиграционной политики принимающей страны). Это еще более ограничивает способность национальных государств управлять миграционными потоками.

❖ Стоит упомянуть и еще один важный, на наш взгляд, момент, характерный для новейшего периода развития миграции. Миграционные проблемы начали обсуждаться в контексте прав человека, что повлияло на политику стран в данной области (хотя возможно более в декларативном плане). Применение дискриминационных практик по отношению к мигрантам, хотя и сохраняется в странах с развитой демократической традицией, но подвергается критике со стороны правозащитных организаций и либерального крыла политических движений. Миграция все

чаще становится козырем в политических играх сильных мира сего. Так, правые партии нередко разыгрывают миграционную карту, играя на неодобрительном отношении части населения к иммигрантам.

Характер труда – основной фактор маргинализации женской миграции

Причины маргинализации женской миграции стоит искать в объективной экономической сфере, в первую очередь, в характере труда, которым заняты женщины-мигранты и в их роли в экономических структурах общества. Женщины-мигранты заняты в наиболее дискриминируемых, неформальных и теневых сегментах мигрантской занятости. Труд, в сфере услуг, куда в основном привлекаются женщины-мигранты, имеет ряд особенностей, которые делают работников более уязвимыми и менее социально защищенными, чем занятые в других отраслях экономики. Труд по производству услуг, будь то в частной или общественной сфере, традиционно не признавался и до сих пор *de facto* не признан равноправным по социальному и экономическому значению другим видам труда. Особенно это касается так называемых домашних услуг [5].

О том, что труд, выполняемый женщинами-мигрантами, остается трудом «второго сорта», одной из наиболее непрестижных сфер занятости, говорят размеры его оплаты. В соответствии с данными выборочного обследования ИСЭПН РАН, в группе низкооплачиваемых трудовых мигрантов (до USD 500 в мес.) соотношение женщин и мужчин составляет 3:1, в то время как в группе высокооплачиваемых мигрантов (свыше USD 1000 в мес.) эта пропорция изменяется на противоположную: 1 женщина на каждые 3 мужчин.

Низкий статус труда, которым заняты мигранты, помимо объективной экономической стороны имеет и субъективное выражение. Складывается отрицательный социальный имидж женщин-мигрантов, определенная стигма по отношению к ним, основанная на стереотипе, что они обычно выполняют непрестижную, часто общественно порицаемую работу, каковой является, например, секс-занятость.

Специфика женской трудовой миграции, связана не только с наличием типичных секторов занятости женщин-мигрантов и общественно непрестижным характером труда в этих секторах, но и с другими моментами. Это большая гибкость труда женщин, который труднее поддается регламентации в контрактах, носит индивидуальный («штучный») характер. Это также социально-демографические особенности мигрантов (молодой и очень молодой возраст, неполное образование). Немаловажная особенность женской трудовой миграции это обилие скрытых мотивов (брачные, эмиграционные) [9, С.110-120].

Благодаря всем этим моментам женская миграция в целом является «зоной» повышенного риска и массовых нарушений прав человека. Особенно это касается, так называемой, рискованной или маргинальной занятости, к которой относится, во-первых, собственно секс-занятость, а во-вторых, так называемая, околосексуальная занятость, то есть такая, которая часто оказывается сопряжена с секс-услугами (танцевальные шоу, стриптиз, консумация, эскорт-сервис, модельный бизнес и т.п.).

В 2000 г. был проведен опрос, одной из основных целей которого было выяснить отношение потенциальных мигрантов-женщин к различным видам занятости, в том числе, рискованной, пользующейся повышенным спросом на зарубежных рынках. Анкета была опубликована в газете «Иностранец» (специализируется на вопросах миграции) [1]. Ответы поступали по почте

практически из всех регионов страны: от Иркутской до Тверской области (Байкальск, Уфа, Волгодонск, Казань, Самара, Воронеж, Кирово-Чепецк, Сочи, Пермь, Тула, Новокузнецк, Санкт-Петербург и др.). Получено 165 заполненных анкет. Опрос был адресован женщинам, которые имеют намерение выехать на временную работу за рубеж по массовым профессиям. Из опрошенных 10% уже имеют варианты выезда, около половины - занимаются поисками работы в настоящее время, остальные — намерены начать поиски. Ниже приводятся некоторые результаты этого опроса.

Респондентам было предложено несколько видов занятости, по которым их предпочтения распределились следующим образом (Таблица 1).

Таблица 1.

Предпочитаемые сферы занятости потенциальных мигрантов, %

Сферы занятости	% ответов
<i>Общественный сервис</i> (персонал отелей, ресторанов, мелкая торговля и др.)	51
<i>Домашние услуги</i> (няни, домработницы, гувернантки, сиделки и т.п.)	56
<i>Развлечения</i> (танцовщицы, модели, стриптизерши и т.п.)	5
<i>Медико-оздоровительные услуги</i> (анимация, фитнес-клубы, массажные салоны и т.п.)	5
<i>Сезонные работы в сельском хозяйстве</i>	16
<i>Любая работа, если на хороших условиях</i>	44
<i>Другое</i>	30

Наиболее популярными сферами занятости является общественный и домашний сервис. Больше 1/3 респондентов согласны на любую работу, если условия их устроят, то есть не имеют четких предпочтений относительно сфер занятости. Это говорит о гибкости предложения труда со стороны России как страны-донора и готовности «подстраиваться» под спрос на труд со стороны принимающих стран. Поэтому та сегрегация работников на рынках труда, которая формируется в настоящее время в индустриально развитых странах, имеет все шансы на углубление и воспроизводство.

Таблица 2 характеризует отношение потенциальных мигрантов-женщин к определенным видам работы. Абсолютным «большинством голосов» нормальными признаны такие виды труда как работа по дому, уход за детьми и пожилыми, а также работа фотомодели и манекенищицы. В то же время такая занятость попадает в сферу риска из-за того, что она осуществляется чаще всего вне официального рынка труда, то есть является неформальной.

Таблица 2.

Отношение респондентов к отдельным видам работы, %

	Нормальная работа	Постыдная работа	Работа для тех, кто больше ничего не умеет	Общественно вредная работа, ее нужно запретить
Танцовщица в развлекательных заведениях, стриптизерша	35	23	35	4

Консумация (девушка для "раскручивания" клиентов в баре)	17	17	46	16
Интимные услуги	4	35	33	23
Фото-модель или манекенщица	79	-	14	2
Няня по уходу за детьми, больными, престарелыми	84	-	14	-
Домработница	79	4	14	2

На западе в настоящее время ведутся оживленные дебаты по поводу общественного признания, так называемой, домашней работы (house work) и в том числе работы по уходу (care work), которой в основном заняты женщины. Единого мнения о том, в какой форме может осуществляться это признание, пока не выработано. Однако ясно, что результаты этих дебатов и возможные изменения социальной политики, спровоцированные ими, будут иметь сильное влияние на развитие женской миграции.

Что касается секс-услуг, только 4% считают эту работу нормальной. Почти четверть опрошенных — сторонники строгого запрета проституции. В то же время немалая часть женщин признает нормальной работу стриптизерши, а также (несколько меньше) консумацию и прочие виды эксплуатации женской натуры в сфере досуга. Однако во многом на эти виды занятости распространяется та стигма, которая существует в общественном сознании по отношению к проституции. По данным опроса, для 26% респондентов эти виды занятости практически сливаются с проституцией и секс-эксплуатацией (Таблица 3).

Таблица 3.

Часто ли в предложениях для танцовщиц, «девушек для консумации» и т.п. подразумевается секс-занятость? (% ответов)	
Всегда	26
Часто	53
Иногда	18
Никогда	-
Не знаю	3

Среди наших респондентов практически не оказалось женщин, готовых легко согласиться на занятость в секс-сфере или на совмещение «нормальной» работы с секс-занятостью. 84% опрошенных полностью исключают для себя варианты работы, связанные с секс-услугами. 7% считают это нежелательным и только 2% отметили вариант «Смотря сколько за это заплатят» (5% не определились с ответом).

И еще один вопрос анкеты дает основание судить о том, сколько потенциальных мигрантов-женщин готовы пойти на секс-занятость за рубежом.

Таблица 4.

Какой из вариантов работы Вы бы предпочли?		
А.	Где больше платят, но "интим НЕ исключается"	5%
Б.	Где меньше платят, но "интим ИСКЛЮЧЕН"	90%

Нет ответа	5%
------------	----

Однако если мы проанализируем распределение ответов на этот вопрос по возрасту, то в молодых (до 30 лет) и очень молодых группах (до 20 лет) ориентация на секс-занятость значительно выше и доходит до 25%.

Интересно проанализировать, как потенциальные мигранты, абсолютное большинство которых не согласны на секс-занятость, оценивают шансы найти работу за рубежом, НЕ связанную с секс-услугами.

Таблица 5.

Как Вы считаете, легко ли найти работу за рубежом, не связанную с секс-занятостью, молодой девушке из России без высшего образования?

Очень трудно, почти невозможно	12
Трудно, но возможно, если активно действовать	49
Не очень трудно, если не предъявлять высоких требований	21
Нормальную работу найти легко для всех, кто этого хочет	18

12% считают, что практически вся работа за рубежом для молодых девушек сводится к секс-услугам. Очевидно, что если женщина исключает для себя секс-занятость, то круг возможных вариантов выезда для нее существенно сужается. Действует правило — «интим исключен, а вместе с ним и сама возможность миграции».

В настоящее время все перечисленные сектора занятости, включая домашние и общественные услуги, являются «сферами риска», во-первых, из-за особенностей трудовых отношений в данных видах занятости, а, во-вторых, поскольку абсолютно законных каналов трудовой миграции по массовым профессиям практически не существует.

Масштабы и организация женской трудовой миграции из России

Официальными каналами трудовой миграции из России является выезд через систему фирм по трудоустройству российских граждан за рубежом, работающих по лицензии Минфедерации России, а также в рамках межгосударственных соглашений. По этим каналам в 2000 г. выехало 45,8 тыс. человек, из которых только 5,8 тыс. женщин, что составляет 12,5% от общего числа трудовых мигрантов. Несмотря на растущую динамику числа трудовых мигрантов, доля женщин до 2000г. не поднималась выше 10%, благодаря тому, что по наследству от советских времен большую часть официально трудоустроенных за рубежом составляют моряки и работники морской индустрии (Таблица 6).

Таблица 6.

Динамика численности трудовых мигрантов из России, тыс.чел.

Годы	Число трудовых мигрантов
1994	8,1
1995	11,2
1996	12,3
1997	24,0
1998	32,5
1999	32,7
2000	45,8

По нашим оценкам, официальная цифра составляет не более 5% от общего потока женской трудовой миграции из страны, то есть в обход официальных каналов трудовой миграции ежегодно выезжает в 20 раз больше женщин, чем фиксирует статистика. Это самостоятельное трудоустройство по личным каналам, а также выезд через нелегально (без лицензии) действующих посредников. Однако и выезд по официальным каналам не обеспечивает абсолютно легитимной миграции. По нашим исследованиям, до 90% действующих фирм-лицензиатов предоставляют женщинам гостевые или туристические визы, не дающие права на работу за рубежом. Таким образом, тот путь трудовой миграции, который сегодня считается легитимным, на деле не является таковым, тем более, что для сферы трудовой миграции характерна распространенная в современной России ситуация, когда теневые и неофициальные отношения и структуры работают зачастую эффективнее, чем законные механизмы. Если сегодня предположить гипотетическую ситуацию, когда все нелегальные каналы выезда и все полуполеальные отношения будут «перекрыты», то мы практически вернемся на 10 лет назад за «железный занавес».

Вместе с увеличением реальных миграционных потоков трудовой миграции из страны происходит рост миграционных намерений, то есть увеличение потенциальных ресурсов миграции. Выявлению роли трудовой миграции за рубеж в процессах адаптации российских граждан к условиям рыночной экономики был посвящен выборочный опрос трудоспособного населения, работающего на предприятиях и в организациях Москвы, проведенный в 2000 г. [2]. Целью было выявить и измерить миграционные ориентации населения. Объем выборки – 465 человек. Выборка адекватно репрезентирует генеральную совокупность (население Москвы трудоспособного возраста) по основным характеристикам (возраст, пол, образование, профессиональный состав).

С миграцией женщины связывают надежды на изменение своего социального статуса, качественный скачок в материальном благосостоянии, а иногда и смену всего образа жизни. Миграция может быть как «стратегией выживания», так и «стратегией успеха». В любом случае, трудовая миграция расширяет «поле выбора» возможных жизненных стратегий женщин, направленных на адаптацию к социально-экономическим реалиям наших дней.

Миграция (постоянная или временная) занимает определенное место в спектре адаптационных стратегий трудоспособного населения (Таблица 7). Хотя в целом мужчины более ориентированы на миграцию, в том, что касается трудовой миграции, ориентации практически равные. У женщин ориентация на временный выезд за рубеж для работы встречается почти в 7 раз чаще, чем на эмиграцию на постоянное жительство, и составляет 20%.

Таблица 7.

Приверженность трудоспособного населения различным адаптационным стратегиям, %

Стратегия поведения		Мужчины	Женщины
1.	Работать, набираться профессионального опыта	49	54
2.	Активно пробовать новые виды деятельности	16	25
3.	Повышать свое образование, переучиваться	16	23
4.	«Выгодно» выйти замуж, жениться	2	8
5.	Уехать за границу навсегда, эмигрировать	6	3
6.	Уехать за границу на временную работу	19	20
7.	Меня вполне устраивает мое сегодняшнее положение	18	24
8.	Другое	3	2

Примечание: общая сумма ответов в таблице превышает 100%, так как каждый респондент имел право указать несколько вариантов ответа.

Непосредственные миграционные ориентации женщин и мужчин практически не различаются. К активному потенциалу временной трудовой миграции можно отнести примерно 2—5% трудоспособного населения (однако необходимо учитывать, что опрос проводился в Москве, где миграционные намерения населения традиционно выше, чем в среднем по стране).

Таблица 8.

Намерены ли Вы предпринимать активные действия по выезду в ближайшие 1—2 года?

Ориентации		Мужчины	Женщины
1.	Да	3	3
2.	Весьма вероятно	3	5
3.	Может быть	8	9
4.	Нет	49	57
5.	Нет ответа	37	26
	ВСЕГО	100	100

Более половины потенциальных мигрантов-женщин ориентируются на краткосрочную или среднесрочную трудовую миграцию — до одного года. Достаточно велика также группа мигрантов, настроенных на быстрый заработок и возврат домой. Это важно отметить, так как знание предпочтений людей может быть аргументом при формировании политики в данной сфере. Так, основываясь на подобных предпочтениях можно рекомендовать странам, осуществляющим миграционное взаимодействие, введение экспериментальных программ легальной *краткосрочной* трудовой миграции для женщин, обеспеченной определенной квотой рабочих виз. Причем, предлагать такие или подобные программы должна Россия, как наиболее заинтересованная сторона. Принимающие страны вряд ли проявят инициативу первыми, хотя и они ищут пути снижения нелегальной миграции.

Таким образом, три процесса идут параллельно, взаимно стимулируя и ускоряя друг друга: увеличение реальных миграционных потоков, развитие инфраструктуры трудовой миграции и рост миграционных намерений. Особенность сегодняшнего этапа состоит в том, что созданная правовая и институциональная инфраструктура трудовой миграции на выезд не может

обеспечить цивилизованную реализацию сложившихся миграционных намерений. Результатом этого является практически бесконтрольная деятельность теневых структур, обеспечивающих миграцию, со всеми вытекающими отсюда последствиями в виде маргинализации мигрантов, особенно эта ситуация характерна для миграции в женские сферы занятости.

Женская миграция и торговля людьми: взаимосвязь проблем

Принимая во внимание, что открытая секс-работа и околосексуальная занятость обеспечивают большинство миграционных возможностей для молодых женщин, можно утверждать, что в большей своей части женская трудовая миграция является маргинальной сферой трудовых отношений. Нарушения прав человека в этой области являются массовыми и связаны не только с секс-занятостью. Четверть опрошенных женщин отметили, что вся работа за рубежом это — большой риск, еще 43% также ощущают некоторую опасность. 27% считают, что риск не больше, чем при работе в России.

Менее 5% опрошенных считают себя защищенными при выезде за рубеж на работу, и почти 60% заявили о своей полной незащищенности. Более 40% опрошенных согласились с тем, что многие женщины, выехавшие на работу за рубеж, попадают в рабские условия. Примерно столько же думают, что это преувеличение. И только около 5% не согласились с этим утверждением.

Благодаря материалам в СМИ, многие потенциальные мигранты достаточно хорошо осведомлены о тех опасностях, которые влечет за собой трудовая миграция (Таблица 9).

Таблица 9.

Осведомленность потенциальных мигрантов-женщин относительно возможных нарушений прав человека при трудовой миграции, %

Вид нарушения прав	Хорошо известно	Что-то слышала	Не известно
Изъятие паспорта	11	84	5
Ограничение свободы передвижения	14	64	14
Несоблюдение условий контракта (недоплата, большая продолжительность труда и др.)	25	66	2
Долговая кабала	9	61	20
Принуждение к секс-труду	5	82	5
Угрозы, насилие	5	66	18

В случае возникновения конфликтов в принимающей стране большинство потенциальных мигрантов (около 70%) надеются на помощь российского консульства в стране въезда. На полицию и другие государственные структуры принимающей страны рассчитывает половина опрошенных. 30% знают о существовании неправительственных организаций в принимающей стране и надеются на них; 30% полагаются на друзей, родственников, знакомых; 23% — на независимых юристов, адвокатов; 18% - на своего будущего работодателя. При анализе этих данных необходимо учитывать, что отвечали на анкету читатели газеты, которая постоянно помещает на своих страницах информацию о трудовой миграции, в том числе, описание конфликтных ситуаций и способы их разрешения. Как видно, даже для таких «продвинутых» респондентов еще характерна вера в основном в традиционные силовые структуры, гораздо

меньше опрошенных рассчитывают на неправительственные организации и еще меньше на юридические институты защиты прав. При этом практика показывает, что в настоящее время реальную помощь женщинам-мигрантам, попавшим в кризисную ситуацию за рубежом, оказывают как раз неправительственные и международные организации, в работе которых принцип защиты прав человека является преобладающим по отношению к отстаиванию национальных интересов. Полиция же, миграционные организации, а зачастую и российские загранучреждения чаще руководствуются узко гражданскими ценностями, с позиции которых отсутствие легального статуса мигранта является основанием для отказа в защите его прав.

Но все же ответы на вопрос «С кем Вы советовались (собираетесь советоваться) при выборе варианта выезда на работу?» показывают, что цивилизованные формы миграционного поведения уже начинают развиваться в России. 40% опрошенных советовались с родителями, мужем или другими родственниками, 43% прибегали к совету друзей, 36% (это немало! — даже если учитывать особенности выборки) обращались за консультацией к независимым юристам, адвокатам или другим специалистам вне фирмы, которая занималась их трудоустройством.

В современной России проблема торговли людьми и сам термин, переведенный с английского *trafficking in human beings*, были впервые «легализованы» на государственном уровне в 1997 г. [6, с.5]. В 2000 г. Россия подписала Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности (САТОС) и Протокол к ней «О предупреждении и пресечении и наказании торговли людьми, особенно женщинами и детьми». Два других протокола к данной Конвенции касаются проблем торговли оружием и наркотиками, что говорит о том, что торговля женщинами рассматривается как один из этих трех основных видов транснациональной организованной преступности. Ниже приводится определение торговли людьми, данное в этом Протоколе.

Торговля людьми означает вербовку, перевозку, передачу, укрытие или получение/прием людей, посредством угрозы или использования силы или других форм принуждения, похищения, обмана, мошенничества, злоупотребления властью или зависимостью и/или предоставление или получение платежей или иных выгод в целях достижения соглашения с лицом, имеющим контроль над другим лицом для целей эксплуатации. Эксплуатация может включать эксплуатацию проституции других или иные формы сексуальной эксплуатации, принуждение к труду или оказанию услуг, рабство или действия, подобные рабству, постановку в зависимость.

Это и другие определения торговли людьми содержат ряд моментов, которые иногда понимаются по-разному.

Хотя проблема торговли людьми близко соприкасается с проблемами нелегальной миграции и контрабандной переправки людей через границы, эти понятия необходимо отличать друг от друга. В принципе торговля людьми допускает использование абсолютно легальных каналов для миграции (как с точки зрения въезда, так и пребывания в стране назначения), более того часто именно легальные каналы и инструменты используются криминальными группами. Такими инструментами являются, например, визовые схемы, используемые некоторыми странами. Заинтересованные в притоке женщин-мигрантов в индустрию развлечений, в начале 80-х годов Японское посольство в Филиппинах ввело так называемую «визу работника индустрии развлечений»; затем эта практика была распространена на другие страны. Это фактически предоставило

легитимную базу для секс-миграции. Сегодня такие визы выдаются и россиянам для работы в Японии и Швейцарии. Еще одним легальным визовым инструментом, используемым организаторами торговли для обеспечения легитимной основы своего бизнеса, является «виза невесты», существующая во многих странах. Заключение смешанных браков через систему «невест по переписке» — один из каналов торговли женщинами. Во многих случаях невеста подбирается под конкретные экономические функции, осуществляется принуждение, например, к работе на ферме или обслуживанию старых родителей «жениха», одиноких или инвалидов. Фиктивный брак может являться и способом рекрутирования женщин на нелегальную работу в секс-индустрии.

Более узкая трактовка, так называемого, трэффика, особенно женскими правозащитными организациями, часто приравнивает его к принудительной проституции. В международных документах сфера торговли людьми определена шире, чем секс-эксплуатация, а как эксплуатация практически любого труда с нарушением прав человека. Можно выделить следующие основные формы торговли людьми:

- Принудительный труд, в том числе в «потогонном производстве»
  - Секс-торговля:
    - организация «гражданской» проституции
    - организация военной проституции
    - организация секс-туризма
- Домашнее рабство
- Браки по принуждению, в том числе через систему «невест по почте»
- Принудительные репродуктивные функции, включая рождение ребенка
- Принудительное донорство (продажа людей для трансплантации органов и тканей)
- Принудительное усыновление/удочерение

Следует также сказать, что торговля людьми — глобальный процесс, затрагивающий не только женщин, но также детей и мужчин трудоспособного возраста, однако масштабы эксплуатации женщин с целью получения выгоды гораздо выше. По данным ЦРУ США, только 2% оборота торговли людьми приходится на долю мужчин [8].

Основной камень преткновения при определении торговли людьми и одновременно ключевой момент разногласий в понимании этого явления это — вопрос о *добровольности и принуждении*, а также об *эксплуатации* «проданных» людей. Не согласовано до сих пор, что подразумевать под эксплуатацией труда, где она начинается, и где заканчивается? Если женщина платит тысячи долларов за то, чтобы ее обеспечили работой в другой стране и переправили туда, то может ли он считаться жертвой эксплуатации? Такая постановка вопроса кажется многим абсурдной, поэтому *критерием отнесения конкретного действия к торговле людьми принято считать наличие каких-либо насильственных действий, принуждения или обмана*. Для расшифровки понятия *эксплуатации* приводятся конкретные формы нарушения прав человека:

- применение физического и психологического насилия, угрозы,
- изъятие документов,
- долговая кабала,
- принуждение к труду,
- ограничение свободы передвижения,
- обман.

Еще несколько лет назад было общепризнанным, что важно различать тех мигрантов, которые были насильно проданы для подневольного труда и тех, которые добровольно согласились на данную работу, например секс-занятость, за рубежом. Сегодня мигранты, которые выехали добровольно

и продолжали добровольно работать в условиях эксплуатации, классифицируются как жертвы торговли людьми и нарушения прав человека по отношению к таким мигрантам должны рассматриваться столь же серьезно, как и к тем, кто был вывезен насильно. Определение САТОС не предполагает наличие принуждения к миграции или к труду (статья 3, b):

Согласие жертвы торговли людьми по отношению к формам эксплуатации, обозначенным в подпараграфе (a) этой статьи (см. определение выше — Е.Т.), не должно приниматься во внимание в случае, если любая из перечисленных в подпараграфе (a) форм эксплуатации была применена.

Наша точка зрения состоит в том, что, необходимо разграничить криминально-процессуальное понимание (и соответственное определение) торговли людьми и социальный аспект проблемы. Рассматривая женскую миграцию в рискованные сферы занятости как социальную проблему (то есть не с точки зрения уголовного наказания, а с точки зрения принятия мер социальной политики), нельзя основываться на принципе «принуждения» и ограничиваться рассмотрением случаев насилия, которые находятся в компетенции правоохранительных органов. Во-первых, применение в международной трактовке понятия торговли людьми принципа принуждения к проституции как проблемообразующего признака [19], фактически превращает данную проблему в криминальную, уводит ее от социального контекста, который как раз и заключается в том, чтобы найти социальные причины, способствующие секс-занятости, и меры социальной политики, способные ограничить это явление. Во-вторых, часто (например, говоря о работе в сфере развлечений) о добровольности предоставления женщиной секс-услуг можно говорить лишь относительно. Во многих случаях это «вынужденная добровольность» [4], продиктованная установившимся режимом этой занятости, — выбор в условиях, когда нет другого выбора. В-третьих, применение «принципа насильственности» сужает контингент женщин-мигрантов, нуждающихся в особых механизмах защиты прав, например, теми мигрантами, которые были вовлечены в проституцию насильственно. В то же время из-за слабости правового поля и распространенности теневых отношений в данной сфере женщины-мигранты, добровольно работающие в сфере сексуальных околосексуальных услуг, не менее нуждаются в защитных программах. Есть еще некоторые соображения в пользу того, чтобы не ограничивать проблему только случаями насильственного принуждения. Во-первых, торговцы людьми получают не меньшие доходы от продажи «добровольных» работников, чем от тех, кого удерживают силой и принуждают трудиться. Во-вторых, по нашим оценкам, «добровольцев» значительно больше, чем жертв прямого насилия. И нарушения прав человека у добровольных мигрантов носят, может быть, не такой вопиющий характер, но они значительно более массовые [7].

Борьба с секс-торговлей: роли различных «актеров»

В последние десятилетия иммиграционная политика основных принимающих стран имела постоянную тенденцию к ужесточению. Причины этого понятны — страны пытаются оградить национальные рынки труда от наплыва «нежелательных» мигрантов. Последствием такой политики является волна нелегальной миграции, которая обрушилась на принимающие страны.

Постоянная нехватка национальных работников непрестижных массовых профессий это такой же хронический симптом стран с развитой

экономикой, как и повышенный спрос на высокотехнологичный интеллектуальный труд. Женщины-мигранты сосредоточены в низовых секторах рынка труда, и поэтому испытывают на себе все трудности, связанные с ограничительной иммиграционной политикой принимающих стран. По сути, эта политика носит дискриминационный характер, несмотря на либерально-демократические одежды, так как ее результатом является массовое вытеснение мигрантов-женщин из сферы легальных отношений в сферу неформальных, нелегальных, незаконных, а часто и прямо криминальных связей. Наиболее доступным становится именно рынок сексуальных или околосексуальных услуг. Являясь чаще всего полулегальным (теневым) или нелегальным, этот сектор занятости не требует от мигрантов легализации их статуса и, таким образом, стимулирует нелегальную миграцию.

Альтернативой криминализации и маргинализации миграции в настоящее время может быть только развитие легальных институтов и легальных возможностей трудовой миграции, то есть перевод на легальные рельсы хотя бы части того потока, который сегодня вытеснен в сферу нелегальных отношений. Только таким образом трудовая миграция из сферы андерграунда, сможет вернуться в плоскость нормальных экономических отношений. Если этого сделано не будет, то миграционный потенциал, существующий в обществе, будет продолжать реализовываться через нелегальные каналы.

Сами принимающие страны вряд ли пойдут на смягчение иммиграционной политики. Необходима инициатива *посылающей стороны*, причем инициатива целенаправленная, предпринятая на достаточно высоком уровне, целью которой может быть активный переговорный процесс с принимающими странами, направленный против дискриминационных методов иммиграционной политики и применяемых практик, нарушающих права человека. Нужно активное миграционное взаимодействие принимающих и посылающих стран, направленное на то, чтобы *расширить легитимные возможности трудовой миграции*.

Широкий общественный резонанс, который получила проблема торговли женщинами, отразился на деятельности международных и неправительственных организаций. Борьба с торговлей людьми включена в программы действий многих из них. Выделяются следующие основные направления работы:

- 1) выявление и борьба с криминальными группировками, организующими международную секс-торговлю;
- 2) проведение широкой информационной кампании для женщин, попадающих в секс-сферу как добровольно, так и против своей воли;
- 3) мероприятия по помощи и реабилитации жертв секс-торговли.

Первое направление осуществляется в основном национальными правоохранительными органами и Интерполом. Второе и третье — международными организациями и НПО.

Основные международные организации в сфере миграции (ИОМ, ILO, UNHCHR, Amnesty International, Врачи без границ и другие) откликнулись на новую волну секс-миграции из стран Центральной и Восточной Европы. Они организуют международные и поддерживают национальные инициативы по борьбе с торговлей людьми и связанными с ней нарушениями прав человека. Однако если представить международную миграцию как противостояние двух сторон, принимающей страны и страны-донора, одна из которых является источником миграционного давления, а другая пытается сдерживать его, то станет ясно, что политика

международных организаций в основном защищает интересы принимающих стран.

Три выделенные направления работы против торговли людьми практически не затрагивают сферу миграционной политики. Из мероприятий, имеющих непосредственное отношение к иммиграционной политике, предлагается только выделить из группы нелегальных мигрантов жертв секс-торговли и не применять к ним мер, которые применяются к нелегалам. Причем сделать это предлагается только для тех лиц, которые соглашаются свидетельствовать против преступных группировок, то есть попадающих под национальные программы защиты свидетелей. В то же время активно обсуждается вопрос ужесточения (еще большего!) визовой политики, особенно в случае миграции молодых женщин на длительный срок.

Обладая колоссальным потенциалом влияния в мире, который мог бы быть использован для влияния на миграционную политику стран, международные организации, практически самоустранились от решения этой задачи и ограничили свою компетенцию содействия в принятии национальных законов по наказанию организаторов торговли людьми, информационной кампанией и поддержкой неправительственных организаций, оказывающих помощь жертвам секс-торговли. Те программы и рекомендации, которые мировое сообщество разрабатывает сегодня в адрес национальных правительств, межнациональных объединений, НПО и СМИ, как правило, лежат вне области реальной политики.

Осуществить целенаправленное влияние на policymakers как принимающих стран, так и стран-доноров могут только международные организации высокого статуса, и в первую очередь, работающие под эгидой ООН. Авторитет международных организаций, их потенциал влияния в мире может и должен быть использован для воздействия на миграционные отношения принимающих и посылающих стран, с целью сделать их менее напряженными, а миграционную политику менее дискриминационной, направленной на *расширение легитимного миграционного пространства* и соответственно, на сужение сферы нелегальных и, особенно криминальных отношений.

Изменение политики в области международной миграции — трудная задача, особенно в глобальном масштабе, и на это потребуется много времени. Но без этого борьба с торговлей людьми и эксплуатацией труда мигрантов будет фикцией, какие бы средства международное сообщество в нее не вкладывало.

Острота социальных проблем, связанных с женской трудовой миграцией, не должна заслонять в целом положительного смысла самой миграции. Расширяя поле социальных возможностей, миграция реально помогает женщинам добиваться успеха, достигать своих целей. Маргинальность женщин-мигрантов — это социальный конструкт, отражающий общую гендерную асимметрию в социальной сфере (низкий социальный статус женщин, неравноправное положение в семье, сдвиг в сторону низкооплачиваемых секторов занятости). Это означает, что соответствующими мерами социальной и экономической политики, включая миграционную, возможно хотя бы до некоторой степени преодолеть создавшееся положение.

Библиография и примечания:

1. "Да. Нет. Смотря сколько за это заплатят" // Иностранец. 2000, №20, №42.
2. Исследование 2000 г. проведено при поддержке российского гуманитарного научного фонда (грант N00-02-00105a).
3. Красинец Е., Кубишин Е., Тюрюканова Е., Нелегальная миграция в Россию. М., 2000.
4. Малышева М., Тюрюканова Е., Женщины в международной трудовой миграции // Народонаселение. 2000, №2.
5. Малышева М., Тюрюканова Е., Женщина. Миграция. Государство. М., 2001.
6. Подробнее о характеристиках и специфике женской трудовой миграции из России см.: Преступление и порабощение. Разоблачение секс-торговли женщинами из стран бывшего СССР. Доклад всемирной сети за выживание. М., 1997.
7. Подробнее об основных теоретических и практических подходах к торговле женщинами см.: Тюрюканова Е. Женщины в международной трудовой миграции // Гендерный калейдоскоп. Курс лекций. Под ред. М. Малышевой. М., 2001.
8. Сеницын Ф. Что такое проблема торговли людьми? (<http://www.narod.ru>)
9. Тюрюканова Е. Женщины в поисках работы за рубежом: трудовая миграция женщин из России // Материалы Первой летней школы по гендерным исследованиям, МЦГИ, М., 1997.
10. Castles S., Miller J., *The Age of Migration. International Population Movements in the Modern World*. London, 1993.
11. *Global Development Finance*. World Bank. Washington, DC, 1998.
12. Hamilton, N. Chinchilla N., *Global Economic Restructuring and International Migration: Some Observations Based on the Mexican and Central American Experience*. 1995.
13. Hirst, Paul and Thompson Grahame, Globalization and the Future of the Nation State // *Economy and Society*, Volume 24, Number 3, August 1995.
14. *ICFTU Free Labour World*. September, 1995:2.
15. Labor Migration. *International Migration Policies*. UN Dep. of Econ. and Social Affairs. Population Division – NY, UN, 1998.
16. *Population in Europe and North America on the Eve of the Millenium: Dynamic and Policy*. Responses. Regional Population Meeting 7-9 December 1998, Budapest, Hungary, UN, New York and Geneva, 1999.
17. См.: например, Sassen, S. *Transnational Economies and National Migration Policies*. Institute for Migration and Ethnic Studies, University of Amsterdam, 1996; Gershuny, J., Miles, I. *The New Service Economy. The Transformation of Employment in Industrial Societies*. New York: Praeger, 1983.
18. Stalker, Peter. *Workers Without Frontiers*. The Impact of Globalization on International Migration, ILO, Lynne Rienner Publishers, USA, 2000.
19. Traffic in Human Beings in OECD Perspective. Geneva, 1999.

ГЕНДЕРНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ

Мишель Фостер

ПРОБЛЕМЫ РАСЫ, КЛАССА И ПОЛА В ИССЛЕДОВАНИЯХ ВОПРОСОВ ОБРАЗОВАНИЯ: ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА*

Настоящая статья исследует вопросы расы и существующих предрассудков, которыми пронизан процесс исследования. Это делается путем рассмотрения двух аспектов расового вопроса в исследованиях образования: концептуальных сдвигов в вопросах расы, класса и пола, а также предпочтительной цитируемости авторов в данной области. Новые и альтернативные исследовательские парадигмы помогают ученым избавиться от устаревших, односторонних расовых, классовых и половых представлений, освободиться от традиционализма и позитивизма. В конце статьи излагаются предложения исследователям по «исправлению несправедливостей» прошлых и нынешних разработок расовых проблем в области образования.

За последние двадцать лет вопросы расы, класса и пола стали более заметными при изучении образования. То, что этим вопросам стали уделять больше внимания, видно по количеству статей, опубликованных в главных отраслевых журналах, которые занимаются этими темами, а также по финансированию национальными научными центрами и стипендиям от частных фондов, таких как Фонд Спенсера. Например, в 1976-1977 гг. около 18% стипендий, выделенных Фондом Спенсера, были использованы на изучение проблем расы, класса и пола, к 1996-1997 гг. финансирование исследований по этим же темам увеличилось почти до 27%.

В настоящей статье излагаются два аспекта в разработке вопросов расы в рамках исследования образования. Во-первых, я рассматриваю различные тенденции изменения в исследованиях образования по данной тематике, обращая особое внимание на крупные сдвиги, произошедшие в течение разных исторических периодов, иллюстрируя то, как концептуализируются, определяются и анализируются вопросы расы, класса и пола в рамках различных исследовательских традиций. Во-вторых, я исследую политику цитирования, то есть анализирую то, как работы по указанным темам признаются и цитируются. В-третьих, я высказываю ряд предположений относительно нескольких причин сложившейся ситуации. Статья завершается конкретными рекомендациями. Полный анализ исследуемых вопросов не входит в задачи данной статьи. Статья такого объема позволяет дать только беглый анализ этих проблем.

Исследования в историческом аспекте

Ситуацию вокруг исследования проблем расы, класса и пола в образовательном плане невозможно понять независимо от истории образовательных исследований в целом. Развитие исследований в области образования как области научного интереса совпало с возникновением сообщества исследователей в данной области. Большинство из них мужчины, принадлежащие к белой расе, исповедующие протестантизм и являющиеся членами факультетов в Гарварде, Стэнфорде, Учительском колледже, Висконсинском, Мичиганском и Йельском университете. Все эти

---

* Перевод Валерия Паравина.

учебные заведения, за исключением последнего, имеют в своем составе педагогические школы и в данный момент относятся к самым лучшим педагогическим учреждениям (справочник «America's best», 1997). Именно в этот период количественный и психологический подходы стали доминирующими среди исследователей вопросов образования, постепенно вытесняя исторические подходы, господствовавшие некоторое время.

Развивавшаяся в русле психометрии и статистических тестов, благодаря которым существовали данные исследования, область образования попала под влияние таких научных методологий как масштабные исследования или иные разработки, опирающиеся на эмпирическую науку и количественные измерения. В результате, далекие и иерархические взаимоотношения между ученым и исследуемым объектом, а также отношения неравенства и позиции преобладающего пола стали характерными для большей части исследований в области образования. Большая часть исследователей образовательной тематики, как и большинство руководителей образовательных учреждений, были мужчинами в противоположность учителям-женщинам, составлявшим большинство преподавателей в классах, где мужчины-исследователи вели свою научную работу. И, наконец, стратификация общества по принадлежности к расе и классу, а также расистский псевдонаучный дискурс рассматриваемого периода дали импульс расистским и антиженским идеологиям, которые отмечаются и в нынешних исследованиях. Следующие условия — традиционные позитивистские методологии в процессе исследований, подкрепляемые эмпирической наукой и количественными измерениями; идеологии расовой дискриминации и дискриминации женщин; подавляющее господство мужчин-ученых в данной области, — все это характеризовало исследования образования на протяжении больше чем полувека.

Психологические, толковательные, образовательные парадигмы и поведение исследователей в научных исследованиях

Большая часть социальных наук и бихевиоризма, на которые традиционно опирались исследования в сфере образования, были созданы на основе психологии. Эта область науки, которая изучала цветных людей, женщин и тех, кто происходил из рабочих слоев, по отношению к стандарту, представляющего собой мужчину с белой кожей, относящемуся к среднему классу. До появления критических работ других ученых в области развития детей и взрослых, мужчину считали эталоном, с которым сравнивались изучаемые женщины (Гиллиган). Представляя концепты «культурной депривации», «культурного дефицита», концепты неполноценности как нечто материальное, психологические исследования утверждали, что из-за языкового и когнитивного дефицита, некоторые группы детей (особенно из семей небелой расы и из рабочей среды) неспособны добиться высоких достижений в учебе. Эти идеи усилили и укрепили идею превосходства белой расы, которая проникла в журналы сферы образования в 50-60-х годах.

Хотя эти концепты были встречены в штыки учеными, работавшими в русле антропологической и лингвистической традиций, исследовательская парадигма «превосходства в учении» все еще сохраняет свою силу. Она была заново изобретена под обозначением «рискованная» в 80-х годах, и возродилась в неоконсервативных теориях генетической неполноценности 90-х годов. Некоторые ученые, ведущие исследования в рамках психологии, в том числе многие, в том числе «нецветные», поставили под сомнение гегемонию превосходства белой расы, идеологию, которой пронизаны

основанные на психологическом подходе научные изыскания. Все же, несмотря на эту критику, большая часть исследований, находящаяся под информационным влиянием психологической парадигмы, способствует развитию идеологии «превосходства белой расы».

Этнография и критическая теория

Толковательные исследования имеют длительную традицию в философии науки. Исключение представляет историческое исследование в сфере образования. Качественные, этнографические, феминистские и критические подходы начали утверждаться в образовательных исследованиях как альтернативные концепции исследования образования не ранее 80-х годов. Некоторые журналы общего характера, такие как *American Journal of Education*, *Harvard Educational Review*; журналы по отдельным образовательным дисциплинам, например, *Anthropology of Education Quarterly* и *Linguistics and Education*; и образовательные журналы, занимающиеся какими-либо частными темами, такие как *English Education* и *Reading Research Quarterly* регулярно публиковали толковательные исследования. Однако *American Educational Research Journal* (AERJ), официальный журнал Американской ассоциации исследований проблем образования (AERA), начал систематически публиковать работы по толковательным исследованиям не ранее 80-х годов. Увлеченные погоней за смыслом, интерпретациями и намерениями авторов, толковательные исследования часто бывают выбором ученых, озабоченных тем, чтобы бросить вызов существующему «статус кво». Однако использование толковательных подходов не гарантирует, что получившиеся результаты исследования не будут поощрять расовые, классовые и половые предубеждения.

Исследование основного направления неизменно изучает тему безотносительно к вопросам расы, класса и пола. Результаты таких изысканий зачастую используются как аргумент против эффективности частных подходов для всех групп учащихся, независимо от расы, класса или пола. Например, научные работы, у которых используется социокультурный подход в изучении вопроса классного обучения, часто бегло характеризуют учащихся. Это делает трудновыполнимым оценку того, какое влияние измененные приемы работы с классом могут оказать на успеваемость обучающихся с разной подготовкой. Еще пример, исследование образования, представляющее мнение учителей часто отдает предпочтение «мнениям, прежде всего учителей с гуманистической направленностью, для которых ребенок на первом месте, затем конденсирует их в единое учительское мнение, которое будет представлять мнение всех учителей». Однако афро-американские, испаноязычные учителя не охвачены подобными научными проектами исследованием и остаются за их пределами. И несмотря на массу разработок в вопросах школьной реформы и школьного образования, до недавнего времени вопросы пола не получали должного отражения в этих исследованиях. И последнее замечание. Феминистки указали на то, что политика в области образования не только отдает привилегированное место мужчинам белой расы, исключая, в то же время, женщин, но также создает гендерный режим, который институционализируется и воспринимается естественным и нормальным.

Исследовательское сообщество, в котором господствуют мужчины, более полувека занимало сильные позиции, и без этого сообщества не обходились образовательные журналы 60-х годов. Лишь чуть более десяти женщин, авторов научных материалов, можно найти в томах 35 и 36 журнала *Harvard Educational Review*, вышедших в 1965-66 гг. Они

выступали, главным образом, в качестве соавторов и рецензентов книг или авторов тем, наиболее всего согласовывающихся с научными темами, которые считались подходящими для женщин. Таковыми являлись, например, вербальные виды искусства. С 1987 г., однако, женщины стали все активнее входить как в число авторов, так и членов редколлегии. Например, в 1987-88 гг. женщины составляли 31% членов редколлегии журнала, финансируемого Американской ассоциацией исследователей проблем образования (AERA), но только 23% из них были авторами. Однако за десять лет их число может достигнуть максимума 50% членов редколлегии и 40% авторов. Эти показатели никогда не опускались ниже показателей 1987-88 годов.

Число темнокожих ученых-теоретиков, наоборот, не увеличилось. И оно, как ни прискорбно для нас, не достигает желаемого, особенно в престижных журналах. Если темнокожие ученые-теоретики составляли 13% членов редколлегии в 1987-88 гг., то в 1996-97 гг. они составляли 16%. Хотя показатель в процентах достигал 18% два года подряд, в отличие от процентного состава женщин, показатель упал ниже уровня 1987-88 годов. В 1987-88 гг. только в 4% журналов Американской ассоциации исследователей проблем образования авторами были темнокожие. В 1996-97 гг. этот показатель составил 5% и, не считая одного года, когда количество авторов составило 11%, показатель составлял считанные единицы. Между 1990 и 1994 годом ни один афроамериканец не публиковал ни одной статьи в *American Educational Research Journal*. За тот же самый период в этом журнале опубликовались только двое испаноязычных авторов. В других изданиях Американской ассоциации исследователей проблем образования ситуация схожая. Более десятилетия назад, в 1985 г., пытаясь привлечь к публикациям большее число цветных авторов в специальном выпуске по проблемам рас, расизму и американскому образованию, редакционная коллегия *Harvard Educational Review* отмечала низкий уровень представительства цветных ученых в основных академических изданиях.

Таким низким показателям есть несколько объяснений. Отчасти это можно объяснить малым числом подготовленных исследователей или окончивших самые престижные колледжи и факультеты, исключением цветных студентов-выпускников из участия в проектах со сторонним финансированием. Необходимо также упомянуть недопущение к неформальным объединениям в аспирантуре, к соавторству в научных докладах и статьях утвердившихся исследователей академического заведения, низкую занятость в исследовательских университетах, где публикация в образовательных журналах рассматривается как условие для продолжения трудовых отношений. Более того, даже если цветные ученые без проблем станут членами академии, все равно они часто оказываются за пределами формальной исследовательской системы. Недавний анализ семей ученых, ведущих исследования в области преподавания показал, что только один цветной ученый-теоретик является членом неформальной организации, не состоящей исключительно из «цветных» ученых-теоретиков.

Шурих и Янг считают, что общественное исследование поражено неосознанной формой «гносеологического расизма», имеющего свои корни в историческом господстве общества культуры «белого человека» и ее философов, создавших базисные пути, по которым добываются знания. Отмечая возникновение культуры, основанной на расовой гносеологии, они указывают на афроцентристскую парадигму Асанте, феминистский подход чернокожих Патриши Хилл-Коллинз или аборигенную антропологию Лэнгстона Гволтни. Шурих и Янг провели наблюдение, которое привело их

к выводу, что некоторые цветные ученые-теоретики недвусмысленно сделали свой выбор в пользу расовой гносеологии. Но другие исследователи, которых они выпустили из поля зрения, намеренно выбрали различные разновидности толковательного исследования. Ученые преследуют цель не только поставить под сомнение гипотезы о существовании культуры бедных, теории культурной депривации и вновь ожившие теории генетической неполноценности, установить новые дискурсы в сфере образования, подчеркивающие лингвистическую, культурную, интеллектуальную силу подавляемой группы, но также выражает желание показать перспективы своей группы.

Толковательное исследование ставит своей целью понять авторов с их собственной точки зрения. Одним из результатов такой постановки, стало, однако, то, что многие цветные ученые-теоретики считают основные журналы невосприимчивыми к опубликованию их трудов, особенно если в них применяется непривычная парадигма или методология. Такое предубеждение вынуждает их печататься в журналах с расовым уклоном, таких как *The Journal of Negro Education*, *Hispanic Journal of the Behavioral Sciences* и *Journal of Black Psychology*, которые редко можно причислить к высоко котируемым изданиям. Также стоит заметить, что многие цветные ученые-теоретики, которые уже опубликовались в главных отраслевых журналах, также решили опубликовать свои труды в журналах с расовым уклоном. Это может свидетельствовать о стремлении дойти до более широкой, разнородной аудитории, что весьма сложно сделать через журналы основного направления. И даже когда темнокожие ученые все же публикуются в журналах Американской ассоциации исследований проблем образования (AERA), их работа иногда предвзвешивается. Это, по мнению многих исследователей, очерняет их как ученых и их способности как ученых (Gordon, 1997; Levin, 1993). Хотя восприятие плохого обращения может показаться ограниченным лишь данной ситуацией, значительное число цветных ученых выразили озабоченность тем, как к ним относятся, как их допускают к участию в нашей профессиональной организации и как они представлены в органах академической науки.

Наконец, хоть это и редко обсуждается в основной отраслевой литературе, цветные ученые-теоретики часто заявляют, что когда дело доходит до изучения вопросов расы, перспективы исследования белого ученого оказываются в более привилегированном положении, чем перспективы исследования цветного ученого. Они замечают, что за исключением нескольких «звезд», исследования характера цитирования мнений ученых неизбежно исключает работу цветных ученых. Эти проблемы открыто обсуждались на симпозиуме Американской ассоциации исследований проблем образования (AERA) в 1994 г. в Новом Орлеане.

Исправление несправедливостей

В последней части данной статьи излагаются некоторые практические шаги, как политические, так и личного плана, которые могут быть предприняты, чтобы изменить ситуацию. Во-первых, ученые могут ознакомиться с широким диапазоном исследований в области образования, которые направлены на изучение вопросов расы, класса и пола, в частности, если это научные работы, проводимые цветными учеными, а также исследования, в которых используются новые гносеологии. Эта осведомленность будет означать расширение привычных читательских навыков, с тем, чтобы они включали в свой круг интересов «расовые» журналы и другие издания, где встречаются подобные проблемы в образовании. Кроме того, представители академической науки должны

знакомиться не только с исследованиями признанных и известных цветных ученых, но также и с трудами тех, чьи работы (не отмеченные известностью) могут содержать важный взгляд изнутри. Каноны эрудиции во многих отраслях исследования образования устанавливаются подавляющим числом белых исследователей, в то время как взгляды цветных ученых, представлены лишь символически. Например, вопреки критическому анализу расовых методологий, сделанному Шурихом и Янгом, они процитировали работы только тех темнокожих авторов, которые представлены в престижных журналах, часто упуская критические материалы остальных.

Во-вторых, ученые могут практиковать включение этих сфер научного интереса в свои занятия. Пока еще малое число ученых основных научных направлений начали подобную работу. Некоторые публично признали рост нового поколения афро-американских и испаноязычных ученых. Другие делают большой упор на участие темнокожих ученых в их занятиях по исследовательским методам, приглашают студентов заняться поиском таких ученых и использовать их идеи в своих работах, проводят дискуссии о вкладе этих ученых в разработку исследований в области образования.

Наконец, ученые могут прервать процесс неперемного и ритуального цитирования некоторых ученых, ставших, благодаря такому подходу, символами цветных исследователей. А ведь большая часть из них остаются непризнанными, если только случайно их работа не окажется в сборнике, издаваемом уважаемым белокожим ученым. Как академические ученые они могут представлять широкий спектр научных школ в своем собственном исследовании, проявляя тенденциозность в цитировании исследований ученых, чьи идеи или работы не совпадают с представляемыми концепциями. Исследователи, рецензенты и редакторы могут поощрять других делать то же самое. Неосуществление положительных шагов в признании равенства цветных учебных с белыми приведет к увековечиванию явления, которому Картер дал название «синдром "лучший черный"». Это форма обозначения ученых, в контексте которой афро-американцы и в широком смысле другие темнокожие оцениваются, прежде всего, как черные, только черные и лучшие из всех черных».

Ученые должны выйти за пределы колониального менталитета в цитировании, при котором только общепринятые американские авторы считаются признанными. Такой шаг потребует, чтобы мы познакомились с более широким кругом ученых, нежели с той пищей, которой нас кормят в аспирантуре. Недостаточно теоретизировать об общественной справедливости, не предпринимая решительных действий по воплощению этого принципа в нашей практике и не предпринимая действий со стороны самих ученых.

Библиография и примечания:

1. Данные взяты из заголовков из книг Major Research Grants и Spencer Foundation Grants, которые до 1987 года имели другое название, но перечислялись в разделе "Прочие гранты" в двух Докладах Фонда Спенсера: «Двадцать пять лет предоставления грантов»: годовой отчет Фонда Спенсера за 1998 г.» и «Фонд Спенсера: годовой отчет об обеспечении по состоянию на 32 марта 1997 г.». Сюда не включена информация об обществах докторов наук Национальной академии образования, Научного общества диссертантов и научных обществах Американской ассоциации исследований проблем образования (AERA) и Фонда Спенсера. Если бы эта информация

была включена, то процент исследований по вопросам расы, класса и пола в образовательном исследовании был бы еще убедительнее.

2. Были проведены два симпозиума по этой тематике.

СОЦИОЛОГИЯ ГЕНДЕРА

Петра Фрерихс

КЛАСС И ПОЛ КАК КАТЕГОРИИ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА*

Введение

Эта статья посвящается вопросу о порождающей силе «класса и пола» как двух центральных структурных категорий современного общества и представляет собой результаты практического исследовательского проекта. Прежде всего, большой интерес представляет собой появление новых исследований женского вопроса и пола, которые полемизируют между собой по таким сложным отношениям неравенства. Затем, ссылаясь на (классовую) модель Бурдье многомерного пространства социальных позиций, представлены выбранные эмпирические результаты перекрещивания «класса и пола»: с одной стороны, на основе данных ежегодного репрезентативного опроса населения Германии (СОЕП) [2], с другой стороны, на основе биографических интервью женщин (из опрошенных пар) различных социальных уровней, которые выливаются в проверку ведущих исследовательских гипотез. «Полоспецифическая классовая гипотеза» проверяется количественно через позиционирование в пространстве трудового дохода посредством сравнения средних величин и однофакторного дисперсного анализ; «классовоспецифическая классовая гипотеза» проверяется качественно посредством реконструкции случаев на базе последовательного анализа интерпретаций интервью. В заключение делается теоретическое осмысление результатов применительно к обеим перекрещивающимся гипотезам.

О соотношении «класс и пол» в теории и эмпирическом исследовании

Еще несколько лет назад вопрос неравенства полов не играл особой роли в исследовании неравенства, так как вопросы классовых различий и неравенства между женщинами не пользовались особым вниманием в феминистских/гендерных исследованиях. Между тем стало слабее строгое разделение предмета между двумя дисциплинами, а игнорирование новых подходов и результатов исследований уступило отчасти место взаимному их принятию [см. например, 17]. При появлении диады «класс и пол» создалась парадоксальная ситуация: достигнутое на основе последних исследований неравенства «прощание с классом и социальным сословием» [12], хотя и не так быстро, продвигалось в сторону признания неравенства по половому признаку, как социальной, структурно значимой величины. Однако ценой этого продвижения стал отказ от понятия «класс» как вертикально структурирующей категории и принятие «пола» как горизонтально структурирующей категории [18].

В фокусе феминистского и гендерного исследования, которое усиленно в последнее время разрабатывает тему социального неравенства, находится, как и прежде, феномен неравенства полов, важный для многих аспектов, в то время как специфические классовые несоответствия и несоответствия социальных слоев внутри половой группы находятся в стороне от

---

* Перевод с немецкого Валерия Паравина.

Перевод выполнен по изданию: Petra Frerichs. Klasse und Geschlecht als Kategorien Sozialer Ungleichheit. In *Kolner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*. Jg.52, Heft 1, 2000.

дискуссии. Особенно наблюдается нехватка эмпирических исследований явлений и вопросов комплексного социального неравенства.

Тем не менее, в новых феминистских и гендерных исследованиях развились предпосылки, ставящие соотношение и различия полов в контекст анализа и понятий социологии неравенства и идущие в направлении феминистского социально-структурного анализа.

Это особенно значимо для таких постановок вопроса как «пол как социальная категория» и «двойное обобществление в сравнении с тройным обобществлением» [3]. Вместо социологического понимания пола как аскриптивного признака феминистские и половые исследования выдвинули представление о поле как структурной категории. Такое фокусирование подразумевает проведение анализа структурообразующего и структуровоспроизводящего влияния пола на общество в целом. «Неодинаковость положений полов согласно этому является в принципе подавляющей структурой, создающей все общественные сферы ... и социальные отношения (в особенности, гражданство, позиция по доходу, интимные отношения между полами), которая должна найти отражение в охватывающем анализе социального неравенства в качестве общественно ... произведенной структуры» [29, S.14]. Согласно логике понятия, для пола подходит статус, схожий со статусом класса или социального слоя, этноса или национальности. Как эти структурные категории, так и пол в качестве принципа социального разделения является «структурным индикатором социального положения неравенства» [14, S.44], оказывающим влияние на жизненные шансы социального позиционирования. Отношение полов рассматривается в общественно-теоретической перспективе в контексте социальной структуры, которая подразумевает не только иерархизацию, линии разделения и разграничения между мужчинами и женщинами, но и половую структуру институтов, структурирующих жизненный путь [39, S.195]. Предполагается «взаимная зависимость между конструкцией общества и институциональным оформлением отношений полов», которая служит «сохранению общественных структур власти» [15, S.9 и далее].

Эта аргументация в пользу структуры выливается в концепцию «двойного противоречивого обобществления», согласно которой женщины, их рабочая сила и их рабочее имущество обобществляются в двух практических областях — в семье и в системе дохода. Противоречие этой специфической интеграции в общество состоит в том, что интеграция женщины осуществляется «при данных отношениях ... через сегрегацию и деклассирование как пол» [35, S.26]. Обобществление женщин происходит дальше одновременно с «выделением их из одних определенных сфер» и «направлением в другие», за исключением сфер власти, с ограничением шансов на самореализацию и признание, с экспроприацией и обесцениванием. В противоречивости такого способа обобществления состоит специфика, посредством которой обобществление женщин в «структурном смешивании классов» (там же) отличается от обобществления мужчин.

Затем это положение распространяется, с одной стороны, на оба пола [37, 38], с другой стороны, расширяется в третьем измерении обобществления, а именно, обобществлении «в национальных государствах современности» [40, S.35]. Ильза Ленц [40, 41] обращает внимание на то, что структурные категории пол, класс и этнос не просто кумулируются, а основываются на различных конституциональных механизмах. В то время как обобществление в семье создает домохозяйство, а обобществление на рынке рабочей силы различные позиции в разделении труда и доступе к ресурсам, то этническое обобществление следует логике «мы-группы» —

вовнутрь через общие определяемые признаки, вовне на разграничение. "В противоположность чередованию и взаимодействию "женского-мужского", являющегося основой двойного обобществления женщин, в качестве лейтмотива образования группы выступает создание однородного внутреннего пространства "мы-группы" по отношению к "чужим". При этом одновременно накладываются друг на друга имеющиеся в этом пространстве социальные неравенства. Таким образом, этнос становится возможной стратегией действий и борьбы за распределение ресурсов, это шанс на будущее, который сможет преступить классы» [40, S.67 и далее; ср. 30].

В качестве исходного пункта своего анализа нового дискурса «социальное неравенство и пол» Карин Готтшаль выбирает новую ориентацию в социологии неравенства [прежде всего: 37, 17] и в исследованиях, изучающих вопросы женщин и пола. Параллельное развитие в обеих дисциплинах рассматривается в дискурсах «порывание с классом и сословием», «воссоздание категории пола», которые указывают на принятие постмодернистского образа мышления. В анализ вовлекаются последние теоретические подходы на тему модернизации рынка и рынка труда, а также материалы из этнометодологии и конструктивизма, и проверяются на предмет дополнительной пользы от возможности познания явлений комплексного социального неравенства и социального поведения. Исследование показало, что приобретение знаний нового дискурса менее возможно в радикальном отходе от «класса» и «пола» (в смысле различия между sex-gender - биологический пол-социальный пол (*англ.*) как структурных категорий, а возможно в раскрытии этих категорий с целью дифференцирования и в раскрытии процессов.

В конце концов, положение «пол и контекст» [33] — этот вызов гипотезе, представляющей пол в качестве основной категории социального неравенства, на практике теряет свою доказательную силу. Эмпирическое исследование [32] указывает на реальные изменения в положении полов, говорящие о деинституционализации и соответственно реинституционализации полов на базе измененных механизмов репродукции. Половая дифференциация становится все более настоящей, а половые предписания и иерархизация все сильнее зависят от конкретных условий контекста. Опытным путем следовало бы проследить, что значение половой дифференциации варьируется в зависимости от жизненного уклада и стадии жизни и находится под влиянием таких переменных как образование, возраст, трудовая деятельность и не имеет зачастую первостепенного значения для доказательства. Таким образом, из феминистских и гендерных исследований следует рекомендация — уделять больше внимания социальной гетерогенности женщин и распрощаться с представлением о том, что половое различие играет ведущую роль.

Для данной статьи значимо то, что при обсуждении положений в феминистских и гендерных исследованиях в распоряжении исследователя имеется аналитический инструментарий, имеющий точки соприкосновения с анализом социальных структур, посредством чего пол можно исследовать как социальноструктурообразующую и структуро-воспроизводящую категорию. В любом случае, как было отмечено в начале, с тенденцией абсолютизации наблюдается, по меньшей мере, чрезмерное выделение неравенства полов в противовес неравенству классов. Иными словами, уничтожение социального неравенства в отношениях полов, по-видимому, является главной темой феминистского исследования, в то время как на

изменение отношений между полами в классах внимание обращается меньше.

Теоретические рамки и гипотезы

В представленном здесь исследовательском проекте была предпринята попытка рассмотрения двух типов неравенства (неравенство *класса* как неравенство *пола*) в теоретической взаимосвязи и исследовать эмпирическим путем тип перекрещивания каждого конкретного неравенства. Делается теоретическая привязка к понятию класса, концепции габитуса и модели многомерного социального пространства Бурдьё [19, 21], модифицированные через призму положений феминистских и гендерных исследований. Пространство социальных позиций в эмпирической части данного исследования, смоделированное как пространство занятости по профессиональному положению и полу, позволяет, во-первых, дать объективирующую перспективу на реляционные позиции и отношения групп и классов (классовых фракций), которые исследуются в части рассмотрения эмпирических и количественных данных. Во-вторых, эта модель допускает «множественность перспектив» [11, S.5 и далее]: в том же пространстве, в смысле пространства индивидуальных или коллективных высказываний своего мнения, которые здесь реконструируются на примере четырех разных классовых позиций в разделе эмпирических и качественных данных в рамках темы «представления о "хорошей жизни"» конкретно для каждого случая. Для этого прежде всего в качестве ключевой используется концепция габитуса, так как это обещает осуществить не только соединение социальных структур и (структурируемой равно как и структурирующей) субъективности, но и раскрывает в качестве *modus operandi* (способа или механизма действия, лат. - Прим. переводчика) базовые модели поступков и поведения, которые согласно своей логике должны быть реконструированы с учетом как классовой, так и половой специфики. Эта модель предоставляет в готовом виде аналитический инструментарий, соответствующий размышлениям о взаимопересечении класса и пола.

Отправной точкой исследования стали две главные гипотезы [27, S.193], которые формулируют специфические возможности пересечения класса и пола.

Полоспецифическая классовая гипотеза. Согласно этой гипотезе пол выступает не только как составной элемент неравенства, проникающий через границу классов, но и как составной элемент класса; женщины и мужчины образуют различные классовые структуры. Нет просто классов, а есть всегда их специфические для данного пола проявления и специфические различия соответственно [5].

Классовоспецифическая гендерная гипотеза. Согласно этой гипотезе каждый класс и классовая фракция порождают свои собственные представления и формы реализации «женственности» и «мужественности», что позволяет различать классовоспецифические отношения полов. Нет просто пола (gender), а (теоретически) имеется столько полов, сколько классов и фракций.

Вместе взятые эти две гипотезы дают два разных варианта пересечения класса и пола, которые указывают на два различных вида неравенства: классовую дифференциацию по признаку пола и половую дифференциацию внутри класса (классов) и классовую фракцию (фракции).

Методологические выводы и методические указания

Качественная часть

Результаты качественной части исследования базируются в основном на биографических интервью в общей сложности 4-х супружеских пар, занимающих различные социальные позиции. Выбор биографического метода основан на интересе к индивиду и к генезису габитуса, всегда связанного с индивидом. Посредством очень подробных интервью опрашиваемых, включающих период детства, их социальное происхождение, структуру их жизни и стиль жизни на момент проведения исследования, глубокое изучение их биографий, стало возможным сделать выводы о конституции и базовых моделях индивидуального габитуса интервьюируемых. Опрос пар также рассматривался как методическое следствие теоретических посылок и гипотез настоящего исследования. Отбор пар определялся вытекающими из теории критериями; они должны были, в частности, заметно отличаться друг от друга удельным обеспечением «капитала». Отобраны были пары, которые в определенном смысле представляли собой «типичные случаи» частично обновленной классовой среды ФРГ в 90-х годах, о которой сообщает Vester и другие исследователи [48, S.16] и принадлежали к некоторым классовым фракциям (по Бурдые). Были исследованы: супружеская пара рабочих, относящаяся к новой среде рабочих наемного труда в сравнении с более образованной частью рабочего класса; супружеская пара служащих из гедонистической среды в сравнении с новой мелкой буржуазией, состоящей из представителей экологических, новых творческих профессий и консультантов; супружеская пара учителей, принадлежащая к альтернативной среде в сравнении со «сдерживаемой» фракцией господствующего класса из числа преподавателей гимназий и высших учебных заведений; и супружеская пара менеджеров, принадлежащая к технократической либеральной среде в сравнении со «средней» фракцией господствующего класса, из числа лиц руководящего звена и лиц свободной профессии.

Проведение интервью было по возможности открытым, чтобы опрашиваемые имели в своем распоряжении достаточно много времени для связного изложения субъективно значимых структур и чтобы по возможности имелись условия для непрерывного хода рассказа. Ход интервью должен был структурирован сообразно необходимости, чтобы главные аспекты, которые позволили бы сравнивать тематические высказывание интервью, всегда были на виду. Каждое интервью было длительностью около 5 часов, они были отдельными (для мужчин и для женщин), но интервью большей частью проводились параллельно в квартирах интервьюируемых и записывались на магнитофон. Выбор места для интервью создавал не только эффект интервью, проводящегося относительно без вмешательства, но и давал возможность проведения наблюдения за женщинами в домашних условиях. Посредством записи наблюдений при непосредственном проведении интервью фиксировалось все то, что могло рассматриваться как значимое для стиля жизни опрашиваемых в плане жилища, обстановки, одежды, поведения. Кроме того, журналы по использованию времени и журналы домашних расходов, которые опрашиваемые вели для себя в течение недели, являлись дополнительными источниками для интервью и наблюдений.

Для того, чтобы на основе биографических интервью аналитически создать базовую модель габитуса, требовался структурно-теоретический метод анализа и интерпретации, что позволило бы перейти от уровня «очевидного смысла» к уровню латентных смысловых структур, которые

без беседы становятся доступными интервьюируемому. Базой для такого способа стала объективная герменевтика [43, 44, 45]. Структурная теория Оверманна, лежащая в основе реконструкции случая, оказывается особенно приспособленной к концепции габитуса Бурдьё, так как она требует эмпирических распределений основных составляющих элементов габитуса и признаков структурного анализа, который может реализоваться в рамках реконструкции исследуемого случая. Таким образом, становится возможной реконструкция габитуса в каждом случае путем последовательного анализа текстов интервью.

Реконструкции исследуемых случаев направлены при этом на структурную собственную логику каждого отдельного случая с его особенностями. Как только структура случая найдена, можно сделать вывод о *modus operandi* габитуса. Как структура случая, так и *modus operandi* габитуса лежит на уровне объективного значения, которое будет выработано в результате последовательного анализа. Приведенные в эмпирическо-количественной части реконструкции случаев позволяют узнать лишь готовый образ интерпретации, но не ход методически дорогостоящего, дискурсивного способа анализа. Была создана аналитическая группа с участием мужчины (чтобы избежать опасности доминирования «женской точки зрения» во время интервью); эти групповые дискуссии кроме процессуальной, последовательной оценки и интерпретации эмпирических текстовых материалов, служили, в частности, также для валидации результатов.

Количественная часть

Поскольку объем выборки был небольшой, то по соображениям качественного анализа обобщаемых материалов, а также по соображениям содержания, была предпринята попытка, с помощью двунаправленного метода сделать плодотворной комплиментарность качественного и количественного социального исследования. Таким образом, основной вопрос исследования о пересечении класса и пола указывает на более крупные популяции, которые должны быть осмыслены только статистически, и на основе гендеросенситивного анализа социальных структур. Для того, чтобы начать анализ классов многомерного пространства трудовой деятельности, которое моделировалось как пространство по профессиональному положению и полу и одновременно модифицировалось, база данных ежегодного репрезентативного опроса населения Германии (СОЕП) и седьмого опроса населения Германии [6] стали основой для цифрового и графического материалов [7].

При выборе переменных и при подсчете внимание обращалось на то, чтобы структура ссылок к темам и результатам, полученным на базе качественных методов, в любой момент могла быть воссоздана снова. Почти все переменные СОЕП, выбранные для исследования, также поясняются качественно в рамках интервью и социальных данных, приведенных в анкетах, так что можно говорить о конвергенции объективируемых высказываний и закономерностей. И, наоборот, для построения структуры ссылок установлены четкие границы, которые находятся в пределах применимости методов. Итак, с одной стороны, оба пути могли быть использованы в дополнение друг к другу, с другой стороны, — могли быть использованы в качестве валидации результатов, которые были нацелены на то же значение с помощью двух различных методик [46].

Для последующего отображения результатов, по прагматическим соображениям была выбрана другая последовательность: соединяя размышления о пределах применимости и значении количественных

методов, эмпирическое выполнение пространственной модели осуществляется вначале на базе подсчета данных СОЕП (объективирующая перспектива). Затем в качественной части следуют субъективные мнения о позициях в социальном пространстве с помощью реконструкции случаев, основанных на четырех разных представлениях о «хорошей жизни» (множественность перспектив).

Данные, результаты, проверка гипотез

Пространство рабочей занятости по профессиональному положению и полу

Для проверки полоспецифической классовой гипотезы представлены результаты на основе данных СОЕП, посредством которых моделируется пространство рабочей занятости и проводится исследование позиционирования по профессиональному положению и полу. Позиционирование групп или классов (классовых фракций), которые составляются по модели Бурдье исходя из объема и структуры экономического и культурного капитала, исследуется по чистому трудовому доходу и по образованию как вспомогательным индикаторам для этих видов капитала. Профессиональное положение по половой принадлежности служит как очевидная переменная. В то же время «класс» функционирует как латентная переменная. Переменные декодируются по самому высокому уровню образования и личному чистому трудовому доходу и классифицируются в соответствии с предложенной Блоссфельдом иерархической шкалой (1985) формального школьного и профессионального образования (дополненной категорией «неполное образование») [8]. Аналогично шкалированы по 8 группам переменные личного чистого дохода [9]. Низкие значения, лежащие в основе оценочной шкалы от 1 до 8, указывают соответственно на низкий уровень законченного образования и низкий доход, напротив высокие значения указывают на высокий уровень законченного образования и высокий чистый доход.

Моделирование пространства занятости базируется на *средних значениях* переменных «образование и занятость» в соответствии с профессиональным положением и полом; они отражены, включая точно подсчитанное общее количество и отклонение от стандарта, в *таблице №1*. Из всех 19 подробно дифференцированных профессиональных статусов согласно СОЕП (соответственно 38 по половому признаку) здесь выбраны 14 (соответственно 27); выбор определялся, большей частью, статистическими критериями (величина общего количества). Было отказано группе предпринимательниц с числом подчиненных работников более 9, в то же время принята во внимание группа предпринимателей с числом подчиненных работников более 9; с одной стороны, общее количество достаточно велико, с другой стороны, они образуют фракцию господствующего класса в одном сегменте пространства, которое остается незанятым.

Таблица 1.

Средние значения переменных «образование» и «трудовой доход»
согласно профессиональному положению и полу

№	Профессиональное положение по полу	Общее кол-во (точный подсчет)	Образование		Доход	
			Средн. знач.	Стандарт. отклонение	Средн. знач.	Стандарт. отклонение

1. Необученные рабочие-женщины	901 082	2,43	0,94	1,64	0,85
2. Необученные рабочие-мужчины	383 445	2,19	0,89	3,34	1,28
3. Обученные рабочие-женщины	1 336 277	2,67	0,85	2,22	0,98
4. Обученные рабочие-мужчины	1 856 210	2,75	0,93	3,49	1,08
5. Квалиф. специалисты-женщины	342 481	2,94	1,02	2,57	0,88
6. Квалиф. специалисты-мужчины	3 597 947	2,97	0,93	4,11	1,00
7. Фермеры-женщины	92 606	2,63	0,84	1,89	1,42
8. Фермеры-мужчины	323 794	3,20	1,03	3,07	1,78
9. Женщины свобод. профессии	158 527	4,95	2,38	2,96	2,50
10. Мужчины свобод. профессии	393 854	6,39	1,45	5,34	2,22
11. Предпринимательницы (до 9 работн.)	376 919	3,55	1,25	3,39	1,64
12. Предприниматели (до 9 работников)	996 693	4,01	1,64	5,10	2,00
13. Предприниматели (свыше 9 раб.) *	136 316	5,22	1,59	5,62	2,22
14. Служащие-женщины (прост. обязан.)	1 748 226	3,21	1,17	2,14	0,98
15. Служащие-мужчины (прост. обязан.)	443 748	3,12	1,29	3,47	1,37
16. Служащие-женщины (квалифиц.)	3 539 970	4,04	1,53	3,09	1,32
17. Служащие-мужчины (квалифиц.)	2 390 452	4,16	1,71	4,82	1,31
18. Служащие-женщины (выс. квалиф.)	473 538	5,68	2,10	4,71	1,62
19. Служащие-мужчины (выс. квалиф.)	1 777 460	5,77	1,95	6,29	1,31
20. Служащие-женщ. (с обязан. рук-ля)	46 341	6,64	1,93	4,95	2,10
21. Служащие-мужч. (с обязан. рук-ля)	393 203	4,43	2,04	5,35	2,31
22. Госслужащие-женщ. (среднее звено)	201 794	6,46	1,99	4,02	1,21
23. Госслужащие-мужч. (среднее звено)	650 086	3,83	1,13	4,82	0,95
24. Госслужащие-жен. (ответств. долж.)	257 296	6,82	1,85	4,68	1,46
25. Госслужащие-муж. (ответств. долж.)	486 826	5,77	2,04	6,12	1,13
26. Госслуж.-жен. (высокоответ. долж.)	95 657	5,77	0,99	5,81	1,74
27. Госслуж.-мужч. (высокоответ. долж.)	422 260	7,89	0,41	7,05	1,21
Средний общий показатель – женщины		4,52		3,39	
Средний общий показатель – мужчины		4,41		4,89	

Источник: Комиссия по социально-экономическим проблемам (СОЕП), данные 7-го репрезентативного опроса населения (1990), подсчеты авторов.

* Из-за незначительного общего количества группа предпринимательниц с числом подчиненных работников свыше 9 из дальнейших подсчетов исключена.

Далее производится сравнение усредненных показателей перекодированных и графически изображенных в виде шкалы переменных «образование» и «трудовой доход» согласно профессиональному положению и полу (подкрепляется диаграммами №1 и №2). Вопрос о влиянии пола на перечисленные переменные и в какой степени, а также, какие различия нужно установить при этом в отдельных сферах профессиональной занятости обсуждается здесь, прежде всего, лишь описательно.

На диаграмме (рис. 1), показывающей среднее значение *уровня законченности образования* в зависимости от пола и профессионального положения (согласно *таблице 1*), становится ясным, что значение женщин среди (обученных и квалифицированных) рабочих-мужчин и рабочих-женщин (№3-6), среди служащих (с простыми обязанностями, квалифицированных и высококвалифицированных) (№14-19) и среди государственных служащих-мужчин и женщин, занимающих высокоответственные должности (№26, 27), почти равно значению для мужчин. Среди необученных рабочих-мужчин и рабочих-женщин (№1, 2), фермеров-мужчин и фермеров-женщин (№7, 8), а также среди мелких предпринимателей и предпринимательниц (№11, 12) число женщин незначительно, среди же мужчин и женщин свободной профессии (№9, 10) женщины находятся отчетливо ниже значений, соответствующих мужчинам. Самая большая разница в пользу женщин отмечена у женщин-руководителей (№20, 21), но значения для госслужащих-женщин, занимающих средние должности (№22) и ответственные должности (№24) выше, чем у сопоставимых групп мужчин (№23, 25).

По среднему значению *чистого трудового дохода* (диаграмма 2) наибольшая разница в значении дохода существует между мужчинами и женщинами (№9, 10) свободной профессии (женщины отчетливо находятся ниже мужчин), за которыми следуют (не)обученные, а также (самостоятельно обучившихся) рабочих-мужчин и рабочих-женщин (№1-6), мелкие предприниматели и предпринимательницы (№11, 12), а также квалифицированные служащие и служащие с высокой квалификацией (№16-19). Несколько благоприятна ситуация у фермеров-женщин (№7) и служащих с простыми обязанностями (№14). Относительно самое низкое положение по доходу следует отметить у служащих с обязанностями руководителя (№20, 21), за которыми следуют госслужащие-мужчины и женщины, занимающие средние должности (№22, 23). Однако по трудовому доходу во всех профессиональных положениях женщины располагаются ниже мужчин (ситуация противоположная образованию). Сравнение средних значений переменных «образование» и «трудовой доход» на основе стандартных отклонений уже указывает на то, что на их выражение влияет переменная «пол».

Дисперсионный анализ

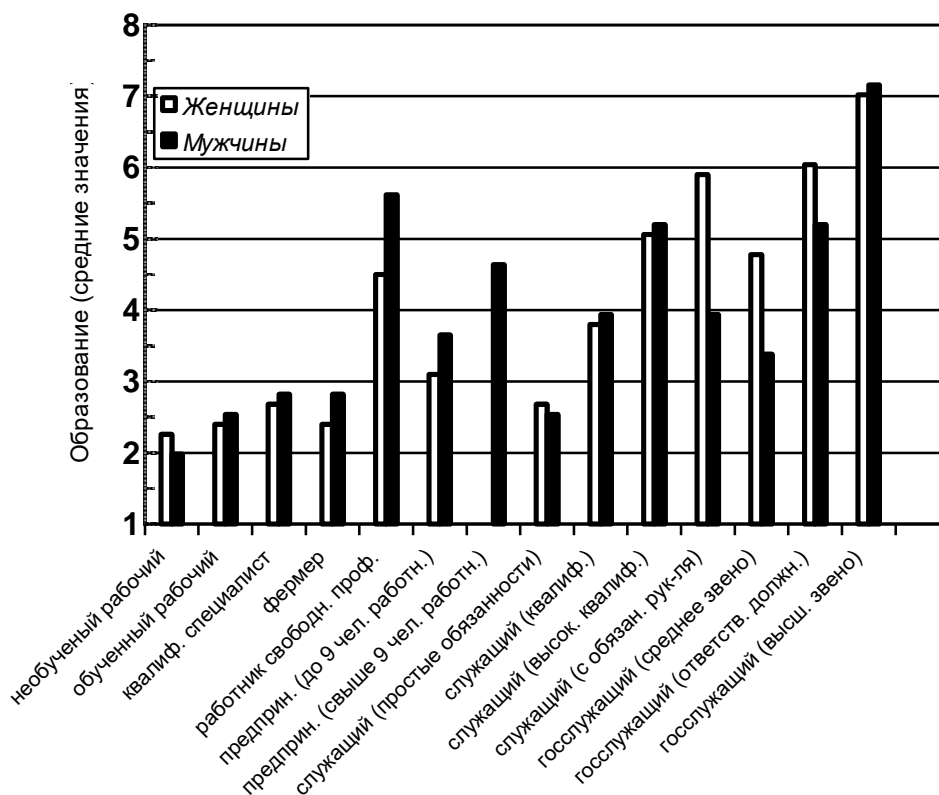
Чтобы осмыслить статистически такое влияние, был проведен однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA), при котором пол функционирует как двухмерный фактор. Этим проверяется предположение, подтверждающее прямое влияние пола на образование и доход на фоне тонкодифференцированных профессиональных положений, и если оно

подтверждается, то выясняется, как это влияние следует оценить статистически. Такой дисперсионный анализ проводится исходя из средних значений для 27 (13 женских и 14 мужских) тонкокодифференцированных профессиональных положений. Выбранный уровень значимости - 95% ($p=0,05\%$), значение F согласно таблице составляет 4,6 [47, S.180].

Дисперсионный анализ по значению образования дал следующий результат: среднегрупповое значение у женщин находится в области 4,52, лишь немногим выше у мужчин (2,60). Значения мужчин (4,41), в то время

Диаграмма 1.

Образование в распределении по классам и полу
(сравнение средних значений)

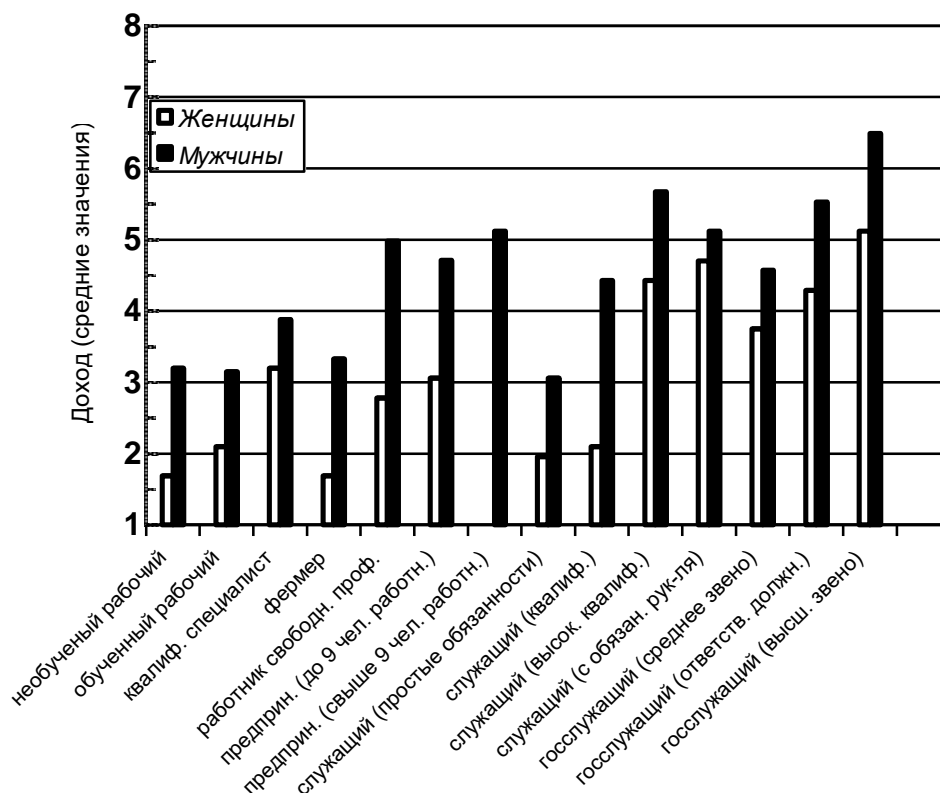
как дисперсия у женщин 3,29 явно превышает эту цифру.

Шкалирование уровней образования:

1	незаконченное образование	5	неполн. средняя школа с проф. обучением
2	общая школа (6-9 кл.) без проф. обучения	6	средняя школа
3	общая школа (6-9 кл.) с проф. обучением	7	спец. высшее учебное заведение
4	неполн. средняя школа без проф. обучения	8	высшее учебное заведение

Диаграмма 2.

Чистый доход в распределении по классам и полу
(сравнение средних значений)

Шкалирование доходов (в нем. марках):

1	до 999	5	2500 – 2999
2	1000 – 1499	6	3000 – 3999
3	1500 – 1999	7	4000 – 4999
4	2000 – 2499	8	5000 – 20000

Частное из межпучковой и внутрипучковой дисперсии, а также эмпирическое значение F находится на уровне 0,030, однозначно ниже теоретического значения F (4,6), таким образом, речь идет о случайных дисперсиях, не имеющих статистической значимости при дисперсии средних значений законченности образования между мужчинами и женщинами. Воздействие пола на образование также однозначно не подтверждается. Такой результат указывает на тенденцию, что (работающие) женщины, «переступая» свой собственный класс, обнаруживают подобные, если не более высокие значения законченности образования, чем мужчины. Частично они однозначно находятся выше, например, значений служащих-мужчин с обязанностями руководителя (№20, 21) или госслужащих-женщин (№22, 23) и госслужащих-мужчин (№.24, 25), занимающих средние и ответственные должности, но частично ниже значений работниц и фермеров (№7, 8), а так же женщин и мужчин свободной профессии (№9, 10).

Также становится очевидным, что дисперсия в профессиональных положениях для обоих полов не только не одинакова, а максимально различается, как в среднем, так и по профессиональному положению. При этом различаются они по-разному. Отрыв от общего среднего значения по полу варьируется, особенно, у женщин и мужчин, работающих по договору

(№ 9, 10), служащих-мужчин с обязанностями руководителя (№20, 21) или госслужащих-женщин (№22, 23) и госслужащих-мужчин (№24, 25), занимающих средние и ответственные должности, и также у фермеров (№7, 8). Эти значения говорят о полоспецифической дисперсии «класса» относительно образования, поскольку они обнаруживают другой разброс у женщин, чем у мужчин. Женщины, таким образом, образуют различающуюся структуру.

При переменной *чистый трудовой доход* среднее значений женской группы находится на уровне 3,39, что явно ниже значения мужчин (4,9), в то время как дисперсия обеих полов относительно низка (у женщин — 1,77; у мужчин — 1,41) и приблизительно одинакова. Эмпирическое значение F основывается на очень высоком значении межгрупповой дисперсии (15,14) и относительно низком значении F (4,6), таким образом, при сравнении доходов речь идет о высокой значимости дисперсии между полами (которая подтверждается высоким уровнем значимости — 99%). Также с учетом дисперсии по признаку пола различия по доходам обнаруживается гораздо сильнее, чем по признаку образования. В данном случае отрыв от общего среднего значения по полу варьируется во всех профессиональных должностях, и значения для женщин находятся во всех случаях ниже значений для мужчин; структура отклонения также отличается, это значит, что значения рассеяния у женщин иные, чем у мужчин.

Этот результат отражает неоднократно подтвержденную дискриминацию женщин по доходам во всех классах в зависимости от профессионального положения. Хотя в среднем недельное рабочее время почти во всех женских профессиональных группах по собственным подсчетам СОЕП (не включая Восточную Германию) составляет 7,7 часов в неделю, что незначительно отличается от недельного времени у сравниваемых мужских групп, это значение можно расценивать как подтвержденное. И наконец Дикманн, Энгельхардт и Гартманн [23] на основе данных микропереписи доказали существование дискриминации женщин, осуществляемой посредством распределения разницы доходов по признаку пола и национальности, несмотря на то, что данные по различиям в образовании, профессиональном опыте, рабочем времени (разница здесь также составляет 7,7 часов в неделю) и отношении к труду были урегулированы (схожая тенденция отмечена Himmelreicher) [34].

Теперь эти результаты, которые указывают на полоспецифическую структуру капитала (в смысле расширенного понятия капитала Бурдые), также указывают на отличную структуру «класса» (в смысле рассеянии и дисперсии) и должны быть отражены графически. Рисунок 3 показывает пространство занятости по профессиональному положению и полу на основе средних значений. Хотя социальное пространство у Бурдые [19, S.212 и далее] трехмерно (по вертикали, по горизонтали, во времени) и виды капитала, определяющие позиционирование, понимаются более сложно (культурный капитал содержит наряду с названиями законченность образования, знания, культурную компетенцию, вкусы и манеры как его инкорпорированные формы, экономический капитал, наряду с трудовыми доходами также включает владение средствами производства, доходы от капитала, землевладение и недвижимости), график соответствует, в принципе, расстановке по Бурдые. Горизонтальная ось отображает *структуру капитала*, т.е. при данной совокупности капитала соответствующее соотношение культурного капитала (здесь образования) и экономического капитала (здесь трудового дохода). Позиции в левой половине оси координат (сектор 2 и 3) указывают на относительно больший культурный, чем экономический капитал. Те же позиции в правой половине

(сектор 1 и 4) наоборот, указывают на относительно больший экономический, чем культурный капитал. Вертикальная ось напротив отображает *объем капитала*, т.е. общее количество культурного и экономического капитала. Позиции в верхней половине (сектор 1 и 2) указывают на относительно большой, соответственно в нижней области (сектор 3 и 4) на относительно меньший объем капитала. Пучки, которые интерпретируются здесь как «теоретические классы», обнаруживаются в пространстве благодаря близкой соотнесенности (при наименьшем числе трех профессиональных положений были идентифицированы три мужских и два женских пучка), в то время как удаленные, находящиеся далеко друг от друга позиции, позволяют говорить о социальных дистанциях и отношениях неравенства.

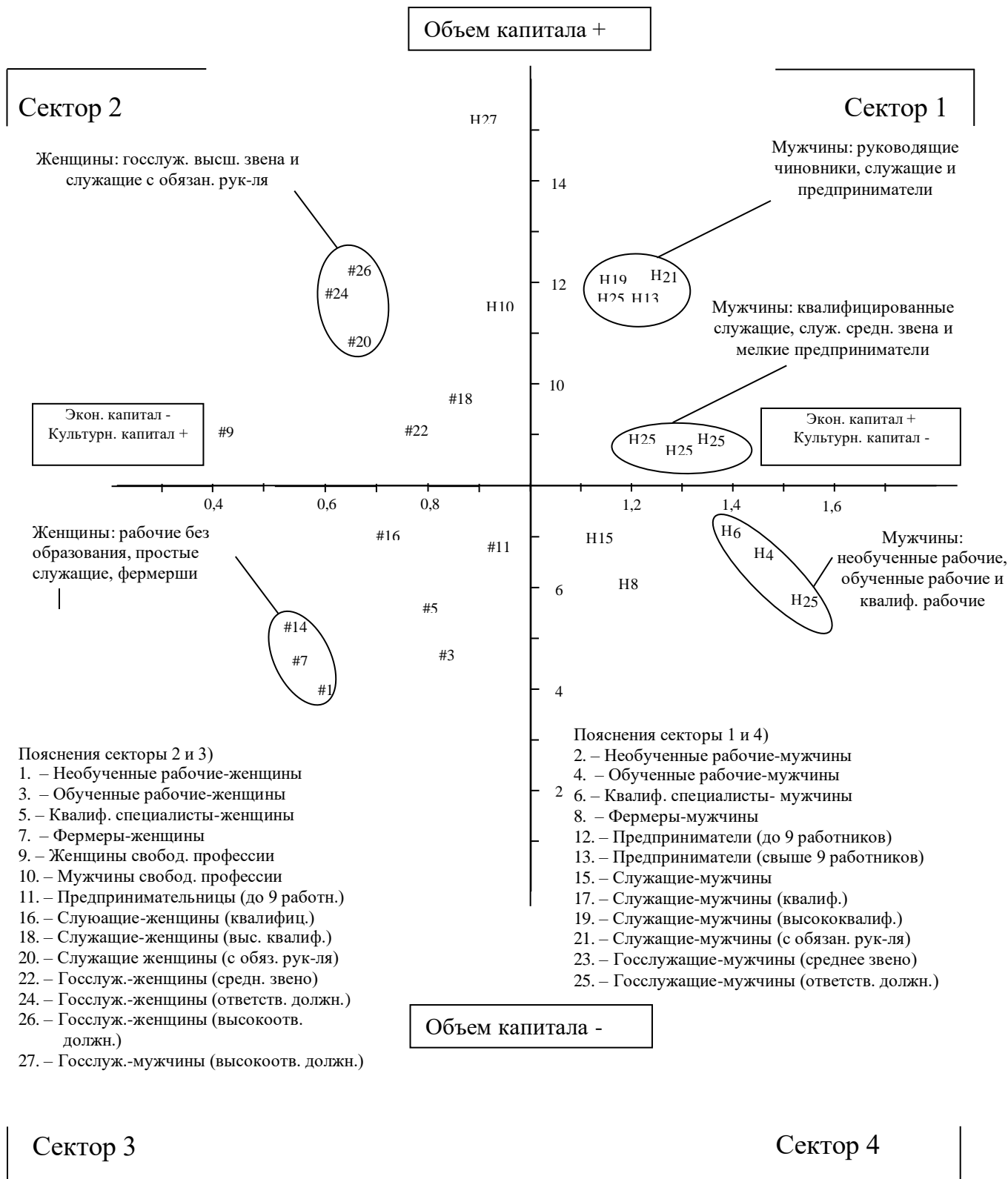
С помощью графического упорядочения профессиональных положений по полу в пространстве занятости можно вычленить два структурных проявления.

Прежде всего, обнаруживается отчетливое разделение по половой принадлежности: женщины всех профессиональных групп находятся в обоих левых секторах. Таким образом, они тяготеют к культурному полюсу. В то же время мужчины находятся почти во всех профессиональных положениях в обоих правых секторах, таким образом, тяготея к экономическому полюсу. Исключение составляют госслужащие-мужчины, занимающие ответственные должности и мужчины свободных профессий; это обосновывается тем, что в данном случае, как правило, мужчины обеих групп имеют более чем одно высшее образование, что смещает их позицию относительно культурного полюса. Вторая структура в расположении женщин, которая бросается в глаза, это специфика занимаемых должностей. Видно, что женщины почти везде располагают меньшим объемом общего капитала, но у них почти равный или даже превышающий культурный капитал по сравнению с мужскими группами, что говорит о тенденции смещения их позиции к культурному полюсу и одновременно к низу (небольшой объем капитала). Исключения из этого правила составляют женщины-служащие среднего и высшего звена, которые даже обладают незначительно большим общим капиталом (расположены выше), но, с другой стороны, обладают относительно большим культурным, чем экономическим капиталом (расположены слева от сравниваемых мужских групп). В то же время госслужащие-женщины и госслужащие-мужчины, занимающие ответственные должности, опять ведут себя также как и другие группы; более низкая зарплата госслужащих-женщин, занимающих ответственные должности (у сопоставимой группы, получающей оклад), имеет место, как уже упоминалось выше, в основном за счет сокращенного рабочего времени женщин.

Диаграмма. 3.

Место занятости по профессиональному положению и полу

(# - женщины /Н - мужчины)

В-третьих, оказалось, что позиционирование женщин по профессиональному положению ведет к различным групповым образованиям в сравнении с мужчинами. Особенно широк разброс значений у женщин среднего звена госслужащих и в должности госслужащей с обязанностями руководителя, в то время как позиции мужчин здесь единичны (это представители свободной профессии и госслужащие верхнего звена) или они образуют пучок по сравнению с гомогенным средним классом. Обе группы в верхних областях пространства — мужчины и женщины — располагаются по горизонтали на приблизительно одинаковой высоте, а расстояние по вертикали меньше, чем в нижних позициях (что указывает на приблизительно одинаковый объем капитала при различной структуре капитала). Здесь, в нижних позициях, проявляются относительно самые большие расстояния между полами в классах (профессиональные положения), что дает возможность предполагать классовую структуру по половой принадлежности.

Эта расстановка в представленных здесь результатах сравнения средних значений и дисперсионного анализа указывает на систематическое неравенство между полами с учетом наличия и использования «капитала», что также доказывается статистически.

То, что пол оказывает влияние на социальную структуру, а также на классы и образование классов, может быть подкреплено количественными анализами с помощью переменных «законченность образования» и «чистый трудовой доход». Поэтому *полоспецифическая классовая гипотеза* может считаться подтвержденной.

Какое влияние теперь оказывает структурная категория класс на категорию пола и конкретные отношения между полами, должно быть в последующем подтверждено применением противоположного методического способа. Изменение методов производится по прагматическим причинам. В то время как *полоспецифическая классовая гипотеза* в рамках настоящей статьи была первично представлена в отношении объективно-реляционных структур и перепроверена с помощью качественных методов, *классовоспецифическая половая гипотеза* должна быть проверена в обратном направлении: здесь представлены анализы, направленные на смысловые и значимые структуры субъекта, и базирующиеся на них интерпретации. Эти интерпретации проверяются при помощи качественных методов [10].

Супружеская пара рабочих. Она — рабочая склада, без специального образования, 38 лет, закончила народную школу. Происхождение — из рабочей среды, утратившей классовые традиции; живет со своим взрослым сыном от первого брака и мужем, заведующим складом. Он — 28 лет, неполное среднее образование (несмотря на специальное образование в области оптовой продажи и экспорта, долгое время имел статус рабочего). Происхождение — из традиционной рабочей среды; вместе в третьем браке. Они живут в 2-х комнатной кооперативной квартире площадью 68 кв.м. в центре квартала, где традиционно проживают рабочие. Чистый семейный доход составляет 4100 марок, имеют малолитражный автомобиль.

Реконструкции случаев на основе биографических интервью

В качественно-эмпирической части исследования приводятся результаты реконструкции интервью женщин из семейных пар. Поэтому здесь представлены только женщины, чтобы при анализе акцентировать внимание на классовой дифференциации в одной родовой группе (при этом здесь отсутствует место для 8 случаев, соответственно 4 супружеские пары).

Реконструкция интервью имела целью раскодировать базовые модели габитуса в области латентных структур сознания, которые в качестве личной точки зрения по отношению к объективной позиции имплицитно субъективные представления, ориентировки и предпочтения ценностной модели. В качестве тематической точки отсчета были выбраны по соображениям сравнимости представления о «хорошей жизни».

Для лучшего понимания и в качестве дополнительной информации представим кратко опрошенные пары сначала по их социальному происхождению и по их нынешнему жизненному укладу (на момент проведения интервью).

Супружеская пара служащих. Она — заведующая почтового отделения одной крупной страховой компании, 44 года, образование — народная школа, как и у ее спутника жизни. Происхождение — из традиционной мелкобуржуазной среды; квалифицированная домработница, два взрослых сына от первого брака, после двух разводов живет только со спутником жизни. Он программист, 42 года, аттестат о среднем образовании, изучал общественные науки, но не имеет сертификата, в настоящее время член Совета предприятия этой же страховой компании. Живут вместе в ее 4-х комнатной арендуемой квартире (80 кв.м), в смешанном квартале с незначительным преобладанием мелкой буржуазии; квартира мужа практически не используется. Их совокупный семейный чистый доход составляет 6000 марок, имеют на каждого 1-2 личных страховых полиса. Автомобиля не имеют.

Супружеская пара учителей. Учительница, 37 лет и учитель, 40 лет, состоят в браке. Оба имеют среднее образование и законченное специальное; она из консервативных привилегированных кругов, как учительница реального училища по специальности «эстетическое воспитание» и «английский язык», находилась в отпуске несколько лет по уходу за общими детьми (3, 6 и 10 лет). Он выходец из класса традиционной мелкой буржуазии, учитель гимназии по математике и географии. Семья живет в просторном доме (6 комнат, 135 кв.м.) с большим садом, который они приобрели несколько лет назад (по большей части за счет наследства жены). Чистый семейный доход на уровне 5350 марок состоит из заработной платы мужа и ежемесячных процентов ценных бумаг жены; кроме этого, у них есть микроавтобус и старая модель автомобиля среднего класса.

Супружеская пара менеджеров. Она руководитель администрации частного образовательного учреждения, 47 лет, замужем за коммерческим директором средней компьютерной фирмы, 43 года; оба имеют среднее образование (у нее первое образование, у него второе) и высшее образование (у него даже два). Она родом из католической среды рурских горнопромышленников, он выходец из среды традиционной мелкой буржуазии. В выходные дни они приезжают вместе в собственную квартиру площадью 180 кв. м.; в будние дни он живет в ней один, а она в меблированной квартире, которая находится в 100 км от ее места работы. Детей они решили не заводить. Их чистый месячный семейный доход составляет 22500 марок; кроме вложений денег у них есть машина престижного класса и машина среднего класса.

Базовые модели форм габитуса в представлениях о «хорошей жизни»

У женщины-работчицы в отношении места работы преобладает выраженный «голод на смысл» [42], стремление к содержательной интересной работе, которая бы требовала от нее умственного труда. Этот голод не может быть удовлетворен в настоящей деятельности (работа упаковщицей на фарфоровой фабрике). На основании формальной

отсутствующей квалификации не имеет перспективы на другую, более удовлетворяющую ее работу. Поэтому она направляет свои желания в «бегство» из данной системы занятости: то представляет себя в роли бабушки, ухаживающей за внуком, или, что более актуально, строит планы о самостоятельном создании небольшого магазина по продаже компакт-дисков. То, что эта мечта относительно нереалистична по финансовым причинам, ее не огорчает. Поскольку она повторяет в точности типичный образец неквалифицированного рабочего/рабочей, то чем более разнообразны и нереалистичны мечты, тем меньше ее реальные шансы на их осуществление в данной действительности (в противоположность своему мужу, который работает квалифицированным заведующим складом и располагает реальными расчетами относительно альтернатив в своей системе занятости и относительно повседневной жизни). Этот образец обнаруживается вновь в плоскости стиля жизни, когда в нормальном состоянии простой и экономной повседневной жизни происходят какие-то случайные экстравагантно-странные, поступки. Например, дорогостоящие «всплески», будь то покупка медицинского водяного бассейна, содержание огромного тропического паука (вместе с кошками) в качестве домашнего животного, или «шикарный» выход один раз в год в какой-нибудь ресторан.

Не менее важны для рабочей ежедневные заботы и уход за сыном и мужем. Она всегда руководствовалась принципом «все для ребенка» и придает большое значение физическому благополучию. В ее понимании оно заключается в хорошем регулярном горячем питании с приправами (она гордится тем, что у нее всю неделю ужин подается ровно в 15 минут шестого) и в достаточном сне. В соблюдении правил (регулярность питания, исключение алкоголя в виде водки, чистота, опрятная одежда и т.д.), поддерживающих ежедневную жизнь и гарантирующих упорядоченное поведение, она не лишена определенной строгости. Такие правила должны защитить от опасностей социального кризиса (таких как безработица, наркотики и т.д.) и, по возможности, противостоять скрытой (обусловленной происхождением) внутренней нестабильности. Так ежедневный уклад жизни с его девизом «практично-недорого-ярко» отображает латентно трудную социальную ситуацию.

К характеристикам «хорошей жизни», по мнению женщины-рабочей, непременно относятся стабильные социальные отношения. Это проявляется как в ее основополагающих повседневных отношениях, так и на производстве: только тогда, когда социальный климат благоприятен, она может быть «результативной»; только тогда, когда есть поддержка группы, она способна преодолеть конфликт. Отношения образуют для нее эмоциональную основу под ногами, без которой она вряд ли могла бы действовать. Она не может просто «отмахнуться» от противоречий, дисгармонии, конфликтов, они настолько на нее действуют, что она «твердеет» и прямо физически вынуждена улаживать проблемы во взаимоотношениях. Она, по-видимому, прежде ощущает себя частью целого, частью отношений, нежели независимо действующим субъектом.

Для *служащей* большое значение имеют благополучие души и духовно-эмоциональный обмен. В своем сегодняшнем спутнике она, наконец, нашла партнера (после двух разводов), с которым имеет полное понимание во всех отношениях. Согласие «головы и живота», которому она придает такое большое значение, подразумевает обмен всем, чем возможно: начиная с личных ощущений и заканчивая политикой. Так совместное приготовление и прием пищи являются средой взаимного обмена мыслями и чувствами и удобной возможностью для «погружения друг в друга». Она никогда не

готовит по рецепту, а всегда в соответствии с «настроением» и «в удовольствие» (благодаря столовой в их страховой компании) и только по субботам и воскресеньям. Служащая наслаждается возможностью поесть вне дома, что она делает со своим спутником, причем относительно часто, но необязательно регулярно. Больше всего любят рыбу, и, прежде всего, чеснок (как ингредиент средиземноморской кухни), любят выпить много красного вина.

Служащая пережила поворотный момент в своей жизни через политизирование и самоопределение (как женщины тоже). Хотя она уже давно боролась против ограничений среды происхождения; но лишь теперь после того, как она узнала, что такое «жизнь для других» (забота о своих двоих взрослых сыновьях и их отце), ей удалось сосредоточиться на своих потребностях. Поэтому круг ее представлений о самораскрытии и самореализации включает также дистанцирование от ненужного принуждения, стеснения и чувств обязанности. Она хочет использовать свою жизнь так, чтобы все, что она делает — как, например, ее политическое участие в деятельности женской группы, — «было в удовольствие». Удовольствие и потребность стали ее легитимными категориями, обосновывающими ее жизнедеятельность. Но именно ее нынешний профессиональный статус в качестве руководителя почтового отделения крупной страховой компании, в которой она работает эффективно и которой она гордится, не является принципиальным препятствием в ее представлении о самореализации. Поэтому служащая решила сократить рабочий день наполовину, чтобы иметь возможность более плодотворно заняться своими разносторонними внепрофессиональными интересами (например, спортивная гимнастика, политика, личные отношения). Процесс своего самоопределения у нее, по-видимому, еще не закончен; она располагает не просто автономией, но должна бороться против внутренних ограничений, чувства вины и обязательств.

Свое идеальное представление о «хорошей жизни» она сформировала в виде отдыха на фоне южной жизни: неотягощенность и невзыскательность являются для нее в основном жизненно важными нормами поведения. Чтобы к этому приблизиться, она нацелила свой жизненный план на то, чтобы после ухода на пенсию поселиться (со своим спутником жизни) где-нибудь на Средиземном море.

Учительнице (которая находится в отпуске по уходу за своими тремя маленькими детьми) нет необходимости бороться за свою автономию, так как она пользуется ею на основе выраженного социального самосознания. Унаследовав относительно большой культурный и экономический капитал, она получила в родительском доме (она происходит из семьи медиков в третьем поколении) диспозицию, позволяющей ей смотреть на социальный мир сверху. Она пользуется суверенной моделью поведения, которая дает ей возможность наступательно и без страха вмешиваться в конфликты. Ее понимание автономии и равноправия полов сложилось в некоторой мере в противоидентификации своим родителям. Пережитая ими ранее традиционная модель, в соответствии с которой в отношениях между полами женщина занимает обслуживающее положение, а мужчина главенствующее, она ни за что не хочет перенести в свою собственную семейную жизнь. Поэтому учительница очень сознательно заинтересована и по возможности задумывается о (повседневнопрактическом, переживаемом) равноправии полов.

В общем, то, что она делает и к чему стремится, не выходит за рамки культуры и различий. Она живет с мужем и детьми в

привилегированном буржуазном квартале, обстановка в ее собственном доме имеет свой стиль (есть несколько предметов, полученных в наследство, настоящие ковры и т.д.), она считает скульптуру высококультурным увлечением и относит (латентно) к «низшей» работе домашние дела, а также собственные поделки мужа, его работу по ремонту. Ежедневное приготовление горячей пищи для детей и мужа, например, для нее скорее обременительная обязанность, не то, что она всегда бы делала с желанием и из-за заботы (как ранее упомянутая женщина-рабочая), хотя объективно она этим самым проявляет заботу о благополучии семьи. Социальные отношения (как, например, отношения к «кругу друзей») поддерживаются в основном из-за детей, по прагматическим и утилитарным причинам. То есть у учительницы проявляется в целом модель отношений, которую определяет безучастие: все объектнонаправленные отношения скорее дистанцированы, деловито-холодны, отстранены. Со своим мужем она ведет жизнь «аскетического аристократизма», разделяет установку, конституированную посредством бережливости в материальных вещах и удовлетворенности, основанной на внутренних ценностях. Необходимость экономии (только при имеющемся доходе) в ежедневном стиле жизни не выливается в критический с точки зрения потребления и ценный с точки зрения экологии образ поведения. Значительно больше средств в культурном, нежели в материальном плане (прежде всего все, что касается еды, напитков и одежды) тратится на детей (уроки игры на фортепьяно, на флейте, занятия балетом). При эстетическом образе жизни (который близок учительнице) средств почти никогда не хватает в такой степени, чтобы удовлетворить эстетические запросы. Польза извлекается из того, что есть, даже зачастую за счет суррогатов (например, литографий или репродукций вместо настоящих картин).

Существенным условием для ее удовлетворения является то, что учительница склонна воспринимать все легко и непринужденно. Она избегает ситуаций, связанных с усилием или борьбой (она не привыкла бороться). Это проявляется в различных предпочтениях ее образа жизни: она с удовольствием играет в волейбол (это вид спорта, в котором нет контакта с противником или физического контакта), предпочитает ходить в кабаре, а не в театр или на концерт, если хочет поесть (хотя редко), предпочитает бистро, а не рестораны. Эта модель, которой она следует, можно охарактеризовать как выбор «приятного», это возбуждает, но не волнует; это развлекает, но не утомляет и не требует жертв. Скульптура как творческая самореализация приближает ее к представлению о «хорошей жизни», особенно тогда, когда ей удавалось бы соединить свое хобби с профессиональной деятельностью (в форме художественно-ремесленной педагогической деятельности).

Наконец, *женщина-менеджер*. Она следует четко выраженной трудовой ориентации в соответствии с мужской моделью карьеры, в которой ее поведение определяется стремлением к успеху и непрерывностью в профессии. Корни этой ориентации происходят из устойчивой идентификации со своим отцом (он был штейгером и горным инженером), воспитания мачехой, женщиной образованной и умудренной жизнью, а также условиями жизни: в школе ей пришлось пережить сильный стыд и нерешительность (она была единственной в классе, у которой отец был человеком «ремесленной» профессии), которые она смогла преодолеть превосходящими успехами в латыни. По окончании учебы она всегда работала, даже часто меняя место работы. Не содержать саму себя, а быть на содержании, кажется ей паразитированием. Большую часть своей личной

жизни она пожертвовала профессиональной работе: она сознательно не стала заводить детей, работает фактически в 100 км. от места жительства и видит своего мужа только по выходным. В отличие от него (трудоголика), в своей жизни она страдает от этой односторонности, которую она преодолевает, только сдерживая свои подспудные желания и мечты. Скрытое кипение под внешней оболочкой строгости вырывается изредка наружу или оно проявляется во вспышках гнева по поводу недостаточного участия ее мужа в домашней работе. Женщина–менеджер ведет жизнь практического индивидуализма (который не имеет ничего общего с индивидуализмом романтической, стремящейся к внутренней жизни и самоопределению новой мелкой буржуазии, к которой принадлежит служащая). Потребность в «обмене» в случае с ее мужем для нее совершенно чужда. Все важные дела: ее учеба, карьера, сегодняшняя профессиональная и личная жизнь — все это, в основном, направлено на нее одну, и при этом она действительно успешно справляется со всеми проблемами. Одиночество в течение рабочей недели выбрано ею самой. Весьма важным для нее все же является общность, которая сформировалась в результате совместного проживания с другой парой менеджеров, с которыми они подружились. Эта пара проживает в загородном доме недалеко от города; это, по-видимому, имеет для нее характер предохранения от одиночества и потери связей.

Представление женщины–менеджера о «хорошей жизни» исходят из основного опыта дефицита и страдания в ее сегодняшнем укладе жизни. Она страдает не только от пренебрежения к домашней работе ее мужем, но она желала бы большего уважения со стороны своего супруга к ее личным достижениям и нагрузке, а также большего равенства, которое она хочет испытать в жизни. Она страдает, прежде всего, от недостатка общительности и оторванности от общества. От обоих факторов она хотела бы больше: будь-то более частые выходы с друзьями, или больше праздников или больше совместных посещений концертов или театра (чтобы максимально использовать широкий выбор культурных мероприятий в месте ее проживания, она уже организовала абонемент на концерт мастеров, который обязывает ее и ее мужа посещать концерты). И, наконец, женщина–менеджер переживает кризис смысла, с которым связаны ее размышления об их преодолении. Она намерена, не откладывая на дальнейшее, сократить свое рабочее время, чтобы внести больше согласия в свою жизнь и уделить время для другой деятельности, например, участвовать в каком-нибудь социально–культурном проекте. Конечно, она не могла бы себе представить, чтобы полностью отказаться от работы, с одной стороны, из-за личного достоинства (в ее представлении жить на деньги мужа — быть любовницей-содержанкой), с другой стороны, чтобы суметь придерживаться своего образа жизни, который характеризуется роскошью.

При сравнении четырех случаев обнаруживается, что различия габитусов вряд ли могут быть сильнее. Об общности позволяют говорить такие модели как «голод на смысл» и «все для ребенка и физического благополучия» у женщины-рабочей против «все для душевного благополучия», «обмен и самоопределение» у женщин-служащих, против «аскетического аристократизма» и «эстетизма» у учительницы, против «стремления к успеху», «чрезмерного реализма и неудовлетворенного желания» у женщины-менеджера.

В сравнении с этим жены и мужа гораздо теснее привязаны друг к другу относительно спутников жизни, чем женщины между собой (соответственно мужчины между собой). Многое говорит о том, что

супружеские пары нашли друг друга на основе родства габитусов, это значит на основе схоже сформировавшихся признаков их габитуса и его безошибочной программы узнавания себя в другом на базе «родства душ». Опрошенные супружеские пары не только поразительно социально однородны, но также объединены общностью предпочтений ценностной модели, ориентировок и выражением вкуса. Супружеская пара рабочих разделяет эгалитарные ценности, полностью и всецело обобществлена, и ориентируется на земные потребности. Супружескую пару служащих связывают ценность свободы, высокая степень самоотносительности и «забота об удовольствии». Учительская пара в вопросах вкуса, в данном случае, а также в вопросе «аскетического аристократизма» настолько единодушна, что учитель даже говорит о «стыкующемся механизме». А супружескую пару менеджеров связывает практический индивидуализм с социальной программой (обусловленной происхождением), выраженной ориентацией на успех и стилем жизни, характеризующимся стремлением к роскоши (даже когда его реализация редко удается).

Эти результаты реконструкции случаев говорят о том, что классовоспецифическую половую гипотезу можно считать доказанной.

Заключительная дискуссия и итоговые выводы

Какие же теоретико-стратегические выводы следует сделать в настоящий момент из этих результатов, приведших нас в процессе проведения различных методических опытов к осознанию того, что обе генеральные гипотезы имеют право на общеприемлемость и общепризнанность, — этот вопрос, в конечном счете, предстоит решить в процессе дискуссий. Смысл классовоспецифической гендерной гипотезы заключался в том, чтобы привлечь общее внимание к системной структуре потерь, и привилегий, возникающих в зависимости от принадлежности к определенному классу, которую обычно тенденциозно опускают в процессе проведения феминистского и гендерного исследования. С появлением дефиниции «классовый пол» четко должна быть обозначена и социальная дифференциация половых групп, которая по сравнению с другими дифференциациями — дифференциации по жизненному укладу или жизненной стадии, этнической принадлежности или сексуальной ориентации долгое время рассматривалась как второстепенная. Одновременно с этим напрашивается вывод: должна быть четко обозначена именно половая специфика класса, вместо того, чтобы рассматривать класс вне зависимости от пола.

Учитывая абсолютно диспаратные представления о «хорошей жизни», на уровне габитуса следовало бы показать (пусть даже и выборочно) объем несоответствий, неодинакового опыта и ведущие ориентировки и преимущества. Эти «субъективированные» классовые различия позволяют как политически, так и теоретически распрощаться с представлениями о каком-то абстрактном субъекте, называемом «женщина» («мужчина»), который рождается в результате абстракции при выяснении дифференциаций и неравенств внутри половой группы. Поскольку эмпирически проявилась доминирующая классового габитуса над чертами полового габитуса (как структуры *гендера*), я предлагаю в качестве теоретического вывода говорить далее о «полоспецифическом классовом габитусе». В соответствии с этим габитус каждого класса (классовой фракции) неизменно подразделяется на женский и мужской (включая ориентации, представления, практическую деятельность), что выражает как классовую дифференциацию по признаку пола, так и одновременно половую дифференциацию внутри класса. С учетом заявленных во

вступлении к нашей работе подходов в отношении классовоспецифической половой гипотезы напрашиваются следующие выводы: понятие «пол как социальная структурная категория» следует расширить до рамок структурной категории класса. «Двойное обобществление» женщин институтами семьи и рынка рабочей силы следовало бы расширить до рамок классовой специфики этих процессов обобществления [16]. В понимании контекстуализированного подхода класс следовало бы рассматривать как контекст к полу.

А то, что наоборот класс нуждается в контекстуализации и пол дает классу этот контекст, — это проявилось на уровне объективных социальных структур, в нашем случае на основе результатов, полученных с помощью количественных методов. Поэтому здесь также возникает необходимость дифференциации. Мало смысла в том, чтобы рассматривать обобщенный субъект «класс» без учета его полоспецифического переосмысления и без того, чтобы определить для него теоретико-стратегически надлежащее место. Должно быть не только показано, *что* пол является существенным, как для классовых структур, так и для социально неравно распределенных ресурсов, но так же и *каким образом* и в каком отношении это происходит. Многие говорят за то, что школьное и любое образование, рассматриваемое с исторической точки зрения, и являвшееся в свое время решающей переменной величиной неравноправия, и именно по классу и полу, больше не представляет для женщин существенного препятствия. Скорее наоборот, — как показала Хельга Крюгер, — система образования, представляющая собой сеть институтов, призванных препятствовать карьере, играет на руку женщинам своим специфическим «риском потери ресурсов» [39]. К тому же сегодня для такого существенного момента как заключение договора о приеме на работу стали чрезвычайно важными [22] скорее применение и реализация «культурного капитала», нежели наличие документа об образовании. Особенно это касается конвертирования образовательного капитала в экономический капитал, происходящего в процессе перемещения в профессиональных сферах, а также и отношения обоих ресурсов друг к другу. В срезе классового различия женщины располагают относительно большим культурным капиталом, чем экономическим, мужчины же наоборот — относительно большим экономическим, чем культурным. Это указывает, по меньшей мере, на дифференциацию в положении классов, если не на одну из классовых структур по признаку пола, что, собственно, и должно бы быть отражено в «*полоспецифической классовой гипотезе*».

В результате пересечения класса и пола друг с другом рождается комплексное структурное взаимопроникающее единство, существование которого равнозависимо как от воздействия с одной, так и от воздействия с другой стороны. Из всего вышесказанного для феминистского и гендерного исследования важным является осознание того, что любое исследование в данной области с применением аналитического и теоретического постулатов при разработке двойной перспективы и с учетом обеих гипотез должно быть справедливым в отношении к этому взаимопроникающему единству. Это в равной степени касается и исследования социального неравенства, и анализа социальной структуры. Его познавательная результативность не в последнюю очередь зависит от того, что оно (это осознание) признает за половым неравенством социальное неравенство по горизонтали и по вертикали и одновременно, на сей раз действуя более утонченным аналитическим инструментарием, вновь открывает понятие классов и классовых фракций, не собираются исключать из своего познавательного

репертуара господство, конфликт, борьбу и политический фактор социального неравенства [38].

Библиография и примечания:

1. Исследовательский проект «Класс и пол» был осуществлен мной совместно с Маргаретой Штайнрюке (Палата служащих г. Бремена) в Институте исследования социальных возможностей (ISO). Тогдашний директор Института профессор д-р Хансюрген Дахайм во всех отношениях оказывал помощь проекту. Я весьма благодарна за его терпение и многочисленные доброжелательные указания. Подсчеты данных репрезентативного опроса населения (Германия) в рамках проекта проведены, прежде всего, Сузанной Клуге и затем (включая все табличные и графические материалы) были подготовлены Ральфом Химмельрайхером (ИКСФ), Бременский университет.
2. Проводимые ежегодно в Германии с 1984 г. опросы населения Комиссией по социально-экономическим проблемам (с 1990 г. проводятся также в Восточной части Германии) - *Прим. переводчика.*
3. Ср.: Becker-Schmidt (1987, 1993), Becker-Schmidt и Knapp (1995), Knapp (1990), Kreckel (1992), Lenz (1995, 1997), Gottschall (2000).
4. Далее развивается положение Ирен Дёллинг (*Irene Dölling*) «пол как социальная структурная категория» далее. Она настаивает на том, чтобы не воспринимать пол больше как ограниченное состояние социологического исследования, а также не исходит из монолита под названием «пол», а концептуализировать его как модус по отношению к другим модусам конституирования социальной действительности в одном связанном контексте» (*Dölling*, 1999, с. 23).
5. Во избежание неясностей отметим: под полами следует понимать не социальные классы, что имеет место в англоязычной дискуссии о «гендере и классе». Здесь в большей степени все принадлежащие к одному полу и имеющие общепринятые признаки пола, объединяются в один логический класс. (ср.: Frerichs и Steinrück, 1993, с. 193).
6. Без Восточной Германии.
7. Выборка в СОЕП сочетает метод случайной выборки и метод квот (Hanefeld, 1987, с. 141 и далее). Несмотря на то, что выборка, включающая около 9.500 человек (приблизительно в 4 600 домохозяйствах) и 3.173 опрошенных (установленных) пар, относительно большая по объему, из которых 1.175 фактически работали в 7-ом опросе по Зап. Германии, количество случаев для подсчетов с двумя структурными категориями по сравнению с независимыми переменными оказывается зачастую малым. Поэтому результаты давались в том случае, если в выборке, подсчитанной с высокой точностью, количество случаев было достаточно большим. Диспропорциональная выборка требует поэтому высокой точности подсчета; она была точно подсчитана с учетом фактора срезового подсчета, предоставленного Немецким научным обществом (DIW, Германия) на уровне личности. Для контроля все данные были пересчитаны без и с учетом фактора подсчета.
8. Согласно следующей квалификационной структуре и положению на шкале: без окончания школы = 1; окончание народной школы без профессионального образования = 2; окончание народной школы с профессиональным образованием = 3; окончание неполной средней школы с профессиональным образованием = 5; сдача экзаменов в гимназию = 6; окончание высшего технического заведения = 7; окончание высшего учебного заведения = 8.

9. Согласно следующим классам по доходам и положению на шкале (в немецких марках): до 999 = 1; 1000 – 1449 = 2; 1500 – 1999 = 3; 2000 – 2499 = 4; 2500 – 2999 = 5; 3000 – 3999 = 6; 4000 – 4999 = 7; 5000 – 20000 = 8. Составные части дохода не учитываются.
10. В основе представленного исследования были проведены соответствующие дополнительные анализы. В случае реконструкции случаев они были нацелены на качественное доказательство классовопроникающих общностей по полу в плоскости габитуса и в случае классовоспецифической гипотезы пола на количественное доказательство классовых границ и классовых отношений внутри родовых групп на базе подсчитанных данных СОЕП (Фрерихс, 1997, с.130 и далее; с. 213 и далее).
11. *Barlösius, Eva*, 1999: „Das Elend der Welt“. Bourdieus Modell für die „Pluralität der Perspektiven“ und seine Gegenwartsdiagnose über die neoliberale Invasion, *BIOS, Zeitschrift für Biographie-Forschung und Oral History* 12: 3-27.
12. *Beck, Ulrich*, 1983: Jenseits von Stand und Klasse? S.35-73 in: *Reinhard Kreckel* (Hg.): *Soziale Ungleichheiten. Soziale Welt. Sonderband 2.* Göttingen: Verlag Otto Schwarz.
13. *Becker-Schmidt, Regina*, 1987: Die doppelte Vergesellschaftung – die doppelte Unterdrückung. S. 10-27 in: *Lilo Unterkircher* und *Ina Wagner* (Hg.): *Die andere Hälfte der Gesellschaft.* Österreichischer Soziologentag 1985. Wien: ÖGB Verlag.
14. *Becker-Schmidt, Regina*, 1993: Geschlechterdifferenz – Geschlechterverhältnis: Soziale Dimension des Begriffs „Geschlecht“, *Zeitschrift für Frauenforschung* 11: 37-46.
15. *Becker-Schmidt, Regina, und Gudrun-Axeli Knapp* (Hg.), 1995: *Das Geschlechterverhältnis als Gegenstand der Sozialwissenschaften,* Frankfurt a. M./New York: Campus.
16. *Beer, Ursula*, 1990: *Geschlecht, Struktur, Geschichte. Soziale Konstitutionierung des Geschlechterverhältnisses,* Frankfurt a. M./New York: Campus.
17. *Berger, Peter A., und Stefan Hradil* (Hg.), 1990: *Lebenslagen, Lebensläufe, Lebensstile. Soziale Welt. Sonderband 7.* Göttingen: Verlag Otto Scharz & Co.
18. *Blossfeld, Hans-Peter*, 1985: *Bildungsexpansion und Berufschancen. Empirische Analyse zur Lage der Berufsanfänger in der Bundesrepublik.* Frankfurt a. M./New York: Campus.
19. *Bourdieu, Pierre*, 1982: *Die feinen Unterschiede. Kritik der gesellschaftlichen Urteilskraft.* Frankfurt a. M.: Suhrkamp.
20. *Bourdieu, Pierre*, 1983: *Ökonomisches Kapital, kulturelles Kapital, soziales Kapital.* S. 183-198 in: *Reinhard Kreckel* (Hg.): *Soziale Ungleichheiten. Soziale Welt. Sonderband 2.* Göttingen: Verlag Otto Scharz & Co.
21. *Bourdieu, Pierre*, 1985: *Sozialer Raum und „Klassen“.* Leçon sur la leçon. Zwei Vorlesungen. Frankfurt a. M.: Suhrkamp.
22. *Cyba, Eva*, 1993: Überlegungen zur einer Theorie geschlechtsspezifischer Ungleichheiten. S. 33-50 in: *Petra Frerichs* und *Margareta Steinrück* (Hg.): *Soziale Ungleichheit und Geschlechterverhältnisse. Schriftenreihe „Sozialstrukturanalyse“, Bd. 3.* Opladen: Leske + Budrich.
23. *Diekmann, Andreas, Henriette, Engelhardt* und *Peter Hartmann*, 1993: *Einkommensungleichheit in der Bundesrepublik Deutschland:*

- Diskriminierung von Frauen und Ausländern?, *Mitteilungen aus der Arbeitsmarkt- und Berufsforschung* 26: 386-398.
24. *Dölling, Irene*, 1999: „Geschlecht“ – eine analytische Kategorie mit Perspektive in den Sozialwissenschaften?, *Potsdamer Studien zur Frauen- und Geschlechterforschung* 3: 17-26.
  25. *Frerichs, Petra*, 1997: *Klasse und Geschlecht 1: Arbeit. Macht. Anerkennung. Interessen.* Schriftenreihe „Sozialstrukturanalyse“, Bd. 10. Opladen: Leske + Budrich.
  26. *Frerichs, Petra*, und *Margareta Steinrücke*, (Hg.) 1993: *Soziale Ungleichheit und Geschlechterverhältnisse.* Bd. 3. Opladen: Leske + Budrich.
  27. *Frerichs, Petra*, und *Margareta Steinrücke*, (Hg.) 1993: *Frauen im sozialen Raum. Offene Forschungsprobleme bei der Bestimmung ihrer Klassenposition.* S. 191-205 in: *Dies.* (Hg.), *Soziale Ungleichheit und Geschlechterverhältnisse.* Bd. 3. Opladen: Leske + Budrich.
  28. *Geißler, Rainer*, 1996: *Kein Abschied von Klasse und Schicht. Ideologische Gefahren der deutschen Sozialstrukturanalyse,* *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie* 48: 319-338.
  29. *Gottschall, Karin*, 2000: *Soziale Ungleichheit und Geschlecht. Kontinuitäten und Brüche, Sackgassen und Erkenntnispotentiale im deutschen soziologischen Diskurs.* Reihe „Sozialstrukturanalyse“, Bd. 13. Opladen: Leske + Budrich.
  30. *Gümen, Sedef*, 1997: *Durchlässigkeit und Prozeßhaftigkeit sozialer Strukturierungen.* S. 60-62 in: *Petra Frerichs* und *Margareta Steinrücke* (Hg.): *Klasse, Geschlecht, Kultur. Dokumentation eines Workshops anlässlich des 25jährigen Bestehens des Instituts zur Erforschung sozialer Chancen (ISO) am 8. November 1996 in Köln.* Berichte des ISO 54, Köln.
  31. *Hanefeld, Ute*, 1987: *Das sozioökonomische Panel. Grundlagen und Konzeption.* Frankfurt a. M./New York: Campus.
  32. *Heintz, Bettina*, et al., 1997: *Ungleich unter Gleichen. Studien zur geschlechtsspezifischen Segregation des Arbeitsmarktes.* Frankfurt a. M./New York: Campus.
  33. *Heintz, Bettina*, und *Eva Nadai*, 1998: *De-Institutionalisierungprozesse und geschlechtliche Differenzierung,* *Zeitschrift für Soziologie* 27: 75-93.
  34. *Himmelreicher, Ralf K.*, 1995: *Die Einkommenssituation von abhängig Beschäftigten im Lande Bremen zu Beginn der 90er Jahre.* Forschungsbericht der Angestelltenkammer Bremen. Bremen.
  35. *Knapp, Gudrun-Axeli*, 1990: *Zur widersprüchlichen Vergesellschaftung von Frauen,* S. 17-52 in: *Ernst Hoff* (Hg.): *Die doppelte Sozialisation Erwachsener. Zum Verhältnis von beruflichem und privatem Lebensstrang.* Weinheim/München: Juventa.
  36. *Kreckel, Reinhard*, (Hg.), 1983: *Soziale Ungleichheiten. Soziale Welt. Sonderband 2.* Göttingen: Verlag Otto Schwarz & Co.
  37. *Kreckel, Reinhard*, 1992: *Politische Soziologie der sozialen Ungleichheit.* Frankfurt a. M./New York: Campus.
  38. *Kreckel, Reinhard*, 1993: *Doppelte Vergesellschaftung und geschlechtsspezifische Arbeitsmarktstrukturierung.* S. 51-64 in: *Petra Frerichs* und *Margareta Steinrücke* (Hg.): *Soziale Ungleichheit und Geschlechterverhältnisse.* Bd. 3. Opladen: Leske + Budrich.
  39. *Krüger, Helga*, 1995: *Dominanzen im Geschlechterverhältnis: Zur Institutionalisierung von Lebensläufen.* S. 195-219 in: *Regina Becker-Schmidt* und *Gudrun-Axeli Knapp* (Hg.): *Das Geschlechterverhältnis als Gegenstand der Sozialwissenschaften.* Frankfurt a. M./New York: Campus.

40. *Lenz, Ilse*, 1995: Geschlecht, Herrschaft und internationale Ungleichheit. S. 19-46 in: *Regina Becker-Schmidt* und *Gudrun-Axeli Knapp* (Hg.): Das Geschlechterverhältnis als Gegenstand der Sozialwissenschaften. Frankfurt a. M./New York: Campus.
41. *Lenz, Ilse*, 1997: Klassen-Ethnien-Geschlechter? Zur sozialen Ungleichheiten in Zeiten der Globalisierung. S. 63-79 in: *Petra Frerichs* und *Margareta Steinrück*e (Hg.): Klasse, Geschlecht, Kultur. Dokumentation eines Workshops anlässlich des 25jährigen Bestehens des Instituts zur Erforschung sozialer Chancen (ISO) am 8. November 1996 in Köln. Berichte des ISO 54, Köln.
42. *Negt, Oskar*, und *Alexander Kluge*, 1981: Geschichte und Eigensinn. Frankfurt a. M.: Zweitausendeins.
43. *Oevermann, Ulrich*, et al., 1979: Die Methodologie einer „objektiven Hermeneutik“ und ihre allgemeine forschungslogische Bedeutung in den Sozialwissenschaften. S. 352-434 in: *Hans-Georg Soeffner* (Hg.): Interpretative Verfahren in den Sozial- und Textwissenschaften. Stuttgart: Metzler.
44. *Oevermann, Ulrich*, 1981: Fallrekonstruktion und Strukturgeneralisierung als Beitrag der objektiven Hermeneutik soziologisch-strukturtheoretischen Analyse. Unveröffentlichtes Manuskript. Frankfurt a. M.
45. *Oevermann, Ulrich*, 1991: Genetischer Strukturalismus und das sozialwissenschaftliche Problem der Entstehung des Neuen. S. 267-336 in: *Stefan-Müller-Doohm* (Hg.): Jenseits der Utopie. Frankfurt a. M.: Suhrkamp.
46. *Prein, Gerald, Udo Kelle* und *Susann Kluge*, 1993: Strategien zur Integration quantitativer und qualitativer Auswertungsverfahren. Sfb 186 der Universität Bremen. Arbeitspapier 19. Bremen.
47. *Sahner, Heinz*, 1971: Schließende Statistik. Reihe „Statistik für Soziologen“. Bd. 2. Stuttgart: Teubner.
48. *Vester, Michael*, et al., 1993: Soziale Milieus im gesellschaftlichen Strukturwandel. Zwischen Integration und Ausgrenzung. Köln: Bund.

КРИЗИС ПАТРИАРХАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ОБЩЕСТВА

Под патриархальной организацией общества понимается «институционально закрепленная власть мужчин (патриархов) над женщинами и их детьми в семейном союзе», (а также над более молодыми мужчинами) которая распространяется на все сферы жизни «начиная от сфер производства и потребления и заканчивая сферой политики, законодательством и культурой» [8].

Патриархат является основополагающей структурой практически всех современных обществ. Он имеет наиболее устойчивую форму в развивающихся странах с традиционным укладом жизни. В развитых же странах, под давлением социальных движений и структурных изменений в экономической, политической и культурной сферах, данная форма организации социального пространства претерпевает трансформацию, сопровождающуюся кризисом. Индикаторами кризиса патриархальной структуры общества являются: дисфункции социального института семьи (высокий уровень разводов и предпочтения отдельного проживания), антагонизм между сторонниками эгалитарных отношений между полами и традиционных патриархальных, ценностный конфликт между репрессирующим фаллоцентризмом и «вынесенным» за пределы доминирующего культурного пространства маргинализированным «женским миром», кризис гендерной и сексуальной идентичностей как следствие трансформации института гетеросексуальности и т.п. В данной статье мы рассмотрим внешние и внутренние факторы, обуславливающие данные социальные явления.

К внешним факторам можно отнести:

- трансформацию экономической сферы; открытие рынка труда для женщин и возможность получения профессионального образования;
- технологические трансформации в биологии, фармакологии и медицине; контроль над репродуктивностью и, отсюда, возможность планирования семьи и карьеры;
- развитие средств коммуникации; создание единого информационного поля (Интернет), что способствует объединению женщин всех стран и осознанию своего положения;
- глобализация культуры, способствующая развитию мультикультурализма и осложняющая наличие одной доминирующей (фаллоцентрической) культуры.

К внутренним факторам можно отнести:

- развитие женского самосознания; создание альтернативной научной парадигмы, истории, идентичности;
- развитие социальных движений (феминистских, экологических, гомосексуальных меньшинств); давление на патриархальную структуру общества (методы власти, контроля, экономической организации и организации семьи и т. п.).

В классической социологии под социальным кризисом понимается нарушение стабильности социальной системы, что проявляется в ее дезинтеграции, социальном конфликте между ее элементами (ролями) и разрыве социальных связей. В рассматриваемом нами кризисе патриархальной структуры общества, подразумевается конфликт между половыми ролями и разрыв прежних социальных связей в обществе.

По мнению одного из выдающихся патриархов науки Талкотта Парсонса, семья подвергается «напряжениям и распаду» из-за «рассеивания

ее членов как географически, так и по шкале стратификации современной профессиональной иерархии». Первое означает возможность женщин свободно путешествовать, получать образование и делать карьеру вдали от дома, как раньше это делали мужчины. Последнее означает отсутствие четкого разграничения половых ролей, которое служило «механизмом предотвращения разрушительного для семейной солидарности "обидного сравнения" мужа с женой» и предотвращало от вступления в конкуренцию друг другом. Женщина была занята дома или в тех профессиональных сферах, «в которых она не может вступить в прямую конкуренцию за статус с мужчинами своего класса» [3, С.368–369]. Таким образом, по мнению Парсонса, отсутствие мобильности женщин и четкое разделение половых ролей способствовало поддержанию семейной солидарности и стабильности социальной системы в целом.

Отсюда понятно обвинение известного американского религиозного патриарха Пэта Робертсона в разрушении социальной системы общества, выдвинутое против феминисток. По его мнению, «план феминисток не связан с равными правами для женщин. Это социалистическое, антисемейное политическое движение, которое поощряет женщин бросать своих мужей, убивать своих детей, практиковать черную магию, разрушать капитализм и становиться лесбиянками». По мнению самих феминисток, данное движение действительно связано не только с равными правами для женщин. Оно направлено на полную трансформацию социальной структуры общества, где у женщин будет возможность получать поддержку от государства во время ухода за детьми, покидать своего партнера/супруга в случае физического, сексуального, эмоционального насилия над ней, контролировать свои репродуктивные способности, включая право на аборт и использовать контрацептивные средства, конструировать свою идентичность и быть вовлеченной в принятие решений государственной важности.

Используя слова самого Парсонса, «в не интегрированных секторах, где институциональные роли не дают возможности действовать в соответствии с ожиданиями, или где институализированные ожидания препятствуют удовлетворению потребностей — предрасположенностей, или где предохранительные механизмы не обеспечивают снятия напряжений, — именно там следует искать наиболее важный источник изменения и развития» [3, С.453]. Таким образом, кризис патриархальной структуры общества невозможно рассматривать вне контекста социальных изменений в обществе. У представителей феминистского движения существует несколько проектов по преобразованию общества, которые имеет смысл рассматривать в контексте социальной феминистской теории.

Социальная феминистская теория, которая активно развивается во второй половине XX века, внесла большой вклад в критическое [7] изучение социальной структуры, социального порядка и асимметрии в распределении власти, используя гендерный подход. Данная теория тесно связана с таким социальным движением как феминизм, главным объектом реконструкции которого является патриархальное устройство общества.

Социальная феминистская критика направлена не только на «социально-экономическую несправедливость», проявляющуюся в политико-экономической структуре общества, что является главным объектом критики Франкфуртской школы (Фромм, Маркузе, Хабермас). Критика направлена также на несправедливость «культурного типа», которая проявляется в том, что в символическо-культурной сфере *женское* обесценивается, тривиализируется, стигматизируется и вытесняется на маргинальные позиции [4, С.27]. В зависимости от критики того или иного

аспекта патриархального общества, предлагаются различные проекты общества.

Можно выделить несколько основных направлений в развитии феминистской мысли: феминизм либеральный, социалистический (марксистский), культурный, эссенциалистский (спиритуалистический, экофеминизм), идентический (женских специфических идентичностей: этнических, национальных, самосконструированных), лесбийский и практический (см. таблицу 1). Рассмотрим наиболее организованные и распространенные формы феминистского движения.

Таблица 1.

Аналитическая типология направлений феминистского движения [8, С.195].

Тип	Идентичность	Противопоставления	Цель	
Либеральный, социалистический (Женские права)	Женщина как равноправный человек	Патриархальное государство и/или патриархальный капитализм	Равные права	(включая репродуктивные права)
Культуральный феминизм	Женское сообщество (commune)	Патриархальные институты и ценности	Культуральная автономия	
Сущностный феминизм (Спиритуализм, экофеминизм)	Женский способ существования	Мужской способ существования	Матриархальная свобода	
Лесбийский феминизм	Сексуальная/культуральная сестринская община	Патриархальная гетеросексуальность	Отмена категории «гендер» через сепаратизм	
Женские специфические идентичности (этническая, национальная, самоопределяемая)	Самосконструированная идентичность	Культурное доминирование	Дегендерализированный мультикультурализм	турализм
Практический феминизм (работницы, защитницы общин, материнства и т.п.)	Эксплуатируемые/униженные женщины/домохозяйки	Патриархальный капитализм	Выживание	достоинство

Либеральный и *социалистический* (марксистский) феминизм имеют наибольшую политическую окраску, отстаивая политические, экономические и репродуктивные права женщин. Либеральное направление (Уолстонкрафт, Милль) фокусируются на государственных механизмах поддержания патриархата и его реформировании, тогда как социалистическое (Митчел), — на капиталистической форме экономики и ее полной трансформации.

Культурный феминизм (Фрейджер) «базируется на попытке построить посреди патриархального общества альтернативные женские институты, пространства свободы, чьи институты и ценности рассматриваются как

противоположные патриархальным» [8, p.196]. К патриархальным ценностям он относит: милитаризм, доминирование, насилие, соперничество и другие. Целью построения своего культурного автономного пространства культурный феминизм объявляет поиск женской идентичности, путей и практик женских ценностей (отсутствие конкурентности, ненасилие, кооперация, поддержка, защита и «мультимерность» человеческого опыта), «ведущих к новой женской идентичности и женской культуре, которая могла бы побудить к культурной трансформации общества в целом» [8, p.196].

Эссенциалистское направление феминизма (Ортнер, Дэйл) предлагает реконструирование женской идентичности на базе биологических и культурных особенностей женщин, которая репрессируется и в корне отличается от идентичности налагаемой на женщину в патриархальном мире. В отличие от либерального и социалистического направления, эссенциалистское направление подчеркивает разницу между полами и провозглашает биологическое, моральное и культурное превосходство женской формы существования. По мнению некоторых представителей данного направления, такие явления как социальная иерархия, расизм, милитаризм, насилие и разрушение экологического фонда являются признаками патриархальной организации общества, реорганизация которого во многом поможет в разрешении данных проблем.

Лесбийское направление (Рич, Виттиг) является наиболее радикальным внутри феминистского направления и объектом реконструкции выбирает «принудительную гетеросексуальность» [11, p.631] как политический институт, позволяющий контролировать женщин внутри и вне семьи. Представители данного направления проводят исторический анализ различных форм и видов мужской власти над женщинами в разных культурах, включая «отрицание женской сексуальности», «сексуальное насилие», «эксплуатацию и контроль репродуктивных способностей», «физический контроль тела женщины» (через паранджу, пояс невинности, бинтование ступней, удаление клитора и т.п.), «использование (женщин) как объектов в мужских транзакциях», «сексуальное рабство», «стигматизацию одиноких, незамужних женщин» и другие [11, pp.638-640]. Представители данного направления главной задачей видят реконструкцию института гетеросексуальности как «преступного» и «деструктивного» по отношению к женщинам и обретение женщинами автономии [11, p.634].

Все направления феминизма так или иначе касаются реконструкции гендерных взаимоотношений, которые пронизывают все сферы социальной жизни, выявляя их асимметрию и предлагают взамен эгалитарную модель. Политически, данное движение является продолжением движения за права человека. На личностном уровне, феминистское движение представляет собой поиск женской идентичности, не как заданной извне, а как обретенной самой женщиной.

Важным в развитии феминистской критической теории является «вскрытие умолчаний», способность артикуляции потребностей маргинализированных социальных групп, анализ символической структуры политического и культурного сообщества, а также его социоэкономической структуры [9, p.382]. Феминистская критическая теория во многом перекликается с социально-критической направленностью франкфуртской школы. Современное направление во многом переплетается с постструктуралистской ветвью дискурсивного анализа Фуко и Лакана.

Критическая феминистская мысль, идеи которой легли в основу феминистского движения, способствует изменению положения личности по отношению к социальной реальности. Попытка реконструкции начинается с

сопротивления личности принять нормы и правила, выдвигаемые социальной средой, которые вступают в конфликт с ее индивидуальными ценностями. Данные ценности во многом глубоко связаны с совокупностью духовных, психических и физиологических составляющих личности. В ходе социальной адаптации с вектором активности, направленным на социальную среду, совершаются преобразовательные действия по отношению к устойчивым институционализированным формам жизнедеятельности человека.

Желание личности быть вовлеченной в процесс создания общественного устройства мотивировано активной позицией по отношению к социальной реальности, связанной с защитой своих интересов и удовлетворением потребностей. Однако пассивная адаптация большей части населения к социальным нормам и требованиям социальной среды может представлять интерес для тех, кто имеет непосредственное отношение к их созданию — правящей элиты. Удержание от *рычагов управления* женщин, является одной из существенных характеристик патриархального устройства общества. Удержание от *социального знания* патриархальной элитой часто было связано с тем, что знание может также означать контроль, власть, привилегию и доминирование. Именно в связке «власть/знание/сексуальность» и кроется причина внимания к Фуко многочисленных исследователей. Стоящие у истоков создания институтов общества субъекты склонны конструировать их так, чтобы они удовлетворяли именно их интересы. Отсюда понятна природа женского движения как желание «перетряхнуть» устои патриархального мира, где институты созданы, прежде всего, с учетом интересов мужчин.

Феминистское движение не случайно было связано с доступом к получению образования и политическим правам. «Люди, которые много знают, склонны к восстаниям», потому что они знают, что у истоков той или иной социальной несправедливости стоят люди, а не объективные природные законы [10, р.56]. «Инакомыслие, восстания, протест, политическая борьба» могут рассматриваться как стремление к «пересмотру основополагающих норм социального взаимодействия и к институализации альтернативного социального порядка» [5, С.86-88]. Эйзенштадт, исследуя эволюционный и революционный пути общественного развития, приходит к выводу, что «в большинстве обществ темы протеста оказались тесно связанными с символами личной идентичности, обращенными к физическим признакам, телесной автономии и спонтанности телесных проявлений: свобода половых отношений и поз, свобода выражения эмоций и свобода от ограничений, основанных на различиях пола и возраста».

Бергер и Лукман подробно описывают причины возникновения потребности в реконструкции социальной реальности и как она возможна. По мнению авторов, субъективная потребность в изменении социальной среды может возникать у всякого, чья социализация не явилась «успешной», то есть между объективной и субъективной реальностями не был достигнут «высокий уровень симметричности» [1, С.266]. Нужно отметить, что данная асимметрия увеличивается с развитием самоосознания женщин, своих собственных интересов, потребностей и идентичности. Однако, в единичных случаях, данная асимметрия «не вызывает кумулятивных структурных последствий, поскольку она лишена социального базиса, в рамках которого она могла бы выкристаллизироваться в контр-мир с собственным набором контр-идентичностей» [1, С.267]. Социальные изменения на базе новых «контр-дефиниций реальности» возможны, когда агенты данных контр-дефиниций объединяются в группы, проявляют способность сконструировать альтернативную идентичность и организовать процессы

социализации, тем самым, обретая «власть над производством реальности» [1, С.195]. Согласно Бергеру и Лукману, развитие и распространение феминистского движения является обязательным условием реконструирования социальной реальности.

В концепции «структурной социологии» Э. Тириакияна совместное влияние внешних и внутренних факторов является обязательным для социетального изменения. Под данным изменением он понимал тотальную трансформацию институциональных структур, что предполагает качественное изменение (скачок) в функционировании общей нормативной модели организации и носит радикальный (революционный характер). Тотальная трансформация происходит вследствие реакции на напряжения внутри институциональной структуры. Важнейшим этапом социетального изменения является момент кризиса — критическая точка, когда масштабность структурных изменений становится очевидной для большинства наблюдателей, но исход предполагаемого скачка еще не ясен. Данное описание хорошо характеризует кризис патриархальной структуры общества. Однако, несмотря на предложенные феминистами проекты, трудно с уверенностью предсказать все последствия, вызванные трансформацией патриархальной структуры общества. Первые феминистки, ставящие целью получение равных политических и экономических прав в прошлом веке, наверное могли предположить современную масштабность социальных изменений, связанных с их «скромными», по мнению сегодняшних феминисток, требованиями.

По мнению Тириакияна, социальные движения могут быть достаточными факторами для свершения революции (в нашем случае, самой долгой и тихой революцией). Но наиболее важным фактором является «контекст» (структура), который сам по себе может не иметь никакой связи с направленностью движения. Это говорит о том, что успех социального изменения не всегда однозначно зависит от усилий участников того или иного социального движения. Таким образом, как мы уже выше отметили, достижения женского движения зависели не только от активности феминистов, но также и от структурных изменений, происходящих в обществе. Увеличение доли сферы услуг над сферой тяжелой промышленности в экономике изменило рынок труда, что открыло женщине путь к трудовой занятости и экономической независимости. Технологическая трансформация в медицине позволила открыть средства по контролю рождаемости. Это, в свою очередь, позволило женщине делать выбор в планировании семьи и карьеры. Другим важным структурным изменением, повлиявшим на статус женщины, явилась демилитаризация стран в связи с разрушением биполярной картины мира в период окончания холодной войны, так как во время военных конфликтов женщины исключаются из стратегически важных позиций. Таким образом, обнаруживается связь между однонаправленными усилиями ряда индивидов и структурными изменениями, что в комплексе ведет к социетальным изменениям.

В постмодернистских теориях проблема кризиса, как она видится в классической социологии (как разрыв между социальными объектами и социальной структурой), снимается. В постмодернистском проекте общество изначально представляется децентрированным и не иерархичным. Деконструкция и социальный хаос приобретают иной статус. Хаос представляется уже не как потеря некоторого гармоничного состояния общества, а состояние множественности. Примером тому может быть мультикультурное общество как присутствие множества культур, а не «репрессивное» доминирование одной из них — мужской над женской. В

постмодернистском феминизме проблематика пола практически снимается за счет выноса репрессивной женской половины на поверхность и ее «реабилитации».

Так или иначе, патриархальная структура общества претерпевает трансформацию. Данные изменения наиболее заметны в развитых западных странах, где феминистами являются как женщины, так и мужчины. Совершенно естественно, что данные изменения встречают бурное сопротивление, в развивающихся странах с традиционным укладом жизни, особенно со стороны мужчин. Однако кризис патриархальной структуры общества может быть проблемой не только для тех, кому было удобно и комфортно в верхних нишах патриархальной иерархии. Это может быть проблемой и для тех, для кого свобода и выбор слишком большая ноша, а рабская психология въелась слишком глубоко. Значит, Отто Вейнингер был в чем-то прав, написав, что «величайший и единственный враг эмансипации женщины — это сама женщина» [2, С.113].

Библиография и примечания:

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.
2. Вейнингер О. Пол и характер. Ростов-на-Дону, 1998.
3. Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2000.
4. Ушакин С. Политическая теория феминизма // Вопросы философии. 2000. №11.
5. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ: сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999.
6. Anselmi, D., Law, A. *Questions of Gender: Perspectives and Paradoxes*. Boston: McGraw Hill. 1998.
7. Критике подвергается «андроцентрический подход» в науке (Anselmi, 49).
8. Castells, M. *The Information Age: Economy, Society and Culture. The Power of Identity*. Massachusetts: Blackwell, 1997.
9. Fraser, N. Structuralism or Pragmatics? In *The Second Wave: Feminist Theoretical Writings*. Ed. by L. Nicholson. New York: Routledge, 1997.
10. Maslow, A. *Toward a Psychology of Being*. New York: Van Nostrand Reinhol Company Inc., 1968.
11. Rich, A. Compulsory Heterosexuality and Lesbian Existence. In *Journal of Women in Culture and Society*, 1980. Vol. 5, #4.
12. Деррида предлагает метод «деконструкции» как высвобождение вытесняемой и репрессированной стороны бинарных оппозиций (верх/низ, наука/природа, разум/чувство, мужское/женское и т.д.).

СТЕРЕОТИПЫ ГЕНДЕРНОГО ПОВЕДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ И КИТАЙСКОЙ МОЛОДЕЖНОЙ СУБКУЛЬТУРАХ: ПОПЫТКА СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

Стереотипы гендерного поведения — это один из видов социальных стереотипов, основанных на принятых в обществе представлениях о маскулинном и феминном и их иерархии. Это многозначное понятие включает в себя, по крайней мере, 3 аспекта: 1) половой символизм, т.е. образы маскулинности и феминности в культуре, идеологии и массовом сознании; 2) социально-структурную стратификацию, дифференциацию мужских и женских ролей, деятельности и статусов в обществе; 3) не соответствующие нормативным представлениям и ожиданиям индивидуальные поведенческие различия [8, С.4].

Гендерные стереотипы закрепляются и воспроизводятся через институты семьи, школы, религии, политики, средств массовой информации и рынка труда.

Изучение стереотипов гендерного поведения и их проявлений в различных культурах имеет большую теоретическую значимость, так как позволяет зафиксировать действие некоторых детерминант, обуславливающих «конструирование» гендера, понимаемого как «социально закрепленные отношения полов» или «способ существования пола в обществе».

По мнению Н.Дж. Смелзера, существование множества отклонений от общепринятых стереотипов гендерного поведения свидетельствует о том, что сексуальные роли в обществе сложились скорее на основе культурных и социальных особенностей, а не естественного порядка вещей [7, С.110].

В каждом обществе имеют место определенные представления о том, каким должно быть поведение, занятия, одежда мужчин и женщин, то есть каждая культура руководствуется по отношению к мужчинам и женщинам определенными стереотипами. На идеальный образ мужчины и женщины в культуре влияют этнопсихология, менталитет, национальные традиции, религия, исторический опыт этноса, степень цивилизованности общества.

По Ю.М. Лотману, поведение человека «принадлежит к таким семиотическим системам, которые воспринимаются непосредственными носителями языка как «естественные», относящиеся к Природе, а не к культуре», поэтому «знаковый и условный характер их очевиден лишь для внешнего наблюдателя» [4, С.248]. В связи с этим определенный интерес представляет проведенный в феврале 2001 года сравнительный анализ анкет 55 русских и 27 китайских студентов 17–21 лет, обучающихся в Дальневосточном Государственном Техническом Университете. Сопоставление ответов русских и китайских студентов на вопросы, касающиеся гендерной идентичности, позволяет выявить некоторые различия в гендерных стереотипах русских и китайцев.

Выбор объекта исследования связан с первоначальным предположением автора о возможной устойчивости патриархальных гендерных стереотипов в русской и китайской культурах, так как, несмотря на процесс модернизации, охвативший в настоящее время Россию и Китай, роль традиции в данных культурах по-прежнему велика. В научной литературе понятие «традиция» трактуется неоднозначно. Автор данной работы придерживается точки зрения Э.С. Маркаряна, понимающего под традицией «выраженный в социально организованных стереотипах групповой опыт, который путем пространственной трансмиссии

аккумулируется и воспроизводится в различных человеческих коллективах» [5, С.80].

Анкеты русских студентов, при анализе, были поделены на 2 группы, приблизительно равные по численности и половой принадлежности группе китайских студентов. Таким образом, сравнивались анкеты трех групп: две группы русских студентов (в первой — 10 девушек и 17 юношей, во второй — 10 девушек и 18 юношей) и одна группа китайских студентов (10 девушек, 17 юношей).

Одним из экспериментальных методов выявления гендерных стереотипов является метод свободных ассоциаций, который заключается в том, что испытуемым предлагают при предъявлении определённого слова (стимула) отвечать первым пришедшим в голову словом. «Получаемое в результате проведения такого эксперимента ассоциативное поле того или иного слова - это не только фрагмент вербальной памяти человека, но и фрагмент образа мира того или иного этноса, отраженного в сознании «среднего» носителя той или иной культуры, и, следовательно, его культурных стереотипов» [3, С.22].

Участникам анкетирования было предложено записать свои ассоциации на такие смысловые конструкторы как «мужественность» и «женственность». Изучение ассоциативного поля анketируемых показало, что большинство китайских и русских респондентов включают в понятие «мужественность» следующие качества: «сила» («сильный») — 72% ответов русских и 58% ответов китайских юношей, 30% ответов русских и 50% ответов китайских девушек; «смелость» («храбрость», «отвага» и т.п.) — 48% русских и 11,6% китайских юношей, 20% русских и 50% китайских девушек. Однако русские реже, чем китайцы, называли такие качества мужчины как «трудолюбие» (1 упоминание и 5 упоминаний соответственно), «ум», «талант», «хорошие способности» (4 упоминания у китайцев; 2 и 3 упоминания в первой и во второй русских группах). Русские юноши и девушки придавали большее значение внешним характеристикам мужчины и женщины. Слова «красота», «хорошая фигура» и т.п. по отношению к мужчине встречаются в 9% ответов русских юношей, подобные мужские качества отсутствуют в китайских мужских анкетах.

По отношению к женщине слова «красота», «красивая», «привлекательность», «стройная», «элегантная» используются в 70% анкет русских и 23,2% китайских юношей, а также в 80% ответов русских и 20% ответов китайских девушек.

Наиболее распространенными оценочными характеристиками понятия «женственность» у китайских респондентов были - «добрая» (назвали 70% девушек и 11,6% юношей), «ласковая» (30% девушек и 34,8% юношей), «нежная» (20% девушек и 17% юношей). У русских слово «доброта» встречается в 15% ответов у девушек и 15% ответов юношей. У русских респондентов понятие «женственность» в большей степени ассоциировалось со «слабостью», «беззащитностью», «мягкостью», «хрупкостью». Эти слова используются в 24% мужских и 10% женских анкет двух русских групп (в китайской группе только 1 упоминание). Видимо, неслучайно 9% русских юношей включают в понятие «мужественность» «способность защитить себя и семью» и «способность обеспечить семью материально».

Другим методом выявления гендерных стереотипов является анализ системы жизненных ценностей носителей этнических традиций. Как выяснилось в результате анкетирования, и русские, и китайские респонденты придают большое значение семейным ценностям. Семью считают наиболее важной для себя жизненной ценностью 52% и 49%

юношей и девушек из первой и второй групп соответственно. В китайской группе это мнение разделяют 55,5% респондентов обоего пола.

Следует отметить, что и для русских, и для китайских девушек семья является более приоритетной жизненной ценностью по сравнению с юношами. Одна китайская девушка, считая на данный момент для себя наиболее важную любимую работу, готова, выйдя замуж, посвятить себя семье. Многие русские респондентки так и не смогли решить, что для них является наиболее приоритетным - профессиональная деятельность или семейные обязанности, поэтому поставили на первое место в списке жизненных ценностей и семью, и карьеру. Две русские девушки считают построение своей карьеры более важным (первое место), чем семью (второе и пятое места).

Русские девушки больше, чем китайские, озабочены проблемой сохранения своей независимости. Это слово встречается в 90% женских ответов в обеих русских группах и в 52,2% и 66% мужских ответов в первой и во второй группах соответственно. В китайских анкетах слово «независимость» не употребляется.

И китайские, и русские студенты придают большое значение своему материальному положению. Однако, китайцы чаще, чем русские, использовали в своих анкетах слово «деньги» (оно встречается в 50% женских и 58% мужских ответов). У русских слово «деньги» использовали 1 девушка и 5 юношей, один из которых поставил «деньги» на первое место в списке жизненных ценностей. Русские чаще употребляли вместо слова «деньги» «материальное благополучие». Так, материальное благополучие считают для себя очень важным 70% девушек и более 75% юношей из первой группы и 100% девушек и 55% юношей из второй группы.

Большинство русских (6 юношей, 8 девушек из первой группы и 10 юношей 9 девушек из второй группы) и китайских студентов (9 юношей и 7 девушек) считают, что и муж, и жена должны зарабатывать деньги. Неожиданным оказался ответ 4 китайских студентов (3 юношей и 1 девушки), по мнению которых, в семье деньги должна зарабатывать жена. Две китайские и две русские (первая группа) девушки предпочитают, чтобы деньги в семье зарабатывал муж. К этому мнению присоединяются 5 китайских и 11 русских (7 из первой группы и 4 из второй группы) студентов. Четверо русских юношей, полагая, что муж должен в большей степени, чем жена, зарабатывать деньги, приводят такие соотношения заработков мужа и жены: 65% к 45%, 70% к 30% и даже 90% к 10%. Вероятно, поэтому для описания женской работы ими используются такие характеристики, как «смешная работа», «помощь», «работа на полдня» и т.п. Тем не менее, 2 китайских юноши и 10 русских (5 из первой группы и 5 из второй группы) считают, что женщина должна работать для улучшения экономического положения семьи, 1 (первая группа) — для своей материальной независимости. В то время как равное количество русских девушек и юношей в двух группах (по 11 юношей и 2 девушки), также как и 24 китайских студента (14 юношей и 10 девушек) полагают, что женщина должна работать для самоутверждения, реализации своих способностей, общения и просто «времяпровождения».

По мнению 5 юношей из первой и 5 юношей из второй русских групп и 1 девушки (первая группа), женщина должна заниматься только семьей и детьми, 18 студентов из первой группы (9 девушек и 9 юношей) и 20 из второй (9 девушек и 11 юношей) полагают, что женщина должна совмещать домашние обязанности и профессиональную деятельность, 1 студент считает, что женщина должна заниматься, прежде всего, профессиональной деятельностью. Одна девушка (вторая группа) хотела бы в будущем «иногда

работать в своё удовольствие, а иногда заниматься семьей». Это мнение разделяют и двое юношей (первая группа), считающие, что «женщина должна заниматься тем, чем хочет». Из 26 китайских студентов, ответивших на этот вопрос большинство (15 юношей и 8 девушек) высказываются за совмещение женщиной профессиональной деятельности и домашних обязанностей, 2 девушки отдают предпочтение профессии, и лишь один юноша отводит женщине роль домохозяйки.

В вопросе распределения домашних обязанностей китайские респонденты оказались единодушны: 10 девушек и 17 юношей согласны на равное участие в воспитании детей и выполнении домашней работы. За подобное равенство высказались все русские девушки и 30 русских юношей (14 из первой группы и 16 из второй группы). Трое русских юношей (2 из первой группы и 1 из второй группы) рассматривают воспитание детей и выполнение домашней работы как женскую обязанность. По мнению двух русских юношей из первой и второй группы 2/3 домашних обязанностей, включая уход за детьми, должна выполнять женщина, 1/3 — мужчина.

Несмотря на широкое распространение в молодежных СМИ идей «новой гендерной революции», взгляды китайской и русской молодежи остаются преимущественно традиционными. 90% китайских девушек высказались за официальные отношения с партнером. По их мнению, именно такая форма брака подразумевает серьезные, длительные и искренние отношения. По словам одной респондентки, в этом случае «и у мужа, и у жены есть ответственность». Мнения китайских юношей по данному вопросу фактически разделились поровну: 40,6% предпочитают официальные отношения, а 46,4% - гражданский брак. сторонники гражданского брака объясняют свой выбор необходимостью учиться, а также тем, что «это свободные отношения» и «так можно лучше понять друг друга».

Из всех ответивших на этот вопрос русских респондентов 50% девушек и 31,2% юношей отдают предпочтение гражданскому браку. Однако, многие из них (около 1/2) рассматривают гражданский брак как первую ступень семейно-брачных отношений, которые в будущем могут перерасти и в официальный брак. По мнению двух девушек — сторонниц гражданского брака, официальное оформление супружеских отношений особенно необходимо при появлении детей. 45% русских девушек и 68,6% русских юношей желают, чтобы их супружеские отношения были официальными, из них 3 девушки и 2 юноши хотели бы еще и венчаться в церкви. Только за церковный брак высказались 1 девушка и 2 юноши. Таким образом, по результатам анкетирования русские девушки оказались менее консервативными, чем китайские, в своих взглядах на форму брака.

Более 30% русских юношей и девушек и 14,8% китайских юношей полагают, что не существует разделения профессий по половому признаку, что все профессии универсальны. 15,2% русских респондентов также разделяют эту точку зрения, однако оговаривают, что все же женщины не должны выполнять работу, связанную с применением физической силы. Остальные анкетированные полагают, что можно выделить особые «женские» и «мужские» профессии. Диапазон профессий, приписываемых мужчинам, оказался значительно шире так называемых «женских» — строитель, шахтер, шофер, грузчик, военный, милиционер, моряк, инженер, врач, бизнесмен, «директор» («руководитель») и даже президент. И китайские, и русские юноши считают профессии преподавателя, учителя, воспитателя, продавца, швеи, парикмахера, официантки «женскими». Однако, список «женских» профессий у русских юношей более разнообразный. Так, например, некоторые русские юноши считают, что женщина может работать

бухгалтером, аудитором, дизайнером, модельером, предпринимателем и даже «директором».

В китайских анкетах в качестве «женской» профессии чаще всего назывались медсестра (54,4% мужских и женских ответов), преподаватель и учитель (18,5% всех ответов). Тем не менее, китайские девушки приписывают женщине большее разнообразие профессий по сравнению с юношами, например, журналист (2 упоминания), экономист (1 упоминание), инженер (1 упоминание).

На вопрос, является ли для вас образцом семейная жизнь ваших родителей, положительно ответили 66,6% всех китайских респондентов, 14,8% и 28% русских юношей и девушек из первой и второй групп соответственно. Часть русских студентов (22,2% — первая группы и 28% — вторая группа) хотела бы позаимствовать положительный семейный опыт родителей и избежать их ошибок. Остальные собираются строить свою семейную жизнь, не опираясь на опыт родителей. Следует отметить, что, и русские, и китайские девушки в меньшей степени, чем юноши, хотели бы копировать семейную жизнь своих родителей.

Как показывает анализ анкет, ответы русских студентов двух групп практически не различаются. Это позволяет, по мнению автора, несмотря на ограниченное количество участников анкетирования, сделать некоторые первоначальные выводы:

1. Русские юноши и девушки придают большое значение внешним характеристикам мужчины и женщины, тогда как китайцы обоего пола считают самыми важными мужскими качествами ум и трудолюбие, а женскими — доброту и ласковый нежный характер.
2. У русских респондентов понятие «женственность» в большей степени, чем у китайцев, ассоциируется со «слабостью», «беззащитностью», «мягкостью», «хрупкостью».
3. И для русских, и для китайских девушек семья является более приоритетной как жизненная ценность по сравнению с юношами, тем не менее, русские девушки придают большее значение своей независимости и построению карьеры.
4. И русские, и китайские девушки в меньшей степени, чем юноши, хотели бы копировать семейную жизнь своих родителей.
5. В целом китайские юноши и девушки оказались по результатам анкетирования более консервативными по сравнению с русскими респондентами.

Одной из причин большей традиционности взглядов китайской молодежи, вероятно, является сильное влияние на них конфуцианских идей. Культ предков и семьи был распространен в Китае и до Конфуция. Однако именно Конфуций разработал и превратил в один из центральных пунктов конфуцианства учение о сыновней почтительности — «сяо», согласно которому дети должны всю жизнь заботиться о своих родителях и любить их при любых обстоятельствах. Нормы «сяо» воспитывали у китайцев уважительное отношение к старшим и родителям, так как, по Конфуцию, беспрекословное повиновение младших старшим, детей — родителям считалось важной основой социального порядка. «Под влиянием конфуцианства сложились и окрепли характерные для Китая формы социально-семейной структуры, политико-административной системы, а также определенная система ценностей и устойчивые стереотипы поведения», которые сохраняются, иногда в трансформированном виде, и в современном китайском обществе [2; С.3]. Неслучайно, одна из китайских студенток считает для себя самой важной жизненной ценностью веру.

Тем не менее, анализ анкет не только выявил некоторые различия в гендерных стереотипах русской и китайской молодежи — большую консервативность китайцев по сравнению с русскими, но и показал определенное сходство между ними — приоритет семейных ценностей, довольно сильное влияние на взгляды молодого поколения принятых в обществе культурных традиций, ориентацию молодежи на опыт старшего поколения. Видимо, в «конфликте отцов и детей» «детей» обвиняют в отказе от традиций «отцов»... чаще несправедливо: традиции они продолжают те же самые, но следуют другой моде» [1, С.99]. Вместе с тем, за «идеей моды стоит идея непрерывности культуры. Подчеркивая модность чего-либо, хотят сказать, что ничто важное не меняется» [6; С.345].

Библиография и примечания:

1. Арутюнов С.А. Обычай, ритуал, традиция // Советская этнография. 1981, №2.
2. Васильев Л.С. Роль конфуцианства в формировании некоторых традиций в истории Китая // Роль традиций в истории Китая. М., 1968.
3. Горошко Е. Мужчина и женщина (или как мы себя видим) // «We/Мы. 1997, №1 (17).
4. Лотман Ю.М. Избранные статьи в 3-х томах. Т. 1. Таллин, 1992.
5. Маркарян Э.С. Узловые проблемы теории культурной традиции // Советская этнография. 1981, №2.
6. Мид М. Культура и мир детства. М., 1988.
7. Смелзер Н. Дж. Социология // Социологические исследования. 1992, №8.
8. Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб., 1991.

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ (НА ПРИМЕРЕ МОЛОДЕЖИ НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Общая характеристика гендерных проблем.

Гендер — совокупность социокультурных и поведенческих характеристик и ролей, связанных с социальным и правовым статусом мужчины и женщины в определенном обществе. Воссоздание гендерных различий протекает через процессы социализации, через передачу социального и культурного опыта от старших поколений к младшим и его развитие. Главную роль в этих процессах играют институты социализации, культура, сферы общественного сознания (образование, право, политическая идеология, искусство, религия, наука), СМИ.

Гендер детей проявляется в том, как они готовятся к общественной жизни сначала в семье, а затем в школе, изучая то, что *принято* считать свойственным мужчинам и женщинам. Различные образцы поведения осваиваются мальчиками и девочками на основе изучения учебных материалов, общения со сверстниками, воспитателями и другими взрослыми. В девочках поощряются душевная чуткость, исполнительность, внимательность, склонность к гуманитарным предметам и рукоделию, а в мальчиках — физическая сила, напористость, лидерство, склонность к точным наукам и навыки обращения с механизмами. Эти по существу ложные схемы социализации ограничивают способности многих людей, во многом определяют жизненные пути мужчин и женщин, их неодинаковую успешность, статусы и престиж, неравные требования к мужчинам и женщинам в обществе.

Основным выводом гендерных исследований является то, что преобладающая модель гендерных отношений воссоздает доминирование «мужского» в обществе и подавление «женского». В гендерных отношениях выявляются следующие противоречия [1]:

Современное общество создает множество посылных для женщин рабочих мест и предоставляет возможности для профессионального роста, одновременно предъявляя к работникам требования самоотдачи и квалификационного роста. Однако выполнение женщинами функций матерей, «хранительниц домашнего очага» реально ограничивает, в сравнении с мужчинами, раскрытие потенциала многих женщин в профессиональной карьере.

Возможность участвовать на рынке труда, получая соизмеримую оплату, способствует экономической самостоятельности и личностной самореализации женщин. В то же время выход в большой мир делает уязвимым частный мир — сокращается время общения с семьей (растет чувство вины перед семьей), увеличивается риск развода и одиночества.

Система рыночных отношений превращает ее субъектов в носителей этики индивидуализма, однако, для женщины это означает ограничение сферы традиционной для них в семье этики заботы с ее ценностями альтруизма, самопожертвования, служения ближним.

В современном мире большой успех связан с напористостью и инициативностью, и женщины вынуждены имитировать мужские роли, чтобы добиться успеха. Но социализация многих женщин протекает в иной ценностной среде, и поэтому успех дается им большей затратой сил, сопряженной с ответственностью за домашний труд. Выполнение двух типов труда (домашнего и профессионального) требует переключения разных по типу психологических механизмов, что служит источником

стрессов и недомоганий, ведущих к дисбалансу биологических, психологических и социальных сторон жизни женщин.

У современных женщин тесно переплетены стремления к равенству и счастью. Важным атрибутом счастья является понятие человеческого достоинства, которое нередко наталкивается на патриархальные традиции семейной морали, двойные (для мужчин и женщин) стандарты поведения, религиозное освящение жертвенного поведения женщин, повышенную социальную уязвимость матерей и детей без мужа и отца.

Пол, рынок труда, благосостояние

В России к концу 1990-х гг. среди официально зарегистрированных безработных доли мужчин и женщин практически уравнились, приблизились к их пропорциям в структуре населения. Но для середины 1990-х гг. характерным явлением было преобладание женской безработицы, и в Новгородской области такое положение закрепилось. В молодежном возрасте женская безработица оказывается еще выше (около 70%).

Образование безработных женщин в среднем выше, чем у безработных мужчин: у первых преобладает среднее профессиональное, а у вторых — неполное среднее, среднее общее или начальное профессиональное образование. И, тем не менее, молодым женщинам до 30 лет труднее найти работу. На региональном рынке труда они менее конкурентоспособны, и именно на этот возраст приходится такие важные события, как получение профессионального образования, создание семьи, рождение детей.

Работодатели предпочитают принимать на работу мужчин, а в случае с женщинами отдают предпочтение тем, кто старше 30 лет. Следствием этой установки является то, что среди молодых женщин значительно больше доля тех, кто опасаются потерять работу (см. таблицу 1). Особенно высока эта доля в возрастной группе 18-20 лет, где каждая третья испытывает страх перед возможной потерей работы (для сравнения, среди мужчин такого возраста это характерно лишь для 6%).

Таблица 1.

Отношение к опасности потери работы (%)

<i>Варианты отношения</i>	<i>Женщины</i>	<i>Мужчины</i>
Опасаются потерять работу	19,8	11,1
Не задумывались	15,2	19,9
Не боятся потерять работу	27,7	28,4
Затруднились ответить	37,3	40,6
<i>Итого</i>	100	100

Как видно из приведенной таблицы, более чем трети работающей молодежи свойственна неопределенность в оценке надежности своего трудоустройства. Можно предположить, что такая неопределенность сочетает в себе элемент риска потери работы и неясность профессиональных и трудовых перспектив молодежи. Но женщин, испытывающих страх перед возможной потерей работы, почти в 2 раза больше, чем мужчин. Мужчинам в меньшей степени свойственна тревожность в связи с возможной безработицей.

Молодые женщины в большей степени социально уязвимы, экономически (и, вероятно, психологически) зависимы от родственников, и рассчитывать только на себя им не приходится. Данные опроса показывают, что женщины, которые опасаются потерять работу, в основном

рассчитывают на пособие по безработице (41%) и на помощь близких (25%), а мужчины — на дополнительные приработки.

Меньшая привязанность к быту, к воспитанию детей позволяет многим молодым мужчинам быть более мобильными в обществе. По данным опроса, трудовая мобильность мужчин вдвое выше, чем женщин (на 100 мужчин приходилось в среднем 113 перемен места работы, на 100 женщин — лишь около 60). Возможно, в связи с этим мужчинам несколько чаще удается найти работу, соответствующую их потребностям, что видно из сравнительного анализа удовлетворенности работой (см. таблицу 2).

Таблица 2.

Сравнительная удовлетворенность молодых мужчин и женщин своей работой (%)

<i>Характер удовлетворенности</i>	<i>Мужчины</i>	<i>Женщины</i>
Работа устраивает	41,8	39,3
Работа не устраивает	13,7	17,5
Затрудняюсь ответить	4,2	2,6
Не дали ответа	40,3	40,6
<i>Итого</i>	100,0	100,0

Общим следствием гендерного статуса в социально-экономической сфере является то, что молодые женщины сравнительно реже осуществляют восходящие перемещения, добиваясь улучшения своего благосостояния. Так, в ответе на вопрос о том, как изменилось благосостояние за последние год-два, отметили существенное улучшение 8% мужчин и лишь 4% женщин. Отметили существенное ухудшение соответственно 8% мужчин и 13% женщин.

Занимая сравнительно худшее положение в социально-экономической сфере, молодые женщины имеют весьма ограниченный доступ к некоторым важным видам социальной информации. Отчасти это является следствием сравнительно низкой социальной активности и потенциальной социальной мобильности, присущей женщинам. Однако уровень информационной обеспеченности молодежи в целом, и особенно женщин, представляется явно недостаточным для того, чтобы ожидать от молодежи собственной экономической инициативности, готовности к использованию всех экономических возможностей, в том числе самозанятости, профессиональной переподготовке и повышению квалификации, навыков к социальной самоорганизации (см. таблицу 3).

Таблица 3.

Сравнительная обеспеченность молодежи информацией (%)

<i>Информированность о том, в какие органы власти можно обратиться по поводу</i>	<i>Мужчины</i>	<i>Женщины</i>
<i>поиска работы</i>		
Не знают, знают ошибочно, не ответили	29,5	33,4
Знают точно	64,4	61,4
<i>регистрации своего предприятия</i>		
Не знают, знают ошибочно, не ответили	86,5	89,1
Знают точно	11,1	8,6
<i>получения ссуды на жилье</i>		
Не знают, знают ошибочно, не ответили	54,4	68,0
Знают точно	40,2	28,7

Молодым женщинам свойственно в большей мере, чем мужчинам, социально-экономическое «терпение» — готовность терпеливо переносить возможное ухудшение своего материального положения. Отвечая на вопрос о том, какова наиболее вероятная реакция на такое ухудшение, женщины обнаруживают большую приверженность утвердившимся социальным нормам (проявлять терпение, ожидать улучшения в будущем) и правовым нормам не избирать способов, отступающих от закона), что видно из таблицы 4.

Таблица 4.

Предполагаемые действия молодых мужчин и женщин при ухудшении благосостояния (%)

<i>Варианты ответов</i>	<i>Мужчины</i>	<i>Женщины</i>
Меньше тратить, но Закон не нарушать	26,8	39,9
Изменить положение, не нарушая закона	49,0	44,8
Нарушить Закон, если другого выхода нет	4,7	4,0
Плохой Закон не грех нарушить	17,6	9,6
Не дали ответа	1,9	1,7
<i>Итого</i>	100,0	100,0

Женщины, таким образом, характеризуются в сравнении с мужчинами более высокой социальной надежностью, низкой потенциальной криминогенностью.

Тревоги молодежи — гендерный аспект

В иерархии проблем, которые волнуют в нынешней ситуации молодежь, проявляются особенности гендерных отношений. В социологическом опросе, в частности, выяснялось, какие проблемы являются для респондентов лично наиболее сложными и от решения которых зависит их ближайшее будущее.

У молодых мужчин на первом месте стоит получение хорошей профессии, которая может стать основой благосостояния его семьи. Мужчина — «кормилец», «добытчик» — одна из традиционных гендерных установок, присущих современному обществу. На втором и третьем местах по значимости для мужчин оказываются получение образования и устройство личной жизни.

Молодые женщины отдают приоритет получению устройству личной жизни и освоению хорошей профессии, а затем — получению качественного образования. Общество, в котором господствуют стереотипы мужской активности в профессиональной карьере и на рынке труда, ориентирует девушек в первую очередь на создание семьи - главное, удачно выйти замуж и воспитывать детей. Но, судя по структуре ответов, в установках современных молодых женщин, в том числе и тех, что проживают в сельской местности, традиционная ограниченность преодолевается, и ценность личной (семейной) жизни, профессиональной карьеры и качественного образования оказываются почти равновеликими.

Распределение мнений о первоочередной проблеме, стоящей перед молодыми мужчинами и женщинами, показано в таблице 5.

Таблица 5.

Распределение ответов на вопрос о главных проблемах жизни (%)

<i>Первоочередные проблемы</i>	<i>Мужчины</i>	<i>Женщины</i>
--------------------------------	----------------	----------------

1.	Освоение хорошей профессии	26,8	19,8
2.	Получение качественного образования	22,2	21,8
3.	Устройство личной жизни	14,9	22,1
4.	Получение работы	11,9	10,9
5.	Решение жилищной проблемы	11,5	9,6
6.	Здоровье	0,8	3,6
7.	Другие варианты	11,9	12,2
<i>Итого</i>		100,0	100,0

Основные проблемы обнаруживают динамику по возрастным группам. Острота потребности в хорошей профессии у молодых мужчин достигает своего пика в группе 15-17-летних, но с возрастом заметно снижается. Однако даже в старшей когорте (26-29 лет) она характерна для каждого четвертого. Еще более резко падает интерес к получению (продолжению) образования, но одновременно усиливается потребность в получении дополнительной профессии — каждый шестой стремится расширить спектр своих профессионально-трудовых возможностей.

Пик интереса молодых женщин к получению хорошей профессии отмечен в группе 18-20-летних, и этот интерес постепенно ослабевает, оставаясь характерным лишь для каждой десятой-одиннадцатой в группе 26-29-летних. Неудовлетворенная потребность в получении качественного образования также ослабевает с возрастом, но усиливается интерес к получению дополнительной профессии. Также обостряется беспокойство по поводу личного здоровья, и в старшей группе (26-29-летних) уже каждая шестая указывает на эту проблему как ключевую в своей жизни.

Для молодых мужчин более характерна заинтересованность в открытии собственного дела (бизнеса) — такая цель свойственна каждому девятому и почти одинаково актуальна для всех возрастных групп молодых мужчин, для женщин же такие устремления совершенно не характерны: если среди 15-17-летних девушек подобные планы вынашивают около 6%, то даже эта незначительная доля постепенно снижается.

Здоровье

Заметно проявляется разница в оценке своего здоровья у мужчин и женщин. Представители мужского пола в два раза меньше жалуются на свое здоровье и меньше, по их мнению, болеют хроническими заболеваниями и даже меньше *«изредка болеют»*.

Таблица 6.

Самооценка здоровья молодежи (%)

<i>Самооценка здоровья</i>	<i>Мужчины</i>	<i>Женщины</i>
На здоровье не жалуюсь	63,6	32,3
Изредка болею	24,9	53,1
Имею хронические заболевания	2,7	7,9

В других опросах также отмечается, что мужчины реже болеют. Ряд исследователей отмечают, что «хотя женщины живут дольше мужчин, они испытывают больше недугов в течение жизни; у мужчин же, напротив, более высокая смертность, но их недомогания приходятся в основном на несколько последних лет жизни» [1, С.69].

Это объясняют, с одной стороны, физиологическими отличиями. Например, благоприятное воздействие эстрогенов (женских гормонов) на организм и снижение риска сердечных заболеваний. В то же время женские

социальные и биологические роли, связанные с репродуктивной функцией, оборачиваются иногда тяжелым бременем. Женщины чаще рискуют своим здоровьем в связи с абортами и рождением детей, подрывают свое здоровье, совмещая занятость в общественном производстве и в домашнем хозяйстве. В напряженное современное время женщинам приходится как-то укладываться в небольшой бюджет, и в российских семьях это бремя часто берут на себя именно женщины.

Неблагоприятным фактором, влияющим на ухудшение здоровья и мужчин, и женщин является психологическое и физическое насилие в семье. Согласно статистическим данным, 195 (15%) опрошенных новгородских женщин ответили, что партнер угрожал им насилием и действительно бил их, причем три четверти из них отметили, что их партнер был тогда пьяным. Если мужчина был пьяным, больше половины женщин — 57% отвечали тем же — также «угрожали своему партнеру, ударяли его кулаками или давали пинка». И почти половина из этих женщин — 29% были также в пьяном виде.

Как видно из приведенных данных, насилие — достаточно распространенное явление в новгородских семьях и основная его причина — пьянство мужчин.

Другая проблема нашего общества — высокая смертность мужчин в активном трудоспособном возрасте по сравнению с женщинами и меньшая по сравнению с женщинами продолжительность их жизни. В стабильном обществе эта разница в продолжительности жизни составляет примерно 5 лет (биологически predetermined). Если же она превышает эту границу, а в нашем обществе это 12-14 лет, то речь идет о социальных факторах мужской сверхсмертности.

И. Калабихина отмечает, что причина лежит в возрождении симпатии к традиционной семье: муж — кормилец, жена — домохозяйка. Мужчины не смогли войти в роль кормильцев и за достаточно короткий промежуток времени перестроить модели занятости и заработка. Многие российские мужчины не смогли выдержать правила конкурентной борьбы в зарождающейся рыночной среде, имеющей следующие черты: четко выраженный криминальный характер, неуправляемую скрытую безработицу, неразвитую рыночную инфраструктуру, слабое государственное регулирование трудовых процессов, девальвацию образовательного капитала [7, С.175].

Все эти проблемы ведут к стрессам у мужчин и к сердечно-сосудистым заболеваниям, по которым мужчины значительно превышают женщин.

Согласно статистическим данным по Новгородской области, с 1987 по 1995 годы, наиболее уязвимой возрастной категорией для молодых мужчин является возраст 25-29 лет. В этой возрастной группе число умерших возрастает в 2-3 раза.

В сравнении с девушками количество ушедших из жизни юношей больше как минимум в 2 раза, а максимум — в 16 раз (1990-й г.).

Таким образом, следует заметить, что необходимо вложение средств в программы здравоохранения, в пропаганду здорового образа жизни и нормальности эгалитарной (партнерской, с гибким распределением ролей) семьи с целью сокращения разрыва в продолжительности жизни мужчин и женщин. Мужская сверхсмертность — огромная проблема нашего общества, которая должна исследоваться и учитываться в социальной политике.

Гендер и лидерство

Анализ полученных нами данных показывает, что различий в проявлении лидерства у юношей и девушек практически не существует.

Социометрический анализ лидерства в школах г. Новгорода (по данным комитета образования г. Новгорода) также показал, что соотношение лидеров среди мальчиков и девочек практически одинаковое. Таким образом, проявление лидерства зависит более от индивидуальных особенностей личности и от условий воспитания и образования.

Полученные в результате опроса данные таковы:

Таблица 7.

Проявление лидерства среди молодежи

Проявление лидерства	Мужчины			Женщины		
	Часто	Иногда	Редко	Часто	Иногда	Редко
Приходится быть лидером	26,0	48,3	23,4	20,0	57,8	21,5
Проявлять настойчивость	35,2	45,2	18,0	33,0	45,2	20,5
Брать инициативу на себя	29,1	41,8	28,0	25,7	47,5	25,1
Увлекать других за собой	25,7	39,1	33,7	22,4	45,2	30,7

Согласно представленным данным, молодые мужчины несколько чаще, но не намного, проявляют инициативу, настойчивость и служат примером для других. Тогда как молодые женщины чаще «иногда», в определенных ситуациях берут на себя лидерство.

Однако, здесь следует заметить, что лидерство бывает разное: в семье, в профессиональной деятельности, на отдыхе и т.д. Здесь мы имеем усредненную картину лидерства, которая не отражает особенности этого сложного феномена. На уровне семьи, бытовых отношений и мужчины, и женщины часто берут на себя функции лидеров примерно в равных пропорциях.

Если рассматривать лидерство в профессиональной и публичной деятельности, то женщины часто отдают инициативу мужчинам. В связи с этим интересно, что в России зарегистрировано общественно-политическое движение «Женщина — президент России», инициаторами которого стали мужчины — О.В. Родионов — бывший морской офицер (сейчас госслужащий), А.Б. Смирнов — бизнесмен и юрист, И.Н. Ионов — кандидат исторических наук, автор книг и учебников по истории России. Они заметили, что идея выдвинуть женщину в Президенты «возникла у некоторых представителей женских движений, но, к сожалению, в этих случаях она воспринимается как феминистская блажь и нечто заведомо несерьезное. ... а когда ту же мысль высказывает мужчина, люди не смеются, а удивляются, иногда даже задумываются» [5, С.144]. Необходимость выдвижения женской кандидатуры мужчины объясняют тем, что «вся мировая политика очень несбалансированна, а в России перекос в сторону мужского участия носит вопиющий характер» [5; С.144].

Как отмечает исследователь женского руководства и лидерства А. Чирикова, «различия между женщинами и мужчинами в лидерских возможностях существуют, но они не выступают фактором, который полностью закрывает возможность для женщины лидировать, это лишь подтверждает необходимость поиска женщинами тех моделей поведения, которые разрушают полоролевые стереотипы, с одной стороны, а с другой стороны, обеспечивают успех. В этом случае женское лидерство требует больше усилий в сравнении с мужским» [14, С.33].

Таким образом, лидерство в профессиональной сфере является более затратным для женщины в силу ее двойной занятости и существующих общественных стереотипов. Чтобы быть более успешной в руководстве, женщине необходимо искать свой индивидуальный стиль и не копировать мужской (что происходит часто неосознанно по мере карьерного роста).

В повседневной же жизни практически нет различий в проявлении лидерских качеств у мужчин и женщин.

Гендер и политика

По мнению исследователей гендерных отношений, многие политики и руководители федерального и регионального уровней в России до сих пор однобоко понимают проблему равенства полов как уподобление женщин мужчинам (что на самом деле воспринимается как нежелательная перспектива с обеих сторон — как мужчинами, так и женщинами). Схожая ситуация характерна для многих «передовых» стран. Таков и сложившийся в общественном сознании стереотип восприятия равенства.

При формальном правовом равенстве реальное социальное равенство полов не достигнуто, и корни его более глубоки, чем кажется. Исследования гендерного неравенства с точки зрения современной методологии в России почти не проводятся. Всерьез не анализируются причины и механизмы систематического воспроизводства этого неравенства в жизни общества, тогда как действительный характер власти и общественного развития обусловлен во многом именно моделями гендерных различий и существующими гендерными стереотипами.

Равенство полов — вопрос относительно длительного социального и культурного развития общества. В нашей стране оно пока не ставится в число приоритетов государственной политики. В России наблюдается как никогда низкое участие женщин в процессах принятия решений, особенно в верхних эшелонах власти, с этим нельзя не связывать проблему недостаточной гуманности политики.

У женщин и мужчин в рыночной и демократической системе сохраняются разные иерархии ценностей и интересов: у женщин это социальная защита, здравоохранение, защита детей, безопасность и мир в сообществе, у мужчин — карьера, власть, бизнес, финансы и т.д. Все это в силу гендерного характера властных структур неизбежно сказывается на политике государства и отражается на нашей социальной жизни [3]. Так, выборочный контент-анализ публикаций в местной прессе (газеты «Новгород» и «Новгородские ведомости» за 3 месяца), касающихся социальных достижений и проявлений мужчин и женщин, показал, что женщина чаще связана с темами «культура», «быт и семья» (по 30% от общего числа статей), очень мало — с проблемами здравоохранения (5%), еще меньше — с политикой (3%). Нельзя недооценивать роль средств массовой информации, в том числе региональных и местных, в воспроизводстве гендерных стереотипов массового сознания.

Но в современной России и в ее прошлом есть факторы, способствующие участию женщин в общественной и политической жизни: социально-правовая надежность, традиционно высокие показатели образования, культурной и экономической самостоятельности, выдающиеся примеры личных достижений женщин в любых якобы «мужских» областях деятельности, вошедшая в легенды самоотверженность женщин. Недооценивать такие достоинства — значит, по крайней мере, игнорировать богатый социальный потенциал женщин во всех сферах и на всех уровнях общественного развития.

Выводы

1. На региональном рынке труда молодые женщины значительно чаще, чем мужчины, оказываются безработными.

2. Женщины демонстрируют сравнительно более низкую трудовую мобильность и, соответственно, более высокую профессиональную и трудовую стабильность.

3. Каждая третья женщина испытывает повышенную тревожность по поводу вероятной потери своей нынешней работы.

4. Удовлетворенность мужчин своей работой сравнительно выше.

5. В условиях кризисного экономического развития для женщин в большей степени характерны нисходящие социальные перемещения (выражающиеся в снижении благосостояния). Молодые женщины — группа повышенного социально-экономического риска.

6. Женщины хуже обеспечены информацией, необходимой для ориентации на рынке труда и, особенно, для проявления экономической инициативы.

7. При сравнительно худшем положении в социально-экономической сфере женщинам свойственны большее экономическое «терпение», готовность к ограничению потребления, устойчивость против нарушения закона как способа улучшения своего благосостояния.

8. У новгородских девушек и юношей сходные установки на образование. Для молодых мужчин более характерна установка на открытие своего дела (бизнеса).

9. Молодые женщины придают большее значение проблеме создания прочной семьи, устройству личной жизни. Они проявляют большее беспокойство по поводу состояния своего здоровья.

10. Мужчины менее бережно относятся к своему здоровью. Доведение до населения, общественных и государственных организаций гендерной статистики заболеваемости и смертности мужчин и женщин важно для выработки более обоснованной социальной политики и исправления ценностных ориентаций населения.

11. Достижение гендерного равенства в обществе выгодно как мужчинам, так и женщинам. Семьи с гибким распределением гендерных ролей отмечены более высокой удовлетворенностью супругов и устойчивостью, ответственностью за воспитание детей, снижением алкоголизма.

12. На региональном уровне необходимо проведение гендерной экспертизы принимаемых законодательных актов и социально-экономических программ с участием экспертов, ученых (социологов, юристов, психологов и экономистов, медиков) для предотвращения гендерной дискриминации.

13. Женщины обладают значительно более благоприятными установками в сфере репродуктивного поведения, чем мужчины. Им свойственна более высокая идеальная детность, что крайне важно для Новгородской области, переживающей нарастающую депопуляцию. Сфера гинекологии и репродуктивного здоровья мужчин и женщин должна стать открытой, обсуждаемой и исследуемой.

14. Региональные средства массовой информации по существу остались во власти устаревших гендерных стереотипов, недостаточно отражают гендерную проблематику и тем самым препятствуют открытому обсуждению специфических проблем мужчин и женщин.

Библиография и примечания:

1. Ромашевская Н., Ванной Д., Малышева М. и др. Окно в русскую частную жизнь. Супружеские пары в 1996 году. М., 1999.
2. В странах Скандинавии, Дании, Нидерландах, где женщины добились трети мест в законодательных органах власти, существенно изменилось содержание государственной политики. Ее приоритетами стали социальные вопросы — здравоохранение, образование, пенсионное обеспечение, защита семьи и ребенка.
3. Баскакова М.Е. Равные возможности и гендерные стереотипы на рынке труда. М., 1998.
4. Баллаева Е.А. Гендерная экспертиза законодательства: репродуктивные права женщин России. М., 1998.
5. Женщину — в президенты России // Государственная служба. 1999.
6. Здравомыслова-Стоюнина О. Общество сквозь призму гендерных представлений // Женщина. Гендер. Культура. М., 1999.
7. Калабихина И. Гендерный фактор в воспроизводстве человеческого капитала // Женщина. Гендер. Культура. М., 1999.
8. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. М., 1999.
9. Материалы гендерной экспертизы Консорциума женских НПО // Лига избирательниц Санкт-Петербурга. 2000, №13 (26).
10. Мид М. Культура и мир детства. М., 1988.
11. Поленина С.В. Права женщин в системе прав человека: международный и национальный аспект. М., 2000.
12. Фридан Б. Загадка женственности. М., 1994.
13. Женщина. Гендер. Культура. М., 1999.
14. Чирикова А. Женщина во главе фирмы. М., 1998.
15. Юлина Н.С. Проблемы женщины: философские аспекты (Феминистская мысль в США) // Вопросы философии. 1988, №5.
16. Bennet K., LeComte M. Gender: Equality of Educational Opportunity In *The Way Schools Work. A Sociological Analysis of Education*. N.Y.: Longman, 1995.
17. Lakoff R. *Language and Woman's Place*. N.Y., 1975.

СТЕРЕОТИПЫ ГЕНДЕРНОГО ПОВЕДЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

По мнению сторонников гендерных исследований, понятие гендер (буквально «род», «пол», от английского «gender») противостоит основному патриархальному тезису о «природном назначении» полов, так как гендер, понимаемый как «социально закрепленные отношения полов» или «способ существования пола в обществе», зависит от культурного и социального контекста, от специфики гендерных отношений в разных обществах, в разные исторические периоды, в разных этнических группах, социальных классах и поколениях. На идеальный образ мужчины и женщины в культуре влияют этнопсихология, менталитет, национальные традиции, религия, исторический опыт этноса, степень цивилизованности общества. По этой причине в каждом обществе имеют место определенные представления о том, каким должно быть поведение, занятия, одежда мужчин и женщин, то есть каждая культура руководствуется по отношению к мужчинам и женщинам определенными стереотипами.

Изучение стереотипов гендерного поведения и его проявления в различных культурах имеет большую теоретическую значимость, так как позволяет зафиксировать действие некоторых детерминант, обуславливающих «конструирование» гендера в обществе. По мнению Н.Дж. Смелзера, существование множества отклонений от общепринятых стереотипов гендерного поведения свидетельствует о том, что сексуальные роли в обществе сложились скорее на основе культурных и социальных особенностей, а не естественного порядка вещей [20, С.110].

Большинство современных исследователей признает, что все мы, независимо от половой принадлежности, живем в маскулинной или, как это принято называть по американской терминологии, патриархальной культуре. Это культура, созданная мужчинами и для мужчин, ориентирована на определенное отношение к миру и представления о норме, политические и идеологические стереотипы. Современная женщина вынуждена принять маскулинистскую парадигму с ее образом мысли и деятельности, а это приводит к тому, что «женский взгляд на вещи...упрятан под навязанным цивилизацией мужским», поэтому «только женщине присущее видение событий приходится раскапывать из под мощного слоя мужских очков» [13, С.2].

По мнению А. Яковлевой, «в мироощущении маскулинистской культуры отсутствует идея человека как Космоса на экзистенциальном уровне», поэтому отношение мужчины к женщине и женщины к мужчине в современной культуре не может быть охарактеризовано как отношение к Другому, т.е. как к себе подобному, но не тождественному [13, С.5]. Представление о женщинах трактуется через отличие от мужского, мужское рассматривается, как таковое, само по себе и часто идентифицируется с обществом в целом. Понимаемая по образу и подобию мужчины, женщина оказывается лишенной собственного социального, культурного, а иногда и языкового пространства.

В сфере языка отношения власти между полами проявляются довольно часто и в различных формах. Например, словосочетание «мужчина и женщина» является выражением второстепенности и даже подчиненности второго члена этой пары (также как и в словосочетаниях «родители и дети», «учителя и ученики» и т.д.), в противном случае эти слова, будучи равнозначными, не использовались бы всегда в одном и том же порядке. Так

же как и во многих других языках в русском есть слова «мужчина» и «женщина», но есть еще и слово «человек». В принципе «человек» это обобщающее слово, включающее и мужчин, и женщин, и указывающее на качества, присущие обоим полам. На самом же деле это слово мужского рода, и понимают под ним обычно мужчину. Само собой получается, что мужское это норма, тогда как женское это что-то исключительное. До сих пор распространен обычай писать в официальных документах все в мужском роде, а потом в скобках добавлять «а». По образному выражению Т. Клименковой, в современной России «женское пока все еще остается в скобках» [6, С.8]. Даже в Конституции принято говорить о «человеке вообще»: «Каждый гражданин имеет право...». Следовательно, язык не только фиксирует иерархические отношения между полами, но и закрепляет их.

Названия профессий в русском языке имеют мужские и женские формы, но суффиксы, превращающие мужские формы в женские, звучат несколько пренебрежительно. Неслучайно, многие женщины-литераторы подписывались под литературными произведениями псевдонимами мужского рода, например, З. Гиппиус — Антон Крайний, Товарищ Герман. В использовании мужского имени проявлялось стремление женщин не только защитить себя от критического отношения литературных критиков и общества в целом, но и доказать своё равенство с мужчиной. «Я не поэтесса, а поэт», — бесконечно уточняют Б. Ахмадулина и Ю. Мориц, демонстрируя подсознательный запрет на то, что можно быть творчески самостоятельной женщиной [14, С.26].

Активное вхождение женщины в литературу 80–90-х годов было воспринято мужским литературным сообществом негативно. «Что она может сказать миру, эта заговорившая женщина», — сомневается в творческих способностях женщины на страницах «Литературной газеты» Ю. Кузнецов [13, С.171]. Директор Фонда социокультурных исследований «Руссика», доктор исторических наук С. Кулешов признает, что «разумеется, были в истории очень умные женщины», но «они лишь исключение». По его мнению, женщины «никогда не решают своих проблем», так как «женские вопросы мужчины решают лучше женщин» [17, С.15].

На сегодняшний день 53% населения и 50% среди занятых в общественном производстве в России составляют женщины. Из 1000 женщин старше 15 лет 766 имеют высшее и среднее образование. Среди студентов высших учебных заведений 50% составляют женщины, в средних специальных заведениях их 59%. Этот показатель превышает образовательный уровень мужчин (особенно молодых) [13, С.13-15]. Тем не менее, женщины представлены в государственных структурах власти недостаточно. Исключение составляют выборы 1993 года, когда движение «Женщины России» получило 5% мест в Парламенте. Причиной успеха «Женщин России» во многом была не только активная работа женщин среди избирателей, но и нежелание части общества принимать мужскую (более агрессивную) политику. Так, например, выразил свое отношение к блоку «Женщины России» один из избирателей: «Лучше баба со скалкой, чем мужик с автоматом» [13, С.18]. Таким образом, общественное мнение открыто принижает статус женщины.

Дискриминационное начало в отношении к женщине фиксирует и устное народное творчество. Значительная часть русских анекдотов посвящена отношениям мужчины и женщины, о чем свидетельствуют и названия сборников «Семья — как много в этом слове...», «О мужьях и любовниках» и т.п. Однако, женский образ, созданный в анекдотах, по сравнению с мужским, является более отрицательным. Так, по подсчетам

О.Л. Лебедь, анекдотов о плохих мужей, опубликованных в 8 сборниках 1995–1998 годов, анекдотов в 3 раза меньше, чем анекдотов о плохих женах. Аналогичная ситуация и с супружескими изменами: в анекдотах говорится в 3 раза чаще об изменах жен, чем мужей. Примечательно, что статус изменяющей женщины указывается, ясно, что женщина замужем, тогда как статус мужчины-любовника практически всегда остается неясным. Отрицательных качеств у жены также больше, чем у мужа (соотношение 10 к 7), наиболее частыми характеристиками являются: неверная, глупая, расточительная, болтливая.

Лексика, характеризующая женщину в анекдотах, где она выступает поводом для смеха или иронии, более грубая, чем слова, описывающие мужчин. По отношению к женщине употребляются такие выражения как «зараза», «пила», «зануда», «дуреха», «глупая» т.п., тогда как в отношении мужчин наиболее употребительными являются «дурак», «дурачок», «юбочник» и т.д. [10, С.138].

Одним из экспериментальных методов выявления гендерных стереотипов является метод свободных ассоциаций, который заключается в том, что испытуемым предлагают при предъявлении определенного слова (стимула) отвечать первым пришедшим в голову словом. Получаемое в результате проведения такого эксперимента ассоциативное поле того или иного слова — это не только фрагмент вербальной памяти человека, но и фрагмент образа мира того или иного этноса, отраженного в сознании «среднего» носителя той или иной культуры, и, следовательно, его культурных стереотипов.

Изучение ассоциативного поля информантов, в составе которых были студенты и аспиранты российских Вузов в возрасте от 17 до 25 лет, показало, что русское обыденное сознание пронизывает дихотомия мужской/женский, так как наиболее частотной реакцией на слово-стимул «мужчина» было слово «женщина», и наоборот. Наиболее распространенными оценочными характеристиками слова «мужчина» были «высокий», «сильный», «сила», «красивый», «красавец, а для женщины — «красивая», «красота», «красавица», «привлекательная», «интересная», «прекрасная», «симпатичная». Следовательно, в языковом сознании русской молодежи отдается предпочтение внешним, физическим качествам (красота, сила) и значительно меньше внутренним. Образ женщины в представлении информантов оказался более отрицательным и более рациональным, чем образ современного мужчины. В списке наиболее важных женских достоинств были названы внешняя привлекательность (первое место у мужчин и женщин), доброта и отзывчивость (второе место у мужчин и четвертое — у женщин), умение поддержать разговор (третье место у мужчин и второе у женщин), умение быть хорошей матерью (шестое место у мужчин и девятое у женщин) и хорошей хозяйкой (четвертое место у мужчин и первое у женщин). Как показывают эти данные, для мужчин социальная роль женщины как хорошей матери и хозяйки более важна, чем для самих женщин [1, С.22-24].

Целью другого эксперимента ставилось не просто получение от респондентов ассоциаций, связанных с абстрактной женственностью и мужественностью, а выделение ими специфических черт, ассоциируемых с мужественностью и женственностью в русской культуре [5].

В анкетах, авторами которых были русскоязычные мужчины и женщины в возрасте от 19 до 76 лет (всего 62 человека), имеющие высшее и незаконченное высшее образование, русская женщина оценивалась информантами обоего пола значительно выше, чем русский мужчина. Русский мужчина оценивался женщинами ниже, чем мужчинами. Во многих

случаях респонденты затруднялись определить типичные черты русского мужчины, при идентификации типичных черт русской женщины таких затруднений не наблюдалось. Русская женщина характеризовалась не только более положительно, но и более подробно. В реакциях на этот стимул в анкетах четко просматривается образ женщины-богатырки, не утративший, однако, своей женственности и материнских черт. Среди мужских анкет лишь в одной были отмечены отрицательные женские качества: коварство и своенравие. Отрицательных черт, стереотипно приписываемых женщинам, — недостаточности интеллекта, сварливости, болтливости, — в анкетах не было зафиксировано, напротив, реакция «умная» оказалась наиболее частотной. Среди реакций, которые относятся, скорее, к отрицательно коннотированным, были отмечены импульсивность, перегруженность, безропотность. В женских анкетах русские женщины считали своими недостатками то, что они много работают и мало ценят себя. Обобщенная картина реакций лиц обоего пола в отношении русского мужчины сложилась следующим образом: склонный к пьянству, широкая натура, добрый, сильный. Среди прототипических образов русского мужчины называются Иванушка-дурачок, Иван Грозный, Обломов и другие.

По результатам эксперимента исследователями были сделаны следующие выводы:

- в русском языковом сознании образ женщины имеет более положительную оценку, чем образ мужчины; женственность ассоциируется не со слабостью, а с силой, решительностью и выносливостью, видимо, поэтому реакции, отражающие внешние параметры русской женщины соотносятся с крупными размерами;
- русские мужчины высоко оценивают русских женщин, делая акцент не столько на внешности, сколько на личностных качествах — им дается более развернутая характеристика;
- сексуальные аспекты отношения полов выражены слабо, преобладают оценки нравственные;
- русские женщины более критичны к русским мужчинам, чем наоборот [5, С.69-71].

Многие исследователи отмечают неиерархичность понятий «женщина» и «мать»: у лексемы «мать» отсутствуют отрицательные коннотации, все отрицательные суждения относятся лишь к лексеме «женщина». Вероятно, в ответах респондентов на стимул «русская женщина» отразился в первую очередь образ матери, которому не свойственно приписывать отрицательной оценки. Как пишет Г. Гачев, русский мужчина «от любви к женщине ждет не огненных страстей, но того же упокоения, что дает родина = мать — сыра земля», в русской ментальности «в отношении женщины к мужчине преобладает материнское чувство: пригреть горемыку, непутевого» [5, С.73].

Большой интерес в культурно-социологическом аспекте представляет анализ брачных объявлений, которые, с одной стороны, отражают современную социокультурную ситуацию в России, а, с другой стороны, показывают стереотипные представления о социальных ценностях, о взаимоотношениях мужчины и женщины и их ролях в семье и обществе. В таком виде культурного текста как брачное объявление, которое должно быть по необходимости кратким, решающее значение имеет не только данная информация, но и ее расположение, сам выбор данных уже содержат дополнительную информацию. Например, указание на этническую принадлежность подчеркивает особое значение определенных традиций, обычаев и ценностей для дающего объявление. Информация расширяется и при помощи коннотаций общепринятых стереотипов.

Для адресата важно, кем субъект представляет себя — «вдовой» или «блондинкой», так как это вызывает различные стереотипы. Так, стереотип домовитой в традиционном понимании женщины коннотируется комбинацией лексем «домашняя хозяйка», «глава семьи», «дом», а комбинация лексем «эффектная», «яркая блондинка», скорее всего, представляет коннотацию «сексуальной привлекательности».

Немецкие исследователи К. Энгель и Э. Шорэ, проанализировав брачные объявления одной из московских газет 1998 г., пришли к выводу, что давление конкуренции на женщин, желающих вступить в брак, намного сильнее, чем на мужчин, так как из 452 объявлений 2/3 исходили от женщин. По этой причине женщины, помещающие брачные объявления, считают необходимым больше рекламировать себя, акцентировать внимание на свои особые качества, чем это делают мужчины. Женщины, имеющие детей, часто делают ставку не на одну «линию рекламы» в объявлении, а на «эффект рассеивания», т.е. посылают «сигналы», относящиеся к разным ролевым образам. Нередко наличие детей вербально притушевывается — указывается на их положительные качества, отдельное проживание, на то, что дети уже взрослые, или «компенсируется» предложением материальных благ или жилья (например, машину предлагают 2% женщин и 9% мужчин) В объявлениях женщин значительное место отводится описанию внешности. В 1/4 женских объявлений указано на стройную фигуру, большое значение придается цвету волос (он стоит на втором месте и в самоописаниях женщин, и в пожеланиях мужчин). Характерной чертой мужских объявлений является то, что мужчины редко приводят данные о своем внешнем облике и представляют себя, прежде всего, через профессию. Это соответствует выводу многих социологических исследований о самоопределении мужчины в русском обществе через его профессию. Женщины также придают большое значение профессии будущего партнера — ей отводится второе место в их пожеланиях. В 19% женских объявлений предпочтение отдается т.н. «мужественным профессиям» (военнослужащий, летчик, моряк) [21, С.59]. В пожеланиях мужчин профессия женщин практически отсутствует, хотя наличие образования является желательным. На основании этого К. Энгель и Э. Шорэ сделали вывод о том, что в современном российском обществе сохраняется консервативный взгляд на женщину как на, прежде всего, домашнюю хозяйку, чей профессиональный статус большого значения не имеет. При этом, по мнению исследователей, русские женщины находятся даже в большей степени в плену традиционных патриархатных представлений о своей роли, чем мужчины: на особые качества хозяйки указано в 15% женских объявлений, тогда как пожелание иметь хозяйственную жену выражено лишь в 5,8% объявлений мужчин [21, С.62].

Большой интерес представляет сопоставление русских и немецких брачных объявлений, так как оно позволяет выявить некоторые различия в гендерных стереотипах русских и немцев. Сравнительный анализ 250 русских и 250 немецких брачных объявлений позволил исследователям выделить следующие особенности гендерной идентичности русских и немцев [4, С.40-41]:

- как немецкие, так и русские мужчины «разговорчивее» женщин (их объявления содержат в среднем на 10 слов больше);
- 90% русских и 94% немецких женщин представляют свою внешность в наиболее выигрышном свете, но российские мужчины более откровенно говорят о желаемой внешности женщины, включая описание особенностей фигуры и название желаемых размеров; такая конкретность отсутствует в немецких мужских объявлениях;

- у немцев обоего пола и у русских мужчин на втором месте по частоте упоминания находится профессия, для русских женщин она менее существенна (на шестом месте);
- 45% немецких и всего 15% русских женщин подчеркивают собственную финансовую независимость и профессиональный успех;
- ожидания женщин относительно партнеров различаются: немки наряду с финансовой независимостью ожидают интеллигентности, мобильности, спортивности, эмоциональности, широкого круга интересов, россиянки акцентируют внимание на материальной независимости и отсутствие «вредных привычек». Из требований к социальному поведению чаще всего встречается порядочность.

Таким образом, гендерные стереотипы немцев в целом обнаруживают больший учет личностных, а не исключительно женских качеств и дальше стоят от понятия патриархальности. Немецкие женщины более уверены в себе по сравнению с россиянками, придают большее значение профессиональной самореализации. Их требования к потенциальному партнеру выше.

Изменения в российском обществе за последние десятилетия явили миру парадоксальность российского сознания и самосознания, в котором причудливо переплетаются архаические представления, коммунистическая идеология и новые цивилизационные идеи. Российская женщина избавилась от обязанности быть «строителем социализма», коммунисткой, комсомолкой. Взамен ей предлагают стать «женственной женщиной». Среди сторонников подобных взглядов можно выделить 2 основные группы — традиционалисты, которые выступают за возвращение женщины в семью, к семейным обязанностям и модернисты, утверждающие образ сексуальной раскованной женщины. Эти различные позиции сходятся в желании видеть в женщине объект, обслуживающий семейные, сексуальные, эстетические, психологические и другие потребности мужчины.

Европейцы, посещавшие Россию в XVI-XVII веках, сравнивали положение русской женщины с положением затворницы, «заклоченной» в стенах дома [18, С.61-62]. Неслучайно, в «Записках кавалерист-девицы», написанной еще в 1839 г. первой русской женщиной-офицером Н.А. Дуровой при описании женского пространства используется семантика таких образов, как «угол», «комната», «дом», тогда как мужской мир связывается с представлениями о свободе и открытости.

В современном российском обществе представления о мужских и женских ролях в семье остаются стереотипными: жена — умелая хозяйка, муж — кормилец. Так, телефонный опрос жителей г. Москвы в марте 1994 г. показал, что 34,6% респондентов считают, что сферой женской деятельности является, прежде всего, домашнее хозяйство и семья, 2,9% разделяют мысль о том, что женщина должна заниматься профессиональной деятельностью. Большая же часть опрошенных высказалась за совмещение женщиной и домашних, и профессиональных обязанностей (54, 6%) [16, С.84]. Эти данные практически не отличаются от результата опроса москвичей в октябре 1992 г.

У большей части российского населения сохраняется традиционная приверженность к семейной жизни. В различных социологических опросах 80% женщин и 70% мужчин считали благополучную семейную жизнь главным условием своего счастья. 60–70% семей различных регионов страны оценивали свои отношения как «удовлетворительные» или как «вполне удовлетворительные», 30–40% — как «не вполне удовлетворительные», 4% — как «плохие» [16; С.22]. Причем доля

конфликтных или разводящихся семей выше в крупных городах, в сельской местности семьи более стабильны.

Прослеживается статистическая зависимость между ухудшением социально-экономического положения в обществе и всплеском жестокости по отношению к женщинам и детям. Согласно статистическим данным в 1993 г. жертвами насилия стали 331815 женщин, из них 14521 женщин погибло. В 1994 г. число преступлений, в которых потерпевшими были женщины, возросло на 70,4% [8, С.17].

И все же некоторые социологические опросы опровергают идею о связи альтруистического поведения мужа с увеличением дохода в семье. Согласно результатам исследования микроэкономических отношений в семье, у неработающих женщин мотив аффилиации (т.е. принятия) мужа выше, чем у работающих (60% против 38%), зато степень удовлетворенности браком ниже, чем у последних. Вполне вероятно, что жены-домохозяйки вынуждены принимать своих мужей в силу своего зависимого (экономического, психологического) положения [9, С.109-110].

Однако некоторые женщины сознательно соглашаются на роль домохозяйки. Так, при опросе 400 женщин одного из рабочих районов г. Нижнего Новгорода 200 замужних женщин заявили, что не стали бы работать, если бы муж мог прокормить семью. Видимо, это объясняется традиционно более низкой по сравнению с мужчинами оплатой женского труда в России. По мнению жительниц г. Нижнего Новгорода, лишь 7% семей в городе можно назвать патриархальными (т.е. с главенством мужа), а в каждой четвертой семье фактически главенствует жена (значительная часть таких семей приходится на неполные семьи), 62% семей являются эгалитарными. Вероятно поэтому, 40% женщин считают, что супруги имеют равные права на нажитое имущество, и лишь 26% полагают, что большая часть имущества принадлежит им. Несмотря на высокую степень удовлетворенности семейной жизнью (около 80%), только 40–60% женщин считают свои браки прочными. Однако, лишь 54%, по собственным оценкам женщин, способны самостоятельно обеспечить семью и вырастить детей, 42% нуждаются в постоянной опеке и поддержке со стороны мужа или родителей [19, С.119-124].

Таким образом, в современном российском обществе постепенно происходит переход от семьи с мужской доминантой к семье, построенной по модели партнерства, чаще появляются альтернативные типы семьи — пробные браки, семьи с отдельным проживанием брачных партнеров, материнские семьи. Все большее распространение получает идеология одиночества как предпочтительного образа жизни. Выявляется тенденция в росте безбрачия женщин: в 1996 г. число женщин в возрасте 30–39 лет, не состоявших в браке, составило 20,2% (1970 г. — 15,4%; 1985 г. — 19,3%), никогда не состоявших в браке — 32,7% [4; С.49].

Русских мужчин и русских женщин в целом объединяет негативное отношение к феминизму и феминисткам. Мужчины, независимо от возраста, воспринимают женщину-феминистку как отклонение от нормы, от истинной женственности, под которой подразумевается «естественное предназначение женщины» — дом, семья, дети. В описаниях мужчин женщина-феминистка рисуется как «несчастливая», «неженственная», «неудачница». В высказываниях мужчин сквозит опасение, и даже страх перед такими женщинами: «этой женщине нужны только власть и деньги», «она стремится занять место мужчин», «любой мужчина рядом с ней чувствует себя очень маленьким и ненужным» [2, С.29-30]. Возможно, мужчины видят в феминистках угрозу своему положению и относятся к ним как к конкуренткам в социальном плане.

Женщины в возрасте от 30 до 50 лет также имеют отрицательное мнение о феминистках, боятся быть на них похожими, так как в этом случае, по их мнению, они рискуют потерять свою женственность: «такие не выходят замуж», «чаще это одинокие женщины, так как мужчины не любят железных леди».

Удивительное сходство во взглядах на феминизм у русских мужчин и большинства русских женщин является вполне закономерным, так как русские женщины в борьбе за свои права и в XIX, и в XX веке «почти никогда не противопоставляли себя мужчинам, а скорее стремились еще более эффективно, чем мужчины, выполнять мужскую роль» [18, С.20]. Регина Нохейль объясняет это тем, что в тоталитарном обществе «не мужчины поработают женщин, а общество поработает человека», а поэтому русские женщины часто «склонны видеть в агрессивно ведущем себя мужчине, прежде всего, не эксплуататора, а жертву, «товарища по несчастью» [15, С.61].

Для молодых женщин до 30 лет в большей мере характерен пересмотр традиционного образа женственности. Феминистка воспринимается как норма («она ничем не отличается от обычной женщины») и ассоциируется в первую очередь с образом деловой женщины. Наиболее частыми характеристиками в описании женщины-феминистки являются следующие — «уверенная», «образованная», «незаурядная личность», «способная себя обеспечить», «умеет работать на все 100%» [2, С.29-30].

Таким образом, в отличие от общего неприятия феминизма русскими мужчинами, взгляды русских женщин на феминизм несколько различаются в зависимости от возраста. Некоторые исследователи даже предпринимают попытку провести классификацию российских женщин в зависимости от их отношения к феминистскому движению. Например, Норма К. Нукан выделяет 6 групп российских женщин: 1) традиционные — женщины поколения второй мировой войны, верные традиционным ценностям; по словам Нормы К. Нукан, их тип мировоззрения может быть назван «бабушкиным синдромом»; 2) советизированные — женщины, идеалом которых является «работающая мать»; 3) руссофеминистки — женщины, которые хотят уйти от традиционной советской концепции роли женщины в обществе; эти женщины по русским стандартам являются феминистками, но они не считались бы таковыми по западным определениям; они ищут отличный от запада русский вариант решения женских проблем; 4) феминистки по западному типу — относительно небольшая группа женщин от 30 до 35 лет, которая стремится к схожести русской версии феминизма с западной; 5) неотрадиционалисты — группа женщин без четких возрастных рамок, которые стремятся уйти от бремени общественных забот к «чисто женской миссии»; 6) эскепистки — женщины, которые ищут более легкой жизни для себя в постсоветское время либо в коммерции, либо в проституции, либо в выгодном замужестве [12, С.37-38].

Таким образом, современные российские женщины представляют собой весьма неоднородную социальную группу — по возрасту, взглядам на роль женщины в семье и обществе, уровню сознания. Существенные различия отмечаются в сознании городских и сельских женщин, женщин, живущих в крупных городах, и жительниц провинции. Тем не менее, в настоящее время наблюдается тенденция в увеличении числа женщин, характерными чертами которых являются экономическая независимость, высокий образовательный уровень, осознание себя общественно значимой личностью, большая работоспособность, адаптивность, жизнестойкость, способность на эффективное участие в общественной жизни и политике. Надежду на то, что весь этот потенциал будет востребован в обществе, дает узаконенное

Конституцией РФ 1993 г. новое положение о том, что «мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности (!) для их реализации» [7, С.10].

Библиография и примечания:

1. Горошко Е. И. Мужчина и женщина (или как мы видим себя через призму гендера) // Альманах «We/Мы». 1997, №1 (17)
2. Бондаренко Л. Образ женщины-феминистки: монстр или незаурядная личность // Альманах «We/Мы». 1999, № 8.
3. Женщина в российском обществе. 1999, №2.
4. Женщины: семья, общество, политика. Пенза, 1999.
5. Кириллина А.В. Гендерные компоненты этнических представлений (по результатам пилотажного исследования) // Гендерные факторы в языке и коммуникации. – Вып. 446. М., 1999.
6. Клименкова Т. Женщина как феномен культуры. Взгляд из России. М., 1996.
7. Конституция Российской Федерации. М., 1995.
8. Кузнецова И. Права женщин: реальность и перспективы // «We/Мы». 1997, №1 (13).
9. Кузнецова С., Ходырева Н. Исследование микроэкономических отношений в семье (сравнительный анализ на примере работающих и не работающих женщин) // Все люди сестры. Бюллетень №5.
10. Лебедь О.Л. Социальный портрет семьи в современном фольклоре // Социологические исследования. 1999, №11.
11. Лотман Ю.М. Избр. Труды в 3-т. Т.1. Таллин, 1992.
12. Норма К. Нукан. Ведет ли сознательность к действию: исследование воздействия перестройки и послеперестроечного периода на женщин России // Женщины России — вчера, сегодня, завтра. М., 1994.
13. Преображение. 1994, №2.
14. Преображение. 1995, №3.
15. Преображение. 1996, №4.
16. Проблемы женщин и семьи глазами социологов. М., 1997.
17. Родина. 1996, №3.
18. Российские женщины и европейская культура. Спб., 1994.
19. Саралиева Е.М., Балабанова Е.С. Семья в кризисном обществе // Социальные трансформации и положение женщин в России. Иваново, 1995.
20. Смелзер Н.Дж. Социология // Социологические исследования. 1992, №8.
21. Энгель К., Шорэ Э. Сватовство по-московски (анализ московских брачных объявлений) // Преображение. 1994, №2.
22. Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб., 1991.

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ КУЛЬТУРЫ

Людмила Сазонова

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ЖЕНСКОГО НОНКОНФОРМИЗМА В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И ИСТОРИИ

Исторически сложившееся распределение ролей между мужчиной и женщиной на основе иерархической соподчиненности закреплено мифами о «природном назначении» каждого пола, об особенностях «мужского» и «женского» характера, о «тайне пола». Однако, древнейшие доисторические мифы содержат, прежде всего, представления о первичной андрогинности человека: в каждом из индивидов одинаково присутствуют оба начала — и «мужское», и «женское». После грехопадения человека обе половины единой прежде души бродят в пространстве, силясь отыскать друг друга, и обрести утраченную полноту. В этих мифах нет ни малейшего намека на «природное назначение» мужского и женского полов, они говорят только об их взаимосвязи—взаимозависимости.

Мифология исторического времени фиксирует строгую соподчиненность в отношении между полами: мужчина — полноценный человек, субъект истории, существо мужского пола; женщина — существо женского пола, жена своего мужа, объект его власти — власти рода, где наследование осуществляется по мужской линии.

Согласно этому принципу, мужчина и женщина — два не взаимосвязанных, а противоположных начала: первое — основное, положительное, активное; второе — производное, пассивное.

Женщину нарекли ведьмой, колдуньей, в ее присутствии превращается в уксус вино, увядают цветы, раз в месяц она больна и в эти дни нечиста, она гадалка и прорицательница. Вообще, она — олицетворение хаоса, ночи: слышит и понимает голоса ветра, деревьев, трав.

С появлением философии бинарные оппозиции пола, становятся ведущим системообразующими принципами мироздания. Так, Пифагор порядок и свет соотносил с положительным мужским принципом, а хаос и сумерки с отрицательным женским. Мудрец Платон благодарил богов за то, что они даровали ему свободу, а не рабство, создали мужчиной, а не женщиной. Аристотель называет женщину самкой, характер которой страдает от природной ущербности.

Неоднократно было установлено, что у истоков женского общественного неравноправия находится фактор силы и первенства мужского начала над женским. Организация социума по принципу матриархата, если и была в истории, то носила весьма локальный характер.

В дохристианской, языческой культуре Руси мы с трудом находим матриархальные корни русского фольклора. В языческой культуре с ее образцовым фольклорным героизмом, мужчина-богатырь становился символом мужественности и примером для подражания. Но наряду с ними в языческой древнерусской мифологии присутствуют и женщины-богатырши.

С усилением патриархатных отношений на Руси (X в.) мифические героини были уничтожены запретами религиозных и светских властей, или создавали им отрицательный имидж. В большой коллекции русских фольклорных рассказов, собранных А. Афанасьевым, К. Ушинским, А. Толстым, А. Платоновым только в одном из рассказов встречается образ «богатырши», сопряженный с грустным повествованием.

В рассказе «Матюша» повествуется о дочери царя Бахромея Настасье Бахромеевне, сильной и могучей багатырше. Царь Бахромей пророчил Настасье в женихи Царя-Просителя. На свадебном пиру Настасья испытала силу своего мужа. Она легко сдвинула руку Царя-Просителя, чем довела его до обморочного состояния. Кровь хлынула на его лицо и глаза закатились под лоб. Настасья отправила Царя пасти коров и вышла замуж за богатыря из простого народа Матюшу.

Появившееся на Руси христианство снимает с женщин часть языческих подозрений. Оно объявляет, что жизнь и смерть человека зависят не от «злой» женской природы, а от воли Божией. Согласно христианским догматам, после смерти будут уравнены все души, и мужчин, и женщин. Но путь от иерархического неравенства, закрепленного сначала родом, а потом и обществом, к потенциальному равенству во Христе долог и крут. А пока земная женщина не может быть равной мужчине. Она греховна, как греховна ее прамактерь Ева, сообщница дьявола, орудие темных сил, обрекших человека на изгнание из рая. Все, что связано с плотью, для истинного христианства греховно, и вместилище греха - женщина. Другое распространенное обвинение в адрес женщины — ее особые отношения с нечистой силой, ее подверженность дьявольскому искушению и предрасположенность к колдовству. Еще Нестор писал, что бес прельстил женщину, а она мужчину, что волхвуют женщины разными кознями и отравами. Эти представления получили отражение в словах князя Курбского о том, что причина несчастий современного ему Московского государства — в колдовстве иноземных жен Ивана III и Василия III. Показательно, что «бесы болезней» в народных заговорах считаются «дщерями Ирода царя» и изображаются в виде голых женщин с крыльями: имена их — Трясея, Огня, Ледея, Глухья, Ломя и др.

В русской истории старательно замалчивается тот факт, что христианство на Руси обязано своей победой женщинам, принявшим и пожалевшем Христа. Прежде всего не как Бога, а как страдающего человека, а образ Богородицы на многие века стал для стран христианской культуры воплощенным женским идеалом полов в русской культуре. В Древнерусской культуре (XI-XII вв.), сочетавшей в себе пласты восточнославянского язычества и византийского христианства, закрепилась фундаментальная характеристика женского принципа — его онтологическая вторичность (ветхозаветный миф об Адаме и Еве) и подчиненность мужскому принципу. Такой взгляд нашел отражение в «Поучении» древнерусского князя Владимира Мономаха, советуя своим сыновьям: «Жену свою любите, но не давайте ей власти над собой».

Безусловно, перед нами традиционная патриархалистская модель (и семьи, и социума), которую, однако, было бы ошибочно интерпретировать лишь в терминах господства и подчинения. Отношения между мужем и женой понимаются как своего рода симбиоз, в котором осуществляется взаимодополняющее сотрудничество (жизнестроительство). И поэтому в знаменитом «Слове» Даниила Заточника (XIII в.) можно найти пассаж, иллюстрирующий намерение к совместному жизнестроительству: «Послушайте, жены, слова апостола Павла: крест — глава церкви, а муж — жене своей. Жены, стойте в церкви и молитесь Богу и святой Богородице, а чему хотите учиться, то учитесь дома у своих мужей. А вы, мужья, в законе храните жен своих, ибо нелегко найти хорошую жену. Хорошая жена — венец мужу своему и беспечалие, а злая жена - горе лютое и разорение дому».

В этом тексте есть фраза, являющаяся реминисценцией общехристианского воззрения на женское начало: «О, злое, острое оружие

дьявола и стрела, летящая с ядом!» Однако в целом такое воззрение не может считаться характерным для древнерусской культуры, в которой с особой интенсивностью переживался языческий культ Матери-земли, нашедшей своего христианского двойника в типично русском культе Богородицы.

Предшествующая традиция была развита и закреплена в знаменитом «Домострое» (XVI в.) — религиозно-нравственном кодексе средневековой Московской Руси. Идеалом здесь выступает патриархальная семья, в которой «хорошая жена да будет благою наградой тем, кто боится Бога, ибо жена делает мужа своего добродетельней: во-первых, исполнив Божию заповедь, благословится Богом, а во-вторых, славится и людьми. Жена добрая, и трудолюбивая, и молчаливая — венец своему мужу, коли обрел муж жену свою добрую — только хорошее выносит из дома своего; благословен муж такой жены, и годы свои проживут они в добром мире. За хорошую жену похвала мужу и честь».

Существенно то, что православный патриархат не является воспроизведением патриархата языческого как естественного доминирования мужского принципа в архаичной культуре. Это подтверждается тем, что в «Домострое» общехристианский догмат об онтологической вторичности женского начала практически не играет никакой роли. Центральная проблема православной этики — адекватное следование Божьим заповедям с тем, чтобы обрести спасение на страшном суде. Именно способ решения этой задачи и определяет подчиненность женского начала мужскому. Муж выступает в качестве духовного и нравственного наставника в семье и доме, в качестве посредника между истиной Божественного откровения и женой. И эта мужская позиция не привилегия, а долг: «Следует мужьям поучать жен своих с любовью и примерным наставлением; жены мужей своих вопрошают о строгом порядке, о том, как душу спасти, Богу и мужу угодить и дом свой хорошо устроить, и во всем покоряться мужу».

Конструкция языческого патриархата окончательно преодолевается в «Домострое» с помощью института «духовного отцовства». «Духовный отец» как посредник между Богом и мирянами, молящийся от имени последних и наставляющий от имени первого, как бы трансцендирует естественное половое различие людей. В нем, в конечном счете, находят равенство мужской и женский принципы, муж и жена, решающие одну и ту же (но, естественно, по-разному) задачу спасения своей бессмертной души. На «духовных отцах» лежит предельная ответственность: «ибо они заботятся о наших душах и дадут ответ за нас в день Страшного суда».

Нет нужды идеализировать эту семейно-нравственную модель, ибо сама ее идеальность была обречена на карикатурное воплощение в повседневной жизненной практике. Но следует иметь в виду, что в XIX в. первые русские сторонники женской эмансипации, мыслители западной и секулярно-атеистической ориентации, протестуя против практики бытового «домостроя», вели борьбу против идеалов духовного «домостроя». И эта борьба представляется значительно более существенной по своим последствиям, чем преодоление традиционных взглядов на женщину как на политического аутсайдера.

Линия женского нонконформизма избрала культурную «нишу», полюсно противоположную «позиции силы» — сферу нравственности, сферу духовности.

Ни одна литература не дала столько благородных и самоотверженных женских характеров, как православные жития святых: Ефросинии Суздальской, остановившей войска татаро-монголов в XIII в. перед стенами

своего монастыря, Ефросинии Полоцкой — княжны из Полоцка, просветительницы, создавшей школу для девочек, построившей храм, который доныне стоит в городе.

Знакомство с летописными и литературными источниками, записками иностранных путешественников и судебными актами, берестяными письмами и памятниками церковной дидактики X-XVII вв. позволяет убедиться в том, что, исключительная деловая и политическая активность русских женщин XVIII в. имела глубокие корни в истории России задолго до ее «европеизации».

Начальные страницы «Повести временных лет» представляют выдающуюся женщины Древней Руси — деятельную, мудрую, «вещую» правительницу Древней Руси княжну Ольгу. В отличие от своего мужа князя Игоря, взимавшего грабительскую дань, Ольга, по сути дела, провела первую в истории Руси финансовую реформу, установив фиксированный размер дани («урок»), порядок ее сборов и систематичность. Княгиня направила свои усилия на сплочение отдельных земель в единое государство. Экономическое укрепление Киевского государства способствовало повышению политического веса Киевской Руси в международных отношениях. В труде Константина Багрянородного «О церемониях» Ольга названа «игемоном и архонтиссой руссов». Ольга приняла христианство и полагала сделать его государственной религией.

Чем пространнее излагаются события в летописях, тем чаще встречаются на их страницах имена представительниц русских княжеских династий, оставивших своей деятельностью след в отечественной истории.

Внучка Ярослава Мудрого, дочь великого князя киевского Всеволода Ярославича Анна (Янка) в 1089 г. самостоятельно «правила посольство» в Византию за новым митрополитом Иоанном II. Правда, оказался «сей муж не княжен, но умом прост и просторен». Большую часть жизни Анна-Янка посвятила монастырским делам: она основала Андреевский монастырь в Киеве. При этом монастыре Анна впервые создала школу для девочек.

Между тем деятельность Анны-Янки не была на Руси явлением уникальным. В XII-XIII вв. нередко возникали монастырские школы, основателями которых были женщины княжеского сословия или имевшие духовный сан (например, игуменьи). Известно, что дочь полоцкого князя Святослава Предслава Святославовна (умерла в 1173 г.), постригшись в монахини под именем Ефросиньи «начат книги писать своими руками». В открытой ею при полоцком Софийском соборе школе она обучала грамоте «младых девиц».

После смерти Владимира Мономаха (1125 г.) в истории Полоцкого княжества, по мнению В.Л. Янина, наступает «полоцкий матриархат» (30-50 гг. XII в.). В числе княгинь-правительниц были представительницы семьи князя Святослава Всеславича, а также жена некоего князя Михаила, имя которой осталось неизвестным. При раскопках Полоцка были найдены три личные княжеские женские печати. Первая печать жены Святослава-Георгия Всеволодовича княгини Софьи, которая занималась оформлением официальных документов. Затем эту миссию взяла на себя ее дочь Предслава. Предслава, хотя и была пострижена в монахини под именем Ефросиньи, но от светских дел не отошла. При Ефросинье в Полоцке было основано два монастыря (1161 г.) и две церкви, имеется певческий цикл об Ефросинье, крест Ефросиньи — памятник прикладного искусства XII в. Третья, найденная женская печать Полоцка не атрибутирована.

Летописи рассказывают массу историй об участии русских княгинь и боярынь в борьбе за выдвижение тех или иных политических деятелей. В XII-XIII вв. знатные женщины содействовали, как правило, продвижению

тех, кто проводил политику укрепления княжеств. Такие надежды возлагала княжна Верхуслава (Анастасия) на своего ставленника Поликарпа. Она хлопотала о предоставлении ему епископской кафедры. Ольга Романовна, дочь брянского князя, участвовала в ведении государственных дел своего княжества, принимая посольства, управляя оставленными ей по завещанию вотчинами. Волынский князь Владимир Василькович позволял свое «княгине милой Ольге» поступать «как ей любо», как «восхочет».

Памятники письменности XII-XIV вв. свидетельствуют о росте уровня образованности женщин из среды господствующего класса. Княгиня Мария «Всевожия» в своем поучении сыновьям обнаруживает прекрасное знание ею учительских текстов Иоанна Златоуста.

Житие Ефросиньи Суздальской (в миру Феодулии Михайловны Черниговской) отличает знание ею античной литературы. В этом перечне философы Аристотель, Платон, поэты Вергилий, Гомер, медики Гален, Эскулап.

В XIII в. для русских земель пришло время суровых испытаний. В декабре 1237 г. орды Батыея осадили Рязань и после пятидневной осады взяли и сожгли город. По приказу Батыея убили рязанского князя Федора Юрьевича и его мать Ариппину и прочих княгинь и снох. Жена Федора Евпраксия, узнав о смерти мужа и не желая надругательств над собой, с сыном на руках «ринулась» вниз с высокого храма и «заразися до смерти». Поступок Евпраксии породил легенду и дал название одному из городов Рязанской области — Зарайску. Так же погибла жена черниговского князя Домникея.

Непреклонным характером обладала княгиня Мария Михайловна. В 40-х годах XIII в. княгиней было составлено «житие» отца Михаила черниговского. История жизни и смерти в орде могущественного и гордого русского князя потрясла тогда Русь. Когда после разгрома Батыем Владимира в 1238 г. центр русского летописания переместился в г. Ростов, оно велось под наблюдением ростовской княгини. Жизнеописания князей перерастали рамки обычных сухих некрологов, были полны патриотизма: «... избави бог от лютого томления бусурманского люди Ростовския земли: вложи ярость в сердца крестьянам...».

Длинный ряд выдающихся женщин, проявивших себя в политической жизни и борьбе в X-XV вв. был бы не полон без социальных портретов великой княгини Московской Софьи Фоминичны, ее современницы великой княгини Тверской Елены Стефановны и Рязанской княгини Анны Васильевны.

Софья Фоминична (Зоя Палеолог) была племянницей последнего византийского императора из династии Палеологов и дочерью «морейского деспота» (владельца Пелопоннеса) Фомы. Для Зои Палеолог положение при русском дворе, после того как она стала женою Василия III, открыло свободу действий, так как великий князь дорожил и браком с ней, и ее советами как умной и образованной женщины. Став великой княгиней, она стремилась привлечь в Московское княжество деятелей культуры, врачей из Италии. При ней началось строительство замечательных памятников архитектуры, до нас дошли изделия художественных ремесел. Участие в государственных делах было смыслом жизни Московской княгини. Она давала аудиенции иностранцам, имела свой круг дипломатов. Джон Мальтон представляет Софью главой «антитатарского курса».

В политических интересах удельных княжеств того времени участвовала и младшая дочь великого князя Василия II, рязанская княгиня Анна Васильевна. За время ее фактического правления Рязанское княжество

расширило предешлы за счет присоединения Пронска, а также «рязанской украины», исстари бывшей поводом для споров между Москвой и Рязанью.

С конца XV в., после победы русского государства над ордынскими ханами, начало расти число династических брачных союзов. Один из примеров тому — брак дочери Ивана III Елены с Александром Ягеллончиком, великим князем Литовским. Переписка Литовского и Московского дворов 90-х годов XV в. позволяет говорить о влиянии Елены Ивановны на решение важных для России внешнеполитических вопросов в нужном для Ивана III направлении. Она стала как бы центром притяжения православного населения Литовского княжества, выступала в роли дипломатического посредника и между группировкой русской (православной) и литовской (католической) знати, оказывала покровительство первой и умело сопротивлялась обращению в католичество.

Нонконформизм в социальной деятельности древнерусских женщин вполне соответствовал их семейному и имущественному положению. Знаменитые дочери древнерусского государства прославили русский народ.

В России XVII в., названного «бунташным», обычно упоминают лишь мужские имена. Несправедливое забвение коснулось сподвижницы знаменитого волжского бунтаря Степана Разина Алены Арзамасской-Темниковой. Бывшая монахиня Николаевского монастыря, переодевшись в мужское платье, выдавая себя за казацкого предводителя, собрала войско до 6 тысяч человек, овладела Темниковым и более двух месяцев управляла этим городом. Однако народный мятеж был обречен. После страшных пыток, которым подвергли Алену в надежде выведать других бунтарей, мучители приговорили ее к сожжению.

Главный блюститель канонических норм в России — верховный святительный клир не остановился перед тем, чтобы венчать на царство после смерти царя Федора Иоанновича его супругу, сестру Бориса Годунова — Ирину Годунову. Царица пробыла единодержавной монархиней на Российском престоле всего восемь дней в январе 1592 года. Современница властной государыни Елизаветы Английской, благочестивая Ирина не выдержала бремени власти и, добровольно отрекшись от трона, ушла в монастырь. Но начало женщинам-правительницам в России было положено. Этот пост, спустя век после Ирины Годуновой, заняла старшая сестра Петра I - царевна Софья Алексеевна. Она правила почти восемь лет (с 1682 г. по 1689 г.). По мнению историков, это далеко не худшие годы в жизни страны, особенно в культурном отношении: создается первое общеобразовательное высшее учебное заведение Славяно-греко-латинская академия (1687 г.), входят в обиход светские стихотворные вирши, работает граверная мастерская при дворе.

С нашей точки зрения, опорные основания для формирования женского нонконформизма в России создало творчество «двух Екатерины»: императрицы Екатерины Великой и ее сподвижницы Екатерины Воронцовой-Дашковой, прозванной Екатериной Малой. Они оказали громадное влияние на женское самосознание, в первую очередь, устройством своей жизни. Это — личности, ведшие равноправные беседы с элитой Франции: Дидро, д'Аламбером, Вольтером. Екатерина Великая вела эти беседы в письмах, Малая — непосредственно во время зарубежного путешествия. По возвращению в Россию Дашкова была поставлена во главе Петербургской академии наук (1783-1794), а затем и во главе Новообразованной (1786 г.) Российской языковой академии.

Блистательный опыт женской эмансипации состоялся. Идея женского нонконформизма стала существенной гранью развития русской культуры.

ГЕНДЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХИАТРИЯ

Николай Щитов

РОЛЬ ПСИХИАТРИИ В ПОДДЕРЖАНИИ ПОЛОВОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ

Медицина, если верить на слово ее представителям, является самым гуманным социальным институтом в современном обществе. Действительно, «клятва Гиппократа» звучит для обыкновенного «гражданина» (и «гражданки») очень соблазнительно. Но в последние 40 лет появилось очень много работ, посвященных исследованию медицины как инструмента социального контроля. Некоторые работы стали бестселлерами, например книга Ивана Иллича «Медицинское возмездие» [1], «Безумие и цивилизация» М. Фуко и другие. К несчастью, большая часть этой литературы не доступна для российских читателей из-за очень плохого снабжения библиотек и отсутствия серьезного отношения к социологии медицины (возможно, потому, что отечественная медицина подпадает под действие максимы «лежачего не бьют»).

Особое место в аппарате социального контроля занимает психиатрия. Это связано с ее маргинальным статусом в системе «научной медицины», поскольку значительная часть ее построений базируется на моральных основаниях, а не на некотором научном базисе. Достаточно сослаться на эксперимент Розенхана, в котором ведущие психиатрические клиники США не сумели отличить «псевдопациентов» от действительно больных [2]. Однако, в силу разных обстоятельств, психиатрия играет ключевую роль в формировании представлений о психическом здоровье, в судебной экспертизе и т.д. Не однократно психиатры делали попытки захватить контроль над пенитенциарными учреждениями, утверждая, что все преступники психически больны, [3] над системой образования [4] и т.д. В России психиатры постоянно настаивают на предоставлении им права обследовать кандидатов на политические посты в стране, объявляют Сталина параноиком и т.д. При этом они стыдливо умалчивают о шатких основаниях психиатрической диагностики и полном несогласии в собственной среде о кардинальных проблемах диагностики и терапии психически расстроенных людей. Тем не менее, психиатрия является «последним прибежищем» общества, используемым для контроля над различными девиантами. В демократическом обществе «разрешено все, что не запрещено», но мораль общества очень часто нетерпима к нарушениям своих принципов. Всегда находятся «моральные антрепренёры», стремящиеся сохранить «закон и порядок» в данном сообществе. Если этого не позволяет делать закон, то к услугам моралистов - психиатрия. Достаточно просто интерпретировать любое неконформное поведение как психическое расстройство. Поэтому психиатрия так сильна именно в демократических странах, поскольку нет возможности контролировать девиантов полицейской силой. В СССР роль психиатрии значительно выросла после «хрущевской оттепели», поскольку КПСС решила поиграть в законность и умерила свою привычку вообще не считаться с законом. В это же время появляется подходящая для всех случаев «вялотекущая шизофрения». Мишенью психиатрии стали всевозможные диссиденты и вообще «малоудобные» правдоискатели, изобретатели т.д. Но все перечисленное есть только поверхностный слой психиатрии как инструмента социального контроля. Гораздо менее заметна ее роль в

поддержании стандартов патриархального общества. В этой статье я хочу раскрыть эту сторону психиатрии, на которую в России обращают очень мало внимания. Причин тому множество, важнейшей является очень незначительная роль отечественно психиатрии в формировании социальной политики, крайне низкий образовательный уровень российских психиатров (обычно всего 1 год интернатуры, или еще более короткие курсы повышения квалификации), отсутствие сильного медицинского лобби в госдуме. Но тенденции, которые проявятся в будущем, очевидны. Сейчас только входит в моду психоанализ и другие, уже немодные на Западе веяния, постепенно психиатры начинают овладевать гуманистической риторикой. Нужно только время.

Со времен Гиппократа, медицина сформировалась как крайне патерналистский социальный институт. Роль врача уподоблялась роли родителя, точнее отца по отношению к пациенту. Даже если мы возьмем текст нынешней присяги врача России, то мы увидим, то же самое. Врач всегда лучше знает, что для пациента благо, а что — зло. Врач контролирует всю информацию, решая, что может знать пациент, а что ему «повредит». Эта модель начала меняться только во второй половине XX века и только в наиболее развитых странах. Наиболее консервативной областью осталась психиатрия. Я хочу пунктиром наметить роль психиатрии в поддержании традиций патриархата в XIX — начале XX вв. и более подробно остановиться на борьбе феминистического движения с введением некоторых диагностических категорий в 80-90 годы XX века. Это очень важно, поскольку в психиатрии любая, вновь введенная диагностическая категория, сразу порождает соответствующих больных.

Итак, в XIX веке, еще не имея никаких научных оснований для своих претензий на роль «науки», психиатрия сделала своей мишенью женщин. В этот момент только зарождалось движение женщин за свои права. Однако с точки зрения психиатрии, здоровая женщина не может посвятить свою жизнь политической деятельности либо целиком отдаться общественным обязанностям. Интересно, что до середины XIX века большинство обитателей домов умалишенных составляли мужчины. Но одновременно с началом движения женщин за свои права, пропорция пациентов-женщин начинает быстро увеличиваться. Более того, женщина представляется особо уязвимой для психических расстройств и, вообще, для любых болезней. И это несмотря на большую продолжительность жизни [5]. Известная исследовательница роли психиатрии в подавлении женщин Эйлен Шоуволтер пишет: «Женщина внутри дуалистических систем языков и репрезентаций типично находится на стороне иррациональности, молчания, природы и тела; мужчина находится на стороне разума, дискурса, культуры и духа» [6]. Несмотря на то, что оба пола подвержены психическим расстройствам, психиатры по-разному объясняли мужское и женское «безумие». Они разработали утонченные объяснения большей женской склонности к психическим расстройствам. Поскольку психиатры были склонны к соматическим объяснениям психических расстройств, они преувеличивали роль «женской природы», не обращая внимания на социальные факторы. В совершенно редуционистском духе они производили способности женщины, ее социальные роли, поведение и место в обществе от существования и функционирования ее репродуктивных органов [7]. Как организм, управляемый ее маткой и яичниками, а значит, периодическими кризисами, женщина более склонна к привязанности, воспитанию детей, выполнению домашних обязанностей. Она обладает природной склонностью к «чистоте», и моральной чувствительности. Однако она неизбежно является существом, у которого эмоциональное

преобладает над рациональным, существом чрезвычайно хрупким и уязвимым, которое может в любой момент сломиться под бременем современной жизни. Кризисы перехода от детства к пубертату, беременность, роды, вскармливание ребенка, менструации, менопауза — все эти «кризисные» состояния способны дестабилизировать женщину, породить «неврастению», истерию, депрессию и другие психические расстройства. Поэтому все ограничения, налагаемые на женщину обществом — ограничение в правах, запрет на многие виды профессиональной деятельности, зависимость от мужчины, получили санкцию на свое существование от имени «медицинской науки». Хрупкую женщину нужно было защищать даже от самой себя. «Викторианская психиатрия определила свою задачу по отношению к женщине как защиту нестабильности мозга перед лицом захлестывающих женщину конфликтов» [8].

Под влиянием теорий о различной этиологии психических расстройств у мужчин и женщин появилась целая сеть психиатрических заведений, предназначенных специально для женщин [9]. В них соблюдался еще более монотонный распорядок, чем в подобных заведениях для мужчин. Женщинам «в терапевтических целях» позволялось выполнять только типично женские виды активности — стирка, уборка, шитье [10]. В этот же период времени начинает формироваться комплекс «женских» и «мужских» психиатрических симптомов, который является прогностическим относительно вероятности госпитализации. Степень психической расстроенности женщины начинает определяться ее эмоциями и поведением. Если женщина эмоционально подавлена, плачет, у нее отсутствует аппетит - это говорит о небольшой степени расстроенности. Ее можно отправить «на воды», чтобы «подлечить нервы». Если женщина выражает гнев, агрессию, если у нее повышено сексуальное влечение, то это служит абсолютным поводом к госпитализации. Так же различны ролевые ожидания, связанные с психическим здоровьем. От женщины ожидается выполнение роли «хорошей жены и матери», роли, которая целиком соответствует патриархальным стереотипам. От мужчины ожидается успешное выполнение профессиональной, политической и других ролей подобного рода. Он не должен быть «хорошим отцом или мужем», чтобы оставаться на свободе. Вот если он начнет плакать, расстраиваться, тогда вероятность госпитализации значительно повышается [11]. Таким образом, психиатрия с самого начала явилась мощным средством социального контроля, призванного охранять традиционное неравенство в правах мужчины и женщины. Под маской гуманности скрывалась «новая форма патерналистского доминирования» [12]. Чаще всего использовался диагноз «истерия», само название которого произведено от «hystera» - матка. Этот диагноз использовался для любых видов необычного поведения, «странных» симптомов и т.д. В таком смысле для психиатров синдром истерии символизировал уязвимую, изменчивую, непостоянную женскую натуру. Само его имя ассоциировалось с женской сексуальностью; викторианские психиатры приписывали его происхождение некоторым комбинациям подавленной сексуальности, вынужденной пассивности, фрустрированным материнским драйвам, стремлению перейти границы женского предназначения и активно участвовать в социальной жизни. Истерию могла вызывать излишняя образованность, которая представлялась психиатром самой опасной вещью. Образование всегда создает риск для слабого женского ума [13]. Нарождающаяся психиатрия совершила здесь ловкий трюк: большая часть психологических проблем, которые возникали у женщин, были отнесены к попытке женщин преодолеть границы,

проведенные самой природой. Против природы, конечно, ничего сделать нельзя. Любого непредвзятого исследователя удивляет полное безразличие психиатров к исследованию иной возможности объяснения многочисленных «неясных» психологических симптомов у женщин, а именно тем, что Томас Зез назвал «проблемами жизни». Действительно, с развитием индустриального общества роль женщины становилась все более противоречивой, к ней предъявлялось все больше требований. Если мы представим себе, что могла переживать женщина, получившая хорошее для того времени образование, но вынужденная подчиниться жестким требованиям своей гендерной роли, то мы поймем состояние сильнейшего напряжения и разочарования, которое она испытывала. С одной стороны, образование открывало перед ней новые горизонты культуры, науки и искусства, с другой, ее роль «хранительницы домашнего очага» предписывала оставаться в замкнутом домашнем мире. Образование дает свободу, женская роль требует подчинения родителям, мужу и другим «патриархальным авторитетам» в обществе. Если мужчина получал «хорошее» образование, он пользовался им для подъема по социальной лестнице, старался сделать как можно более блестящую карьеру. Для женщины образование означало возможность более удачно выйти замуж, практически не пользуясь всеми «плодами просвещения», которые дает образование. При попытке отклонения от ригидной траектории роли «жены и матери» женщина становилась мишенью всего аппарата социального контроля, который не останавливался даже перед операцией клиторэктомии, [14] а в более поздние периоды «расцвета психиатрии» и лоботомии.

Если рассматривать истерию как некий скрытый протест против удушающих женщину требований, то цена этого протеста была слишком высока. В психиатрии появился термин «вторичная выгода» (a secondary gain), который обозначает некие позитивные результаты, которые даются заболеванием. Действительно, может быть это очень выгодно для женщин иметь диагноз психического расстройства? Это давало участливое внимание семьи, сострадание, частые визиты врача. С «больной» снимались многие бытовые обязанности, ослаблялись ролевые требования. Она могла прекратить оказывать сексуальные услуги своему мужу, перепоручить уход за детьми прислуге и т.д. Это составляло «вторичные выгоды» от диагноза «истерия».

К началу XX века формируется ролевая оценка мужского и женского поведения в психиатрии. Психическое здоровье женщины начинает измеряться ее эффективностью как домохозяйки, жены и матери. При этом особенно сильно стигматизируется поведение женщины, которое придает ей мужские черты. Это нашло свое окончательное выражение в концепции «пограничного расстройства личности». В XX веке это породило целый массив психиатрической литературы. Особенно здесь «преуспел» психоанализ. Бесконечно много расписывались всевозможные «неосознанные» стратегии получения оных вторичных выгод. Опять начала проглядывать злокозненная женская натура. Но все эти выгоды были совершенно несоизмеримы с «первичными потерями», связанными со стигматизирующим диагнозом. Шоуволтер пишет об этом так: «ценой было бессилие и молчание. По словам французской феминистической исследовательницы Хелены Сиксоу: 'Молчание': молчание - вот знак истерии. Великие истерички страдали потерей речи... их языки были отрезаны, и то, что они говорили, не было услышано, потому что говорило тело, и мужчина не слышал тело» [15]. Но это не было единственной ценой, заплаченной женщинами, страдающими истерией. Английские психиатры решили бороться со всякими возможностями «истеричек» получать выгоду

от своего заболевания. Они начали совершенно безжалостно обращаться с пациентками, которых они находили трусливыми, театральными, коварными, морально неполноценными. Врачи были со своими пациентками часто грубыми, безжалостными, иногда даже brutальными. Ф. Скей писал в своем руководстве по истерии: «Насмешка - это мощное оружие, но нет эмоции равной страху для очищения личности пациентки» [16]. Но «доктор» не рекомендовал останавливаться только на угрозах. Нужно было действовать. «Истеричкам» не давали дышать до потери сознания, лили холодную воду на голову, били мокрыми полотенцами, надавливали на некоторые «нежные области тела». Это помогало [17]. Конечно, к мужчинам применялись не менее жесткие меры наказания, и психиатрическое «лечение» (несмотря на гуманистическую риторику) было не менее суровым. Вопрос только в том, что требовалось от женщин и мужчин, какие ролевые ожидания к ним применяли представители «самой гуманной в мире профессии». Психиатрия стала одним из самых серьезных «блокпостов» для продвижения движения за равноправие женщин и мужчин. Психиатры, как и остальные медики, настаивали на протекционистской политике по отношению к женщинам. «Протекционизм» в данном случае означает «защиту» слабого пола от «ужасов» реальной жизни. Во многом на медицинской экспертизе базировалось постановление Верховного суда США в 1873 году, запрещающее женщинам заниматься правом. Верховный судья Джозеф Брэдли выразил так мнение Суда: «Мужчина является или должен являться охранителем и защитником женщин. Естественная природная пугливость и деликатность, присущая женскому полу, очевидно, делает их непригодными для многих профессий в гражданской жизни общества» [18]. Подобные основания приводились для запрета на участие женщин в голосовании. С 1869 по 1920 гг. женщины боролись за право голоса в США. Множество судебных решений, которые исключали их из этого процесса базировались на мнении медицинских экспертов, которые раз за разом свидетельствовали, что женщина нестабильна психически, не обладает подлинным здравым смыслом, может проголосовать за «обаятельного мерзавца». Политические страсти могут повредить ее репродуктивной системе. Аргументы подобного рода всегда подкреплялись обширной «практикой» врачей, их «клиническим опытом». Неприкрытая дискриминация покрывалась флером «заботы о здоровье женщин» (а значит, и здоровье нации) и т.д. Психиатры и вообще врачи всех профессий занимали столь сексистскую позицию не только потому, что они были мужчинами. Борьба за освобождение женщин тоже бизнес. В рыночной экономике прибыль ценится выше, чем «половая солидарность». Дело в том, что так называемая «гиппократовская модель» медицины является патерналистской по всей своей идеологии. В начале XX века, с появлением психоанализа, психиатры нашли себе новый рынок сбыта, утверждая, что «психически зрелая женщина» должна научиться испытывать вагинальный оргазм. Это обеспечило им огромные прибыли и несколько отвлекло от политического дискурса. Этот поворот психиатрии я не буду рассматривать в данной статье.

В следующей части статьи я рассмотрю психиатрию в переходный период борьбы против сексизма в диагностике психических заболеваний. Здесь я хочу заметить, что в России пока не очень хорошо умеют разглядеть, что кроется за ярлыками типа «самая гуманная в мире профессия», «врачебный долг» и т.д. Это очень часто инструмент борьбы за власть в обществе. Ситуация, когда врач обладает возможностью контролировать жизнь больного, делая рекомендации, требуя определенного режима, принятия лекарств и т.д., в то же время, не неся никакой ответственности за

результаты лечения (главное, чтобы все шло «по правилам») - безусловно указывает на асимметрию власти. В XIX веке пациенты платили врачам, но врач всегда выступал еще и в роли некоторого «благодетеля». Врачебная профессия потрясаяще долго удерживала уникальные позиции в рыночном обществе на Западе, продавая свои товары и услуги без жестко оговоренных обязательств обеих сторон. В США в начале XX века мальчикам начали делать в массовом порядке циркумцизию. Предполагалось, что это защитит от онанизма. Однако врачи даже не удосужились изучить, как обстоят дела в еврейской общине, где обрезание практикуется обязательно с самого рождения мальчиков. Евреи мастурбировали не менее лихо, чем «необрезанные». Сколько проводилось сомнительных операций (клиторэктомия, лоботомия и т.д.), которые не приносили ничего, кроме страданий, но, поскольку это соответствовало «теории» медицины, врачи не принимали возражений. Любой торговец товаром обязан сообщать о его изъянах покупателю, иначе он должен компенсировать ущерб. Это альфа и омега рынка. Врачи не делали этого никогда, вплоть до конца 70-х годов XX века, когда, наконец, начался переход от «гиппократовской медицины» к модели «медицины как товара». Только тогда женское движение смогло активно вмешиваться в оценку предлагаемого «товара здоровья». До этого медицина безоговорочно вносила свой вклад в половую дискриминацию. Достаточно вспомнить, как в СССР врачи точно указывали, в каком возрасте женщинам лучше рожать детей, совершенно не думая, что это напоминает не «гуманистическое отношение к прекрасному полу», а идеологию конного завода. До сих пор российские медики приходят в ужас от желания многих женщин в США и Европе родить ребенка после менопаузы. «Это же противно природе!» Все это связано с тем, что медицина представляет собой в каком-то смысле квинтэссенцию доминирования при помощи комбинации экспертного знания и идеологии. Наиболее заметно это в демократических странах. В США медицина является настолько мощной политической силой, что все попытки администрации Б. Клинтона ее реформировать провалились. Она доступна только давлению со стороны объединенных потребителей медицинских товаров и услуг. В странах с авторитарными и тоталитарными политическими режимами медицина не обладает таким политическим влиянием, поскольку политической власти не нужен лишний конкурент. Однако, патерналистская риторика и сексизм были присущи медицине и в СССР (хотя большинство врачей составляют женщины). Смена модели медицины связана с деятельностью различных социальных групп, которые стремятся сделать отношения врач — больной прозрачными. Особенно важно это для психиатрии, где постоянно вводятся новые диагностические категории, и где отсутствует более или менее внятная концепция психических расстройств.

В новой версии американского диагностического и статистического руководства по психическим расстройствам (DSM-IV) было предложено ввести несколько новых диагностических категорий, которые носили выражено сексистский характер. Я хочу остановиться на дебатах по этому поводу, поскольку пример истерии может выглядеть архаичным для современного российского читателя. Хочется показать, что сущность психиатрического контроля не изменилась.

При пересмотре предыдущей версии руководства по диагностике было решено унифицировать категории, сделав их атеоретическими, поскольку не существует доминирующей школы в психиатрии. Прежняя версия считалась слишком психоаналитически перегруженной. Я остановлюсь на двух диагностических категориях со всеми трансформациями ярлыков. Это мазохистическое расстройство личности и предменструальное расстройство.

Прежде я должен очень кратко охарактеризовать диагностическое и статистическое руководство по психическим расстройствам (DSM), поскольку оно является наиболее развитым продуктом психиатрической мысли. В предпоследней версии DSM-111-R состояло из четырех осей, каждая из которых играла специфическую роль в диагностике. Для данной статьи имеют значение первая и вторая оси. Первая — это специфические синдромы и симптомы психологических расстройств (например, расстройства настроения). Вторая ось - это расстройства личности. Остальные оси (которых в DSM-1Y еще 3, а в DSM-111-R, две) играют вспомогательную роль. Предполагалось, что DSM-111-R и DSM-1Y будут наиболее «научными» из всех психиатрических классификаций, предложенных в мире. В психиатрии проблема диагностических критериев стоит особенно остро, поскольку эксперименты, проведенные разными исследователями, показали крайнюю ненадежность психиатрического диагноза. «Консенсус» наблюдается относительно простых расстройств — алкогольной и наркотической зависимости, ряда органических поражений мозга. В других случаях он меньше 50% [19]. Такие расхождения заставляют настороженно относиться к психиатрической диагностике, поскольку любой психиатрический диагноз является очень мощной стигмой.

При введении новых диагностических категорий создается специальный комитет, который рассматривает надежность и валидность данных диагностических «ярлыков». При пересмотре руководства по диагностике было предложено ввести несколько новых диагностических категорий, которые касались практически исключительно женщин. По оси 1 вводилось новое психологическое расстройство, которое первоначально называлось «дисфорическое расстройство поздней лютеиновой фазы» (затем переименованное в «предменструальное дисфорическое расстройство»). По второй оси (расстройства личности) вводилось «мазохистическое расстройство личности» (которое затем было названо «самопораженческое расстройство личности» [20]).

«Предменструальное дисфорическое расстройство» сразу вызвало резкую реакцию со стороны активистов движения по защите прав женщин. Для того, чтобы читателю было понятно значение этого расстройства, я сначала приведу диагностические критерии, которые позволят оценить этот шедевр психиатрической мысли по достоинству.

Таблица 1.

Предменструальное дисфорическое расстройство.

А. В большей части менструальных циклов последнего года симптомы из графы «В» возникали в течение последней недели лютеиновой фазы и ослабевали в течение нескольких дней после начала фолликулярной фазы. У менструирующих женщин эти фазы соответствуют неделе до начала менструации и нескольким дням после начала оной. (У немменструирующих женщин, которые подверглись удалению матки, время поздней лютеиновой фазы может требовать измерения циркуляции репродуктивных гормонов).

В. По меньшей мере пять из следующих симптомов должно присутствовать в большую часть времени в течение поздней лютеиновой фазы и, по меньшей мере, один из следующих симптомов должен присутствовать (1), (2), (3), (4).

1. значительная аффективная лабильность, например, переживание неожиданной печали, слезливости, раздражения или злости;
2. постоянная и значительная злость или раздражительность;

3. значительная тревога, напряжение, чувство «заведенности» или «на грани»;
4. значительное депрессивное настроение, чувство безнадежности или самоунижающие мысли;
5. снижение интереса к обычной активности, например, к работе, друзьям, хобби;
6. легкая утомляемость или ощутимая потеря энергии;
7. субъективное чувство трудности сконцентрироваться;
8. заметное изменение аппетита, переедание или острое желание какой-нибудь специфической пищи;
9. недосыпание или излишний сон;
10. другие физические симптомы, такие как чувство распирания [21] в молочных железах или их болезненное увеличение, головная боль, боли в суставах, чувство распирания в брюшной полости, набор веса.

С. Расстройство серьезно мешает работе, обычной социальной активности или отношениям с другими людьми.

Д. Расстройство не является простым усилением другого, уже имеющегося расстройства, такого как большая депрессия, паническое расстройство, дистимия, или расстройство личности (хотя может накладываться на эти расстройства).

Е. Критерии А, В, С и D подтверждаются ежедневной самооценкой в течение последних двух месячных циклов (Предварительный диагноз может быть поставлен до этого подтверждения).

Примечание. Для целей кодирования, записывать: 300.90 Неспецифицированное Психическое Расстройство (Предменструальное Дисфорическое Расстройство) [22].

Таковы критерии для вновь вводимой категории. Предварительный подсчет показал, что примерно 500 000 тысяч американских женщин могут получить такой диагноз. Можно решить, что здесь нет ничего плохого. Наконец, психиатрия выявила еще одно страдание и готова облегчить состояние страждущих. Почему феминистки выступили с такой резкой критикой этого диагноза? Ведь давно известно, что некоторые женщины испытывают определенные неприятные физиологические и психические ощущения в этот период. Вопрос, конечно не в этом. Дело в том, что это психиатрический диагноз. Уже начали обсуждать возможность выяснять у женщин при приеме на работу, страдают ли они предменструальным дисфорическим расстройством. Наверное, некоторые очень ответственные профессии требуют постоянной психологической стабильности и нужно отсеивать подобных женщин как профессионально непригодных [23]. Против этого диагноза развернулась целая кампания: бесконечные конференции, теледебаты, широкое участие прессы, от радикальной до консервативной (одно из преимуществ демократии — невозможность приведения нового руководства кулуарно, в тиши кабинетов). Была показана не научность данного диагноза, которая заключалась в том, что в основе данного синдрома лежат физиологические дискомфортные ощущения и гормональные изменения. Они могут влиять на настроение. Но куда большую дисфорию может вызывать зубная боль, язвенная болезнь желудка и двенадцатиперстной кишки; даже банальный запор и список может быть бесконечным. А что говорить о стенокардии, диабете и т.д.? Все эти заболевания могут вызывать дисфорию, депрессию, тревогу, злость, но их не относят к психическим расстройствам. Люди, страдающие ими, могут хотеть получить психологическую помощь, но они не попадают под категорию психически расстроенных. Здесь же каждая женщина должна рассматриваться с подозрением на возможную нестабильность ее психики

ровно раз в месяц. Мужчины, которые также могут испытывать значительное колебание уровня тестостерона, не охватываются никакой подобной диагностической категорией.

Ряд работ феминистических исследовательниц выявил, что многие женщины, если им предложить вести ежедневный мониторинг своего состояния, испытывают максимальный дискомфорт, начиная со 2-го дня месячных, и это, в основном, физический дискомфорт [24]. У многих женщин предменструальное напряжение связано со страхом перед возможной беременностью, поэтому они испытывают облегчение при начале кровотечения. Другие испытывают сильное напряжение, связанное с отсутствием нормальных отношений в семье, низкооплачиваемой работой и т.д. Сексистская нагруженность этого диагноза понятна. Благодаря усилиям феминисток и других активистов, данный диагноз в DSM-1Y числится в разделе расстройств, нуждающихся в дополнительной экспериментальной и клинической проверке.

Следующее расстройство, которое обладает выраженным сексистским содержанием, явилось «мазохистическое расстройство личности» (ось 2), которое было затем переименовано в «самопораженческое расстройство личности» (СРЛ). Я не буду приводить здесь подробно все диагностические критерии, а выберу наиболее существенные.

Самопораженческое расстройство личности

А. Постоянно проявляющееся самопораженческое поведение, начинающееся с ранней зрелости и присутствующее во множестве социальных контекстов. Личность может избегать или обесценивать занятия, доставляющие удовольствие, вовлекаться в ситуации или отношения где он/она страдают, не позволяют другим помочь себе, в качестве индикатора используются, по меньшей мере, пять симптомов, указанных ниже:

1. выбирают людей и ситуации, которые ведут к разочарованию, провалу, либо плохому обращению с ними, даже когда есть лучший выбор;
2. отвергают или делают неэффективными попытки других помочь ему или ей;
3. вслед за позитивными для личности событиями (например, новые достижения) испытывают депрессию, чувство вины либо ведут себя так, что это приводит к страданиям (например, с ними происходит несчастный случай);
4. инициируют злость или отвержение другими, а затем чувствуют обиду, поражение, или унижение (например, смеются над супругом на публике, провоцируя злобный ответ, затем чувствуют себя уничтоженными);
5. отвергают возможность получения удовольствия, или медлят развлечь себя (хотя обладают достаточными социальными навыками и способностью получать удовольствие);
6. не могут завершить задачи, жизненно важные для себя, несмотря на умение выполнять их, например, помогают своим коллегам-студентам писать курсовые работы, но сами не пишут их;
7. не интересуются или отвергают людей, которые постоянно относятся к ним хорошо, например, их не привлекают заботливые сексуальные партнеры;
8. вовлекаются в эксцессивное самопожертвование, которое не требуют получатели результатов жертвоприношения;

В. Поведение А не возникает исключительно в ответ или в предвосхищение физического, сексуального или психологического насилия [25].

С. Поведение в А не происходит только тогда, когда личность находится в состоянии депрессии [26].

Вся «прогрессивная публика» была ошеломлена возрождением психоаналитического мифа о женском мазохизме. Ясно, что основной мишенью данной диагностической категории стали женщины, которые почему-то продолжают оставаться в отношениях с партнерами, которые их унижают, насилуют, бьют, даже убивают. Удивительно, что это принято уже после множества детальных исследований, показавших именно социальную, а не психологическую природу такого поведения женщин. Психиатры продолжают искать психологические мотивы, делающие женщин жертвами! Может быть, женщинам вообще нравится жестокость и грубость партнеров. Я не иронизирую, поскольку комитетом, разрабатывающим данное диагностическое руководство, «прорабатываются» следующие диагностические категории «Расстройство, Связанное с Парафилическими Мечтаниями об Изнасиловании» (Paraphilic Rapism), позже этот синдром был заменен более темным: «Расстройство, Связанное с Парафилическими Мечтаниями о Принуждении». Оказывается, женщины навязчиво мечтают о насилии. Эти категории пока «не прошли», но некоторые русские «психотерапевты» по телевидению рассуждают, как женщины провоцируют насильников, одеваясь сексуально, двусмысленно улыбаясь и т.д. Я сам был свидетелем такой телепередачи.

Конечно, сейчас психиатрам не удастся так просто конструировать разные виды патологии, но патерналистский подход к женщинам еще присутствует очень явно. Особенно неприятно это по той причине, что DSM-1Y взята за основу Международной Классификации Болезней десятого пересмотра (МКБ-10). Американская психиатрия является лидером мировой психиатрии не только из-за ее научных и лечебных успехов, но и из-за огромного политического влияния. Всем хочется быть такими же влиятельными и богатыми, как американские врачи.

В России психиатрия пока испытывает огромные материальные затруднения и фактически не является значительной политической силой. Однако, из-за очень сильных консервативных тенденций, набирающих силу в общем, из-за сложной демографической ситуации, может возникнуть соблазн начать воспроизводить прежние стереотипные половые роли средствами медицины, в особенности, психиатрии. Это опасно еще и потому, что в России пока вообще отсутствует гласность относительно вводимых психиатрией категорий, поскольку общественность обеспокоена гораздо более грубыми полицейскими функциями, которые выполняла советская психиатрия. Приняты разные «экспертные» обсуждения вопроса, когда широкая публика просто ставится в известность о новой номенклатуре заболеваний. Но медицина является социальным институтом, напрямую связанным с политическим доминированием и непросительно глупо полагать, что «доктора» только и делают, что думают о благе пациентов. Это миф гиппократовской медицины, которая не может смириться с необходимостью вступать с пациентами в договорные отношения, где обе стороны равны. В развитых странах этот переход происходит сейчас. Медицина престала быть абсолютным инструментом доминирования, она стала доступна критике и изучению «со стороны». Однако, будучи изначально патриархальным социальным институтом, она требует еще многих изменений, чтобы ее можно было назвать просто институтом, который занят здоровьем людей, а не Obsessive стремление к

доминированию. Целью данной статьи было желание показать, хотя бы фрагментарно, роль, которую играла (и продолжает играть) психиатрия в сохранении мужского доминирования. Поскольку медики с большими сомнениями относятся к любым критическим замечаниям, сделанным «профаном», должен заметить, что я окончил медицинский институт с «отличием» и имею диплом психолога.

В заключение хочется привести остроумный ход феминисток. Они предложили Американской Психиатрической Ассоциации (АПА) ввести новое расстройство личности: «Бредовое Доминантное Расстройство Личности». Приведу его целиком, чтобы читатели могла оценить, как мужское поведение может стать мишенью психиатрической диагностики.

Бредовое Доминантное Расстройство Личности

(предложение для введения)

Индивиды, имеющие это расстройство, характеризуются по наличию, по меньшей мере, 6 из следующих 14 критериев.

1. Неспособность устанавливать и сохранять значимые межличностные отношения;
2. Неспособность идентифицировать и выражать множество чувств внутри своей личности (часто сопровождается неспособностью точно идентифицировать чувства других людей);
3. Неспособность отвечать адекватно и эмпатически на чувства близких людей и интимных партнеров (часто приводит к неверной интерпретации сигналов, исходящих от других);
4. Тенденцию использовать силу, молчание, отстранение и/или избегание, а не переговоры перед лицом межличностного конфликта или сложностей;
5. Принятие гендер-специфичного локуса контроля (вера, что женщина ответственна за все плохое, что с ней случается, а все достижения связаны с ЕГО личными усилиями, способностями и дарованиями);
6. Эксцессивная потребность раздувать важность своей личности и своих достижений, а так же мужчин вообще. Это часто связано с потребностью принижать достижения своего партнера и женщин вообще;
7. Вера, что женщины любят страдать и нуждаются, что бы ими командовали...
8. Явная тенденция к категории сфер функционирования при помощи ригидных половых стереотипов. Например, что домашняя работа - дело женщин.
9. Использование двойного стандарта для оценки поведения (например, если мужчина иногда готовит завтрак, он просто замечательный человек, если женщина иногда не готовит завтрак, она просто отвратительна).
10. Потребность появляться в общественных местах в сопровождении так называемых «красивых» женщин, которые должны быть ниже ростом, моложе, обладать более низким социальным статусом, весить меньше, чем сам мужчина.
11. Искривленный подход к сексуальности. Потребность в восхищении (а) собственными сексуальными способностями и (б) размером полового члена. Инфантильное стремление приравнивать большую женскую грудь к сексуальной привлекательности.
12. Чувствовать угрозу со стороны женщин, которые не скрывают своего интеллекта.
13. Неспособность получать удовольствие, делая вещи для других.

14. Эмоционально неконтролируемое противостояние реформам, уравнивающих в правах мужчин и женщин [27].
15. Конечно, это написано не без юмора, но комитет по DSM-1Y ответил, что нуждается в дальнейших исследованиях и эксцессивной эмпирической проверке данного расстройства [28]. Все было воспринято совершенно серьезно. Нужны только факты.

Библиография и примечания:

1. Illich. *Medical Nemesis*. Random House, NY, 1976. Название книги многозначно, поскольку Nemesis является так же именем богини Немезиды. Возможен перевод названия «Медицина-мстительница».
2. Этот чрезвычайно интересный эксперимент стал своего рода «хитом», который до сих пор обсуждается с неослабевающим жаром. См.: Rosenhan, D. On being sane in Insane Places. // *Science*, 179 (1973), p. 250-258.
3. Был даже проведен эксперимент в американских тюрьмах, когда психиатры оценивали состояние преступника, и решали, когда он излечится. Получилось очень неудачно. См.: Prettyman E.B. The Indeterminate Sentence and the Right to Treatment. In *Justice as Fairness*. Ed by D. Fogel and J. Hudson, New York, 1981, p. 69-99.
4. В США, в случаях «неуспеваемости и плохого поведения» ребенка обязательно осматривает психиатр. См.: Szasz, T. *Psychiatric Slavery*. NY, Free Press, 1977.
5. Известно, что в среднем женщины живут дольше мужчин на 7 лет. Если, конечно, нет традиции женского инфантициды и чудовищного обращения с ними. Все это есть, например, в Кении.
6. Showalter, E. *The Female Malady: Women, Madness and English Culture*. 1830–1980. NY, Pantheon, 1985, p. 3-4.
7. Smith-Rosenberg, C. & Rosenberg, Ch. The Female Animal. In *Journal of American History* (1973), pp. 332-356.
8. Showalter, E. *The Female Malady: Women, Madness and English Culture*. 1830–1980. NY, Pantheon, 1985, p. 74.
9. Scull, A. *Social Order/Mental Disorder*. University of California Press, Berkeley, 1989, p. 273.
10. Ibid., p. 274.
11. Horwitz, A. *The Logic of Social Control*. Plenum Press, NY., 1990, pp. 83–93.
12. Scull, A. *Social Order/Mental Disorder*. University of California Press, Berkeley, 1989, p. 274.
13. Clark, M. The Rejection of Psychological Approach to Mental Disorder in Late XIX Century British Psychiatry. In *Madhouses, Mad-Doctors, and Madmen.*, ed. A. Scull, p. 293–300.
14. Медицина XIX века полагала, что эта операция снизить излишнюю сексуальную возбудимость, которая не свойственна женщине и позволит ей удовлетвориться традиционным предназначением — быть "хорошей женой и матерью". Это было подробно исследовано в работах Эндрью Скалла, показавшего, насколько фальшива традиционная история психиатрии, где медицина продвигается «от победы к победе». См.: Scull A. The Clitoridectomy Craze. In *Social Research*. 53 (1986), p. 243–260.
15. Showalter, E. *The Female Malady: Women, Madness and English Culture*. 1830–1980. NY, Pantheon, 1985, p. 160-161.
16. Skey, F.C. *Hysteria*. 2 ed. London, 1867, p. 138.

17. Ibid., p. 19-141.
18. Cit. From Janda, K., Berry, J., Goldman, J. *The Challenge of Democracy*. Boston, 1987, p. 662.
19. Caplan, P. *They Say You're Crazy*. Addison-Wesley Publishing Company, NY, 1995, p. 199-215.
20. У меня не нашлось лучшего перевода для 'self defeating personality disorder' - Н.Щ.
21. Это как-то нехорошо звучит по-русски, но медики очень любят слово «распирание» — Н.Щ.
22. Цит. по: Caplan, P. *They Say You're Crazy*. Addison-Wesley Publishing Company, NY, 1995, p. 124–125.
23. Обсуждение негативных последствий принятия такого диагноза для женщин см.: Caplan, P. *They Say You're Crazy*. Addison-Wesley Publishing Company, NY, 1995, p. 126-167.
24. Op. cit., p. 156.
25. В данном контексте мне пришлось 'abuse' перевести как «насилие» — Н.Щ.
26. В таком виде диагностические критерии помещены в DSM-111-R, цитируется по Caplan, P. *They Say You're Crazy*. Addison-Wesley Publishing Company, NY, 1995, p. 87–88.
27. Ibid. p. 169-171.
28. Frances, A. *Letter to Paula Caplan*. June 12, 1989, p. 1.

ГЕНДЕРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Александра Лысова

ВЛИЯНИЕ РОМАНТИЧЕСКИХ ОЖИДАНИЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ И НЕЗАВИСИМОСТИ ЖЕНЩИН

В статье мне хотелось бы затронуть один из аспектов гендерной социализации, а именно романтические ожидания женщин, оказывающие, на мой взгляд, существенное, но мало заметное «невооруженным глазом» влияние на многие сферы отношений между мужчинами и женщинами, а также в целом на положение женщин в современном обществе. Если в связи с понятием «гендер» («gender») возникает идея, прежде всего, социального конструирования [16], то есть того, что было сформировано самим обществом в процессе социализации человека, то понятие «романтические ожидания» воспринимается как более усложненное. Дело в том, что, с одной стороны, о романтических ожиданиях можно говорить как о некоем социальном сценарии, сформированном в период раннего детства и воспринимаемом людьми как базисная потребность существования (как утверждается в рамках неопсихоаналитических теорий). С другой стороны, романтические ожидания можно считать идеологическим конструктом, посредством которого идеи брака, свадьбы, сексуальности и все, вытекающие из этого последствия (неравное распределение власти в семье, неоплачиваемый домашний труд, проблема домашнего насилия и другие), конструируются в обществе и, наконец, начинают представлять собой ценности и нормы доминирующей культуры (согласно конструктивистским теориям). Спектор и Китсьюз впервые применили конструктивистскую перспективу к социальным проблемам (хотя их попытка была очень близка перспективе, предложенной Блумер в 1977 году, где анализируются социальные проблемы как коллективное поведение). С точки зрения этой перспективы, социальные проблемы конструируются деятельностью выдвигающих определенные требования групп, а не являются результатом условий жизни. То есть не имеет значения, существует условие «объективно» или нет, так как «социальные проблемы — это то, что люди считают социальными проблемами» [16].

В последнее время в России под влиянием не только женского движения, но и изменения политических возможностей системы в целом был поднят ряд важнейших вопросов, связанных с положением женщин как в публичной, так и в приватной (семейно-бытовой) сферах общества, с различием гендерных ролей и особенностями полоролевой социализации [2]. Особое внимание привлечено к проблеме насилия в семье, одной из причин которого, помимо ухудшения криминогенной обстановки, бедности, отсутствия соответствующего законодательства и неэффективной работы правоохранительных органов, является целый набор убеждений, верований и ожиданий романтического характера, сдерживающих женщин в достижении самостоятельности и самореализации. Это способствует персистенции экономической зависимости, удерживающей многих женщин в интимных отношениях, с человеком, совершающим насилие; заставляющих женщин полагаться во многом только на мужчин (возможно, с этим связано то, что можно назвать «заклевыванием», «нытьем», которое мужчины часто рассматривают в качестве провокации к насилию); страстное стремление вступить в брак и родить ребенка как основной способ достижения истинной зрелости (это порождает ранние браки, значительную

часть подростковых беременностей, отсутствие возможности получения образования, финансовые проблемы и т.д.).

Считаю нужным привести несколько примеров. По данным трехлетнего опыта работы кризисных центров в России, а также данных опросов, в том числе в органах внутренних дел, проведенных и собранных Татьяной Сидоренковой [6], в процентном соотношении женщины чаще других членов семьи становятся жертвами разного рода насильственных действий; чаще всего вначале проявляется «психическое насилие», которое в определенный момент дополняется различными по степени тяжести физическими действиями, а затем может перерасти в физическое или сексуальное насилие.

Согласно статистике, собранной в рамках проекта «Новые возможности для женщин» и общественной экспертизе законопроекта «Об основах социально-правовой защиты от насилия в семье» [1], чаще всего от насилия страдают женщины. В целом в 1993 году количество преступлений, по которым были установлены потерпевшие-женщины, равнялось 331815. В 1994 году количество таких преступлений возросло на 70,4%, что в абсолютных показателях составляет 565358 случаев. А в 1995 году совершено уже 641231 преступлений, потерпевшими от которых являются женщины.

Согласно данным исследования причин и последствий различных видов семейного насилия в отношении женщин, обращавшихся по телефону доверия центра «Ярославна» в течение 1997 г., существует прямая связь между такими факторами, как «муж — основной источник дохода» и «муж — субъект насилия» (в случае, если оба супруга вносят в семейный бюджет приблизительно равную долю, вероятность того, что муж становится субъектом насилия — меньше). Ю.В. Градскова как непосредственный участник приведенного выше исследования считает, «что одной из наиболее распространенных схем распределения ролей в семье, где муж прибегает к насилию, оказывается следующая: замужняя женщина, имеющая одного или двух несовершеннолетних детей, надолго бросает работу и занимается домом и воспитанием детей. Причем со временем она может вновь возвратиться к работе, но эта работа окажется либо временной подработкой, либо помощью мужу в его предпринимательской деятельности, либо постоянной работой с невысоким заработком и не требующей имеющейся у женщины квалификации. Такая женщина оказывается изначально зависимой от мужа, как в экономическом, так и в эмоциональном плане. Свой заработок она всегда рассматривает в качестве дополнительного, работу — в качестве временной подработки, а семью и дом — центром ее истинной жизни» [3].

Итак, налицо необходимость анализа системы идей, а именно романтических ожиданий, нередко лежащих в основе и обуславливающих тяжелое положение женщин. Поставим перед собой два вопроса: во-первых, как романтические идеалы и ожидания представлены в культуре и, во-вторых, каков механизм их усвоения. Для реализации первой задачи я считаю нужным обратиться, главным образом, к исследованиям социолога Лилиан Рубин, которая занималась детальным изучением паттернов семейной жизни американского рабочего класса, а также пыталась провести сравнительный анализ паттернов семейной жизни рабочего и среднего классов американского общества. К сожалению, из-за недостатка социологических исследований жизни российской семьи я не могу пока привести достоверных данных по этому вопросу, но считаю, что результаты исследований Л. Рубин в отношении романтических ожиданий окажутся очень важными для понимания этой проблемы. Тем более можно

предположить о некоторой схожести романтических идеалов и образов в американской и российской культурах, исходя из «бешеной» популярности, как в США, так и в России, сверхромантических голливудских фильмов, таких как «Титаник», «Армагеддон», «Красотка» и другие. Также важно понимать, что в России «за долгие годы коммунистической идеологии сформировался тип "советской семьи", лишенной частной собственности, доходами и жизнью зависимой от государства, которая при этом сама стала эффективной ячейкой социального контроля над личностью» [4, С.164, 242]. Государство стремилось к тотальному контролю над индивидуумом, полностью отрицался секс, и в целом, благодаря исследованиям И. Кона и С. Голода, была выявлена крайне стереотипная и традиционно-сексистская картина. Результатом тотального контроля над личностью явились чувства безысходности, безнадежности, апатии и слепого подчинения своей судьбы обстоятельствам (что, кстати, характерно для представителей рабочего класса в американском обществе), что, можно предположить, служит благодатной почвой для формирования подобного типа романтических идей. Так, крайне стереотипные образы мужественности и женственности воссозданы в ряде пособий по курсу «Этика и психология семейной жизни» (под авторством А.Г. Хрипковой и Д.В. Колесова, Т.М. Афанасьевой, Г.П. Разумихиной и другими) и предназначены, главным образом, для школьников и учащихся средних специальных учебных заведений. В пособии для старшеклассников, например, Г.П. Разумихина предостерегает девочек-подростков от «губительного для женщины процесса утраты ею женственности», который, по мнению автора, заключается в невыполнении «основного предназначения» женщины, что только и способно сделать ее «поистине женственной» — материнской миссии [5, С.54]. Такие черты, как «стыдливость, девичья честь и скромность» [5, С.53], демонстрируются в качестве важных атрибутов женственности. О свадьбе же автор пособия советует школьникам подумать прямо сейчас, считая «свадьбу - торжеством человеческого разума», «продолжением национального бытия, да и самой жизни, в конце концов!» [5, С.92].

Что касается второй, поставленной мной задачи, то здесь хотелось бы привести две теории, по-разному объясняющие истоки романтических ожиданий и механизмы их усвоения, а именно непсихоаналитическую теорию Нэнси Чодоров и теорию социальной конструкции Крис Ингрэм.

Итак, интересующая нас проблема напрямую связана с процессом формирования гендерной идентичности, т.е. того, кем мы себя осознаем, мужчиной или женщиной. Формирование гендерной идентичности начинается с самого детства под влиянием семьи, школы и сверстников. Уже в возрасте между тринадцатью месяцами и тремя годами, каждый индивидуум имеет представление о себе как принадлежащем к женскому или мужскому полу [12]. Стандарты маскулинности и феминности в этот период обычно сильно стереотипизированы, и занимают противоположные полюсы. В зависимости от принадлежности к тому или иному биологическому полу мужчины и женщины развивают свою половую и гендерную идентичность. Некоторое время считалось и до сих пор сохраняется в рамках теории структурного функционализма убеждение, что в основе гендерной идентичности лежат определенные биологические факторы, которые и приводят к различиям между полами. Так, мальчики обладают врожденными чертами маскулинности (сила, агрессивность, рациональность, независимость, центрированность на задаче), а девочкам от рождения присущи такие феминные характеристики, как мягкость, пассивность, интуитивность, зависимость и центрированность на отношениях. Поляризация гендерных черт привела к неверному

представлению о сексуальных различиях как полностью детерминированных врожденными факторами без учета социальных факторов, что, в конечном счете, привело к сепаратизму между полами. Эта борьба между полами существенно ограничивала и до сих пор ограничивает потенциалы и возможности каждого пола, сокращает репертуар возможного поведения и ожиданий в отношении и мужчин, и женщин. Этот феномен часто служит базой личностного и институционального сексизма в нашем обществе [12, p.11-12]. Одним из возможных ответов на вопрос, что именно ограничивает возможности и потенциалы женщин, является представленная в культуре особая система ценностей и идеалов романтического плана. Однако важно знать, как романтические ожидания представлены в культуре.

Л. Рубин задавала вопрос представителям среднего и рабочего классов, кем они хотели быть, когда были детьми. Этот вопрос оказался довольно сложным для людей из бедных семей - они, главным образом, сообщали об ограничениях, вызванных бедностью. Один из ее респондентов, 32 летний ремонтник, вспоминал, что мечтал хотя бы окончить школу, так как многие дети из его окружения не делали даже этого. Чаще всего рабочие сообщали о полном отсутствии стремления к достижению каких-либо целей. Было поразительно то, что представителям рабочего класса *было непривычно* думать о будущем. Для того, чтобы думать о будущем необходимо верить в возможность контроля над своей судьбой, что, практически, было не свойственно рабочим, и что делало их сознание резко отличающимся от сознания более привилегированных классов [15, p.38, 39].

Планы ребенка, особенно мальчика, рожденного в профессиональном среднем классе, практически ни чем не были ограничены. С самого раннего детства он или она уже задумываются о своем будущем, пытаются строить определенные планы — именно планы, а не сладкие мечты, так как все они опираются на наиболее вероятные ресурсы. Вокруг себя, и в семье, и в школе, и в своем окружении он или она постоянно видят примеры, имеют непосредственную возможность опробовать себя.

Противоположную картину Л. Рубин и другие исследователи семьи наблюдали в случае представителей рабочего класса. Дети из среды рабочего класса сталкиваются с рядом серьезнейших проблем, основные из которых бедность, невозможность по тем или иным причинам получить образование, отсутствие ролевых моделей в вопросах престижных профессий, отсутствие персонального общения, стимулирующего достижение профессионального успеха и построение карьеры. Таким образом, они сталкиваются со всем тем, что приводит к неспособности планирования будущего и невозможности вырваться из этого порочного круга.

Что касается области фантазий и мечтаний, то для представителей рабочего класса она оказалась куда более разнообразной и насыщенной. Так, мальчики мечтали стать ковбоями, пилотами, атлетами мирового класса. Ни один же из них не мечтал о профессиональной карьере. Дело в том, что их отцы, другие родственники и соседи были заняты в основном на низкооплачиваемых черных работах, поэтому практически отсутствовали наглядные модели каких-либо других типов профессий. Реальная перспектива, которую они ожидали, состояла в их скором взрослении, вступлении в брак и работе, не отличавшейся от работы их отцов.

Девочки мечтали быть моделями или актрисами, но большинство сходилось на желании выйти замуж, родить ребенка и жить счастливо. Но особенно будоражили девичье воображение идеи о волшебном рыцаре, который однажды появится на белом коне, чтобы забрать с собой любимую

и жить счастливо. Также нередко упоминалось о принце, который заберет Золушку из золы и жестокости в волшебную страну...

Важно отметить, что девочки из среднего класса не были лишены подобных фантазий, но при этом они страстно желали и стремились к собственному развитию, к развитию своего потенциала, к полному использованию своих ресурсов. Рубин отметила выраженную тенденцию девушек из среднего класса вступать в брак, как правило, после окончания университета. Кроме того, сама возможность покинуть родительский дом с целью обучения удовлетворяет глубокую потребность молодых людей в автономности и свободе, позволяя в то же самое время повышать свой статус в обществе.

Для большинства девушек из рабочего класса до сих пор только замужество является *единственным* приемлемым способом избавления от ограничивающей свободу семейной ситуации и возможности получения более высокого социального статуса, а также, наконец, возможности из девочки превратиться в женщину. Таким образом, несмотря на окружающие их непривлекательные и даже ненавистные им модели их матерей, знакомых и родственников с их тяжелыми беспросветными судьбами, девушки стремились в брак, стараясь не видеть реальности и полностью погружаясь в фантазии о том, что у них все будет по-другому: добрый, умный муж, который бы любил и заботился о них; красивые дети; собственный уютный домик, бесконечная любовь и счастье.... [15, p.43].

Так, мало думая о партнере, каждый был погружен в свои мечты. Для нее главное — реализация материнства — ее собственный дом и семья. Для него — реализация мужественности — заботливая жена, равняющийся на него сын и любящая его дочь. Для обоих это означает конец сепаратности и одиночества. В первые месяцы мечта, казалось бы, воплощается в жизнь. Даже если жена работает, то она относится к этому, скорее, как к временному состоянию. Ведь ее основная эмоциональная энергия сосредоточена на задачах семьи. Но очень быстро обнаруживаются серьезнейшие финансовые проблемы, усиленные тем фактом, что в среднем через семь месяцев после свадьбы рождается ребенок, что вынуждает мать на какое-то время оставить работу. В то же самое время в семьях среднего класса ребенок рождается в среднем на четвертый год после свадьбы (это при том, что средний возраст вступления в брак также гораздо выше), что позволяло обоим супругам все это время беспрепятственно работать, стабилизируя финансовое положение. При этом не нужно забывать того факта, что работа женщин из среднего класса ценится выше, чем работа женщин из рабочего класса. Одну из существенных причин этого исследователи видят в условиях, предопределяющих профессиональный успех, а именно откладывание возраста вступления в брак и рождения детей, что символизирует способность женщин среднего класса откладывать и воздерживаться от непосредственного удовлетворения ради будущего вознаграждения. Ранние браки и следующее за ними рождение детей в рабочем классе может служить показателем неспособности женщин рабочего класса воздерживаться от непосредственного удовлетворения своих желаний, что отчасти и обуславливает их более низкое положение в обществе. Однако важно отметить, что дело может быть не только в неспособности откладывать удовлетворение. Проблема может заключаться в том, что в среде среднего класса существуют довольно перmissive сексуальные нормы, возможность наличия отдельной жилой площади, а также доступ к необходимой информации, отсутствие чего в рабочем классе часто толкает женщин в область необдуманного случайного сексуального поведения, часто завершаемого нежелательной беременностью. Кроме того,

высокообразованные женщины часто откладывают вступление в брак и особенно рождение детей в силу того, что имеют интересную и захватывающую все их внимание и время активность, работу. Женщины из рабочего класса, часто не имея подобных интересов, в рождении ребенка видят основное свое предназначение и спасение от скуки.

После того, как становится очевидным, что почти все их мечты не исполнимы, женщины из рабочего класса считают виновными во всем своих мужей, которые якобы предали их, что вызывает часто фрустрацию и злость. Часто это приводит к ответной реакции со стороны мужей, которые также не удовлетворены своей жизнью и при этом защищаются от нападков жен. Очень скоро они начинают понимать, что свобода, которую они так искали в браке, лишь мираж, и что одни путы они сменили на другие даже более тяжелые.

Итак, по результатам проведенного Лилиан Рубин сравнительного исследования можно судить о силе влияния, а также последствиях действия социальных и культурных факторов, особенно о роли представленных в культуре романтических ожиданий, которые, по большей части, обуславливают различия в возрасте вступления в брак и мотивации рождения детей женщинами из рабочего и среднего классов.

Признавая, по большей части, негативное влияние романтических ожиданий (позитивные аспекты также могут иметь место, но об этом не идет речь в моей статье) в процессе формирования независимой и полноценной личности женщины, важными, на мой взгляд, могут оказаться вопросы отношения самих женщин к данной проблеме, а также изменения в отношениях между полами, связанные с пересмотром традиционных гендерных идеалов (в том числе и романтических ожиданий).

Таким образом, культурные представления, как мы только что могли наблюдать, в реальности обладают мощной силой, воздействуя не только на способ мышления, но и на способ нашего существования. Как точно подметила Рассел Джакоби, «социальное не влияет на наше частное, оно живет внутри него». Происходят серьезные изменения, и то, что сегодня характеризует отношения между мужчинами и женщинами — это борьба. Сегодня на Западе, в США и отчасти в России уже приходит новое видение маскулинности и феминности. Мужчины спрашивают себя: если теперь мы не сильные, молчаливые и деловые, то кто мы теперь? Как нам себя вести? Женщины также хотят знать: если женственность это больше не пассивность, беспомощность и застенчивость, то где наше место? Кто мы? Сегодня речь идет о равенстве между мужчинами и женщинами.

Хотя в последнее время происходят серьезные изменения в области представлений о маскулинности и феминности, тем не менее, мы сталкиваемся с тем, что стереотипные образы мужских и женских ролей властно управляют нами, прочно укрепившись в нашем сознании. Л. Рубин вспоминает о том, что, будучи уже самостоятельной успешной женщиной, испытывала ярость и злость на мужа, который в силу определенных причин больше не мог заботиться о ней. Ей казалось, что он нарушил какой-то «базисный контракт», по которому они жили, не справился с самой фундаментальной задачей в своей жизни - заботиться, защищать и поддерживать ее [13, p.23, 24], ведь с самого раннего детства она усвоила, что всегда рядом будет кто-то, а именно мужчина, который облегчит ее жизнь. Л. Рубин пишет, что никогда не была готова ответить на вопрос, хотела ли она работать. Одно дело, работать ради удовольствия, по собственному желанию, другое — потому что ты должна. Только когда вся тяжесть ответственности по содержанию семьи пала на ее плечи, она смогла понять, насколько она тяжела.

До сих пор многим мужчинам трудно принять отсутствие необходимости в одиночку содержать семью, а женщинам — ответственность за содержание самих себя. Так, одна тридцатилетняя убежденная феминистка, чьи принципы привели ее к отказу от легитимного брака, сообщала о боли и противоречиях, которые наполняли ее. Она считала абсолютно справедливым равное разделение обязанностей по содержанию семьи, но иногда чувствовала себя очень одинокой, мечтала о том, чтобы бросить все и позволить все делать Ему; чувствовала какую-то несправедливость, как будто бы не получала того, что заслужила [13, p.26].

До сих пор многие женщины переживают из-за того, что их муж не такой большой, сильный, умный и не такой предприимчивый, как они. Независимость и потребность в заботе о ком-то остаются характерными атрибутами мужественности, а не женственности, причем не только мужчины, но даже женщины продолжают так думать. Некоторые из женщин верят в равенство мужчин и женщин, но при этом считают, что не смогли бы относиться с уважением к мужчине, который бы не заботился о своей семье. В свою очередь сами женщины испытывают определенные трудности при пересмотре традиционных представлений в отношении семьи и своей роли в ней. Так, Л. Рубин приводит пример женщины в возрасте тридцати одного года, матери двоих детей, работающей полный день, которая сообщала о чувстве вины, которое она испытывала в результате невыполнения своих традиционных семейных обязанностей в отношении детей и мужа.

В журнале «Эсквайр» («Esquire») за февраль 1997 года появилась любопытная статья Кати Ройф под заголовком «Независимая женщина» [1]. Со стороны жизнь Кати Ройф может служить образцом жизни современной независимой женщины: она живет одна, сама платит по счетам, сама чинит стерео технику, когда та ломается. Но иногда ей кажется, что ее независимость это лишь часть сложно сконструированного фасада, который скрывает традиционное женское желание в защищенности и заботе. Когда Кати однажды сказала об этом своей матери, яркой феминистке 70-х, то та была шокирована, неужели ее дочь даже могла подумать об этом? Хотя Кати никогда не думала оставлять карьеру, мысль о браке где-то глубоко жила в иррациональных пластах ее психики, и она все еще думала о мужчине как о добытчике [11]. Кати пишет о том, что знает множество успешных независимых женщин, которые никогда даже не мечтают о подобном Мужчине, но также она знает удивительно большое число тех женщин, кто думают об этом также, как и она. В современной Америке гораздо больше экономически независимых женщин, чем когда-либо раньше, поэтому теперь нет необходимости искать себе успешного мужчину, который бы мог заботиться о тебе, но что удивительно, что многие из успешных и самостоятельных женщин все же хотят этого. В чем причина? Возможно, по мнению автора статьи, ее нужно искать где-то в глубочайших пластах нашей психики.

Кати Райф приводит в пример случай из жизни ее подруги Анны, которая была телевизионным продюсером в Голливуде с заработком около 1 миллиона долларов в год, но при этом «все же мечтала о мужчине, который бы заботился о ней». Что это? Желание любви? Скорее всего, это нечто другое, потому что Анна больше не могла находиться рядом со своим прежним другом, который оказался гораздо менее успешным, чем она, что вызывало чувство дискомфорта у обоих. «Вероятно здесь, — полагает автор статьи, — речь идет о балансе власти, которую мужчины и женщины хотят друг от друга, и о скрытых механизмах романтики и привлекательности» [11]. То, что произошло между Анной и ее прежним другом, с которым она рассталась, говорит о поколении новых сильных женщин, ищущих еще

более сильных мужчин. «Фантазии о заботливом, любящем и защищающем Мужчине, несмотря на запрещенность политикой феминизма, глубоко врезались в воображение некоторых из нас. Детские романтические представления, сказочные принцы все еще живут в наших головах, и зависимость все еще эротизирована» [11].

Подобный ход мыслей женщин при первых волнах феминизма даже и сегодня сбивает мужчин с толку: женщины хотят быть независимыми, но только иногда и выборочно. В течение долгого времени женщины заявляли, что хотят отказаться от двойного стандарта, но при этом возникало чувство, что многие женщины в действительности хотели более тонкой и рафинированной версии двойного стандарта: поддержки со стороны мужчин и равенства с ними. Психотерапевт Вольфганг Ледере из университета Калифорнии на вопрос, что женщины хотят от мужчин, ответил, что, несмотря на существенное перекраивание общества под действием феминистического движения, многие женщины хотели знать, что есть мужчина, который бы выделил ее из всех, заботился о ней, любил ее и был верен ей всю жизнь. А некоторые самостоятельные и успешные женщины добавляли, что хотели бы видеть рядом с собой мужчину не менее успешного и предприимчивого, чем они сами. Таким образом, несмотря на новое время и новые свободы, женщины продолжают хотеть того же самого, чего и всегда: мужчину, сильного по характеру, профессионально компетентного, заботливого и надежного [12, p.489].

В чем причина подобного стремления женщин чувствовать себя в безопасности, быть любимыми и ощущать мужскую заботу? Хотелось бы представить две противоположные, но довольно влиятельные в современной гендерной теории точки зрения в объяснении данного феномена. Неопсихоаналитическая теория, на которой я остановлюсь, была предложена Нэнси Чодоровой и в дальнейшем разрабатывалась рядом авторов, в том числе Лилиан Рубин. Принятие во внимание роли культурных ожиданий в отношении феминности и маскулинности, а также влияния процесса гендерной социализации, продолжающегося на протяжении всей нашей жизни через разные социальные институты, далеко не достаточно для объяснения существующих в культуре стереотипов женственности и мужественности. С позиций данного подхода объяснение кроется в глубоких психологических различиях между мужчинами и женщинами, которые, однако, не являются врожденными по своей природе, но есть продукт социальной организации семьи.

Во-первых, существенные различия в формировании мужского и женского вызваны тем фактом, что именно *женщина* заботится о ребенке в первые годы его жизни [8, p.199]. Каким бы ни было последующее научение, оно будет накладываться на ранее полученный опыт, где женщина (мать) играет самую важную роль в нашей жизни. Здесь необходимо помнить о значимости раннего детского опыта в формировании зрелой личности, о котором впервые заявил Зигмунд Фрейд, основоположник психоаналитической теории.

Во-вторых, важнейшими понятиями в рамках как психоаналитической, так и неопсихоаналитической теорий являются понятия процесса формирования привязанности, понятие интернализации репрезентации из внешнего мира, а также идентификации со значимыми другими. Так как мать является главным лицом, которое заботится о младенце, кормит его, защищает, гладит и целует, то именно мать становится тем, с кем мы формируем чувство привязанности, устанавливаем особую симбиотическую связь, в которой мы еще не способны отделять себя от других. Таким образом, в жизни и мальчика, и девочки, женщина занимает самую важную

позицию в их внутренней жизни, становясь объектом крепкой привязанности и первым объектом любви. По истечении первых недель и месяцев сформированная детская связь с матерью становится менее глобальной и более дифференцированной. Ребенок постепенно начинает отделять себя от других — так формируется изначальная способность к идентификации, в свою очередь необходимая для возможности интернализации другого во внутреннюю психическую жизнь. Так как женщина чаще всего является единственным значимым человеком в жизни ребенка до этого периода, то идентификация как мальчика, так и девочки происходит с матерью. Так, нередко мальчики в возрасте трех-четырех лет сообщают матери, что, когда вырастут, то тоже родят ребенка.

С течением времени все больше очерчивается граница между «Я» и «Ты», и на первый план выходит проблема сепарации и объединения. Борьба вокруг сепарации и объединения сохраняется на протяжении всей жизни и заключается в конфликте между желанием быть с другим и стремлением к независимости и автономности собственного Я. Процесс сепарации ребенка довольно сложный и включает несколько важных задач, основная из которых заключается в потребности развития независимого чувства себя как уникального и отделенного от других. В этом процессе нас особенно будут интересовать две вещи: кристаллизация гендерной идентичности и установление того, что психологи называют «эго границами» (индивидуальные психологические границы, позволяющие выделять себя из окружающего мира), так как именно эти две задачи детства в наибольшей степени оказались под влиянием того факта, что самые первые близкие люди — женщины.

Безусловно, наличие первичных и вторичных половых органов детерминируется биологическими факторами. Но гендерная идентичность и соответствующее поведение формируется в силу других факторов. Для мальчика процесс формирования гендерной идентичности протекает гораздо сложнее, чем для девочек. Так, чтобы идентифицировать себя с мужественностью, мальчик должен разорвать свою связь с человеком, которого он первым интернализировал в свой внутренний мир психического, которого глубоко включил в свою внутреннюю психическую жизнь и сделал частью себя, и вместо этого должен искать более глубокой привязанности и идентификации с отцом. Этот сложный и болезненный процесс оказывает огромное влияние на всю последующую жизнь мужчины, но в данный момент нас интересует подобный процесс в отношении девочек.

Для девочек процесс формирования независимого чувства себя сопряжен с другими трудностями. В силу отсутствия очевидных различий между девочками и матерями процесс формирования гендерной идентичности девочек идет гораздо легче, чем у мальчиков, но проблема сепарации — видение себя отдельным автономным индивидуумом — решается для них гораздо сложнее. В целом, в ходе формирования гендерной идентичности девочек разрыва с прошлым не происходит. Так как в этом случае не требуется поиска другого источника интернализации, то нет необходимости в построении защит против сильных чувств и привязанности, которые вынуждены строить мужчины. Это означает, что женщины устанавливают более тонкие и проницаемые эго-границы, чем мужчины, что, в свою очередь, оказывает колоссальное влияние на построение как ее внутренней, так и внешней жизни. Контекст, в котором имеет место сепарация и условия, при которых формируется гендерная идентичность женщины, означают то, что девочка никогда не отделяет себя полностью и окончательно, как это вынужден делать мальчик. Таким образом, она всегда чувствует себя продолжением другого, устанавливает

близкие личностные контакты, которые продолжают быть для нее важнейшими в жизни. В результате, она сохраняет эту способность, рожденную еще в раннем симбиотическом союзе, проявление которой в зрелости называется эмпатией.

Что касается области сексуальности, то основной сценарий сексуальной жизни человека очерчен, главным образом, культурой. А культура подкрепляется, как правило, институциональными средствами и опосредуется индивидуальным опытом людей, живущих в ней. Что касается индивидуального опыта девочек, то эротический компонент в их привязанности к женщине должен быть редуцирован и перенесен на мужчину. Эмоциональная вовлеченность и идентификация сохраняются неизменными, и оказывают глубокое и длительное влияние на способы реагирования, на сексуальные и другие отношения в зрелости. Такой раскол между эмоциональным и эротическим компонентами привязанности в детстве вместе с глубиной эмоциональной связи женщин друг с другом, причины того, почему несексуальные дружеские отношения между женщинами занимают важное место в их жизни. Хотелось бы обратить внимание, что в данном случае речь идет главным образом о несексуальном типе отношений, так как сексуальные отношения с другой женщиной, согласно данной теории, могли бы грозить потерей, растворением своего Я, чего не происходит в сексуальных отношениях с мужчиной.

На вопрос Л. Рубин о том, какие мысли возникают в связи со словом «независимость», многие женщины сообщали о беспокойстве по поводу остаться одной, отсутствии кого-то рядом, страхе одиночества, разводе и «ни о чем хорошем», в то время как мужчины говорили о свободе, власти, контроле, самореализации и счастье. Причина столь различных ответов, как мы теперь понимаем, заключается не только в культурных ожиданиях, поощряющих независимость в мужчинах и зависимость в женщинах. Здесь интересно будет отметить одну важную деталь, связывающую экономическую и эмоциональную зависимость женщин, которую можно наблюдать по результатам опроса Рубин. Дело в том, что многие женщины сообщали о страхе остаться в одиночестве еще и по причине невозможности содержать себя и детей, и именно этот факт, наличие экономической зависимости, по мнению Рубин, постепенно приводит к эмоциональной зависимости. Таким образом, финансово зависимая женщина ощущает себя так, как если бы она была ребенком, зависимым от другого по ряду базисных жизненных потребностей. И, подобно ребенку, она готова привести свои чувства и поведение в соответствие с ожиданиями властного лица.

Но важно помнить, что то, что мы называем финансовой и эмоциональной зависимостью в браке, в действительности является глубокой и базисной потребностью женщины в привязанности (с позиций данного подхода). Именно поэтому финансово независимые женщины также сообщают о потребности нахождения рядом человека, который бы их любил и заботился о них. [13, p.149].

Теперь хотелось бы представить другую точку зрения на данную проблему, а именно, объяснение того, как и в силу чего формируются особые культурные представления, в частности романтические ожидания. Это точка зрения была предложена Крис Ингрэм, социологом и редактором хрестоматии «Материалистический феминизм: Хрестоматия по классу, различию и жизни женщин».

Согласно мнению Крис Ингрэм, изложенному в работе 1999 года «Белая свадьба. Романтизация гетеросексуальности в культуре», «романтические ожидания вместе со всей свадебной культурой призваны

идеологически рационализировать урегулирование сексуальных отношений через институт брака, опираясь на образы и репрезентации реальности, которые скрывают и маскируют истинные и исторические условия жизни» [10, p.14]. В данном контексте полезным будет привести понятие «воображаемого» («*imaginary*»), которое ввел французский психоаналитик Ж. Лакан. Он раскрывал воображаемое как непосредственный контакт, который младенец устанавливает со своим собственным образом и в отношениях со своей матерью. Вместо соприкосновения со сложным, противоречивым и конфликтующим миром у младенца возникает иллюзия спокойствия, полноты и изобилия. Л. Альтюссер, французский философ, заимствовал понятие Лакана о воображаемом в своей теории идеологии, определяя идеологию как «воображаемые отношения индивидуумов с их реальными условиями существования». В данном случае «воображаемое» не означает «ложное» или «притворное», но воображаемые отношения между индивидуумом и миром. Гетеросексуальное воображение, в свою очередь, это некий образ мышления, который скрывает оперирование гетеросексуальностью в структурировании гендера (через расу, класс и сексуальность) и пресекает любой критический анализ гетеросексуальности как организованного института. Это *система верований*, которая опирается на романтические и сокровенные понятие гетеросексуальности с целью создания иллюзии благополучия. В то же самое время такое романтическое видение препятствует пониманию того, как в действительности институционализированная гетеросексуальность трудится над созданием гендера, сохраняя при этом расовую, классовую и сексуальную иерархии. В результате этого иллюзорного изображения реальности гетеросексуальность воспринимается как данность, как само собой разумеющееся и не требующее доказательств, в то время как гендер понимается как нечто социализированное и усвоенное. Романтизация (создающая эту самую иллюзию) гетеросексуальности является центральным звеном гетеросексуального воображения.

Между тем, некоторые из последствий гетеросексуального воображения налицо — изнасилование в браке, домашнее насилие, неравенство в оплате труда, расизм, притеснения гомосексуалистов, сексуальное домогательство. Институционализированная гетеросексуальность объясняет подобное поведение, приписывая одно мужчинам, а другое женщинам, т.е. гендеру, в то же время, сохраняя все на своих местах и способствуя дальнейшему поддержанию противоречивых и неравных социальных отношений. Соответствующее разделение труда с неоплачиваемым домашним трудом, неравенство в оплате и возможностях, привилегии супружеских пар в разных сферах социальной жизни — все являются примерами этого.

Итак, одним из важнейших понятий в системе создания социального порядка, по мнению Крис Ингрэм, является идеология. Так как идеология производит все то, что мы рассматриваем как реальность, то она обладает материальной силой и в то же самое время сформирована другими экономическими и политическими силами. Одним из созданий доминантной идеологии являются романтические ожидания и романтическая любовь, главная цель которых заключается в сокрытии противоречий общества и установлении социального порядка. По мнению Крис Ингрэм, в обществе создана многоярусная свадебная индустрия, призванная служить этим целям. Особое внимание Ингрэм уделяет индустрии производства свадебных нарядов, свадебным подаркам, бриллиантовым обручальным кольцам как знаку вечной любви, брачным журналам, индустрии развлечения в период медового месяца, детским игрушкам и фильмам, превозносящим белые платья и свадьбу как вершину романтической любви,

а также популярной культуре и ее отношениям со всеми аспектами свадебной индустрии. Так, Ингрэм приводит пример двух свадеб, захвативших воображение многих людей — это свадьба киноактрисы Грейс Келли с принцем Монако и свадьба Леди Дианы Спенсер с Принцем Чарльзом. Жизнь этих невест символизировала для многих женщин то, что сказка может стать реальностью, что это может случиться с каждым.

Важнейшую роль в создании доминирующей идеологии, в том, что социолог Говард Беккер назвал «индустрией сознания», выполняют средства массовой информации (СМИ). Задача СМИ заключается, главным образом, в снабжении общественности информацией и материалами, помогающими формировать наш взгляд на мир, на себя и на ценности, по которым мы живем. СМИ предлагают символы, мифы, образы и идеалы, которые и составляют доминирующую культуру. Когда речь идет о СМИ, с одной стороны, и романтическими представлениями и свадьбой, с другой стороны, то существенной оказывается степень, в которой СМИ используют эти образы, интересам, которым они служат и эффекту, который они оказывают на наше воображение и ценности. Дисней и другие шесть крупнейших конгломератов СМИ являются прекрасным примером власти СМИ, осуществляемой через домашнее видео, книжные издания, кинематограф, журналы, телевидение, газеты, музыку, спортивные команды, страхование, места отдыха и даже нефтяную промышленность. СМИ в руках привилегированного класса продуцируют особую систему верований, основанных по большей части на мифах и стереотипах. Что касается романтических ожиданий и свадеб, то в СМИ привлекается все, начиная от репортажей о свадьбах знаменитостей до рекламы и кинопродукции, с целью формирования способа того, как нужно думать о свадьбах, браке, гетеросексуальности, гендере, труде, романтике, чистоте и моральности. Институт гетеросексуальности так, как он сегодня организован в современном обществе, функционирует как форма социального контроля. Как уже отмечалось выше, особое внимание в институте гетеросексуальности отводится романтике и романтической любви — верованиям в социальные отношения, не связанным с реальными условиями существования, верованиям в то, что сексуальная объективация и субординация и естественны, и оправданны.

Таким образом, свадьба, брак, романтика и гетеросексуальность становятся оправданными, рационализированными и даже естественными, если мы допускаем, что только брак способен привести к благополучию, страсти, моральности и любви. И мы живем с иллюзией, что брак как-то связан с естественным ходом вещей в универсуме, и даже не допускаем мысли, что это может быть чем-то социальным и культурным, призванным служить определенным интересам.

Итак, основным предметом рассмотрения в статье явилась лишь часть того, что в рамках гендерных исследований называют гендерной идеологией, а именно система романтических идей, ожиданий и ценностей, препятствующих полноценному развитию женщины, формированию веры в свои силы и реализации своего потенциала. Исследование, проведенное американским социологом Лилиан Рубин, помогло в значительной степени «увидеть», как приверженность романтическим ожиданиям и вера в романтические идеи (что поощряет бездействие, лень, отсутствие инициативности и слепую покорность обстоятельствам) женщин из среды рабочего класса определяют их дальнейшие проблемы, связанные с отсутствием или недостатком образования и профессионального опыта (часто как следствие, экономической зависимостью); ранними браками, подростковыми беременностями и часто невозможностью покинуть или

разрешить тяжелую насильственную ситуацию, сложившуюся в семье. Тем не менее, оказывается, что даже с признанием негативного влияния подобных культурных установок изменить существующий порядок вещей в обществе и семье довольно проблематично. Дело здесь не только в прочно укоренившихся традиционных сексуально-ролевых установках, но и в том, что самим женщинам (даже экономически независимым) достаточно сложно отказаться от веры в романтические идеалы. Пытаясь дать объяснение этому, я обратилась к неопсихоаналитической теории Н. Чодоров, согласно которой истоки романтических ожиданий (чаще всего эмоциональная потребность в любящем и заботливом мужчине, который всегда был бы рядом) нужно искать в опыте раннего детства человека, в структуре самой семьи, где самым первым и главным человеком в жизни является женщина. Согласно мнению Крис Ингрэм, представительнице теории социального конструктивизма, истоки романтических ожиданий, таких как идея романтической любви, вера в принца, идеал белой свадьбы, лежат в созданной и поддерживаемой доминирующей группой (мужчинами) идеологии, т.е. системе верований, посредством которой создается идея благополучия и естественности, скрываются противоречия общества и устанавливается особый социальный порядок.

К сожалению, на сегодняшний день в России недостаточно исследований подобного типа, но я очень надеюсь, что с продолжением оформления гендерных исследований в отдельное научное направление этому вопросу будет уделяться больше внимания. Тем более, на мой взгляд, российская культура с ярко выраженной традиционно-сексистской направленностью в СМИ, рекламе, кинематографе, является благодатной почвой для подобного типа исследований. Я считаю, что улучшение положения женщин в нашей стране станет более возможным с перестройкой сознания женщин, с критикой некоторых идей, которые принимаются как данность, но при этом затрудняют становление женщины независимой и полноправной личностью.

Библиография и примечания:

1. Вестник проекта «Новые возможности для женщин» 1997 г., Москва №10: <http://www.owl.ru/win/books/nasilie/3bezop.htm#СТАТИСТИКА>.
2. Воронина О.А., Григорьева Н.С., Лунякова Л.Г. ред. Хрестоматия по курсу «Основы гендерных исследований». М.: МЦГИ/МВШСЭН, 2000.
3. Градскова Ю.В. Женщина как объект домашнего насилия: гендерные аспекты. По материалам круглого стола «ЖЕНСКИЙ ВОПРОС НАКАНУНЕ XXI ВЕКА» 27-28 апреля 1998 г., МГУ им. М.В. Ломоносова (в рамках ежегодных Ломоносовских чтений).
4. Кон И.С. Сексуальная культура в России. Клубничка на березке. М.: ОГИ, 1997.
5. Разумихина Г.П. Мир семьи: Кн. Для учащихся ст. классов по курсу «Этика и психология семейной жизни». М.: Просвещение, 1986.
6. Сидоренкова Т. Насилие в семье: частное дело или семейная проблема?
7. Шнейдер Л.Б. Психология семейных отношений. Курс лекций. М.: ЭКСМО Пресс, 2000.
8. Chodorow, N. Family Structure and Feminine Personality. In *Feminism and Philosophy. Essential Readings in Theory, Reinterpretation, and Application*. Edited by N. Tuana and R. Tong. Westview Press, 1995.

9. *Feminism and Philosophy. Essential Rreadings in Theory, Reinterpretation, and Application.* Edited by N. Tuana and R. Tong. Westview Press, 1995.
10. Chrys, I. *White Wedding. Romancing Heterosexuality in Popular Culture.* Routledge, 1999.
11. Roiphe, K. The Independent Woman. In *Magazine: Esquire*, February 1997.
12. *Men in Transition. Theory and Therapy.* Edited by K. Solomon and N.B. Levy, Plenum Press, New York, 1982.
13. Rubin, L.B. *Intimate Strangers. Men and Women Together.* Harper Perennial, New York, 1983.
14. Rubin, L.B. *Families on the Fault Line.* Herper Perennial, 1994.
15. Rubin L.B. *Words of Pain. Life in the Working-Class Family.* New-York, 1976
16. Spector, M., & Kitsuse, J.I. *Constructing Social Problems.* Menlo Park, CA: Benjamin Cummings, 1977.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Надежда Котляр. Откуда дует ветер свободы?

Рецензия на статью Анны Филлипс «Демократия». Ann Phillips. "Democracy." In A Companion to Feminist Philosophy. Ed. by A.M. Jaggar and I.M. Young. Blackwell Publishers, 1998. p. 511-519.

До недавнего времени проблема дискриминации женщины рассматривалась как недостаток гражданских, политических и экономических прав, с предоставлением которых женский вопрос должен разрешиться. И все же, не смотря на усилия феминисток, равенство, которого добились женщины только на исходе XX в., так и не стало реальным, фактическим. Почему же современная демократия так долго оставалась невосприимчивой к требованиям равенства полов? Какое влияние оказала демократия на теорию феминизма? Что такое равенство и как его следует понимать? Эти и многие другие вопросы оказались в центре внимания А. Филлипс, предложившей характеристику феминистического вклада в теории демократии и влияния современной демократии на феминизм. Подчеркивая то, что феминизм может предложить обществу, автор последовательно рассматривает либеральные идеи, ставшие толчком к развитию современной демократии, акцентирует внимание на гендерном подтексте политической теории, который, в свою очередь, отражает взгляды представителей двух подходов феминизма к трактовке гражданства, представлений о женственности и ценностях женщин как факторов, определяющих изменение демократии.

Анализируя теории современной демократии, А. Филлипс противопоставляет либеральную версию демократии ее более общим и менее конфликтным теориям, тяготеющим к прямым формам политического участия. Роль источника и основы современной демократической модели отводится либеральным идеям, которые, в свою очередь, должны быть пересмотрены в связи с необходимостью учесть «равенство и различие» (К. Пейтман) и «влияние интересов доминирующих групп» (А. Янг, Д. Мэнсбrait, А. Филлипс и др.) или стать гарантом примирения феминизма с демократией (С. Джеймс, А. Филлипс и др.).

Тем не менее, обращение к либерализму заставило А. Филлипс обратить внимание лишь на негативное влияние большинства либеральных идей на феминизм, не подчеркивая родство или «неразрывность» отдельных идей. Каким же образом автор определяет демократический идеал? Рассматривая демократию как синоним прав и свобод граждан и систему политических взглядов, А. Филлипс ограничивает демократию принципами равенства, свободы, согласия, возможностей человека и его права как собственника идеями, составляющими классическую либеральную программу. Итак, феминистские теории демократии, обращая внимание на нереализованные в полном объеме идеи равенства, приводят к выводу о «предубеждении против женщин», заложенном в самой теории.

Начало закрепощения женщин, согласно идее, предложенной К. Пейтман, было положено общественным договором, предполагавшим подчинение женщины мужчине. Однако существует и противоположное утверждение, по которому именно в либеральной критике патриархальной семьи и представлениях о семье в качестве модели государства кроется корень современного феминизма. Подчеркивая роль либерализма XVII в., автор все же предпочитает опираться только на «договор полов». Согласно теории классического либерализма, «по договору», определяемому как общественный договор или как договор полов, женщина добровольно

выполняла взятые на себя обязанности и функции такого же «естественного» происхождения, как и сами неотчуждаемые права. Таким образом, свобода, которую автор трактует как предпосылку к подчинению, возможно, не была столь антагонистична познанию женщины, если часть этой свободы была отдана добровольно. Возможно, большего внимания заслуживает не договор, а его «невыполнение» — проблема потери женщиной «категории» своих возможностей, и традиция рассматривать женщину в качестве собственности.

В качестве причины закрепощения женщин в семье и отказа женщинам в гражданских правах, феминизм рассматривает различие между общественной и частной сферами, признанное в либерализме обязательным. Действительно, разграничение, столь удачно примененное либералами в политической и экономической сферах, трагически отразилось на домашних «властных» связях, что, во многом, заставило сторонников феминизма подчеркнуть негативное влияние индивидуализма. Несомненно, нельзя отрицать, что если предпринимательская деятельность, возможность участия в политике, необходимость обеспечения прав человека, с точки зрения либералов, требовали вмешательства государства и подлежали контролю общества, то гражданские права женщины находились под угрозой или же не признавались вовсе, а ее положение в семье, возможности карьеры, напротив, требовали все большей поддержки и признания. С точки зрения феминисток, разделение человеческого бытия на сферы общественной и частной жизни закрепляло мужское доминирование в обществе. Либеральные и впитавшие большую их часть демократические идеи, не были, по выражению К. Пейтман, применены «в детской, спальне, на кухне», т.е. в частной сфере, монополизированной мужчинами. Но заключается ли проблема только в неравенстве возможностей, или меньших возможностях женщин? Несомненно, именно феминизм в этой связи лидирует в требовании взаимодействия между этими двумя сферами, а не на жестком и немедленном разграничении, как на том настаивали либералы.

По-видимому у большинства исследователей не вызовет возражение утверждение о том, что политическое равенство мужчин и женщин не стало реальным. Равенство, утверждает автор статьи, было наибольшей проблемой для феминизма, когда оно было соединено с абстрактной нормой («индивидуума», «гражданина»), пренебрегавшего женским опытом. Однако феминистки, не одобряющие, по мнению А. Филлипс, чрезмерный индивидуализм, отстаивают либеральную идею, подчеркивая индивидуальность женщины. В чем же заключается отличие либеральной трактовки «индивидуума» от концепции «женского» индивидуализма, принятой феминизмом? Основной чертой индивидуализма, с точки зрения либералов, является признание абсолютного суверенитета взглядов и склонностей человека в сфере его деятельности, и убеждения в том, что каждый должен развивать свои способности. Таким образом, феминизм отталкивает не либеральную идею, наполненную духом свободы, а ее современную трактовку, заключающуюся в понимании индивидуализма как эгоизма и самовлюбленности. Секрет живучести либеральной идеи, скрытый именно в индивидуальной свободе, необходим феминизму в качестве универсальной цели, уже ставшей основой политических и гражданских свобод. Выдвинутые либерализмом на первое место свобода и способности отдельного индивида как самостоятельного, разумного существа, независимой единицы социального действия, позволил либералам одержать победу в борьбе с наследственной властью и сословными привилегиями. Таким образом, «свобода без различий» может дополнить основную идею феминизма — «равенство в различии», при условии, что

феминизм откажется от подхода к пониманию женщины в качестве составной части общества как постоянной величины и уделит большее внимание женщине-индивидууму.

Автор приходит к выводу о том, что современная демократия не беспристрастна к различию полов, и предлагает проследить эволюцию взглядов сторонников двух подходов. Сторонники гендерного нейтралитета (Янг, Мендас, Пейтман и др.) доказывают, что женщина должна рассматриваться как равный кандидат в политическом управлении. Пол, утверждают они, не должен относиться к демократии. И женщина, и мужчина в равной степени могут принимать участие в политической жизни, не взирая на возраст или количество детей. Гендерно-нейтральные по определению категории, очевидно, создали предпочтение для мужчин, в результате которого в современных демократиях «граждане обладают двумя положениями: мужским и женским» (Пейтман). «Новая концепция гражданства» предлагаемая сторонниками этого подхода, рассматривает женщину как гражданина среди других граждан. Конечно, можно только приветствовать требование отменить различия в области политики для установления более «щедрой» демократии. Однако автору следовало уточнить, что в рамках данного подхода понимается под «способами общественной политики», для которых различная трактовка женщины и мужчины позволит понимать их как равных.

Феминистическая трактовка теорий демократии является задачей, которая, несомненно, требует неоднократного обращения к ней. Заслугой автора можно назвать попытку охватить весь спектр проблем, провести параллели между различиями пола и другими видами различий. К сожалению, А. Филлипс не пытается ответить на поставленные ею вопросы. В частности, в свете приведенных автором концепций равенства и гражданства непонятно, почему автор не дает свое объяснение возможности рассматривать гражданство как предмет всеобщих или отличных прав.

Понимание равенства и гражданства приводит феминизм к необходимости отстаивать новую теорию демократии. Проведение параллелей между различиями пола и другими видами различий, дальнейшая разработка новой концепции индивидуума, равенства, гражданства, справедливости и «общего блага», извлеченных из контекста доминирования, дадут феминизму возможность уменьшить существующее неравенство в политическом процессе. И, не смотря на то, что не существует единого мнения, объединившего и примирившего различные подходы к решению затронутых проблем, хочется верить в то, что дальнейшие разработки феминистских теорий демократии не будут прекращены и признание необходимости увеличения влияния феминизма благоприятно отразится на всех направлениях теории и практики современной демократии.

Светлана Позняк.

Рецензия на статью Джейн Мартин «Образование». Martin J.R. "Education." In A Companion to Feminist Philosophy. Ed. by A.M. Jaggar and I.M. Young. Blackwell Publishers, 1998. p. 441-447.

Автор статьи «Образование» Джейн Мартин поднимает важную проблему полового различия в системе образования. Вполне справедливо, на наш взгляд, она указывает, что нельзя игнорировать не только различную биологическую, но и социальную сущность полов. Требуя от философов образования обратить внимание на то, что процесс становления

образованного человека напрямую зависит от половой принадлежности, автор не предлагает никаких конкретных мер по реконструкции системы образования. Не относя себя к числу сторонников теории гендерного эгалитаризма (равноправия), лишь в ряде моментов автор дает понять читателю, что придает большое значение внедрению элементов «частной жизни» в структуру женского образования.

Таким образом, Джейн Мартин ограничивается лишь постановкой проблемы, хотя приведенный ниже в этой работе библиографический обзор показывает, что этап для феминистской философии образования, на котором исследователи ограничиваются постановкой проблемы, уже пройден. Автор сама указывала, что феминистские исследовательские проекты начались в начале 80-х годов.

В настоящее время, на наш взгляд, необходимы практические разработки по реконструкции гендерной системы образования. Понятно то, что автор не согласна с классической, для американцев, системой совместного обучения, где господствуют ценностные установки на мир общественной жизни. Но если рассматривать проблему в историческом аспекте, то станет очевидным, что для многих стран, и для России в частности, классическим считается образование, где применялся принцип раздельного обучения мальчиков и девочек. В мужских гимназиях, реальных училищах и кадетских корпусах мальчиков ориентировали на выполнение общественных задач; в институтах и пансионах для благородных девиц, женских гимназиях и женских епархиальных училищах девочек готовили к частной жизни. Разделение предметов, преподавателей, подходов к обучению по половому признаку — все же это здесь присутствовало. Но, на наш взгляд, вряд ли эту или ей подобную систему образования можно назвать гендерной. Ведь для нее характерна жесткая, фиксированная форма, не позволяющая женщине стать полноправным членом общественного мира.

На наш взгляд, смысл исследовательской работы феминисток в области образования должен сводиться к выработке практических рекомендаций, которые учитывали бы исторический опыт других стран.

Ирина Ким. Ислам: освобождение или покорность?

Рецензия на статью Башарат Тайяб «Ислам». Basharat Tayyab. "Islam". In A Companion to Feminist Philosophy. Ed. by A.M. Jaggar and I.M. Young. Blackwell Publishers, 1998. p. 236-244.

Статья представляет собой вариацию на тему теология феминизма. Феминистическая теология может преследовать две цели: 1) новое видение половой принадлежности Бога (теологический аспект); 2) разрушение патриархальных стереотипов мировых и национальных религий (социальный аспект). Автор же статьи пытается осветить особенности исламского феминизма, одна из задач которого состоит в том, чтобы разрушить тенденцию традиционного истолкования Корана. Но Башарат Тайяб не претендует на реинтерпретацию сущности Аллаха, а обращает наше внимание на неизменность гендерных стереотипов, которые и необходимо подвергнуть философской рефлексии. Но с другой стороны, автор настаивает на том, что нормы, закреплённые в Коране, относительно статуса женщин, нисколько не ограничивают женскую свободу, а наоборот, в своё время, даже способствовали улучшению женского положения. Но тогда что подлежит реформированию? Ответить на этот вопрос можно, зная

решение гендерной перспективы исламского мира в таких подходах как: традиционный, эклектический, модернистский.

Рассматривая решение этого вопроса представителями традиционного подхода, автор отмечает следующее: для того, чтобы поддержать патриархальные стереотипы в обществе, сторонники этого подхода нередко интерпретируют нормы Корана в пользу патриархального общественного устройства. Таким образом, в самом Коране не отражена в отчётливой форме традиция патриархата, а как таковая она формируется интерпретаторами Корана и фиксируется в обществе как несущий элемент культуры. Согласно Башарат Тайяб, патриархальные стереотипы, которые существуют в культуре не всегда имеют своим источником религию, а формируются самой культурой, но для придания им большей достоверности рассказывается о их божественном происхождении.

Вариации на тему относительно места женщины в обществе представителей школы эклектической мысли, на взгляд автора, представляют определённый прогресс по сравнению с вышеуказанной школой, но всё же остаются в рамках традиционной культуры. Модернистское направление исламской мысли, согласно Башарат Тайяб, оказывается наиболее продвинутым, относительно решения гендерной проблемы.

Рассмотрев эти школы исламской мысли, автор обращается к реальной жизни женщин исламского мира, и с горечью отмечает, что несмотря на прогрессивные взгляды некоторых представителей исламской мысли, положение женщин всё ещё остаётся удручающим. Но статья заканчивается на оптимистической ноте, так как автор переходит к рассмотрению феминистических движений исламского мира.

Ольга Шестак.

Аннотация на статью Лори Шрейг «Равные возможности». Shrage, Laurie. "Equal Opportunity." In A Companion to Feminist Philosophy. Ed. by A.M. Jaggar and I.M. Young. Blackwell Publishers, 1998. p. 559-568.

В своей статье известный американский автор Лори Шрейг затрагивает такую существенную проблему, как равенство возможностей, а также анализирует феминистскую литературу, выявляющую и освещающую причины, ведущие к скрытой дискриминации в отношении женщин.

Согласно Американской Конституции под равенством возможностей понимается равенство в гражданских и политических правах между всеми гражданами США, независимо от их расовой, религиозной, национальной принадлежности. Ущемление в правах, согласно Американской Конституции преследуется законодательно. Следует оговорить сразу, что равенство возможностей, декларированное Конституцией, не предусматривает в этом понятии гендерного аспекта, поскольку официально принято такое положение, согласно которому, в США отсутствует как половая дискриминация, так и расовая. Однако, к сожалению, как в США, так и в других странах существует скрытая или латентная дискриминация, в основе которой лежат разнообразные критерии, и пол, в частности.

Однако автор статьи весьма узко трактует термин «равенство возможностей», понимая под ним в основном равенство между мужчинами и женщинами на рынке труда, и рассматривая в основном причины дискриминации в отношении женщин со стороны работодателей, в то время как термин «равенство возможностей», как уже указывалось выше, имеет

более широкую трактовку. К тому же, хочется особо отметить одно положение, которое на наш взгляд кажется наиболее спорным.

Согласно положениям феминистской философии, которые разделяет и Лори Шрейг, элементы половой дискриминации, заложены изначально в культуре, способствующей социализации мужчин и препятствующей социализации женщин. Если рассматривать культуру как систему норм и ценностей, регулирующих поведение людей, то для того, чтобы изменить отношение к женщине со стороны общества, необходимо ввести в культуру новые нормы и ценности, которые бы способствовали интеграции женщин в мужское сообщество, но при этом не препятствовали бы интеграции мужчин в женское сообщество. Феминистская философия предлагает меры и программы, и, прежде всего, политического характера, которые бы способствовали реализации гражданских и политических прав женщин, декларированных Конституцией. Однако, использование политических методов, направленных на гарантию равенства возможностей, носит принудительный характер, поскольку политика опирается на власть, а власть — это возможность меньшинства проводить в жизнь решения вопреки воле большинства. Соответственно, власть имеет групповую окраску — она принадлежит определенной группе, защищающей, прежде всего, свои интересы. И поскольку, игнорируя глубокое недовольство феминистской философии, общество все-таки патриархально, то, несмотря на незначительные нюансы, относящиеся к политической «окраске» группами, обладающими властными полномочиями, являются мужчины. Поэтому, требование расширения права женщин при помощи политических инструментов, и в том числе, в рамках концепции равенства возможностей, является не более чем социальной утопией. К тому же, требование «политически-принудительного» расширения прав женщин повлечет за собой сокращение прав мужчин, что, во-первых, породит противодействия со стороны мужчин, и, следовательно, приведет к неизбежному социальному межполовому конфликту, в результате чего дискриминация в отношении женщин еще более усилится. Во-вторых, мужчины, обладающие властными полномочиями, просто не пойдут на ущемление своих прав. В-третьих, в вышеуказанных требованиях просвечивается желание женщин взять реванш, то есть изменить структуру дискриминации, поменяв местами плюсы и минусы. К тому же, политическое воздействие не повлияет на значительное изменение культурных ценностей.

На наш взгляд, искоренение половой дискриминации, возможно только путем изменения культурных ценностей. Этот путь очень длинный и очень сложный. Изменение культурных ценностей, внесение в них элементов «женского начала», возможно только при условии равновесия количественного состава мужчин и женщин, населяющих земной шар. Только в этом случае возможно проникновение женских норм в мужское общество, и при этом оно будет происходить постепенно естественным путем, без применения политического насилия. Хотя такие изменения тоже могут нести в себе скрытую угрозу, поскольку как только женское население станет преобладающим, возникнет ситуация, делающая возможной дискриминацию со стороны женщин в отношении мужчин.

Ольга Шестак.

Аннотация на статью Евы Фидер Кумтай «Социальная политика». Kittay Eva Feder “Social Policy.” In A Companion to Feminist Philosophy. Ed. by A.M. Jaggar and I.M. Young. Blackwell Publishers, 1998. p. 569-581.

Социальная политика в ее современном виде сформировалась в начале нынешнего века, хотя разные подходы к пониманию того, что является ее сущностью, проявились очень давно. Один из таких подходов предполагает, что в качестве объекта социальной политики может рассматриваться какой-то определенный класс или социальная группа и, следовательно, социальная политика общества формируется исходя из их конкретных интересов. Согласно другому подходу, социальная политика — это перераспределение национального богатства в интересах определенных социальных групп. Таким образом, согласно обоим подходам, социальная политика носит групповую окраску, и при этом весьма важным является то, что перераспределением национального богатства занимается та группа, которая в данный момент обладает властными полномочиями, то есть, обладание властью является очень важным инструментом в социальной политике. Главное в социальной политике — поддержание равновесия в обществе, а, следовательно, воспроизводство тех социальных ресурсов, из которых данное общество черпает свою силу.

Каким образом и при помощи каких механизмов можно добиться этого? Во-первых, путем предоставления населению социальных гарантий. Это означает, что государство принимает на себя обязательства по соблюдению социальных прав граждан. Во-вторых, через перераспределение материальных средств, в результате которого достигается определенный уровень жизни как общества в целом, так и каждого его члена. Здесь явно прослеживается связь между социальной и экономической политикой государства. В-третьих, с помощью обеспечения определенного качества жизни общества, благосостояния населения в целях снятия социальной напряженности. И, наконец, путем перераспределения государством сверхприбылей через налоговую систему.

При формировании социальной политики всегда должен быть учтен баланс между текущими и перспективными интересами общества, между совпадающими и несовпадающими интересами различных социальных групп, между общественными и личными интересами граждан.

Своевременно снимая возникающие противоречия и учитывая неизбежность «платы» за социальный прогресс, государство всегда стоит перед сложным выбором, а именно: удовлетворению интересов каких социальных групп отдать предпочтение на каждом конкретном этапе. Один из главных вопросов социальной политики — это вопрос о социальных приоритетах.

Исследуя статью Евы Фидер Киттай, хочется отметить, что действительно имеет место социальная несправедливость в отношении женщин, которая выявлена автором путем анализа положений феминисткой философии. Действительно, необходима достаточная для жизнедеятельности женщины и ее семьи заработная плата, социальное обеспечение по беременности, по увечью, необходимы пособия на детей, необходимо искоренения расово-половой дискриминации.

Следует отметить, что улучшение социального положения женщин, действительно возможно через реализацию государственных социальных программ, но эти программы не должны быть направлены исключительно на женщин — они должны носить общий характер и действовать в интересах классов. Под «классом» мы понимаем определенные общественные группы, различающиеся по своему социально-экономическому статусу, — это понятие класса как социальной группы исключает гендерный аспект (понятие «класс» в теории марксизма имеет иную трактовку и нами не используется). На наш взгляд гендерный аспект в социальной политике может иметь место только в том случае, когда речь

идет об удовлетворении специфических женских потребностей, таких как отпуск по беременности и родам, в остальном же следует рассматривать социальную политику как политику направленную на улучшение положения отдельных социальных групп (классов). Если определенная социальная группа (класс) получает от государства материальную помощь или какие либо социальные привилегии, то женщины, относящиеся к данной группе, также получают эти же привилегии, что является правильным с точки зрения социальной справедливости. Если же женщина будет получать материальные пособия, социальные привилегии, не относящиеся к удовлетворению или реализации специфических женских потребностей, то это может вызвать справедливые нарекания со стороны других (в данном случае — мужчин) представителей данной социальной группы (класса). Такая ситуация неизбежно приведет к социальному конфликту, что сделает в целом проводимую линию социальной политики спорной и неэффективной, чего государство должно стараться избежать.

Тереза Воббе.

Рецензия на книгу Евы Крейски и Биргит Зауэр «Взаимоотношения полов в контексте политических трансформаций»*.

В этой книге делается попытка «тематизировать» актуальные процессы в политике, экономике, обществе, в том числе последние теоретические изыскания данного феномена в области политологии, а также критически проверить новейшие политологические работы по женским вопросам и вопросам пола. Кроме того, авторы намереваются, связать «уровненность» исследований по женским вопросам и исследований вопросов пола с «актуальными дискуссиями» и разногласиями по сути предмета, который имеет обозначение в Германии как «мужское преобладание». Также исследование вопросов пола должно опосредоваться через «релевантные варианты политологической постановки вопроса и исследования» для выяснения «теоретической пользы», которая возможна благодаря «перспективам анализа политики в области взаимоотношений полов». Каким образом осуществляется такая программа? Какие границы анализа отношений для этого требуются и на какой уровень состояния теоретической дискуссии и эмпирического анализа можно при этом опираться?

В общей сложности 40 страниц обширного введения составителей не очень помогают сориентироваться в границах исследования. Ева Крейски и Биргит Зауэр не проводят систематического изыскания научной области «исследования вопросов пола в политологии», на что мог бы рассчитывать читатель от этой работы, который впервые захочет представить себе тематику и перспективы данной области научного исследования. После прочтения материалов общего издания выявляется необходимость более точного определения концептов «взаимоотношения полов» и «политические трансформации». Остается неясным, почему составители хоть и дали развернутую тематику глобализации, трансформации, размежеванию людей разных национальностей, но при этом почему-то решили не включать сюда проблему участия женщин в политике, секторное разделение полов в политической сфере, гендерный вопрос в многоуровневой системе ЕС и вопрос участия женщин в руководящих органах или вопросы политики на

---

* Перевод Валерия Паравина.

местном уровне и так далее. Отсюда и неясность тематического подбора и замысел этого специального издания.

Книга разбита на четыре раздела. I. «Основные положения: политологические понятия и концепты исследования пола»; II. «Политическая теория в эпоху постмодернизма»: разновидности критической литературы по вопросам пола»; III. «Национальное государство в своих границах?»; IV. «По ту сторону границы: гендерные исследования и международная политика».

Исследовательница Гезине Шванн в разделе I рассматривает существующие «заторы» в демократическом обществе и его институтах свободы. Она предлагает интеграцию трактовки, которая ориентирована на рациональность и автономию, с одной стороны, и на взаимность, а также способность сохранять отношения между ними, с другой стороны. Вслед за Корнелией Клингерт она из этого требует «полного преобразования теории семьи как общественной теории», а именно, устранения такого разделения. Неясно только, какой вид будет иметь эта общественная теория как теория современного общества, в которой необходимо условиться о главных направлениях дифференцирования. Этот вопрос был бы также интересен в отношении статей Катарины Розенбергер «Частность и политика» или Корнелии Клингерт «Либерализм — марксизм — постмодернизм».

Единственный материал, который дает представление о процессе преобразования в Восточной Европе, отодвинут в некоторой степени в конец книги, в раздел IV в тему международной политики. В этом материале, заслуживающем прочтения, Влата Ялусич затрагивает проблему передачи знаний, а также проблему препятствий на пути феминизма в Восточной Европе и относит эти явления к концепту политического фактора в социализме. Как и во многих местах книги, здесь также утверждается, что пол отсутствует в исследовании периода трансформаций. Было бы интересным узнать, почему политологические исследования пола в этой области не активны, почему в них не выдвигаются анализы конкретных случаев, тем более что по процессам преобразования в новых федеральных землях существуют социологические работы по проблемам пола.

Немногочисленные работы (Боб Джессоп в разделе III) делают попытку какого-нибудь понятийного объяснения глобализации и при том указывают на отличия микро-, мезо- и макроуровней. Материалы в разделе IV (Кристины Зюльвестер и Роланда Блейкера, Биргит Лохер-Додж) касаются или же занимаются тематически глобальными организациями, режимами и институтами. Также в этом разделе Клаудия фон Браунмюль и Ута Рупперт знакомят с институтами развития политики и с реализацией вопроса о роли полов на уровне международных организаций.

В книге следовало бы отразить фундаментальное понимание политологических исследований женского вопроса и пола. С точки зрения социологии пола и политической социологии возникает вопрос, почему мы ничего не узнаем в этой книге об определенных областях, например, об участии женщин и их карьерной модели поведения в конвенциональной политике, почему в систематических или эмпирических вводных материалах остались за пределами книги дискуссии о гендере или социальном изменении в соотношении полов. Габриеле Абельс и др. в статье «Между личными связями и политикой союзов» исследуют политику уравнивания в политологии и связи между женщинами-политологами. В отношении сфер политики или структур политических институтов описание тем такого рода приветствовалось бы. Составители объявили о большой программе, к которой кроме прочего относится «расширенное кредо» — постулат

трансдисциплинарности, трансгендеризма, транснациональности. Пусть меньшего будет больше.

Надежда Соколюк. Мой дом — моя крепость?

Рецензия на статью Аниты Аллен «Частная жизнь». Anita Allen. "Privacy". In A Companion to Feminist Philosophy. Ed. by A.M. Jaggar and I.M. Young. Blackwell Publishers, 1998. p. 456-465.

Тема частной жизни в философской литературе до XX века практически не рассматривалась. Лишь немногие решались приоткрыть завесу над интимной сферой. В частности, Анита Аллен, автор статьи "Частная жизнь" упоминает Шарлотту Перкинс Гилман, которая в конце XIX в. попыталась проанализировать идеал семейной жизни. Она пришла к выводу, с которым нельзя не согласиться, а именно: семья не всегда дает возможность для самостоятельности для наиболее уязвимых ее членов - женщин, детей и немущих. Действительно, признавая семью безусловной ценностью, нельзя отрицать, что она не всегда служит островком безопасности, не все личные проблемы можно решить на уровне семьи, не всем ее членам она предоставляет равные возможности и права. В первую очередь это касается женщин, поскольку домашняя работа, родительские или другие обязанности зачастую не позволяют им получить образование, участвовать в общественной и политической жизни, сделать профессиональную карьеру и пр.

Во второй половине XX века американские ученые, политики и вся общественность уже проявляли поистине живой интерес к проблеме частной жизни. По мнению автора, это было вызвано глубокими изменениями в интимной жизни, которые связывались не только с проблемами в области здоровья, семьи и отношения полов, но и с компьютеризацией общества, а также с наркоманией, алкоголизмом, СПИДом, генетическим анализом. Как негативные явления (в том числе кризисные явления в семье, продолжающийся рост в мире наркомании, распространение опасных для человечества болезней и пр.), так и позитивные сдвиги в сфере семейно-брачных отношений (например, изменение отношения к женщине как со стороны общества, так и к себе самой) не могли оставить исследователей равнодушными к этой проблеме.

Да, сегодня право на частную жизнь, как отмечает Анита Аллен, является в США широко распространенной нормой. Оно отражено в законах, обеспечивающих и физическую неприкосновенность, и ограничение в распространении личной информации, и самостоятельность в принятии решений относительно отношения полов, количества детей в семье и т.д. Право на жизнь, как одно из основных прав любого человека означает в широком смысле и право на здоровье, достоинство и личную неприкосновенность. Однако фактическое положение мужчин и женщин в вопросах реализации этих прав не равнозначно как в прошлом, так и в настоящем. Важная роль в развитии права на частную жизнь отводится движению феминисток, защищающих свои права на свободу, равенство и безопасность. Именно они, пытаясь отстаивать свои интересы, будоражат общественность вопросами положения женщины в семье, в обществе, ищут источники неравенства в распределении социальной власти. Единодушия в решении этих вопросов нет.

Автор статьи рассматривает с точки зрения феминизма противостояние двух подходов к частной жизни, проблемы которой связываются с либеральностью и патриархальностью западных обществ. Частная жизнь

могла служить для феминисток как предметом, так и средством критики. Некоторые феминистки считают ее преградой для либерализации жизни женщин, другие же считают ее средством для достижения тех же целей. Кто прав?

В связи с поставленной дилеммой представляется необходимым рассмотреть дискурсы, из которых Анита Аллен определяет понятие «частная жизнь».

Во-первых, частная жизнь, а точнее будет сказать право на частную жизнь, предполагает свободу от нежелаемого физического наблюдения или контакта, что означает ограничение доступа к тем, кто желает уединения. Значительное физическое уединение позволяют обеспечить дом и семья. Однако для женщин это в большей степени проблематично. Автор справедливо замечает, что не для всех женщин дом является раем частной жизни. Женщине, на которую в первую очередь ложатся обязанности по обеспечению отдыха и физических нужд всех остальных членов семьи, имеющей родительские или другие обязанности невозможно достичь значительного физического уединения в семье. Правда современная семья не является расширенной. Она, как правило, включает в себя только родителей и детей (которых, кстати, в лучшем случае двое), тем не менее, забота о детях и выполнение других функций зачастую не позволяют женщине отвлечься от них не только с целью физического уединения, но и для достижения научного или художественного уединения в жизни. Поэтому многие современные женщины, которые стремятся к самореализации и для которых общественная сфера не менее важна, чем частная, откладывают замужество и воспитание детей на неопределенный срок.

Одновременно автор признает, что некоторые женщины стремятся не к физическому (или научному) уединению, а, наоборот, к общению и близким отношениям с другими членами семьи или общества. Их не устраивает изоляция и независимость от других, и такая частная жизнь ими отвергается. В данном случае она ассоциируется с домашней и семейной жизнью. Именно в семье такие женщины могут чувствовать себя в безопасности. В этом смысле дом и семья действительно являются спасением от внешнего физического наблюдения.

Конечно, каждый человек сам определяет свои потребности физического уединения. Насильственное физическое уединение, например, заключение в тюрьму, вряд ли кому покажется приятным. Однако в законодательных актах обязательно должны содержаться статьи об ограничении доступа к тем, кто хочет уединения, или кто желал бы, как сказано выше, научного или художественного уединения.

Личная неприкосновенность, как право на достоинство, может быть нарушена в результате применения насилия. Оно происходит как в публичной, так и в частной сферах. Чаще всего подвергается насилию женщина, ее достоинство унижается и в семье. Проблема внутрисемейного насилия, проявляющегося как в форме морального давления и угнетения личности, так и в форме применения физической силы по отношению к наиболее незащищенным членам семьи (женщинам, детям, престарелым) заслуживает серьезного внимания. В этом случае дом и семья не обеспечивают физического уединения. Если женщина, дети или престарелые члены семьи подвергаются насилию в любом его проявлении, они не могут чувствовать себя дома в безопасности, и их права должны защищаться законом. Такие семейные отношения нельзя считать как относящиеся только к частной жизни. Как было сказано выше, женщина подвергается насилию и в общественной сфере. Очень часто работодатели, а

это, как правило, мужчины, дают объявления о приглашении к сотрудничеству женщин приятной наружности, обязательно молодых, не обремененных семьей и детьми. Смысл таких объявлений понять не трудно. Принуждение женщины к предоставлению интимных услуг и использование ее на работе своим начальником, безусловно, является откровенным нарушением права на частную жизнь. Источником такого неравенства в распределении социальной власти и несправедливости в отношении женщин является традиционное разделение жизни на публичную и приватную сферы. Некоторые феминистки не отрицают этого разделения, как пишет Анита Аллен, но они желали бы границу между этими сферами сместить в пользу женщин для получения большей власти над своими телами и жизнями.

Автор отмечает, что право на частную физическую жизнь может нарушаться также, если речь идет о здоровье. Однако однозначно признать нарушением этого права попытки, например, сохранить здоровье человеку путем физического вмешательства нельзя. С одной стороны права нарушаются, если у больного не спрашивают согласия на хирургическое вмешательство, когда он в состоянии решать этот вопрос; с другой стороны, не нарушаются, если больной, например, в бессознательном состоянии и ответить «да» или «нет» он не в состоянии, а считанные минуты оказываются решающими для его жизни. Права на частную физическую жизнь нарушаются, если больного не информируют, например, о лекарственных средствах, которые он принимает и т.д.

Рассмотрение этого аспекта частной жизни (а именно права физической неприкосновенности) позволяет сделать некоторый вывод: право на частную, в том числе и личную жизнь, с одной стороны реализуется в семье, с другой стороны, нет. Следует признать также, что в реализации этого права значительными возможностями обладают отнюдь не женщины.

Во-вторых, частная жизнь предполагает секретность, конфиденциальность и анонимность информации. Секретность личной информации мотивируется тем, что после ее раскрытия появляется, например, возможность дискриминации женщин по их семейному положению (при приеме на работу, в доступе к образованию и др.). И хотя Всеобщая декларация прав человека запрещает дискриминацию людей по какому-либо основанию, в том числе и по признаку пола, зачастую женщине приходится скрывать информацию о семейном положении и детях, о наличии у нее тех или иных болезней, беременности и пр., чтобы получить, например, хорошо оплачиваемую или соответствующую выбранной профессии работу.

В связи с распространением опасных для человечества болезней, как уже указывалось выше, право на здоровье, являющееся одним из аспектов права на частную жизнь, должно заключать в себе необходимость информации, которая позволила бы в дальнейшем избежать неблагоприятных контактов, например, с ВИЧ-инфицированными. Однако изолировать таких больных от остальных членов общества с моральной точки зрения негуманно. Возникает противоречие. С одной стороны, каждый индивид имеет право быть здоровым и должен обладать некоторой информацией в отношении здоровья другого, чтобы это право реализовать на практике; с другой стороны, больной индивид имеет право на анонимность информации о состоянии его здоровья, и раскрытие этой информации нарушает его право на частную жизнь.

Автор пишет, что конфиденциальность информации необходимо соблюдать работникам агентств опеки, юристам и докторам в случае, например, усыновления или удочерения на условии анонимности.

Однозначно согласиться с этим нельзя. Так как в таком случае защищаются права только новоявленных опекунов, но одновременно, во-первых, нарушается право ребенка знать своих родителей, во-вторых, нарушается право матери, глубоко раскаявшейся со временем в том, что оставила ребенка. Кто будет счастливее в этом случае? Те ли кто взял на воспитание ребенка и всю жизнь опасается, что его тайна будет раскрыта («шила в мешке не утаишь»), или те, кто, несмотря на зов крови, не могут все-таки быть вместе? Никто. Поэтому разрешение этих проблем возможно только с помощью тщательно продуманного закона, в котором, несомненно, должны найти отражение вопросы и защиты информации от общего обозрения, и обеспечения доступа к ней для тех, кому она принадлежит, а также недопущение несанкционированного ее использования.

В-третьих, частная жизнь предполагает возможность самостоятельного принятия решений, независимо от государственного или другого вмешательства. Право на планирование семьи (самостоятельного принятия решения в области репродукции), с одной стороны, можно реализовать на практике, поскольку светское государство не отвергает сегодня право женщин на предотвращение беременности, а право на аборт является правом женщины быть хозяйкой своего тела; с другой стороны, нельзя отрицать существующих препятствий в реализации, например, права на предотвращение беременности: бедность, необразованность, традиции и т.д. Кроме того, женщина не всегда может быть хозяйкой своего тела в реальности. Влияние оказывают как семейные отношения, предполагающие обоюдное согласие (на то она и семья, чтобы решать вопросы по выполнению основных ее функций обоими супругами), так и религиозный фактор, так или иначе влияющий на принятие женщиной решения о материнстве. Эти права приветствуют сегодня далеко не все государства.

Если рассматривать две сферы жизни — личную и общественную — то принятие решений в области семьи и брака, репродукции, отношения полов традиционно отведено личной сфере. Эта концепция берет свое начало со времен Античности, когда свободных мужчин относили к общественной сфере, а жен, детей, рабов и слуг, которые подчинялись мужчине, — к сфере личной жизни. Автор отмечает, что со времен античности личная жизнь означает дом, семью и различные близкие не связанные с политикой отношения.

Однако, как считает Анита Аллен, провести четкую грань между частной жизнью и общественной вряд ли возможно. В первую очередь потому, что личная жизнь присутствует везде. Законы или положения, созданные и введенные в действие правительством определяют сегодня целый ряд отношений людей между собой и государством. Личные интересы отдельного гражданина так или иначе соприкасаются с общественными. Например, право бездетной семьи усыновлять ребенка, является своего рода и заботой государства о демографическом, экономическом положении общества, оказывая, таким образом, влияние на качественное его состояние. Кроме того, невозможно достигнуть неприкосновенность частной жизни, если бы государство не выполняло функции регулирования и осуждения. Поэтому частная жизнь всех членов общества в определенной степени находится под его опекой.

В то же время автор справедливо замечает, что феминистки добились многого в отношении своих прав не за счет повышенного общественного внимания и вмешательства в их частную жизнь, а исходя из неприкосновенности как физической и информационной, так и независимости принятия решений. Тем не менее, феминизм выступает против неприкосновенности частной жизни. Почему? Это связывается как с

проблемами подчинения женщин в семейной сфере и невозможностью их участия в общественной жизни, так и имеющим место насилием в семьях. Некоторые феминистки, как отмечает автор, призывают общественность изменить привычные стереотипы, которые привели к женскому бесправию и насилию со стороны мужчины. Однако смена стереотипов в сфере семейно-брачных отношений, заложенных в обществе на протяжении всей человеческой истории, происходит очень медленно.

Исходя из всего вышеизложенного, можно сказать, что «идеал» патриархальной семейной жизни, когда женщина хранительница домашнего очага, а мужчина добытчик, прочно закрепился в общественном сознании. Частная сфера как синоним семейной жизни как в прошлом, так и в настоящем предполагает зависимое положение женщины в социально-экономических отношениях. Женщине отводится роль матери, жены, хозяйки. Обязанности по приготовлению пищи, уборке, по уходу и воспитанию детей сдерживают огромный женский потенциал. В сфере личных интересов и участия в жизни общества ее возможности ограничены. Поэтому границы частной сферы должны пересматриваться. Такое распределение социальной власти уже не отвечает интересам времени. Всеобщая декларация прав человека подчеркивает, что все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Однако она учитывает только естественную природу прав человека и не учитывает их социальный характер применительно к женщинам. Свобода личности предполагает не только равенство прав, но и равенство возможностей в их реализации. К сожалению, патриархальная семья не дает таких возможностей для женщины. Ее право на частную жизнь не может быть реализовано в полной мере, так как она продолжает нести ответственность в рамках семьи, чтобы сохранить ее. Поэтому концепции частной, в том числе и семейной жизни, в теории и на практике полны противоречий. И точного определения понятие «частная жизнь» пока не получило.

Наши авторы

Ерохина Людмила Дмитриевна, к.ф.н., заведующая кафедрой философии Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. Область научных интересов — философия феминизма, проблемы предупреждения незаконной торговли женщинами. Автор 7 статей и 1 монографии (в соавторстве) по гендерной тематике.

Ким Ирина Александровна, философ, старший преподаватель кафедры философии Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. Область научных интересов — феминистская теология.

Котляр Надежда Васильевна, политолог, ассистент кафедры философии Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, аспирантка Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Область научных интересов — гендерное измерение политики.

Кулажникова Светлана Сергеевна, заведующая кафедрой теории и истории английского языка. Область научных интересов — гендерная лингвистика.

Ломова Татьяна Евгеньевна, старший преподаватель и аспирант кафедры истории и теории культуры факультета культурной антропологии Дальневосточного Государственного Технического Университета. Область научных интересов — гендерные исследования. Имеет ряд научных публикаций в этой области.

Луковицкая Елена Григорьевна, доцент кафедры социологии Новгородского государственного университета кандидат психологических наук. Область научных интересов — социология гендера. Имеет ряд научных публикация по социологии гендерных исследований.

Лысова Александра, психолог, аспирантка факультета психологии Дальневосточного государственного университета. Область научных интересов — гендерная психология и социология, проблемы домашнего насилия.

Николаева Лидия Александровна, к.э.н., доцент, заведующая кафедрой экономической теории Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. Область научных интересов — гендерная экономика. Автор 2 научных статей по гендерной экономике.

Паравин Валерий Анатольевич, переводчик.

Позняк Светлана Витальевна, историк, старший преподаватель кафедры философии Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, аспирантка кафедры истории ДВГУ. Область научных интересов — образование, женщины в системе образования. Автор ряда научных статей по проблемам участия женщин в создании образования в России.

Сазонова Людмила Алексеевна, аспирантка кафедры философии Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. Область научных интересов — философия феминизма, гендерные аспекты культуры. Имеет ряд научных статей по культурным проблемам феминизма.

Сергеева Диана Фаритовна, социолог, автор ряда научных работ по гендерной социологии.

Соколюк Надежда Владимировна, философ, старший преподаватель кафедры философии Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. Область научных интересов — гендерные аспекты семейно-брачных отношений. Автор ряда научных статей по теории феминизма.

Тюрюканова Елена, к.э.н. ведущий научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения РАН г. Москва. Область научных интересов — международная миграция, трудовая миграция, женщины-мигранты, глобализация. Автор 30 статей, 2 монографии (в соавторстве).

Черная Ирина Петровна, к.э.н., доцент кафедры государственного и муниципального управления Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. Область научных интересов — гендерная экономика. Автор ряда научных статей по гендерной экономике.

Шестак Ольга, историк, старший преподаватель социологии и социальной работы кафедры Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. Область научных интересов — гендерная социология и политика.

Щитов Николай Григорьевич, к.ф.н., доцент кафедры психологии ДВГУ. Область научных интересов — философия, гендерные исследования.